

ТБИССКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р. В. ГОРДЕЗИАНИ

ПРОБЛЕМЫ ГОМЕРОВСКОГО ЭПОСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТБИССКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ТБИЛИСИ 1978

В книге исследованы проблемы единства, формирования гомеровского эпоса, отношения данных «Илиады» и «Одиссеи» к истории стран Эгеиды позднебронзовой эпохи. На основе анализа композиции делается попытка выявить принципы структурной симметрии в гомеровском эпосе. Специально рассматривается вопрос об отношении Гомера к письменности.

Автор удостоен премии Всесоюзного Ленинского комсомола за цикл работ по гомерологии и эгенистике.

Книга рассчитана на филологов, историков, археологов, а также широкий круг читателей, интересующихся древнегреческой цивилизацией.

Редактор **И. Г. Шенгелия**

© Издательство Тбилисского университета, Тбилиси, 1978

70202

Г ————— 41—78

М 608(06)—78

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для современного читателя «Илиады» и «Одиссея» стало почти необходимым учитывать в некоторой степени и т. н. «гомеровский вопрос», органично связанный с изучением и интерпретацией поэм величайшего греческого поэта. Данное обстоятельство — следствие давних и долгих споров целых поколений исследователей о личности Гомера и единстве его поэм, споров, сущность которых из-за широкой популярности «Илиады» и «Одиссея» вышла за рамки узких научных кругов и, подчас поверхностно и односторонне, но все же достигла многочисленных почитателей Гомера.

Тот, кто окинет взором историю дискуссий вокруг Гомера, может легко заметить, что соотношение сил между сторонниками противоположных теорий нередко менялось, и, следовательно, широкий читатель автором поэм признавал то одного, то нескольких поэтов, принимал данные поэм то за плод поэтической фантазии, то за достоверный исторический источник.

Подобная смена тенденций имеет реальную основу. Дело в том, что каждая эпоха по-своему осмысливает Гомера, с учетом характерных для данной эпохи критериев и методов, выдвинутых наукой. В этом процессе постоянно выявляются новые, ранее незамеченные проблемы, аспекты исследования, что способствует постоянному расширению сферы гомерологических проблем, вовлечению в исследование все большего числа специалистов по самым различным областям, систематической переоценке ценностей.

За последние десятилетия в гомерологии намечились новые пути, тенденции, связанные с дальнейшим усовершенствованием методов филологического исследования, с расширением наших знаний о культурах и литературах древнейших народов Средиземноморья, расшифровкой древних письменных документов.

Современный исследователь Гомера находится в довольно сложном положении, так как ему приходится не только

учитывать необъятную литературу о Гомере, но и делать выбор между полярно противоположными теориями и доводами при рассмотрении почти каждого вопроса. Однако это не мешает невиданно быстрому росту гомерологической литературы за последние годы¹. Сотни работ о Гомере, публикуемых ныне в разных журналах и издательствах мира, ставят целью не только исследование сложной историко-филологической проблематики, связанной с гомеровским эпосом, но и выяснение того, что могло обусловить создание в столь далеком прошлом поэм и поныне непревзойденных по своим поэтическим достоинствам и величию. Сам факт, что в послевоенный период вышло много новых переводов гомеровских поэм даже в тех странах, которые располагали не одним первоклассным поэтическим или прозаическим переводом², делает очевидным, что гомеровские поэмы по сей день не утратили своей силы и прелести, способности удивлять ценителей высокого искусства.

Многовековая традиция исследования гомеровского эпоса способствовала тому, что «гомеровский вопрос» занял одно из значительных мест не только в классической филологии, но и в гуманитарных науках вообще. Благодаря интенсивной работе целого поколения ученых в области гомерологии были выработаны усовершенствованные и универсальные методы анализа эпических произведений, которые успешно могут быть использованы и при исследовании эпического творчества других народов. Вместе с этим, гомеровский эпос стал одним из первых «пробных камней» почти каждого нового метода, возникающего в филологической науке. Следовательно, изучение проблем гомеровского эпоса является в некоторой степени и изучением истории филологии вообще, установлением уровня филологических наук на определенных этапах ее развития.

Изучение гомеровского эпоса имеет богатые традиции как в странах Западной Европы, так и в России. Труды русских ученых XIX и начала XX века содержат множество значительных соображений об единстве и структуре гомеров-

¹ Изданная в последние годы гомерологическая литература систематически рассматривается в специальных статьях А. Лески, Е. Дёнта, А. Хойбека, Г. Метте и др. (Ср. 249, 254, 255, 140, 194а, 195, 274), см. также 46, 306а, 311а.

² Так, например, в течение 1971-72 годов только в ГДР было опубликовано два новых перевода Гомера. Д. Эбенер издал в 1971 году стихотворный перевод «Илиады» и «Одиссеи», а Г. Шайбнер в 1972 году — новый прозаический перевод «Илиады».

ских поэм. Гомером занимались и в Грузии, где его знали и почитали с давних времен. Во всяком случае Гомера переводят и цитируют грузинские писатели уже с раннего средневековья³.

Особо следует отметить труды русских и грузинских советских ученых об отдельных проблемах гомеровского эпоса. Однако, несмотря на то, что классическая филология в нашей стране достигла значительных успехов, в гомерологии сделано еще далеко не все для освещения с точки зрения марксистской методологии кардинальных проблем «гомеровского вопроса». Достаточно указать, что после монографии А. Ф. Лосева о Гомере⁴, в нашей стране фактически не публиковались оригинальные работы, исследующие и обобщающие основные проблемы гомеровского эпоса. Большинство новейших работ наших ученых изучает лишь отдельные аспекты эпоса Гомера⁵. Если учесть то обстоятельство, что в последнее время во многих странах мира гомерология развивается весьма интенсивно, что за последние годы было выдвинуто немало новых теорий и гипотез, станет вполне очевидным значение усиления работы советской школы классической филологии в этом направлении.

Исследованию основных вопросов гомеровского эпоса мы посвящаем наш труд, который в значительной мере является переводом выполненных нами за последние годы на грузинском языке работ по Гомеру. Мы постарались рассмотреть те проблемы, которые, по нашему мнению, представляют сущность гомеровского вопроса, а также показать, на каком уровне исследования находятся они в настоящее время, и наконец, представить нашу позицию и аргументы касательно ряда кардинальных вопросов.

Мы исходим из современного состояния развития гомерологии и поэтому список использованной литературы в основном содержит работы, изданные после 30-х — 40-х годов нашего столетия. Естественно, он далеко не исчерпывающий, так как учесть несколько тысяч работ, изданных за последние 30 — 40 лет на разных языках, является задачей практически невыполнимой. И все же мы постарались максимально использовать работы т. н. этапного характера, те, которые вносят особый вклад в исследование гомеровского эпоса.

³ Для обзора вопроса см. 68а.

⁴ 48.

⁵ Ср. 25; 57; 57а; 61; 62; 67; 68; 71; 72; 72а; 74; 75, 76 52, 56 и др.

Мы приносим сердечную благодарность всем коллегам, членам кафедры классической филологии Тбилисского государственного университета, которые всячески содействовали завершению и публикации данной работы. Особую благодарность следовало бы выразить ныне покойному нашему учителю проф. П. А. Берадзе, придавшему нам своим искренним увлечением Гомером смелость и силы взяться за исследование проблем древнегреческого эпоса.

**ЕДИНСТВО
ГОМЕРОВСКОГО ЭПОСА**

ВВЕДЕНИЕ

Основой «гомеровского вопроса» является проблема единства «Илиады» и «Одиссеи». Это вполне естественно, ибо все наше суждение о гомеровском эпосе может быть более или менее достоверным лишь в том случае, если нам удастся ответить на главный вопрос — действительно ли существуют единые поэмы — «Илиада» и «Одиссея», созданные по единому поэтическому плану и концепции, или же единство этих поэм лишь внешнее, в действительности же они являются результатом объединения произведений разных поэтов? Естественно, подобный вопрос и подобные сомнения могли возникнуть лишь у исследователя, отдаленного от эпохи создания поэм, эпохи полуполюгендарной и во многом покрытой мраком. Изучение античных источников показывает, что подобный вопрос не возникал в древней Греции. Для эллинов Гомер являлся вполне конкретным поэтом, с именем которого была тесно связана слава создания «Илиады» и «Одиссеи». Правда, эта слава иногда являлась причиной того, что Гомеру приписывались и другие произведения, но в таких случаях, обычно, высказывались и противоположные мнения, подкрепленные более или менее убедительными аргументами. Однако это вовсе не означает, что греки классической и эллинистической эпох знали больше о личности или о веке Гомера, чем мы. Основой их веры являлась традиция и возможность сопоставить гомеровский эпос с другими греческими эпическими произведениями, о которых мы, к сожалению, знаем очень мало. И что самое главное — у них была возможность непосредственного восприятия гомеровских поэм, ибо в них была раскрыта сама греческая душа. Следовательно, сознательно или подсознательно эллины лучше всех чувствовали особую силу воздействия гомеровской поэзии. Именно этим и объясняется то обстоятельство, что древнейшие греческие авторы, произведения которых в фрагментарном или полном виде дошли до нас, не интересовались установлением того, едины ли гомеровские поэмы. Хотя известно, что изучением биографии Гомера и отдельных вопросов, затронутых в поэме, занялись, самое позднее, уже

в VI веке до н. э.¹ Естественно, если бы в то время в Греции существовали какие-либо сомнения касательно единства «Илиады» и «Одиссеи», то это, безусловно, отразилось бы в источниках. В этой связи интересно отметить, что Геродот, который является первым достоверным информатором греческой культуры и истории, старается, на основе замеченной им разницы между «Илиадой» и «Киприями»², доказать негомеровское происхождение «Киприй». Это указывает на то, что ему было известно мнение, согласно которому Гомеру приписывалось авторство «Киприй». В то же время Геродот нигде не старается оспаривать или поставить под сомнение авторство «Илиады» и «Одиссеи»³. Из этого, очевидно, можно сделать вывод, что ему не была известна точка зрения, согласно которой поэмы отделялись бы друг от друга или же считались плодом коллективного творчества. Естественно, говоря о вере греков в единство поэм, нельзя забывать и следующего обстоятельства. Фактически, если не считать Аристотеля, у нас нет ни одного прямого сведения о том, что греки доэллинистической эпохи, сопоставляя гомеровские поэмы с другими эпическими произведениями, особое внимание уделяли композиции или структуре эпоса. Однако изучение памятников греческой литературы дает возможность предположить, что Гомер оказывал влияние на греческих поэтов и писателей не только в чисто информативном, но и в композиционном и поэтическом плане. С этой точки зрения особое внимание заслуживает изучение творчества Эсхила, который, если верить Афиней, сам подчеркивал свою зависимость от Гомера: „Οὐδ' ἐπὶ νοῦν βαλλόμενος τὸ τοῦ καλοῦ καὶ λαμπροῦ Δισχύλου, ὃς τὰς αὐτοῦ τραγῳδίας τεμάχῃ εἶναι ἔλεγεν τῶν Ὀμήρου μεγάλων δαίπνων“⁴.

Влияние Гомера заметно и в греческой лирике, и у Геродота, и у самого Платона⁵. Нам трудно судить о том, сколь

¹ Так, по греческим источникам, еще в VI в. до н. э. Феаген Реагинский первый написал о Гомере. Начиная с этого времени о поэмах Гомера высказывались Стесимброт, Антимах и др. (Ср. Vorsokr. 8, 1; а также 316, стр. 26...).

² Герод. II, 116—117. Дело касается противоречия между «Киприями» и «Илиадой» в вопросе о протяженности и маршруте путешествия Елены.

³ Геродот не совсем уверен в том, принадлежит ли Гомеру также и поэма «Эпигоны» (IV, 32).

⁴ Афин. 8, 347е. Вопрос об отношениях Эсхила к Гомеру с языковой точки зрения в последнее время детально рассмотрел Сидерас (369; см. также 76).

⁵ Об этом см. ниже.

были заинтересованы греческие философы VI — V вв., и в особенности софисты, вопросами композиции гомеровских поэм. Во всяком случае, несомненно то, что Гомер служил неизменным источником иллюстраций многих их положений. Как показывает один из фрагментов оксиринхского папируса, согласно схолиям XXI 240, у Протагора было довольно меткое замечание по поводу структуры эпизода битвы в последних песнях «Илиады»: «Протагор говорит, что для деления битвы⁶ создан следующий эпизод борьбы Ксанфа со смертным, чтобы она (битва) перешла в битву богов»⁷. Этот фрагмент указывает на то, что Протагор интересовался построением отдельных сцен гомеровских поэм. Платон, диалоги которого донесли до нас первую систематизированную информацию о греческом философском мышлении VI — V вв., ввиду своей специфической точки зрения на поэзию и поэтов (поэзия — подражание подражания), не уделяет должного внимания вопросам поэтики гомеровского эпоса. Хотя он часто высказывает свое восхищение поэзией Гомера, но в созданной им теоретической модели государства поэтам, в том числе и Гомеру, нет места. И все-таки в диалогах Платона высказана не одна интересная мысль по поводу Гомера и его поэм. Анализ использованного Платоном богатого иллюстрированного материала указывает на то, что для него творчество Гомера ограничивалось «Илиадой» и «Одиссеей»⁸.

Первый греческий автор, взгляд которого на Гомера дошел до нас в более или менее полном виде, — Аристотель. Правда, от специально посвященных Гомеру трудов, объединенных позже в шести книгах под общим заглавием *Ῥητορικῆς Ὀμήρου* или *τὰ Ὀμήρου πρὸβλήματα*,⁹ до нас дошло лишь несколько десятков цитат, но зато мы имеем его «Поэтику». В ней Аристотель очень подробно рассуждает о вопросах единства гомеровского эпоса. Нам неведомо, насколько оригинален Аристотель в своих суждениях, но одно можно сказать с уверенностью: Аристотель лучше всех новых и старых исследователей отметил то основное и специфическое, что характерно для гомеровской поэтики, дал оптимальное решение проблемы единства гомеровского эпоса. Если воззрения Аристотеля на гомеровский эпос были более или менее правильно поняты античной эстетикой и не вызвали споров, то в гомерологии нового времени Аристотелю долгое

⁶ Имеется в виду битва XX—XXII песен.

⁷ Vorsokr. 80 A 30. Ср. также 290, стр. 159.

⁸ Ср. 245; 259. Об оценке гомеровского эпоса Платоном см. подробно в 50а, стр. 75...

⁹ Для обзора см. 316, стр. 92...

времѣ не уделяли должного внимания. И лишь сейчас, после тщательного анализа гомеровского эпоса на протяжении целых десятилетий, стало ясно, насколько точно определил Аристотель драматическое и художественное единство поэм.

Мы постараемся рассмотреть два места из «Поэтики» Аристотеля, в которых, по нашему мнению, яснее всего сформулированы интересующие нас положения. Рассуждая об единстве фабулы, Аристотель отмечает: «Фабула бывает едина не тогда, когда она вращается около одного (героя), как думают некоторые: в самом деле, с одним может случиться бесконечное множество событий, даже часть которых не представляет никакого единства. Точно так же и действия одного лица многочисленны, и из них никак не составляется одного действия. Поэтому, нам кажется, заблуждаются все поэты, которые написали «Гераклеиду», «Тесеиду» и тому подобные поэмы: они полагают, что так как Геракл был один, то одна должна быть и фабула. Гомер, как впрочем выгодно отличается (от других поэтов), так и на этот вопрос, по-видимому, взглянул правильно, благодаря ли искусству, или природному таланту: именно, творя «Одиссею», он не сотворил всего, что случилось с героем, например, как он был ранен на Парнасе, как притворился сумасшедшим во время сборов на войну, — ведь никакой необходимости (или) вероятия, чтобы при совершении одного из этих событий совершилось и другое; но он сложил свою «Одиссею», а равно и «Илиаду», вокруг одного действия, как мы его [только что] определили.

Следовательно, подобно тому как и в прочих подражательных искусствах единое подражание есть подражание одному [предмету], так и фабула, служащая подражанием действию, должна быть изображением одного и притом цельного действия; и части событий должны быть так составлены, что при перемене или отнятии какой-нибудь части изменялось и приходило в движение целое, ибо то, присутствие или отсутствие чего не заметно, не есть органическая часть целого»¹⁰.

Эту же точку зрения развивает и уточняет Аристотель, рассуждая о драматическом построении фабулы эпического произведения:

«Относительно же поэзии повествовательной и подражающей посредством гексаметра ясно, что в ней, как и в трагедиях, фабулы должно составлять драматичные, относящиеся к одному целому и законченному действию, имеющему начало, середину и конец, чтобы производить свойственное ей удовольствие, подобное единому и цельному живому су-

¹⁰ Поэт. 1451а, 16 — 35 (гл. VIII), приводится по переводу В. Г. Апелльбота, с незначительными поправками.

шеству; она не должна походить на обыкновенные повествования, в которых неизбежно является не одно действие, а одно время — все, что случилось в это время с одним или многими и что имеет между собой только случайные отношения. Как, например, одновременно произошло морское сражение при Саламине и битва карфагенян в Сицилии, насколько не ведущие к одной и той же цели, так и в последовательности времени иногда случается (одно) событие после другого, для которых нет никакой единой цели. Однако же почти большинство поэтов делают эту (ошибку). Поэтому, как мы уже сказали, Гомер и в этом отношении представляется божественным в сравнении с другими: он не замыслил сотворить (сложить) всю войну, хотя она имела начало и конец, так как (фабула) сделалась бы чересчур большой и нелегко обозримой, или, хотя и умеренных размеров, но запутанной пестрою вереницей событий. И вот, выбрав одну ее (войны, событий) часть, он воспользовался многими эпизодами из других частей¹¹, например, каталогом кораблей и другими эпизодами, которыми он производит членение¹² поэмы. А прочие сочиняют поэмы относительно одного лица,

¹¹В том, что в предложении *νῦν δ' ἔν μέρος ἀπολαβὼν ἐπεισοδίοις κέχρηται αὐτῶν πολλοῖς, οἷον νεῶν καταλόγῳ καὶ ἄλλοις* в форме *αὐτῶν* Аристотель подразумевает «из других дел (событий) войны» или «из других частей войны», Никау не соглашается с современными интерпретаторами «Поэтики». По его мнению, если мы примем данную интерпретацию, то получится, «что Гомер всю остальную часть войны представляет лишь посредством эпизодов. Однако именно «каталог кораблей» не является подходящим примером подобной техники. В ней отражение той части войны, которая не представлена в «Илиаде», крайне ограничено» (290, стр. 168)–.

Нам кажется, что исследователь не прав. Дело в том, что «каталог кораблей», если подойти к нему строго формально, действительно больше соответствует началу войны, чем ситуации, описанной в «Илиаде». Достаточно отметить, что каталог дает перечень предводителей кораблей и самих кораблей (*ἀρχοὺς αὐτῶν νηῶν ἐρέω νῆας τε προπλάσας* «Ил.» II, 493), в то время как эти данные вовсе не соответствуют развитию действия в «Илиаде» — устройению войск в Скамандрской долине на десятом году войны. Напротив, то, что показывает соответствие с описанными в «Илиаде» явлениями, производит лишь впечатление дополнительных данных в каталоге. Именно поэтому, в данном случае перед нами действительно великолепный пример того, как вносит поэт эпизод, соответствующий началу войны, в фабулу «Илиады», как приурочивает его к действию поэмы (ср. подробно 25, стр. 10; особенно стр. 73).

¹² *διαλαμβάνειν* в данном случае лучше перевести как «членение» (gliedern, to divide). Об этом см. 290, стр. 155.. ср. также 85, стр. 217.

вращаются около одного времени и одного раздробленного действия, каковы творцы «Киприй» и «Малой Илиады»¹³.

Подводя итог приведенным выше пассажам «Поэтики», уже неоднократно рассмотренным и во многом дискуссионным, можно сделать следующий вывод. По мнению Аристотеля, едина та фабула, в которой одно деяние (действие) с необходимостью или вероятием вызывает другое. Следовательно, эти деяния будут настолько органично связаны, с одной стороны, друг с другом, а с другой — и с целой фабулой, что достаточно легкого прикосновения к любому из них, как целое будет разрушено. Но не каждый поэт знает этот секрет единства фабулы. Исключением является Гомер, которому удалось в своих поэмах развернуть единую фабулу. Следовательно, в этой фабуле деяния органично связаны друг с другом. Но как должен поступить поэт, если при этом желает дать информацию о цельном событии или о деянии героя, лишь частью которых является единая фабула? И здесь, по мнению Аристотеля, Гомер является образцом. Если поэту нужно дать полную информацию о цельном событии (скажем, о войне), он должен поступить в подражание Гомеру. Гомер избрал фабулой один эпизод Троянской войны, который с драматической точки зрения имеет начало, середину и конец, следовательно, в нем действия органично связаны друг с другом. Что же касается тех эпизодов, которые дают нам информацию о Троянской войне в целом и не связаны непосредственно с деяниями единой фабулы в драматическом смысле, то они имеют целью лишь членение единой фабулы. Следовательно, они не служат развитию действия и их наличие или отсутствие в поэмах, исходя из единства действия, является совершенно незаметным. Так, в фабулу «Одиссеи» поэт не внес эпизоды ранения Одиссея на Парнасе или симуляцию им сумасшествия. Именно поэтому присутствие этих эпизодов (например, о ранении Одиссея на Парнасе говорится в XXII песни поэмы, но этот эпизод не связан органично с развитием действия, а служит лишь членению одной из основных частей фабулы — омовения ног) или их отсутствие (например, в поэме не упомянуто о прикидывании Одиссея сумасшедшим) совершенно незаметно для единства действия¹⁴. Таким образом удастся Гомеру, с одной стороны,

¹³ Поэт. 145a 17—1459b2 (гл. XXIII). Перевод В. Г. Апфельрота слегка изменен.

¹⁴ Соответствующее место VIII главы «Поэтики» уже давно вызывает споры. Некоторые считают, что Аристотель упустил из внимания то обстоятельство, что о ранении Одиссея на Парнасе поэма дает нам сведения (XIX, 392—466) или же он пользовался другим текстом, в котором отсутствовал данный эпизод. Другие же думают, что в данном слу-

развернуть единую с драматической точки зрения фабулу, не нарушая единства действия, а с другой — дать дополнительные сведения о других деяниях цельного события, частью которого является единая фабула. Этим Гомер выделяется из числа остальных эпических поэтов, будь это авторы «Киприй» или «Малой Илиады», «Гераклеиды» или «Тезеиды». Они (эти авторы) передают события подобно историкам. В своих произведениях они стараются полностью осветить деяния героев или определенный отрезок времени, что лишает их поэмы драматического единства.

Итак, в поэмах Гомера Аристотель видит попытку изобразить цельное событие посредством связанного с ним конкретного явления. Сгруппированные вокруг этого конкретного явления, не связанные друг с другом во времени многочисленные эпизоды воссоздают цельную картину самого события¹⁵.

В дальнейшем мы сможем убедиться, насколько правильно определил Аристотель композиционные особенности гомеровского эпоса.

Однако сведения Аристотеля значительны и в другом отношении. Аристотель — первый дошедший до нас автор, который показал принципиальную разницу между Гомером и другими эпическими поэтами. Этому факту надо отдать должное при исследовании проблемы формирования гомеровских поэм.

Как было уже сказано, взгляд Аристотеля на органичное единство гомеровских поэм был более или менее правильно понят древнегреческими и римскими писателями и филологами¹⁶.

С эллинистической эпохи начинается значительный перелом в изучении гомеровского эпоса. Интенсивного развития в этот период достигает филологическая наука.

чае Аристотель имеет в виду лишь фабулу поэмы, в которой нет ни одного из этих эпизодов (исходя из аристотелевского понимания единства фабулы), следовательно, они не являются органичными частями цельной структуры поэмы (ср. 1486, стр. 298...; 85, стр. 116...). Некоторые предлагают чтение слова *ἀπαιτα* в эмфасисе и интерпретацию данного места так, будто здесь идет речь об отсутствии в поэмах Гомера сцен такого типа, такого класса вообще, а не конкретно ранения Одиссея на Парнасе (124, стр. 186...). На наш взгляд, в данном случае следует учитывать, что чуть ниже, в той же главе Аристотель употребляет формы *πρῶτον* «наличие» («присутствие») и *μὴ πρῶτον* «отсутствие», имеющие непосредственное отношение к его мнению об этих двух эпизодах.

¹⁵ Ср. также 1486, стр. 581...

¹⁶ Это касается как филологов эллинистической эпохи, так и авторов специальных трактатов о поэтике: Горация, Псевдо-Лонгина и др.

Перед александрийскими филологами, которые взялись за издание гомеровских поэм, встал вопрос выбора. Вероятно, в их распоряжении находилось большое количество рукописей гомеровских поэм, в которых наблюдались значительные текстуальные расхождения. В такой ситуации издателям следовало критически оценить многочисленные версии, чтобы затем иметь возможность установить текст, наиболее близкий, по их мнению, к гомеровскому варианту. Именно этим и был обусловлен критический подход александрийских филологов к отдельным частям гомеровского текста. По сей день их аргументы принимаются во внимание. Достаточно просмотреть античные схолии гомеровских поэм, чтобы стало ясным, что еще в эллинистическую эпоху Аристархом, Аристофаном Византийским и др. была поставлена под сомнение принадлежность Гомеру отдельных частей «Илиады» и «Одиссеи», которые вызывают скептицизм и у некоторых современных исследователей. Но александрийским филологам гомеровские поэмы представляются в основном едиными произведениями, созданными одним поэтом. Не смогли поколебать это мнение т. н. разъединители (*χωρίζοντες*) — Ксенон и Гелланик, которые уже в эллинистическую эпоху высказали мнение, что «Илиада» и «Одиссея» созданы двумя разными поэтами. Это предположение не поддержал ни один из видных филологов того времени, а Аристарх даже написал специальное исследование, чтобы опровергнуть мнение Ксенона (*πρὸς τὸ ἑνὸς παραδόξον*). Подобное же отношение к гомеровскому эпосу было в Риме, впоследствии и в Византии¹⁷. После того, как Европа вторично открыла Гомера, как и греческую культуру вообще, «Илиада» и «Одиссея» вновь привлекли внимание образованной общественности.

Первым исследователем-гомерологом нового времени является французский писатель Франсуа Геделин, он же аббат д'Обиньяк. Основой его теории служили античные источники и, в первую очередь, сведения Цицерона (*De orat.* III, 34, 137) о том, что редакция Писистрата (в VI в. до н. э.) привела гомеровские поэмы в порядок и придала им данный вид. В своей работе (*Conjectures académiques ou dissertation sur l'Iliade*), написанной в 1664 г. и изданной лишь в 1715 г., д'Обиньяк выставил серьезные аргументы против единства гомеровского эпоса. По его мнению, в «Илиаде» нет ни единого плана, ни единой темы, ни соответствующей вступления или концовки. К тому же поэма перегружена длинными и утомительными речами, батальными сценами. Но наряду с

¹⁷ Обзор вопроса с интересными наблюдениями представлен в 316. Ср. также 55.

этим д'Обиньяк не мог не заметить всей прелести подлинной поэзии, для объяснения которой он предлагает следующую теорию: сначала существовали многочисленные, независимые друг от друга малые стихи или песни, которые сами по себе были едиными. Эти произведения принадлежали разным, нередко довольно талантливым певцам. В результате деятельности редакции Писистрата эти песни были объединены в поэмы; в этом процессе пришлось создать дополнительные части, которые по своим художественным качествам во многом уступали т. н. прापесням. Д'Обиньяк не исключал возможности того, что подобную работу мог проделать и полупрозрачный Ликург двумя столетиями раньше до Писистрата. Что же касается самого Гомера, то, по мнению д'Обиньяка, это имя обозначало целую группу «слепых поэтов», создателей ранних песен, а не конкретную личность.

Близкое к этому мнение высказал итальянец Джамбатист Вико. Не лишены интереса и мнения некоторых других писателей и ученых того же периода, однако перечень всех их завел бы нас слишком далеко.

Несмотря на то, что порой вся эта интерпретация гомеровского текста и древних сведений была ошибочна и тенденциозна, можно с уверенностью сказать, что именно она подготовила основу подлинно филологическому изучению гомеровского эпоса¹⁸.

Тщательное изучение гомеровского эпоса в новой Европе, можно сказать, начинается с немецкого ученого Ф. А. Вольфа, который в 1795 году напечатал свою знаменитую «*Prolegomena ad Homerum*», оказавшую большое влияние на развитие всей последующей гомерологии. Вольф не считал возможным окончательное формирование поэм до деятельности комиссии Писистрата и утверждал наличие в них эпических частей, созданных поэтами разных эпох, в том числе и самим Гомером. Будучи блестящим для своего времени филологом, Вольф прекрасно понимал мощь и силу гомеровских поэм, и весьма убедительно доказывал, что создать подобные поэмы нельзя было без использования письменности. Во времена Вольфа деятельность Гомера относили к периоду не позднее X—IX вв. до н. э., а древнейшие греческие надписи датировались лишь VII в. до н. э. Следовательно, в противовес весьма распространенному мнению, «Илиада» и «Одиссея» не могли быть созданы в эпоху Гомера. Вольф писал: «Весь наш вопрос исторический и критический, он вытекает из фактов, а не из желаний...» «...Искусствам любовь, но уважение—истории». И действительно, «заслуга Вольфа состояла в том, что он

¹⁸ Этот период развития гомерологии в последнее время довольно интересно представил Ф. Кодино (128, стр. 16...).

вывел Гомера из сферы поверхностных спекуляций и утвердил его историческое изучение на прочной почве и основе»¹⁹. Сколь велико было влияние Вольфа в Европе, станет понятным, если принять во внимание то обстоятельство, что до Вольфа никто специально не пытался доказать единство гомеровских поэм, ибо мнение общечеловечности о поэмах и их авторе было в основном столь единодушным, что не возникала такая необходимость. Но когда в Европе настало время переоценки общепринятых истин, то дух эпохи нашел свое выражение в начинании Вольфа. На протяжении не одного десятка лет ученые тщательно и с увлечением искали языковые и смысловые расхождения в гомеровских поэмах и накопили такое их множество, что была потеряна всякая надежда на возрождение единого Гомера. Сторонники единства ввиду своих непоследовательных аргументов на протяжении довольно длительного периода выглядели слишком бледными. Не смогли внести перелома в гомерологию ни Фр. Шиллер, ни И. В. Гёте, ни Фр. Гегель своей искренней верой в единство поэм, ни В. Ницш, Ф. Ф. Соколов, Т. В. Аллен, Э. Дреруп и другие довольно вескими унитаристическими наблюдениями.

С течением времени теория Вольфа видоизменилась, но каждый ее последователь, верный аналитической основе, включал как единство «Илиады» и «Одиссеи», так и их принадлежность одному и тому же поэту. Эта точка зрения подкреплялась и «теорией песен» К. Лахманна, который в «Илиаде» видел объединение самостоятельных отдельных песен; и «теорией распространения» Г. Гермманна, согласно которой поэмы сформировались путем постепенного распространения «пра-Илиады» и «пра-Одиссеи», теорией его последователя Дж. Грота, который «пра-Илиадой» считал поэму о гневе Ахилла — «Ахиллеиду», а известную нам «Илиаду» — результатом внесения в «Ахиллеиду» отдельных песен; а также более или менее значительными теориями Фика, Кирхгофа, Лифа, Марри и других. Нужно отметить, что теория А. Кирхгофа о построении «Одиссеи» с некоторым видоизменением и по сей день пользуется успехом у аналитиков. По Кирхгофу, сначала «Одиссея» состояла лишь из отдельных частей I и V песен, из VI — IX, из частей XI и XIII, т. е. из истории возвращения Одиссея. Позднее другой поэт добавил часть XIII, XIV песнь и XVI — XXIII 296 (это место Аристарх считает концом собственно «Одиссеи») и распространил странствия Одиссея, что сохранилось в более или менее неизменном виде в IX — XII. Вслед за этим некий «обработчик» (Bearbeiter) добавил

¹⁹ 349, стр. 374.

Телемахию (I—IV) полностью, XV песнь, конец XXIII и XXIV песнь целиком²⁰.

В начале века всю эту работу блестяще обобщил У. Виламовиц-Мёллендорф, который обосновал почти каждую теорию аналитиков и представил «Илиаду» как единство различных по характеру и времени возникновения эпических единиц — малых песен, малых поэм, из которых возникла «пра-Илиада», и вставленных в нее дополнительно отдельных песен. Виламовиц не исключал существования Гомера, так как, по его мнению, «одно бесспорно. Действительно должен был жить в одно время некий поэт Гомер, творчество которого произвело такое большое впечатление на людей, что ему приписали «Илиаду», «Фиваиду», а затем почти все значительные эпические произведения. Он должен был действительно что-то сделать, чтобы довести людей до этого»²¹. Именно этому поэту Гомеру и приписывает Виламовиц формирование основной части «Илиады». Правда, он использовал разные поэтические произведения и фрагменты, но главная заслуга в создании поэмы принадлежит Гомеру.

По словам Виламовица, «свое произведение он создал не простым склеиванием и складыванием частей; поэма отлично построена, несмотря на то, что многие места принадлежат другим и чувствуется разница в стиле, подобно тому как колонны раннехристианских базилик были привезены из разных старых построек, и поэтому местами возникала потребность в дополнительных частях»²². Эта древняя поэма должно быть сохранилась в I—VII, XI—XVII, XXI—XXIII песнях современной «Илиады». Она имела, очевидно, свою концовку, которая утеряна. После этого поэма претерпела определенные изменения, например: финальную сцену, в которой была описана гибель Ахилла, некий поэт заменил отправлением Приама к Ахиллу и их примирением (XXIV) и, наконец, еще один поэт внес дополнительно две самостоятельные поэмы — «Посольство Агамемнона к Ахиллу» (IX) и «Долонию» (X) и создал им специальную подготовительную часть (VIII)²³. Еще раньше Виламовиц высказал свое мнение о построении «Одиссеи», что фактически являлось блестящим развитием теории Кирхгофа²⁴. Но позднее он несколько усложнил и видоизменил свой взгляд на «Одиссею»²⁵. Но и здесь Виламовиц не изменил своей основной концепции, что совре-

²⁰ 227; для обзора см. 31, стр. 49.

²¹ 398, стр. 374.

²² 398, стр. 324.

²³ Теория Виламовица об «Илиаде» представлена в 398.

²⁴ 397.

²⁵ 399.

менная «Одиссея» является плодом деформации ранее существовавшей единой поэмы. В своих исследованиях Виламовиц обобщил все то, что, по его мнению, указывало на участие в формировании поэм разных поэтов, будь то текстологические или языково-стилистические расхождения. Следовательно, он сформулировал свои аналитические принципы и фактически показал все возможности анализа. Но в то же время Виламовиц на основе остроумного и глубокого филологического анализа выявил композиционное единство поэм. Этим самым он наметил новый путь унитаристам — доказать единство поэм посредством детального филологического анализа.

Именно с этого времени, наряду с участвовавшими экспериментами аналитиков, все больше внимания стали привлекать и труды сторонников единства гомеровского эпоса. Хотя еще в 1934 г. Дж. Марри заявлял: «Не осталось ни одного унитариста, кроме Дрерупа», но это замечание не соответствовало истине, так как вслед за значительными унитаристическими исследованиями Э. Дрерупа²⁶ в 1930 году вышла в свет не менее интересная работа С. М. Боуры²⁷, которая представляла заслуживающие внимания аргументы в защиту единства гомеровского эпоса²⁸.

Но подлинный перелом в гомерологии вызвала знаменитая книга В. Шадевальдта об «Илиаде»²⁹ (1938). На основе анализа отдельных мест и отдельных песен Шадевальдт установил одну весьма значительную закономерность — даже самые отдаленные друг от друга места «Илиады» органически взаимосвязаны между собой и без учета одного трудно понять другое. Более того, в каждой песни «Илиады» завершается и вместе с тем подготавливается то, чем эта песнь связана с другой. И лишь X песнь — «Долония» стоит особняком. XI песнь Шадевальдт считает объединяющей все нити действия: «XI песнь «Илиады» в том виде, в каком она дошла до нас, является узловой во всей поэме. Отсюда мы можем созерцать конец. Отсюда же мы можем узреть и начало. Эта песнь — начало нового дня, начало новых кровавых битв. Здесь прокладывают пути все великие замыслы поэмы»³⁰.

Подобная трактовка поэмы пролила свет на многие необъясненные до той поры особенности «Илиады». Этим В. Шадевальдт почти исключил деятельность интерполяторов и различных поэтов в формировании «Илиады», исключив и

²⁶ 143; 144.

²⁷ 107.

²⁸ Для обзора литературы по Гомеру первой четверти XX века см. 46.

²⁹ 348.

³⁰ 348, стр. 149

возможность участия компилятора, ибо в противном случае была бы необъяснимой столь органичная взаимосвязь между отдельными частями поэмы. Эту связь чувствовал и Гёте. В 1827 году в письме к Эккерманну он писал: «Вольф разрушил Гомера, но ничего не смог поделывать со стихом, так как у этого стиха необычайная сила, подобно героям «Валгаллы», которые утром разрубают друг друга на части, а к обеду воскресшие вновь садятся за стол». Доказав на основе детального анализа органичную связь между отдельными частями поэмы, Шадевальдт в то же время показывает, сколь органично эти части сливаются с целым, с общей архитектурой поэмы. Принципы построения действия и представления явлений и героев «Илиады», по Шадевальдту, весьма напоминают принципы классической греческой драмы.

Так как вопрос об единстве поэмы стал вполне реальным, то столь же реальным стал и вопрос об ее авторстве. Автором поэмы В. Шадевальдту представляется Гомер, однако не все в ней он считает плодом поэтической фантазии певца. Он учитывает те ранние эпические формы и уходящие в прошлое традиции, которые пришлось переработать Гомеру согласно своей поэтической концепции. «Тайна величия Гомера—в конкретной исторической основе. Он (Гомер) находится на распутье развивающегося великого будущего и еще живого великого прошлого. Начало и конец воплотились в одном; он представляет древних героев с исключительным почтением и в это же время вкладывает в них новое значение, соответственно идеалам народа, стоящего на пути омоложения»³¹. Работа В. Шадевальдта изменила соотношение сил в гомерологии. После паузы, вызванной Второй мировой войной, появляется множество исследований, которые еще больше убеждают нас в композиционном единстве «Илиады». Но, наряду с этими, вновь встречаются и работы аналитического толка. Следует отметить, что Шадевальдт и многие современные исследователи не считают «Одиссею» столь органически единой поэмой, как «Илиаду». В наши дни эти поэмы рассматриваются обычно в определенном отрыве друг от друга.

Для большей ясности при исследовании проблем единства гомеровского эпоса мы воспользуемся этим же принципом.

³¹ 349, стр. 33

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОПРОСА ОБ ЕДИНСТВЕ «ИЛИАДЫ»

В современной гомерологии большинство исследователей придерживается мнения, что «Илиада» — единая поэма и, в основном, плод творчества одного поэта. Возможно, в ней имеются более или менее значительные вставки (как, например, «Долония» — X песнь и ряд других мест), однако структура поэмы, в основном едина. Это, по мнению большинства филологов, доказывается как чисто филологическим, так и структурным анализом поэмы. Правда, в ней можно выявить определенные расхождения стилистического, сюжетного и фактологического характера, однако это следствие использования одним поэтом в процессе создания поэмы разных источников, возникших в разное время и в разных местах грекоязычного мира. Сколь убедительны бы ни были, на первый взгляд, аргументы современных унитаристов — сторонников единства, как видно, они все же не обладают еще совершенно объективным, универсальным характером. В этом причина того, что в послевоенный период, наряду с быстрым распространением унитаристической точки зрения, замечается и определенная активизация сторонников аналитического направления. Так, в наши дни — немало новейших гомерологических работ, авторы которых все еще защищают теории многослойности или редактора-компилятора. По их мнению, засвидетельствованные в поэме расхождения, объясненные унитаристами влиянием более ранних источников, — следствие творчества поэтов и сказителей разных эпох, единство же — дело рук поэта или некоего редактора, который включился в работу над поэмой на последней стадии ее создания. П. Фон дер Мюллер выделяет в «Илиаде» почерк двух А- и Б-поэтов. Из них первый приблизительно в VIII в. до н. э. должен был создать поэму на мотив гнева, имеющую, возможно, не совсем связанную композицию, но заключающую в себе высокую поэзию. Именно эта поэма и была под рукой у поэта-Б, вышедшего из аттической среды и творящего приблизительно в 600 г. до н. э. Используя отдельные поэтические приемы поэта-А, переделывая или повторяя многие строки старой поэмы, он создал известную нам «Илиаду». В частях поэ-

та-Б П. Фон дер Мюллер отмечает также влияние Гесиода и древнегреческих лириков. По его мнению, те места «Илиады», которые не отличаются поэтической гениальностью и находятся в некотором противоречии с мотивом гнева, следует приписать поэту-Б¹.

Иной точки зрения придерживается В. Тайлер. Он выделяет в поэме множество слоев и считает, что «Илиада» создавалась разными поэтами² на протяжении столетий. Мы еще вернемся к теории В. Тайлера, когда будем рассматривать вопрос о взаимоотношении «Илиады» и «Одиссеи». Различные слои в «Илиаде» выделяет и Д. Пейдж. По его мнению, некоторые сцены, напр., посольство к Ахиллу, стена ахейцев, указывают на «многоавторство»³ (multiple authorship).

Верным последователем старых аналитиков является Т. Яхманн. Согласно его взгляду, в «Илиаде» выделяются отдельные партии, которые раньше являлись самостоятельными ми песнями, созданными в разное время. В поэме много образцов высокой поэзии, отдельных песен, которые некий компилятор, создатель нашей «Илиады», объединил в одну поэму. Но он был столь слабым поэтом, что ему не всегда удавалось находить в поэме подходящее место даже таким высокохудожественным партиям (самостоятельным песням), как сцена встречи Гектора с Андромахой. Особенно враждебен Яхманн к гомериду, создавшему «Каталог кораблей». Чтобы внести «Каталог» в поэму, он должен был переделать вторую песнь. Все каталоги «Илиады», включая и «Каталог кораблей», по сравнению с остальными высокопоэтическими частями, являются продукцией безжизненной каталогистики. Следовательно, он со всей категоричностью противопоставляет в «Илиаде» образцы высокой и низкой поэзии, как доказательство участия в процессе формирования поэмы множества поэтов⁴.

Из других попыток аналитически истолковать «Илиаду» или отдельные ее партии можно было бы назвать работы П. Мазона⁵, Е. Говальда⁶, Е. Бикеля⁷, В. Г. Фридриха⁸, Е. Хайтча⁹, А. Диле¹⁰ и др. Многих положений современных

¹ 389г.

² 381.

³ 303.

⁴ 214; 214а.

⁵ 267.

⁶ 205а.

⁷ 101а.

⁸ 165.

⁹ 190; 191.

¹⁰ 136.

аналитиков мы коснемся ниже, когда речь будет идти об отдельных т. н. сомнительных частях «Илиады». Не рассмотрим мы здесь и современные унитаристические теории, ибо о них нам придется говорить подробно в тех главах, в которых будут исследованы вопросы композиции «Илиады», тесной взаимосвязи отдельных ее частей. Здесь мы только укажем, что теория единства «Илиады» находит свою довольно солидную поддержку в работах К. Райнхардта¹¹, А. Лески¹², А. Хойбека¹³, М. С. Боуры¹⁴, К. Уйтмана¹⁵, Д. Ломанна¹⁶, В. Кульманна¹⁷ и многих других исследователей¹⁸.

На основе анализа существующих теорий об единстве «Илиады» мы приходим к выводу, что исследование проблем единства поэмы может опираться лишь на критерии, исключающие субъективную интерпретацию фактов. Наши выводы не могут быть объективными, если мы, подобно Яхманну и ряду других исследователей, будем рассматривать отдельные части поэмы соответственно нашим представлениям о высокой поэзии. Надо принять во внимание то обстоятельство, что в произведении большой формы не все места одинаково эмоциональны и высокохудожественны. И лишь потому, что какая-то часть «Илиады» не соответствует нашему понятию о композиционных законах эпоса, нельзя её объявлять неорганичной для поэмы. «Илиада» в том виде, в каком она дошла до нас, является единым поэтическим произведением. Она построена на основе определенной поэтической логики и главная задача гомероведов в данном случае заключается в том, чтобы понять эту логику. Если нам удастся установить общие закономерности структурного, композиционного или другого характера, которые объективно существуют в поэме, и выяснить, что удалением определенных частей из «Илиады» данная закономерность нарушится, то мы вынуждены будем признать (несмотря на то, каково наше субъективное отношение к ним), что они являются первоначальными и оригинальными частями поэмы. Ниже мы постараемся заострить внимание именно на таких закономерностях в построении поэмы и рассмотреть отдельные ее части с точки зрения этих закономерностей.

¹¹ 328.

¹² 254; 256.

¹³ 192; 193.

¹⁴ 110.

¹⁵ 396.

¹⁶ 258.

¹⁷ 244.

¹⁸ Для обзора вопроса см. 194а.

«ИЛИАДА» И ИНФОРМАЦИЯ СКАЗАНИЙ ТРОЯНСКОГО ЦИКЛА

Читателю «Илиады» не трудно заметить, что сюжет поэмы развивается не совсем обычно. Поэма начинается с гнева Ахилла на десятом году Троянской войны и кончается погребением тела Гектора. В ней не описываются ни начало Троянской войны, ни гибель Ахилла, ни падение Трои. На первый взгляд, в поэме опущены значительные явления войны, именно те, которые должны были бы представлять самый большой интерес для слушателя или читателя. Кажется необычным и то обстоятельство, что в «Илиаду» включены эпизоды, соответствующие больше начальному периоду, чем десятому году войны. Так, например, во II песни «Каталог кораблей» своей формой напоминает начальную ситуацию войны. В III песни война начинается с единоборства Париса и Менелая. Эта сцена была бы логичней в начале войны, а не на десятом году. То же самое можно сказать и о теихоскопии III песни, в которой Елена со стены показывает Приаму предводителей ахейцев, о встрече Андромахи и Гектора и многих других эпизодах.

Именно эти «несоответствия» дают аналитикам возможность говорить о различных слоях в поэме или объединении разных эпических произведений. Однако подобные эпизоды выглядят «странными» на десятом году войны лишь с точки зрения научной логики, ибо с точки зрения поэтической логики в поэме все на своем месте. Во всяком случае, читателю «Илиады», до знакомства со специальными филологическими исследованиями, эти сцены в поэме вовсе не кажутся алогичными; напротив, каждая из сцен будто бы даже находится на единственном, самом подходящем для нее месте. Именно поэтому в последнее время все чаще можно услышать утверждения, что Гомер постарался вместить в «Илиаду» всю Троянскую войну, мастерски переосмыслить мотивы, образы троянских сказаний и использовать их в своей поэме.

В этой связи особый интерес представляет теория неопрагматиков, которые стараются подкрепить идею единства поэмы новыми доводами. Их точка зрения, высказанная

впервые Г. Песталоцци¹ и развитая в исследованиях И. Т. Какридиса², В. Шадевальдта³ и др., заключается в следующем: «Илиада» заимствует у традиции в основном мотивы, а не готовые эпические части. Гомер в соответствии со своим замыслом видоизменяет известный мотив и придает ему совершенно иной вид. Так, «Илиада» почти полностью использует мифологическую основу киклической поэмы «Эфиопиды», однако это трудно заметить с одного взгляда. По мнению неоаналитиков, даже Гектор и Патрокл — это художественное переоплощение мифологических образов Мемнона и Антилоха. Видоизменены и использованы в «Илиаде» отдельные события из «Эфиопиды». Чтобы точка зрения неоаналитиков стала более ясной, приведем дошедшее до нас содержание поэмы. «Эфиопида», как и другие киклические поэмы, дошла до нас в виде кратких содержаний, которые принадлежат Проклу и сохранены в «Библиотеке» Фотия⁴. Лишь эти неполные сведения и несколько незначительных фрагментов дают возможность судить о киклических поэмах. Согласно Проклу, «За Киприями», о которых речь шла в предыдущей книге, следует «Илиада» Гомера, а за ней 5 книг «Эфиопиды» Арктина Милетского, содержание которой таково:

Союзницей троянцев стала Пентесилея, дочь Ареса, по происхождению фракиянка. Ее, храбро сражающуюся, убил Ахилл, а троянцы похоронили. Затем Ахилл убил Ферсита, который издевался над ним из-за его якобы любви к Пентесилее. Убийство Ферсита вызвало среди ахейцев смуту. Отправившись затем на Лесбос, Ахилл приносит жертву Аполлону, Артемиде и Лето, после чего Одиссей очищает его от убийства. Мемнон, сын Эос, обладатель выкованного Гефестом оружия, является на помощь троянцам. Фетида предвительно рассказывает своему сыну о связанных с Мемноном событиях. В начавшейся битве Мемнон сразил Антилоха, затем Ахилл поражает Мемнона. Эос просит у Зевса бессмертия для сына и получает его. Ахилл, обратив троянцев в бегство, врывается в город, здесь его убивают Парис и Аполлон. За тело Ахилла начинается ожесточенная битва, и пока Одиссей отражает троянцев, Аякс относит тело Ахилла к кораблям. Похоронив Антилоха, выносят тело Ахилла. Фетида вместе с Музами и своими сестрами оплакивает своего сына и, похитив его тело из костра, переносит на остров Левку. Ахейцы воздвигли Ахиллу курган (холм) и

¹ 314.

² 222.

³ 349.

⁴ Фрагменты киклических поэм изданы в 4. Вопрос киклических поэм в последнее время детально рассмотрел Хаксли (209).

устроили игры-соревнования. Между Одиссеем и Аяксом разгорается ссора из-за оружия Ахилла».

Приведенное содержание явствует о том, как много общего между «Эфиопидой» и «Илиадой». Ахилл в обоих случаях отрекается от битвы. В «Илиаде» разгневанный Ахилл убивает Гектора, сразившего его друга Патрокла, а в «Эфиопиде» — Мемнона, убившего Антилоха. Подобных параллелей много. Неоналитики особо выделяют совпадения семи мотивов «Илиады» и «Эфиопиды»:

1) В VIII, 80 «Илиады» рассказывается о том, как к Нестору, оставшемуся одному на поле боя после ранения его лошади стрелой Париса, приближается Гектор и Нелиду не посчастливилось бы, не приди к нему на помощь Диомед. Подобный эпизод должен быть и в «Эфиопиде». Парис убивает коня Нестора, которому угрожает Мемнон. Нестор зовет на помощь своего сына, который спасает отца, но сам погибает от руки Мемнона.

2) В XXII, 208... «Илиады» говорится о том, что перед поединком Ахилла и Гектора Зевс взвесил их участь. Перевесила сторона Гектора, т. е. Гектор должен погибнуть. Эпизод взвешивания участи героев, как это изображено на вазах VI века до н. э., предшествовал и поединку Ахилла с Мемноном, только в этом случае весы держал Гермес. Здесь погибнуть суждено было Мемнону.

3) В XVI, 666—83 «Илиады» рассказывается о переживаниях Зевса по поводу смерти сына Сарпедона. Аполлон, по приказу Зевса, оmyвает и натирает его тело, затем одевает и перевозит в Ликийю. По мнению неоналитиков, параллель можно провести с той сценой «Эфиопиды», где описаны переживания Эос по поводу смерти ее сына Мемнона, где она просит для сына бессмертия, оmyвает, натирает и одевает его труп. Особое внимание уделяется тому обстоятельству, что в «Илиаде», по приказу Зевса, труп Сарпедона на Ликийскую землю должны перевезти Смерть и Сон (XVI, 673), в «Эфиопиде» же, насколько можно сделать вывод из росписи ряда ваз, Эос с помощью Ириды (?) призывает Сон и Смерть перевезти труп Мемнона (на родину).

4) В XVIII, 35... «Илиады» Фетида слышит плач Ахилла по поводу смерти Патрокла и вместе с Нереидами оплакивает судьбу своего сына, скорую гибель его. Та же сцена должна была быть и в «Эфиопиде», где Фетида, Музы и Нереиды оплакивают труп Ахилла.

5) В «Илиаде» (XVIII, 96) Фетида предсказывает Ахиллу, что он погибнет «сразу» (*αὐτίκα*) вслед за Гектором. Считают, что в «Эфиопиде» Фетида предсказывает Ахиллу, что он погибнет после Мемнона.

6) В «Одиссее» (XXIV, 40...), описывая Ахиллу его же смерть, душа Агамемнона говорит: «Ты лежал в пыли мощный мощно» — *κείσο μέγας μεγαλωστί*; то же выражение употребляется в «Илиаде», где в XVI, 776 говорится о брошенном в пыли труп Кеклопа, а в XVIII, 26 — об Ахилле, который оплакивает смерть Патрокла. Считают, что все эти места можно возвести к одной строфе «Эфиопиды», где это выражение соответствовало ситуации и величию павшего в битве героя.

7) В «Илиаде» (XXII, 378...) после смерти Гектора Ахилл призывает ахейцев ворваться в Трою, но, вспомнив убитого Патрокла, меняет решение. Это место, по мнению Шадевальдта, должно соответствовать той сцене «Эфиопиды», в которой Ахилл после смерти Мемнона осаждает Трою и вторгается в нее⁵.

Во всех указанных случаях, по мнению неоаналитиков, упомянутые мотивы искусно переосмысливаются в «Илиаде». В последнее время ряд неоаналитиков старается установить такое же взаимоотношение между «Илиадой» и другими киклическими поэмами («Киприи», «Малая Илиада»⁶). Естественно, в подобном случае возникает необходимость хронологического сопоставления «Илиады» и киклических поэм. Допустить возможность подобного переосмысления мотивов можно лишь в том случае, если считать «Илиаду» созданной после киклических поэм, ибо автор «Илиады» только на основе литературного источника или источников мог столь мастерски перевоплотить мотивы. Часть неоаналитиков придерживается именно того мнения, что «Илиада» была создана после киклических поэм⁷. Однако такому взгляду противоречит многое и, первым долгом, сама античная традиция, которая авторов киклических поэм, в том числе и автора «Эфиопиды», считает последомеровскими поэтами. Согласно данным «Илиады», она создана не позднее середины VIII в. до н. э., а самая ранняя киклическая поэма «Эфиопида» в лучшем случае была создана на рубеже VIII—VII вв. до н. э.⁸. Именно это принимает во внимание ряд неоаналитиков, предполагая, что «Илиада» заимствует мотивы не из киклических поэм, а из древнейшей традиции, на которую в свою очередь опираются и киклические поэмы.

⁵ Седьмой мотив выявлен Шадевальдтом. В его работе (349, стр. 155...) дается анализ также всех других мотивов, выявленных неоаналитиками.

⁶ Ср. 244; особенно далеко заходит в этом направлении Шоек (361).

⁷ Этой точки зрения придерживается Кульманн (244).

⁸ Для обзора вопроса см. 209.

Речь идет о древнейших поэмах, которые должны были донести события Троянской войны до гомеровской эпохи⁹. Но если допустить наличие подобных источников, возникнут новые трудности, связанные с установлением формы, объема, сюжетных границ, реальности этих гипотетических догомеровских поэм. Все это и обуславливает в последнее время критическое отношение к теории неоаналитиков. В связи с этим особый интерес представляет работа А. Диле¹⁰. Согласно Диле, ни в одном из перечисленных параллельных мотивов киклическим поэмам нельзя отдать предпочтение перед «Илиадой». Например, в случае первого мотива, по его мнению, более реально допустить, что автор «Эфиопиды» сам видоизменил мотив спасения Нестора из VIII «Илиады» и связал его со сценой Антилоха-Нестора-Мемнона; то же самое можно сказать и в случае третьего мотива, где фактически сходство состоит в том, что вынос трупа Сарпедона и Мемнона поручено Сну и Смерти; вполне допустимо, что и здесь «Илиада» была источником «Эфиопиды», а не наоборот. Тем более, что в другом отношении эти сцены совершенно разнятся друг от друга. Диле не убеждает и седьмой мотив. На его взгляд, то, что Ахилл передумал наступать на Троию, вытекает из логики самой «Илиады». Поэт не ставил себе целью показать вторжение Ахилла в Троию и его гибель. Поэтому после смерти Гектора надо было как-то прекратить сражения. Желание продлить штурм Трои, с одной стороны, и чувство долга, пересилившее это желание, с другой—логически вытекают, по мнению Диле, из поэтического замысла Гомера и развернутых в поэме действий. Ни сопоставление взвешивания судеб во втором мотиве, ни представленное в пятом предсказание Фетиды не представляются Диле образцами переосмысления мотивов. В первом случае, как и во многих других, сама «Илиада» могла быть источником для автора «Эфиопиды», или же источником для обеих поэм могло быть широко распространенное представление о весах судьбы Зевса (бога). Во всяком случае этот мотив одинаково логичен и для «Илиады» и для «Эфиопиды». В обоих случаях бог знает, что Ахиллу не суждено погибнуть в этом поединке, он лишь выясняет, есть ли какие-либо шансы на спасение у его противника (Гектора или Мемнона). К тому же использование такого популярного мотива — взвешивания судьбы — было в некоторой мере данью религиозным представлениям. Что же касается предсказания Фетиды, то Диле лишь отмечает, что здесь трудно говорить о механическом переносе мотива. Если Гомер, зная, какие приключения

⁹ Шадевальдт считает этой гипотетической поэмой т. н. «Мемнониду».

¹⁰ 136, стр. 9... Ср. также 194а, стр. 40.

ждут Ахилла после смерти Гектора, не осмыслив, перенес этот мотив в «Илиаду», то он не оригинальный поэт, а подражатель. Что касается четвертого и шестого мотивов, то Диле затрудняется говорить о каком-либо конкретном соотношении, ибо неизвестно, как выглядели соответствующие мотивы в «Эфиопиде». Участие Фетиды в сценах оплакивания само по себе ничего еще не значит. Это не выходит за рамки тех совпадений, которые могут быть в любых сценах оплакивания. Фетида всегда рядом с Ахиллом, когда ему трудно. А с ней обычно и сестры — Неренды. Особое внимание Диле уделяет тому обстоятельству, что в «Илиаде», в отличие от «Эфиопиды», музы не участвуют в оплакивании. В связи с шестым мотивом Диле пассаж XVIII, 26... с типологической точки зрения считает древнейшим, что же касается наличия аналогичных выражений в «Эфиопиде», то здесь можно строить лишь предположения, ибо текст поэмы нам неизвестен.

Критика параллельных мотивов неоналитиков, данная Диле, нам в основном представляется обоснованной. В наше время, когда параллельные мотивы обнаружены в мифологии и художественном творчестве разных народов¹¹, все чаще утверждают, что это сходство обусловлено связанным с самим мифом поэтическим мышлением. Именно поэтому нужна большая осторожность в исследовании этих параллелей¹². И все же нам кажется, что в гомеровском эпосе можно выявить факты искусного переосмысления многих явлений, связанных со всем циклом троянских сказаний.

Рассматривая точку зрения Аристотеля на драматическое единство гомеровского эпоса, мы отметили выше, что Аристотель восторгается техникой построения фабулы у Гомера. По его мнению, Гомер, в отличие от авторов «Киприи» и «Малой Илиады», избрал совершенно иной путь. «Он не замыслил сотворить (сложить) всю войну, хотя она имела начало и конец... ..и вот, выбрав одну ее (войны, событий) часть, он воспользовался многими эпизодами... ..которыми он производит членение поэмы»¹³.

Из этого замечания Аристотеля можно сделать вывод: правда, целью Гомера было описание Троянской войны, но, как свойственно подлинному художнику, он избрал лишь один эпизод войны и постарался посредством включения в него других эпизодов воссоздать картину всей войны. И, действительно, ознакомившись с «Илиадой», мы убеждаемся в том, что Аристотель был прав. Прочитав «Илиаду», мы, с

¹¹ Для обзора ср. 53, 39, 40.

¹² Ср. 53, 39, 40.

¹³ Анализ данного места представлен выше, стр. 13...

одной стороны, помним историю, которая реально описывается в поэме и отражает лишь один эпизод Троянской войны, но, с другой стороны, у нас такое ощущение, будто перед нами прошла вся Троянская война, со своим началом и концом, с радостями побед и горечью поражений, жаркими схватками и мирными днями. Это достигается концентрацией всей информации о Троянской войне и ее умелым распределением в поэме. Сам факт, что вся фабула «Илиады» укладывается в несколько дней действия¹⁴, во время которых совершается столь большое число значительных событий, что их хватило бы для описания всей войны, говорит о следующем: гнев Ахилла—лишь условная линия развития действия (необходимая для единства действия), которая объединяет в единой, с драматической точки зрения, фабуле многочисленные явления. Нужно полагать, что сюжет поэмы не следовал каноническому варианту троянских сказаний, который, очевидно, существовал в гомеровскую эпоху. Чтоб увековечить знаменитых героев и их деяния, чтоб объединить все это в единой фабуле, Гомер избрал оригинальный путь. Надо полагать, что тема его поэмы — гнев Ахилла — плод фантазии самого Гомера¹⁵.

Традиция сказаний о Троянской войне давала Гомеру возможность ввести мотив гнева в поэму, т. к., очевидно, в ней был какой-то намек на разногласие между Агамемноном и Ахиллом, на временное отречение Ахилла от битвы. Введением мотива гнева Ахилла поэт создает новый, отличный от стандартного сюжета сказаний, неизвестный доселе контекст, в котором размещает знакомых героев и знакомые явления. Гнев Ахилла, его временное отречение от битвы поэт использует для детального показа других героев троянского сказания, и вместе с тем подготавливает читателя к возвращению Ахилла на поле сражения. Ряду исследователей представляется странным, что в поэме, которая посвящена гневу Ахилла, герой выходит из действия в начале первой же песни на довольно длительное время, не успев проявить свою храбрость и силу¹⁶. Ахилл лишь в XVIII песне полностью втягивается в действие и становится главным героем произведения в полном смысле этого слова. С этого момента «Илиада» рассказывает лишь о деяниях Ахилла. Именно в этом и заключается мастерство Гомера. Он не вывел Ахилла на поле битвы, пока не представил всех знаме-

¹⁴ О днях действия «Илиады» ниже (стр. 42) пойдет более подробный разговор.

¹⁵ Однако не исключается, что в данном случае он использует мотив разгневанного героя, засвидетельствованный в греческих сказаниях.

¹⁶ Для обзора вопроса см. 25, стр. 76.

нитых ахейских и троянских героев, т. к. знал, что рядом с Ахиллом остальные герои поблекнут. И действительно, с появлением Ахилла ахейские герои фактически исчезают с поля битвы, а троянцы играют роли статистов — их судьба не вызывает сомнений. С другой стороны, чем дольше отсутствует Ахилл, тем острее чувствуется, как он нужен ахейцам. Гомер сумел задолго до включения Ахилла в битву показать его заслуги в Троянской войне. Ахилл «чувствуется» во всем произведении. Нет почти ни одной песни, в которой он не упоминался бы несколько раз. Каждое такое упоминание — рассказ о том, что им сделано до описываемых в произведении событий или о том, что совершит он после появления на поле битвы. или о том, как он нужен ахейцам и как его боятся троянцы. Благодаря этому методу поэт достигает своей цели — показывает место Ахилла в Троянской войне еще до появления его на поле битвы.

Таким образом, в продолжение нескольких дней действия Гомер представил почти всех значительных героев Троянской войны, соответственно их заслугам, проявленным у стен Илиона. Прочитав поэму, мы довольно точно можем определить, какое место занимает каждый из этих героев в войне. Этому способствует то, что в поэме обобщено и максимально сконцентрировано все то существенное, что характерно для того или иного героя и чем каждый из них проявил себя на войне. Естественно, что описанные в «Илиаде» поединки, события не могли совершиться в течение нескольких дней десятого года войны. С другой стороны, объединение всех этих явлений в «Илиаде» можно объяснить желанием поэта символически осмыслить в едином действии поэмы весь ход войны. Делает он это посредством двоякого построения действия: описанные в поэме события наделены, с одной стороны, функцией развить связанную с темой гнева единую фабулу, с другой — вызвать ассоциации значительных явлений всей войны¹⁷.

¹⁷ Для этого не требовалось введения новых центральных героев. По нашему мнению, не было бы правильным видеть в образах Гектора и Патрокла переосмысленные образы Мемнона и Антилоха. Думается, что каждый из этих героев был известен в догомеровской традиции. В случае Гектора это подтверждается тем, что: а) в «Илиаде» (VI, 407...) дается вполне конкретная биографическая справка о жене Гектора Андромахе, указывающая на наличие догомеровской информации о походе Ахилла на Фивы; б) киклический эпос знаком с Гектором; в) судьба жены и детей Гектора после смерти последнего известна многим греческим авторам. Что же касается Патрокла: а) он известен «Одиссее»; б) киклический эпос знаком с Патроклом; в) сама «Илиада» дает определенные догомеровские биографические сведения о нем. Но самым

Принцип поэта раскрывается в начале поэмы (I, 1—5):

«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахейнам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид, и самих распростер их в корысть
плотоядным
Птицам окрестным и псам, совершалась Зевсова воля».

Уже здесь, нам думается, имеет место раздвоение мотивов. Поэма посвящается гневу Ахилла, который поверг ахейцев в горе и погубил многих героев. И все это по воле Зевса. Этот прооймион — вполне логическое вступление к тем событиям, о которых рассказывается в «Илиаде». Но в то же время это было бы довольно точным прооймионом и для всей Троянской войны, если вместо мотива гнева Ахилла мы вставили бы мотив возникновения войны. И действительно, гнев Ахилла имел тяжкие последствия для ахейцев,

значительным представляется то, что ни один из этих героев при первом упоминании в «Илиаде» фактически не экспонируется. Вряд ли Гомер ввел бы без всякого экспонирования незнакомых, вымышленных им же героев в круг центральных персонажей «Илиады». Так, в I песни Ахилл упоминает Гектора безо всякого представления:

«...толпы их от Гектора-мужеубийцы
Свергнутся в прах...» (I, 242-43).

Если примем во внимание, что это вообще первое упоминание Гектора в «Илиаде», тогда мы должны предположить, что аудитория Гомера имела уже определенное представление о нем. Также в I, 306—307 «Илиады» безо всяких предварительных замечаний назван Патрокл по отчеству:

«Царь Ахиллес к мирмидонским своим кораблям быстролетным,
Гневный отшел, и при нем Менетид с мирмидонской дружиной».
А в I, 337 Ахилл так обращается к Патроклу:
«Друг, благородный Патрокл, изведи и отдай Бризенду».

Такое неожиданное появление Патрокла безо всякого экспонирования указывает на то, что о дружбе Ахилла с Патроклом гомеровской аудитории было уже известно. Совершенно другой вопрос, какое место занимают эти герои в догомеровских версиях троянского сказания. Вполне возможно, что их участие там было сравнительно ограниченным и лишь Гомер превратил схематичные образы этих героев в Гектора и Патрокла «Илиады», приписав им те качества, которые обобщали, с одной стороны, храбрость защитников Трои, а с другой — любовь Ахилла к друзьям.

но описанные в 2—5 строках бедствия последних чуть сильнее вызвавшей их причины — гнева Ахилла. Ведь жертвой гнева Ахилла в поэме из известных ахейских героев пали фактически лишь Патрокл и менее значительный герой Тлеполом.

Мы считаем, что фраза: «Многие души могучие славных героев низринул в мрачный Анд...» — вызывает ассоциации последствий Троянской войны вообще. С этой точки зрения весьма интересна позиция предложения $\Delta\iota\varsigma\ \delta'\epsilon\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\sigma\tau\omicron\ \beta\omicron\upsilon\lambda\eta$ в прооймионе. Воля Зевса, с одной стороны, может выступать как первопричина войны вообще, ставшей сама по себе причиной гнева Ахилла и всего того, что за этим последовало, а с другой, — это место можно отнести к событиям самой «Илиады», где по воле Зевса, после разгневания Агамемноном Ахилла, «тысячи бедствий» пали на головы ахейцев. Таким образом, «воля Зевса» придает прооймиону поэмы звучание не только вступления к теме гнева Ахилла, но и к истории всей Троянской войны вообще. Греческие авторы свидетельствуют, что причиной «воли Зевса» — начать Троянскую войну — было желание разгрузить землю от сильно размножившихся людей. В этом отношении интересен фрагмент «Киприй», который приведен в схолиях «Илиады» именно в связи с I, 1 — 5:

«Было время, когда тысячи фил смертных бродили по земле и страшно обременяли дали земли с широкой грудью; Зевс, увидев это, пожалел (ее) и в разумном сердце своем решил разгрузить от людей кормящую землю путем развязывания большой брани — Илионской войны, пока тяжесть смерти не опустошила бы (землю). И под Троей умирали герои. Совершалась Зевсова воля».

Вполне возможно, что фраза «совершалась Зевсова воля» перенесена из «Илиады» автором «Киприй», но представление Троянской войны как результата «воли Зевса» в греческой традиции, наверное, существовало и независимо от Гомера. Как думается, в данном случае Гомер не переосмысливает мотивы, а интенсифицирует их в начале поэмы в такой степени, что прооймион «Илиады» звучит как прооймион всей Троянской войны. Этот принцип прослеживается во всей поэме. Создается впечатление, будто «Илиада» начинается с описания начала войны вообще. Поэт переносит нас на поле битвы, но здесь вместо жарких боев царит мирная атмосфера. Ахейцы находятся у своих кораблей. Полное впечатление, что идет не десятый год сражений, а лишь начало войны. Спор между Ахиллом и Агамемноном вызывает ассоциации сепаратистских настроений Ахилла, которые, очевидно, были известны из догомеровской традиции. Эта

точка зрения подкрепляется не только содержанием его речей, но и тем особым местом, которое занимают пришедшие с Ахиллом мирмидонцы в «Каталоге кораблей» и вообще во всей «Илиаде». За спором следует похищение женщины — у Ахилла отнимают Брисеиду. Это становится причиной его гнева, и следовательно, причиной бедствий ахейцев, подобно тому, как в свое время похищение Елены стало причиной Троянской войны, и одновременно несчастий ахейцев. Перед первым боем в «Илиаде» Агамемнон испытывает войско, что вызывает ассоциации начального периода войны. То же самое можно сказать и о «Каталоге кораблей», в котором слиты воедино картины сосредоточения ахейских кораблей в Авлиде и подготовки ахейцев к битве в Скамандрской долине. Интенсифицируя мотив знакомства Приама с ахейскими героями в смотре со стены (III песнь), автор вызывает ассоциацию смотра ахейских полководцев перед началом первой битвы вообще в этой войне. То же самое можно сказать и о поединке Париса с Менелаем, который, как не раз отмечалось, по своему характеру напоминает фактическое начало жарких сражений у Трои. Ранение Менелая Пандаром можно соотнести с отказом троянцев вернуть Елену ахейцам перед началом войны. Тот же мотив развивается и в VII песни, в которой троянцы решают вернуть ахейцам добровольно унесенное Парисом из дворца Менелая, присовокупив к нему и свои богатства, вернуть все, кроме Елены. С VI песни «Илиады» начинается интенсификация образа Гектора. Гектор становится символом непоколебимости Трои, чуть ли не целью борьбы ахейцев, ибо для слушателей или читателей «Илиады» смерть Гектора тождественна падению Трои. Образ Гектора обобщает черты, характерные в сказаниях для Александра, Мемнона и т. д. Однако он не является переплещением какого-либо одного конкретного героя сказаний. Так, действие Гектора в «Илиаде» совершенно разнится от истории участия Мемнона в сказаниях троянского цикла. Но вместе с тем, Гектор может иметь много общего с Мемноном, ибо обобщает в себе черты героев, защищавших Троию. Именно поэтому нам кажется возможным, что тот акцент, который в сказаниях падал на единоборство Мемнона с Ахиллом, Гомер перенес на сражение Гектора с Ахиллом. Согласно «Илиаде», смерть Гектора предвещает и гибель Трои. Следовательно, его решающая схватка должна обобщать черты самих драматических единоборств у Трои. И действительно, поединок Гектора с Ахиллом заставляет пережить закат Трои. Эту ассоциацию усиливает сцена обращения Приама к Гектору перед единоборством; особенно интересно, в связи с этим, сравнение в сцене всеобщего плача:

«Горько рыдал и отец престарелый; кругом же граждане
Подняли плач; раздавались вопли по целому граду.
Было подобно, как будто, от края до края, высокий
Весь Илион от своих оснований в огне рассыпался».
(XXII, 408 — 411).

Сцена погребения тела Гектора в конце поэмы вызывает полное ощущение трагического конца Илиона.

Интересен в этом отношении и образ Патрокла, который из друга Ахилла постепенно превращается в носителя трагической маски самого Ахилла. Ахилл отправляет его в бой, дает свое оружие, своих коней. Грядущая смерть Патрокла должна вызвать ассоциацию неизбежности гибели Ахилла, которая в «Илиаде» уже не будет описана. Вначале Патрокл так же успешно ведет бой, как будет вести его Ахилл, когда включится в битву; от него, как и от Ахилла, в страхе бегут троянцы. Он возглавляет в бою мирмидонцев, пришедших под предводительством Ахилла; от его руки находит смерть славный Сарпедон, напоминающий чем-то Мемнона и, наконец, он погибает в результате совместных действий Гектора и Аполлона точно так же, как и Ахилл станет жертвой совместных действий Париса и Аполлона. Его драматическое оплакивание, вполне логичное для действия «Илиады», предсказание Фетиды о близкой гибели Ахилла и, наконец, пышные погребения с играми заставляют нас ощутить в «Илиаде» то, чего фактически нет в фабуле поэмы — смерть Ахилла. Именно поэтому в предсказании Фетиды, что Ахилл погибнет сразу же (*αὐτίκα*) после Гектора, мы, очевидно, имеем дело не с заимствованием киклического мотива, а с интенсификацией мотива грядущей смерти Ахилла.

Можно привести из «Илиады» и другие моменты, которые давали бы возможность аналогичной интерпретации (поединки отдельных героев, отстранение Ахилла от боя и т. д.), но, думаем, сказанного достаточно для уяснения гомеровского принципа — посредством интенсификации мотивов вызвать ассоциацию всего хода войны. Для передачи информации о всей Троянской войне Гомер пользуется и другими средствами. В многочисленных пассажах «Илиады» планомерно распределена реальная информация о ходе всей войны. Из воспоминаний отдельных героев мы узнаем о том, что происходило до описываемых в произведении событий, а посредством предсказаний — о том, что произойдет после описываемых событий. Таким образом, совершенно незаметно, мы узнаем, как прибыли ахейцы в Троаду, что случилось после их вступления на троянскую землю, как завершилась война и т. д. Из собранных Кульманном и систематизирован-

ных в хронологическом порядке сведений¹⁸ явствует, что в «Илиаде» можно найти вполне реальную информацию об Anteiliaca поэмы, т. е. о фактах, имевших место до описываемых в поэме событий. Что же касается Postiliaca¹⁹ поэмы, т. е. событий, которые произошли вслед за описанными в «Илиаде» явлениями, то здесь данные поэмы несравненно скуднее. И это, как мы увидим ниже²⁰, имеет вполне реальную почву.

На основе анализа этих фактов, мы приходим к выводу, что интенсификацией отдельных мотивов поэмы до степени звучания их как центральных мотивов Троянской войны, с одной стороны, а с другой, — умелым распределением ante и post-Iliaca, Гомеру удастся максимально сохранить в поэме дух троянских сказаний, сделать «Илиаду» летописью Троянской войны. Говоря об интенсификации отдельных мотивов, мы не упускаем из виду ту реальную функцию, которую они выполняют в развитии действия поэмы. Можно сказать, что каждый из этих мотивов связан логической необходимостью с реальным действием поэмы, которому мотив гнева придает единство. Чем значительнее и органичнее функция каждого данного мотива в «Илиаде», тем меньше вероятность того, что они заимствованы Гомером из другого источника. Вместе с тем, ярко выраженное желание поэта создать иллюзию хода всей войны указывает на то, что здесь мы имеем дело с весьма оригинальным, характерным лишь для одной поэтической концепции композиционным принципом. Достаточно изъять из поэмы какую-нибудь часть, служащую созданию такой иллюзии, как данный принцип окажется нарушенным. Все это говорит о композиционном единстве поэмы, главным доказательством которого все же является единство структурных принципов, начиная с малых структур и кончая общей композицией поэмы, о которых речь пойдет в следующей главе.

¹⁸ 244.

¹⁹ Кульманн употребляет соответственно термины ante Homerica и post Homerica, которые, как замечает Хойбек (194а. стр. 44), предложивший взамен приведенные нами термины, не совсем точно обозначают характер данной информации.

²⁰ Ср. стр. 90...

В гомерологии и раньше обращали внимание на определенную симметричность композиции отдельных сцен «Илиады». Исследования последнего времени выявили ряд интересных моментов гомеровской поэтики, показав, что дух симметричности царит во всей «Илиаде», начиная с речей отдельных героев, с композиции отдельных сцен и кончая общим построением поэмы¹. Примечательно, что данная симметрия в целом опирается на закономерность, совокупность композиционных принципов, не характерных для произведений других эпох. Напр., в исследовании Д. Ломанна о композиции речей в «Илиаде» установлено, что структура речей героев «Илиады», несмотря на возможность многочисленных комбинаций, сводится к трем основным композиционным принципам²: 1) круговая замкнутая композиция, подразумевающая симметричное распределение частей вокруг центра, которую можно выразить следующей последовательностью букв: А Б А; 2) параллельное деление, подразумевающее параллельно повторяющуюся последовательность частей А Б А Б; 3) свободная последовательность: А Б В... Данные формы композиции могут проявиться как в каждой отдельной речи, так и в пределах нескольких речей, расположенных в отдаленных друг от друга сценах, но определенным образом взаимосвязанных³. Чтобы сказанное стало более ясным, приведем несколько примеров из книги Ломанна. Так, принцип круговой композиции можно вполне четко выявить в известном обращении Диомеда к Главку в VI 123 — 143:

123 — 126 Введение: вопрос о личности противника.

а. 127 Угроза: Дети одних злополучных встречаются с силой моею

¹ О симметрии в «Илиаде» были высказаны и ранее интересные соображения Э. Дрерупом (144), И. Тренчени-Вальдапфелем (383) и др. Вопрос довольно подробно рассматривается у А. Ф. Лосева (48).

² 258. См. также 167.

³ 258, стр. 10.

- б. 128 Но если ты из бессмертных...
- в. 129 Я никогда бы не сразился с небесными богами
- г. 130/1 Так как и сильный Ликург, сын Дрианта, не жил долго потому, что спорил с небесными богами
- д. 132—139а Представление парадигмы
- г'. 139б—140 Он не жил долго, так как возненавидели его все бессмертные боги
- в'. 141 Я не хотел бы сразиться с блаженными богами
- б'. 142 Но если ты из смертных...
- а'. 143 Угроза: Ближе предстань, чтобы скорее достиг предела смерти.

Центром обращения (д) является пример смерти Ликурга. Ему предшествует подготовляющее данную парадигму предложение (г), а следует вытекающее из парадигмы предложение (г'), имеющее аналогичное содержание. К началу и к концу речи расположены предложения, также имеющие схожие значения в и в¹. Что же касается б и б¹, то они взаимосвязаны своим полярным, противоположным содержанием. Круговая композиция речи в начале и конце замыкается предложениями угрозы а и а'⁴. Примером параллельного деления может служить вторая половина речи Пулидамаса в XVIII песни «Илиады». Пулидамас, посоветовав Гектору укрепиться в городе, рассматривает имеющиеся у него обе возможности — остаться на поле битвы или вернуться в город.

266б—283 Анализ обеих альтернатив

266б Переход на тему

1. 267—272 Первая альтернатива: Мы остаемся

а. 267—268а Ныне от битв удержала Пелеева бурного сына ночь благовонная

б. 268б—270а Однако, если он завтра застанет нас здесь, нагрянувший с оружием, кое-кто хорошо его узнает!

в. 270б—272 Судьба троянцев: Охотно войдет в Илион каждый, кому удастся избежать смерти. Но многих из троян сожрут псы и враны...

273 Переход: Но если вы мне покоритесь...

2. 274—283 Вторая альтернатива: Мы вернемся в город.

а'. 274—276 Ночью силу будем держать на площади.

Башни, ворота и большие створы ворот будут защищать город.

⁴ 258, стр. 13...

б'. 277—279 Завтра же мы с оружием встанем на башнях. И тем хуже для него (Ахилла), если он с нами сразиться.

в'. 280—283 Судьба Ахилла: Он возвратится к кораблям...

в город он не проникнет, сожрут его прежде псы.

Как справедливо замечает Ломанн, в композиции данной части речи Пулидамаса выявляется принцип параллельного деления. Здесь нет центральной части, вокруг которой были бы расположены предложения, взаимосвязанные друг с другом схожим или противоположным содержанием, однако имеется аналогичная последовательность взаимосвязанных предложений в обеих частях речи⁵. Мы привели примеры выявления несмешанных композиционных принципов в отдельных речах. Однако в большинстве речей, по Ломанну, выявляются факты разнообразных комбинаций этих принципов. И все же, несмотря на это разнообразие, в речах персонажей «Илиады» основным представляется принцип круговой композиции. Значителен удельный вес и параллельного деления.

Что же касается третьего принципа — свободной последовательности, то он встречается сравнительно редко. Как было уже отмечено, по этим же принципам согласуются друг с другом нередко и те речи героев, находящиеся в разных частях одной песни или всей поэмы, в которых выявляются взаимоотношения тематического, контекстуального или типологического характера. Однако, если эти принципы универсальны для «Илиады» в целом, то они должны подтверждаться и в других структурных единицах поэмы. С этой точки зрения весьма интересной представляется работа Уйтмана, задача которой — выявить круговую композицию отдельных сцен⁶. Согласно Уйтману, отдельные песни и группы песен построены на основе круговой композиции⁷. Так, вторая песнь «Илиады» (без «Каталога кораблей») —

⁵ 258, стр. 31.

⁶ О круговой композиции в «Илиаде» весьма интересные соображения представлены в трудах Оттерло (300, 301).

⁷ 396, стр. 249...

- Обманчивый сон, посланный Зевсом
 - Совет старейшин
 - I собрание — сознательная ложь Агамемнона
Возвращение к кораблям, приостановленное
Одиссеем и Афиной
 - II собрание — бессознательная ложь Одиссея
и других
 - Совет старейшин
- Пожертвование Зевсу и отклонение мольбы (под-
тверждение первоначального обмана)⁸.

III и VII песни «Илиады»⁹:

- (1) Клятва о перемирии
- (2) Совет старцев. Елена (Теихоскопия)
 - (3) Единоборство Париса и Менелая
Парис и Елена
 - (1) Стрела Париса (анаидея — бесстыдство)
 - (2) Агамемнон строит войска
 - (3) Боги включаются в битву
Диомедея
 - (3) Боги оставляют битву
 - (2) Гектор строит войска
Главк и Диомед
 - (1) Гектор в Троеде (айдос — стыд)
 - (3) Единоборство Гектора и Аякса
- (2) Совет старцев по поводу Елены
- (1) Клятва о перемирии (похороны)

Так как эти композиционные принципы последовательно проявляются как в малых структурах поэмы (речи), так и в более крупных единицах (отдельные песни и группы песен), то мы вправе ожидать, что они подтвердятся и в цельной структуре поэмы. С этой точки зрения интерес представляет симметричное расположение дней действия и бездействия вокруг центральных событий поэмы.

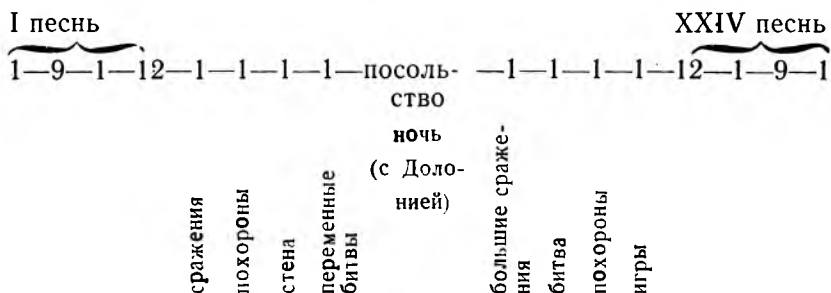
Ночь посольства к Ахиллу (с Долонией) (IX — X песни) отделена одинаковым количеством дней от начала и от конца поэмы. Ей предшествует день переменных битв (VIII пес-

⁸ 396, стр. 261.

⁹ 396, стр. 267.

нь), а за ней следует также день больших сражений (XI—XVIII до 242). Со своей стороны и эти дни окружены тремя днями действия: II—VIII песни содержат день битв (II—VII 282), день похорон (VII 421—433) и день возведения стены (VII 434—482); так же и XVIII 242—XXIII содержат день подвигов Ахилла (XIX—XXIII 58), день похорон Патрокла (XXIII 109—225) и день игр в честь Патрокла (XXIII 226—897). Что касается I и XXIV песен, и здесь можно найти такое же симметричное распределение дней.

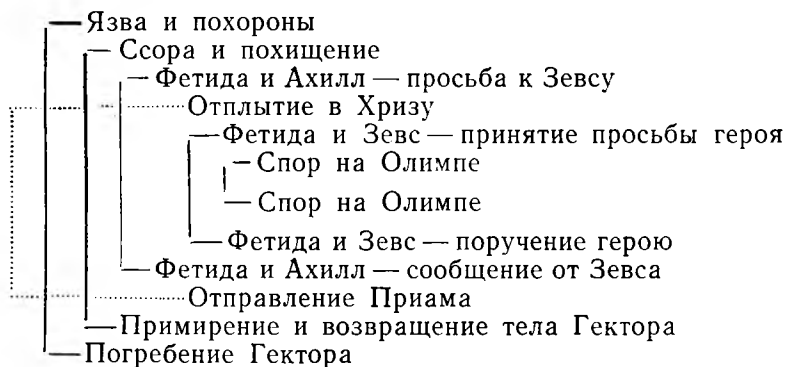
В I песни: день прихода Хриса к Агамемнону, девять фактически бездейственных дней гнева Аполлона, день спора Ахилла с Агамемноном, двенадцать бездейственных дней до возвращения Зевса на Олимп. В XXIV песни: двенадцать бездейственных дней, день прихода Приама к Ахиллу, девять фактически бездейственных дней и день погребения тела Гектора. Это чередование дней можно выразить следующей схемой¹⁰:

Как показывает данная схема, все действие «Илиады» распределено по закономерно чередующимся дням, симметричное расположение к центру которых не вызывает сомнения. Уйтман попытался пойти дальше. По его мнению, вся «Илиада» представляет собой своего рода *hysteron proteron* разнообразных сцен, в которых эпизоды, а иногда и целые песни уравновешены сходством или оппозицией. С этой точки зрения, отдельные части поэмы нельзя рассматривать как завершённые, замкнутые величины без соответствующей каждой из них другой части, которая как бы завершает, композиционно округляет ее. Таким образом можно построить определенную систему уравновешивания отдельных частей «Илиады», которая даст нам возможность выделить в поэме взаимосвязанные необходимостью части. Согласно этому методу Уйтман построил целую схему геометрической структуры сцен «Илиады». Он, как и Шедевальдт, несколько

¹⁰ 396, стр. 257.

раньше другим путем, пришел к выводу, что каждая сцена «Илиады» (за исключением Долонии) связана необходимостью с другой сценой. Пары взаимосвязанных необходимостью частей расположены симметрично от начала и от конца вокруг центральной части поэмы (X—XV). В схеме отдельные части взаимосвязаны круговым принципом, либо последовательностью сцен, либо же соотношением тем или мотивов. Так, например, по схеме Уйтмана, I песнь связана с XXIV круговой замкнутой композицией, выраженной в последовательности сцен. Главные сцены I песни: 1) изгнание Хриза, язва и похороны; 2) собрание старейшин и ссора; 3) Фетида и Ахилл, ободрение Ахилла и обещание явиться к Зевсу с просьбой; 4) Фетида и Зевс, последний внимает просьбе героя; 5) спор богов, Гера препятствует воле Зевса. XXIV песнь содержит ту же последовательность типологически схожих сцен, но в обратном порядке: 5) спор богов, Гера опять в оппозиции, но уже по другой причине; 4) Фетида и Зевс, Зевс посылает Фетиду к Ахиллу; 3) Фетида и Ахилл, Фетида передает поручение Зевса; 2) Ахилл и Приам, возвращение тела Гектора противопоставлено похищению Бризеиды; 1) погребение Гектора, перекликающееся, очевидно, с похоронами и язвой ахейцев в I песни. Лишь два эпизода создают некоторую ассиметрию — сцена отплытия в Хризу и приход Приама к Ахиллу, что, по мнению Уйтмана, — весьма незначительное отклонение. Эту схему можно представить следующим образом¹¹:

Что же касается II и XXIII песен, то они взаимосвязаны типологическим сходством тем, при этом каждая из них, отдельно взятая, с точки зрения чередования сцен, представляет собой, в свою очередь, замкнутую по круговой композиции

¹¹ 396, стр. 259...

величину¹². То же самое можно сказать о взаимоотношении замкнутых круговых композиций III—VII, XVIII—XXII, VIII—XVII, IX—XVI песен. Они расположены по следующей тематической последовательности вокруг центра¹³:

- Панорама: хаос в мире героев (II песнь)
- Монтаж первых лет Троянской войны (III—VII)
 - Активизация плана Зевса (VIII)
 - Против героического абсолюта. Просьба (IX)
Битва (XI—XV)
 - Против героического абсолюта. Просьба (XVI)
 - Ослабление плана Зевса (XVII)
- Монтаж гибели Трои (XVIII—XXII)
- Панорама: порядок в мире героев (XXIII)

По нашему мнению, структурный анализ «Илиады», проведенный Уйтманом, имеет большое значение, однако он не лишен и целого ряда существенных недостатков. Во-первых, здание структурной симметрии «Илиады» у Уйтмана весьма схематично; во-вторых, при сопоставлении отдельных частей «Илиады» исследователь опирается на структурные единицы, выделенные по совершенно разным принципам. Так, например, не совсем ясно, почему в схеме Уйтмана I и XXIV песни создают замкнутую круговую систему по принципу последовательности сцен, в то время как другие песни или группы песен — лишь по тематическому принципу. Так же трудно согласиться во многих случаях с его принципом выделения отдельных сцен. Так, уже в первой песни вызывает спор установленная им последовательность сцен, в которой почему-то игнорируются сцены прихода Хриза к Агамемнону, отречения Ахилла от битвы и т. д. Все это лишает в целом схему Уйтмана, интересную в отдельных моментах, убедительности. Мы полагаем, что если в отдельных структурах «Илиады» и при сопоставлении этих структур друг с другом действительно выявляются композиционные принципы, которых строго придерживается Гомер, то эти принципы должны подтверждаться и в цельной структуре поэмы (в том случае, если она действительно едина). При этом, мы не должны забывать, что для «Илиады», как это не раз было отмечено, характерно построение сцен, речей на основе принципа взаимоотношения. Поэтому вполне допустимо, что одно и то же место поэмы может одновременно выявить связь с несколь-

¹² 396, стр. 261...

¹³ 396 — ср. схему, которая прилагается к труду Уйтмана.

кими сценами. Однако в каждом отдельном случае эта связь имеет свою функцию и должна рассматриваться как с точки зрения закономерности построения малых структур, так и цельной структуры поэмы. Если рассмотреть четыре речи (XII 61 — 79; XII 211 — 229; XIII 726 — 747; XVIII 254 — 283), произнесенные Пулидамасом в «Илиаде», с точки зрения их взаимоотношения друг с другом, то структурная близость обнаружится в самой композиции данных речей. Однако, если подойти к ним с точки зрения композиционной симметрии всей поэмы, то тогда они могут обнаружить связь не друг с другом, а с другими частями поэмы. Именно поэтому, рассматривая структуру поэмы с точки зрения ее общих принципов построения, мы из отдельных замкнутых круговой композицией сцен или групп сцен должны выделить новые структурные единицы, цельность которых будет иметь другую основу.

Ниже мы постараемся представить наши наблюдения над структурной симметрией «Илиады», показать, насколько последовательно выявляются в поэме те основные композиционные принципы, которые засвидетельствованы в более малых структурах. Говоря о симметричном расположении отдельных частей в композиции «Илиады», мы под этими частями подразумеваем блоки действия, посредством соединения которых строится вся поэма. Единство каждого отдельного блока обуславливается совокупностью сцен, имеющих определенную последовательность и показывающих взаимоотношение со структурой симметрично расположенного к нему блока. При выделении каждого такого блока мы уделяем внимание лишь тем сценам, которые имеют особое значение с точки зрения развития действия. Сопоставляя сцены отдельных блоков, в каждом отдельном случае, мы постараемся обосновать реальность сопоставления сцен, учитывая языковые, стилистические и структурные встречи между этими сценами. Думаем, что симметрия композиции «Илиады» имеет не формальный характер, а теснейшим образом связана с идеей или концепцией развития эпического конфликта, характерного для гомеровского эпоса — каждый конфликт, начавшийся по воле богов, завершается по той же божественной воле. Слегка опередив анализ, представленный нами ниже, можем сказать следующее: в целой структуре «Илиады» засвидетельствовано наличие двух основных принципов: круговой замкнутой композиции и параллельного деления. Если подойти к поэме с точки зрения распределения в ней блоков действия, то в ее структуре обнаруживается распределение отдельных блоков вокруг центрального блока действия по принципу круговой композиции; с точки зрения же взаимоотношения сцен отдельных блоков мы в аб-

солютном большинстве случаев будем иметь дело с параллельным делением. Лишь в отдельных, редких случаях выявляются факты незначительных структурных отклонений.

Предварительно отметим также, что наш анализ подтверждает скептицизм большинства ученых в отношении «Долонии» (X)¹⁴, которая выпадает из нашей схемы структурной симметрии поэмы.

1. Центральной частью поэмы, по нашему мнению, являются XI — XIII песни, в которых осуществление первой фазы планов Зевса достигает кульминационного момента. Положение ахейцев безвыходно. Хотя в данной части можно выделить множество мест, которые симметрично расположены друг к другу (трехкратный совет Пулидамаса и др.), для развития действия в «Илиаде» определяющее значение, как нам кажется, имеет все же то обстоятельство, что Патрокл, посланный Ахиллом, своими глазами увидел бедствия ахейцев. Именно возвращение Патрокла к Ахиллу должно вызвать перелом в ходе действия: сначала частичное, а затем и полное примирение Ахилла с ахейцами. Совокупность сцен, предшествующих приходу Патрокла, фактически раскрывает перед нами картину постепенного выхода из строя, ранения ахейских героев. С другой стороны, за появлением Патрокла следуют сцены, изображающие критическое положение ахейцев, постепенное перемещение боев сначала к ахейской стене, а затем к ахейским кораблям. Следовательно, центральную часть в композиции «Илиады» мы представляем как совокупность трех значительных эпизодов:

XI	а. Беды ахейцев (ранение их главных героев)
—	б. Посланный Ахиллом Патрокл узнает о положении ахейцев.
XIII	а' Беды ахейцев (битвы у стены и кораблей)

2. Данной части предшествует эпизод отчаяния Агамемнона и посольства к Ахиллу, объединяющий следующие сцены:

	а. Собрание ахейских старейшин. Агамемнон думает о возвращении.
	б. Диомед сопротивляется Агамемнону.
	в. Совет Нестора и его принятие.
IX.	г. Посольство ахейцев к Ахиллу — Просьба.
	д. Отказ Ахилла.
	е. Ахилл воздерживается от битвы, пока Гектор не зажжет огонь на соседних с мирмидонцами кораблях.

¹⁴ Об этом подробнее ниже, стр. 81.

За центральной частью опять следует эпизод отчаяния Агамемнона и обращения Патрокла с просьбой к Ахиллу. Этот эпизод как бы рассекается эпизодом обождения Зевса, который в данном случае нарушает симметричную последовательность сцен и показывает связь с предшествующим посольству к Ахиллу блоком. Если изъять его из рассматриваемого эпизода, последовательность сцен покажет явную связь с представленным выше соответствующим блоком:

- а. Встреча ахейских старейшин. Агамемнон думает о возвращении.
- XIV б. Одиссей сопротивляется Агамемнону.
- в. Совет Диомеда и его принятие.
- XVI г. Патрокл идет к Ахиллу — Просьба.
- д. Ахилл соглашается.
- е. Гектор зажигает огонь на кораблях ахейцев.
- Ахилл побуждает Патрокла к битве.

Связь между двумя рассматриваемыми блоками очевидна. И в одном и в другом случае Агамемнон — сторонник возвращения, однако, если в IX песни он все еще сохраняет облик верховного главнокомандующего, то в XIV песни — совершенно разбит, в его речи нет и намека на царское величие. События в IX песни развиваются следующим образом: Агамемнон в отчаянии, проливая слезы, он обращается к ахейским старейшинам, но в конце его речи все же слышен призыв царя:

«Давайте же, что я скажу, повинемся все:
Побежим на кораблях к дорогой отчизне,
Так как нам не взять Трои с широкими улицами.»

(IX 26 — 28)

Затем следуют речи: Диомеда — радикальная, полная упреков в адрес Агамемнона, и Нестора, призывающая Агамемнона устроить пир старейшин, на котором найдется выход из положения — кто-нибудь даст нужный совет. И вот Агамемнон собирает старейшин. Нестор упрекает его в том, что он разгневал Ахилла и советует подумать о примирении. Агамемнон произносит полную раскаяния речь, он готов не только вернуть Брисеиду Ахиллу, но отдать еще многое другое, только бы тот примирился. И все же, конец его речи исполнен надменностью царя:

«Должен мне уступить, настолько я больше имею власти (чем он),
и настолько, уверяю, старше него и возрастом.»

(IX 160 — 161)

Нетрудно заметить, что несмотря на крайнее отчаяние, в этой сцене Агамемнон все же сохраняет позу фактического, верховного военного вождя. Именно этот запас бодрости дает ему силы столь энергично возобновить битву в XI песни, хотя в сущности, и это явно чувствуется, он уже сломлен. Это состояние Агамемнона, как заметил Ломани, великолепно передается сходством и контрастностью, которые прослеживаются между данной сценой и теми эпизодами I и II песен, в которых представлен гордый, надменный и самоуверенный в отношениях с Ахиллом и другими старейшинами, царь¹⁵. Рассмотренные сцены IX песни можно считать как бы переходным моментом от царской спесивости Агамемнона к полной его капитуляции, изображенной в XIV песни. В ней дана картина отчаяния Агамемнона — он ранен, ранены и другие ахейские старейшины. В Агамемноне нет былой гордости и, запуганный Гектором, он не знает, что делать. В ответ на полные безнадежности слова Нестора он вновь поднимает вопрос о возвращении на родину, вновь повторяется формула традиционного обращения:

«Давайте же, что я скажу, повинуюсь все».

(XIV 74=IX 26)

Однако его обращение не имеет уже категорического характера. Именно поэтому он совершенно покорно выслушивает критику Одиссея:

«О, Лаертид! поразил ты глубоко упреком жестоким

Душу мою, но ахеянам я не даю повелений

Влечь, вопреки их желаньям, судов многоместных

на волны.

Муж да предстанет и лучший совет моего да предложит;

Юноша он или старец — равно мне приятен он будет».

(XIV 104—108)

Находятся во взаимосвязи также слово, произнесенное Диомедом против Агамемнона в IX (32...), и речь Одиссея в XIV (83...). Оба они отвергают предложение Агамемнона, однако, если в слове, произнесенном Диомедом, проявляется юношеская вспыльчивость и в некоторой степени бездумная смелость, то речь Одиссея — великолепный пример перехода от эмоционального к рациональному¹⁶. В IX песни Нестор дает совет, что можно было бы предпринять в сложившейся ситуации; все следуют ему. В XIV песни советует уже Диомед, и в данном случае совет принимается. В эпи-

¹⁵ 258, стр. 13...

¹⁶ Об этом подробнее ниже, стр. 304...

зодах посольства ахейских героев к Ахиллу в IX песни и прихода Патрокла к другу в XVI также прослеживается типологическое сходство — в одном случае Ахилл отказывает в просьбе, в другом — внимает ей.

Примечательно также отношение между радикальным заявлением Ахилла в IX:

«Я, объявите ему, не помыслю о битве кровавой
Прежде, пока Приамид браноносный, божественный Гектор,
К сениям уже и широким судам не придет мирмидонским,
Рати ахейн разбив и пока не зажжет кораблей их.
Здесь же, у сени моей, пред моим кораблем чернобоким,
Гектор, как ни неистов, от брани уймется, надеюсь».
(IX 650 — 655)

и XVI 112..., в которой описывается, как брошенный троянцами огонь охватил суда ахейцев. Это и становится в «Илиаде» фактическим поводом поспешной подготовки Ахиллом Патрокла к битве. Его слова к Патроклу (XVI 126 — 129) и приготовления друга к бою созвучны именно приведенному выше обещанию Ахилла в IX.

3. Сценам посольства предшествует эпизод, способствующий активизации плана Зевса, его вступлению в решающую фазу. Данный блок представляется нам в совокупности следующих сцен:

- а. Предостерегающее слово Зевса богам — не мешать ему в скорейшей реализации планов.
- б. С помощью Зевса троянцы атакуют. Ахейцы бегут.
- VIII в. Зевс угрожает Гере (и Афине). Зевс определяет течение событий на следующий день.
- г. Гектор заявляет троянцам, что завтра они завяжут бои перед судами ахейцев.

Этим эпизодам соответствует последовательность сцен, которая, как было уже отмечено, рассекает рассмотренный выше блок (отчаяние Агамемнона и приход Патрокла к Ахиллу):

- а. Гера обольщает Зевса. Она мешает мужу реализовать свои планы.
- XIV б. С помощью Посейдона ахейцы атакуют. Троянцы бегут.
-
- XV в. Зевс угрожает Гере. Зевс определяет дальнейший ход событий.
- г. Гектор ободряет троянцев. Битва перед судами ахейцев.

Между этими блоками много общего. Они фактически ограничивают центральную часть поэмы, в которой развертывается в основном план Зевса. Из них первый является переходным от той части поэмы, в которой осуществляется в основном экспонирование героев и в которой Зевс не проявляет пока активности в осуществлении своих планов, к центральному бою. И действительно, после обольщения Агамемнона с помощью обманчивого сна до VIII песни Зевс фактически ничего не сделал для того, чтобы троянцы добились решительного перевеса в битве. Здесь же Зевс намерен осуществить свои замыслы и как можно скорее. Однако ему могут помешать другие боги. Именно этим и следует объяснить, что перед тем, как осуществить свой план, он обращается с предупреждением к богам (VIII 5—27), напоминая им о своем превосходстве в силе. Во взаимоотношении с данной сценой находится эпизод обольщения Зевса в XIV. Поступок Геры противоречит планам Зевса. Гера мешает супругу осуществить замысел, она усыпляет его. Именно с учетом данного момента становится вполне оправданным, на первый взгляд, незаконно агрессивный тон Зевса в обращении к богам в VIII. С другой стороны, в речи Зевса в VIII можно заметить, что он предчувствует коварство жены. За сопоставляемыми сценами в VIII следуют сцены помощи Зевса троянцам, атаки троянцев и бегство ахейцев, а в XIV — сцены помощи Посейдона ахейцам, атаки ахейцев и бегство троянцев. Связь между ними очевидна. В VIII песни ободренные Зевсом троянцы атакуют ахейцев, а те

«после того, как перешли частокол и окоп,
бегущие, многие пали от рук троянцев,
они остановились у кораблей в ожидании».

(VIII 343 — 345)

Картину, казалось бы, безвыходного положения ахейцев (335 — 349) внезапно сменяет картина беседы Афины с Герой. Они желают помочь ахейцам (350—380). В XIV песни атакуют уже ободренные Посейдоном ахейцы, а

«после того, как перешли частокол и окоп,
бегущие, многие пали от рук данайцев,
они остановились у колесниц в ожидании».

(XV 1 — 3)

И здесь картина критического положения троянцев сменяется сценой пробуждения Зевса и его вмешательства.

Таким образом, из сопоставления этих сцен явствует их взаимосвязь, которая проявляется не только в сходстве раз-

вертывания событий, но и языковых соответствий ключевых пассажей.

В XV 1—3 почти без изменений остается VIII 343—345, заменены лишь имена атакующих и бегущих и термины, обозначающие место их остановки. Эти два момента создают полную иллюзию непрерывной смены участия противников в войне. Обращает на себя внимание и соотношение следующей пары сцен. В VIII Зевс грозит Гере (и Афине) за несуществленную попытку помочь ахейцам и кончает свое слово предрешением хода событий на следующий день. Здесь уже вырисовывается картина грядущих бедствий ахейцев, однако мы еще ничего не знаем о финальной стадии зевсова плана. В начале XV песни Зевс вновь грозит Гере, однако уже за осуществленную помощь ахейцам. Затем он предрешает дальнейший ход событий: Гектор вновь вступит в бой, отступившие ахейцы «упадут на суда» Ахилла, Ахилл пошлет в бой Патрокла, который, сразив многих героев, в том числе и сына Зевса, Сарпедона, сам падет от руки Гектора. Ахилл, мстящий за друга, убьет Гектора. После этого Зевс устроит бегство троянцев от кораблей, пока ахейцы не возьмут высокую Трою по совету Афины. Это будет выполнением обещания, данного Фетиде (XV 49—77). Следующая пара сцен: обещание Гектора, данное троянцам, что он завяжет бой у самих кораблей ахейцев (VIII 497...) и сцена боев под предводительством Гектора в XV, соответствующая картине, описанной в речи Приамида.

Скажем несколько слов о функции вышерассмотренных сцен из XIV—XV песен в действии поэмы. Как и совокупность соответствующих сцен в VIII, они создают в XIV—XV переходную ступень, однако, уже от центральной части поэмы к новым единоборствам, к усмирению гнева Ахилла и к вступлению Пелида в бой. Изучение поэмы делает очевидным, что план Зевса осуществляется в трех фазах. Первая фаза — возобновление Агамемноном боев — охватывает II—VII песни. Событиями управляет Зевс, побудивший Агамемнона начать бой. Вторая фаза включает VIII—XIV песни — тяжкие бедствия ахейцев, грозившие им неминуемой гибелью после выхода из боя ахейских героев. И опять всем управляет Зевс, предрешивший в VIII песни ход событий до того дня, когда Агамемнон дойдет до полного отчаяния. Третья фаза — постепенное примирение Ахилла с ахейцами и его участие в боях — охватывает XV—XXII песни. И здесь импульсом к развитию действия выступает Зевс, который в начале XV песни предрешает весь дальнейший ход событий. Соответствие сцен двух рассматриваемых блоков фактически образует круг — активизация Зевса в начале VIII песни завершается изображением картины боя у ахейских кораб-

лей, за которой должен последовать переход на новую ступень развития действия.

Тот факт, что в данном случае группа сцен, связанных с обольщением Зевса, создает в общей структуре «Илиады» некоторую асимметричность, по нашему мнению, следует объяснить необходимостью, вытекающей из закономерности развития действия в самой поэме. С точки зрения внутренней логики развития действия необходимо было, чтобы приход Патрокла к Ахиллу и согласие Пелида следовали за сценой битв у ахейских кораблей, с другой же стороны, надо было показать картину тяжких бедствий ахейцев еще до осуществления третьей фазы плана Зевса.

4. Рассмотренным блокам в начале поэмы предшествует определенное интермеццо, которое может служить своего рода паузой между сценой единоборства Аякса и Гектора и эпизодом активизации зевсова плана. Функция этой т. н. переходной сцены в действии поэмы незначительна — описанные в ней картины заключения перемирия, возведения ахейской стены, похорон покойников являются лишь компонентами, выполняющими данную паузу. С другой стороны, очевидно, что на каждый из этих компонентов возложена вполне реальная функция — собрать воедино отдельные детали Троянской войны, не нашедшие соответствующего места в блоках действия поэмы. В первую очередь, это — история возведения ахейской стены. Правда, стена не играет никакой роли в развитии действия «Илиады», однако, как видно, она является отголоском какого-то сообщения о стене, воздвигнутой ахейцами у Трои. На это должны указывать, с одной стороны, совет Зевса Посейдону — сравнять с землею стену после ухода ахейцев (VII 461...), а с другой, — сообщение о том, что после войны боги действительно сравняли стену с землею так, что от нее не осталось и следа (XII 15...). Что же касается художественной функции, которую выполняет ахейская стена в «Илиаде», то можно высказать следующее соображение. Ахейская стена, являющаяся оплотом (*εἰλαρ* — VII 338, 437; XIV 56, 68) ахейцев и их кораблей, противопоставляется крепости троянцев — символа непоколебимости Трои и ее жителей. Она способствует сохранению того равновесия, которое явно выявляется между противоположными сторонами в поэме¹⁷. Особенно ощутим этот принцип равновесия при сопоставлении ахейских и троянских героев. И в призыве Нестора в VII 327... насыпать одну общую могилу погибшим может быть отражена давняя традиция об ахейской могиле в Троаде. То же самое можно

¹⁷ О вопросе ахейской стены см 384; 303, стр. 315...

сказать и о совершенно бесперспективном предложении троянцев — ахейцам удовлетвориться тем, что им возвратят все, кроме Елены, а до этого о споре в стане троянцев по этому поводу (VII, 348...) — этот эпизод можно считать попыткой передачи реальной информации о начальной ситуации сражений у Трои в первый год войны.

Ни один из перечисленных моментов не связан органично с логикой развития действия в поэме, однако они все вместе образуют необходимую для перехода на центральные события паузу. Этот эпизод можно представить как своего рода резюме первого этапа боев ахейцев, оставшихся без Ахилла — а) похороны погибших ахейских героев, б) необходимость укрепления лагеря ахейцев — ахейская стена.

С аналогичной цезурой имеем мы дело между сценами беседы Ахилла с Патроклом и вступления Патрокла в бой. В данном случае переходная ступень образуется каталогом мирмидонцев (XVI 168...). Детальный перечень мирмидонцев, готовых к сражению, создает полный контраст с бедствиями и неясностью, о которых повествуется в рассмотренной части VII песни. Каталог является подготовкой к перелому, который должен внести Патрокл на поле битвы. Сила мирмидонского войска, на которое падает вся тяжесть войны, становится после каталога совершенно определенной, реальной величиной.

5. Данной цезуре в VII предшествуют эпизоды включения Гектора в битву и единоборства Гектора с Аяксом. Этот блок можно представить в совокупности следующих сцен:

- а. Гектор снова вступает в бой.
- б. Сражения с преимуществом на стороне троянцев.
- в. Афина сочувствует ахейцам. Аполлон не советует вмешиваться в бой. Афина внимает совету Аполлона.
- VII. г. Гелен призывает Гектора к единоборству с лучшими из ахейских героев. Принятие призыва.
- д. Страх ахейских героев. Нестор стыдит их.
- е. Единоборство Гектора с Аяксом. Гектор с помощью Аполлона достойно встречает Аякса.

За каталогом мирмидонцев следует эпизод сражений с участием Патрокла, объединяющий следующие сцены:

- а. Патрокл снова вступает в бой.
- XVI б. Битвы с преимуществом на стороне ахейцев.
- в. Зевс оплакивает близкую гибель сына. Гера не советует вмешаться в бой. Зевс внимает совету Геры.

е¹. Единоборство Сарпедона с Патроклом.

г. Главк призывает Гектора и троянских героев начать бой за тело Сарпедона. Принятие призыва.

XVI д. Зевс будит в Гекторе страх. Аполлон стыдит его.

е. Единоборство Гектора с Патроклом. Гектор с помощью Аполлона убивает Патрокла.

Взаимоотношение между приведенными выше сценами также значительно. В VII песни действие направлено к единоборству между Гектором и Аяксом, которое служит отличным экспонированием Теламонида. Это же, если учесть роль Аякса в дальнейших боях, описанных в «Илиаде», необходимо. Хотя в этом единоборстве победа достается не Аяксу, его превосходство все же ощутимо. Этого достаточно для того, чтобы у слушателя или читателя создалось вполне определенное впечатление о мощи Аякса: ведь Гектор — первый среди троянцев, встречи с ним избегает даже Ахилл (VII 113 — 114). Каждый момент, подготавливающий единоборство, подчеркивает значение схватки с Гектором, служит выведению Аякса на арену центральных событий: это включение Гектора в бой, превосходство троянцев, вызов Гектором лучшего из лучших ахейцев на единоборство, страх ахейских героев; достойное завершение Аяксом единоборства делает явным преимущество Теламонида перед всеми ахейскими героями, кроме Ахилла.

Что же касается соответствующего эпизода XVI песни, то здесь последовательность типологически схожих сцен служит экспонированию образа Патрокла. Однако в отличие от Аякса, экспонирование Патрокла, завершающееся его смертью, является подготовкой Ахилла к бою. Здесь поэт мастерски раздвигает мотив единоборства Патрокла с троянским героем. Он переносит основной акцент на единоборство Патрокла с Сарпедоном, фактически обходя сражение Патрокла с Гектором, ибо в последнем случае вмешательство Аполлона уже предопределяет судьбу Патрокла. Гектору остается лишь завершить дело, начатое Аполлоном, и сразить раненого Патрокла. Так как единоборство с Гектором, которое должно состояться после всех совершенных Патроклом на поле боя героических дел, в самый кульминационный момент, в котором Менойтид должен погибнуть, не предоставляет поэту возможности надлежащим образом показать геройство и значение Патрокла, он прибегает к следующему приему: ослабляя остроту последнего единоборства вмешательством Аполлона, он не лишает достоинства умирающего Патрокла (ср. слова Патрокла XVI 844... к Гектору); с другой стороны, перенося акцент на пре-

дыдущее единоборство Патрокла с сыном Зевса, Сарпедоном, он мастерски показывает силу и мужество Патрокла. Помимо этого, каждый эпизод в данной части служит экспонированию геройства Патрокла. Так как в данном отрывке Патрокл должен «успеть» выявить все свои возможности, поэт настолько интенсифицирует каждый, связанный с участием Менойтида в битвах мотив, что его успехи перерастают в непосредственную угрозу Трое. Но поэт обладает тонким чувством меры. И именно поэтому страх Гектора, который перекликается со страхом ахейцев в VII, неестествен, он искусственно вызван Зевсом: так и умерщвление Гектором Патрокла — не случайный момент, а вытекающий из логики развития действия и из значения каждого отдельного героя, необходимый для построения всей поэмы факт.

Рассмотренная совокупность сцен лишняя раз свидетельствует — на примере раздвоения мотива единоборства Патрокла — о том, что принцип структурной симметрии может быть в некоторой степени нарушен, если этого требует внутренняя логика построения действия того или иного эпизода.

6. Совокупность сцен, которая предшествует эпизоду единоборства Гектора с Аяксом, образует следующий блок действия:

- а. Битвы. Менелай и Адраст.
- б. Гелен призывает Гектора и Энея.
- в. Гектор и Эней укрепляют позиции троянцев.
- г. Встреча Главка с Диомедом. Мирный исход.

VI д. Гектор и Гекуба. Гектор посылает Гекубу в храм Афины.

е. Гектор призывает Париса выйти на поле битвы (принятие призыва).

ж. Андромаха и Гектор. Андромаха советует укрепиться в Трое.

з. Гектор не принимает совета.

С данным блоком можно сопоставить совокупность сцен, следующих за Патроклией:

- а. Битва за тело Патрокла. Менелай и Эвфорб.
- б. Главк призывает Гектора.
- XVII в. Гектор и Эней укрепляют позиции троянцев.
- г. Битва за тело Патрокла с многочисленными единоборствами.
- д. Ахилл и Фетида. Фетида обещает Ахиллу пойти к Гефесту.

е. Ирида призывает Ахилла выйти на поле битвы (принятие призыва).

XVIII ж. Пулидамас и Гектор. Пулидамас советует укрепиться в Трое.

з. Гектор не внимает совету.

О встречах между вышеприведенными блоками можно сказать следующее. Первый из них подготавливает выход Гектора на арену центральных событий, в нем все подчинено этой цели. Во втором же — подготавливается читатель или слушатель к включению Ахилла в битву. Как в одном, так и в другом блоке царит трагический дух, ибо фактически в обоих случаях оплакиваются все еще живые герои — Гектор и Ахилл. После встречи Гектора с Андромахой в доме героя плач по еще живому Гектору (VI 500), а в XVIII Фетида оплакивает неизбежную гибель Ахилла (52 — 64; 95 — 96). Первый блок действия начинается с битв, в которых включен эпизод встречи Менелая с Адрастом; последний пытается обещаниями смирить сердце Атрида, но его убивает подоспевший Агамемнон. Второй блок начинается также с битв, но уже за тело Патрокла; здесь также включен эпизод единоборства Менелая с троянским героем Эвфорбом. Примечательна взаимосвязь между призывами Гелена (VI 77...) и Главка (XVII 142...). В одном случае Гелен призывает Гектора и Энея задержать троянцев, в другом — Главк упрекает Гектора за пассивность и призывает его более энергично сражаться за овладение телом Патрокла. В одном случае Гектор внимает совету Гелена, в другом же, хотя и не согласен с оценкой явлений Главком, все же включается в битву. Представляет интерес то обстоятельство, что как в одном, так и в другом случае за данными эпизодами следуют обращения Гектора к троянцам, в которых прослеживаются явные соответствия как в отношении словесного состава, так и в отношении содержания:

«Гектор возбуждал троянцев, обращаясь громко:

«Троянцы, мужественные и весьма славные союзники,

Будьте мужами, друзья, и вспомните неукротимую
храбрость,

Пока я.....»

(VI 110 — 113)

«Так сказав, (Гектор) возбуждал троянцев, обращаясь
громко:

«Троянцы и ликийцы и мужественные дарданцы,

Будьте мужами, друзья, и вспомните

неукротимую храбрость,

Пока я.....»

(XVII 183 — 186)

И в обоих случаях за словами Гектора следует формула:

«Так сказав, ушел шлемоблещущий Гектор».

(VI 116 = XVII 188)

Как в одном, так и в другом блоке Эней и Гектор стараются укрепить позиции троянцев, однако в первом случае эти сцены явно подготавливают переход к мирной ситуации — встрече Гектора в Трое, следовательно, в них постепенно ослабляется острота боев. Что же касается второго блока, то здесь последовательность типологически схожих сцен подготавливает переход к кульминационному моменту поэмы — единоборству Гектора с Ахиллом. Подготовке этих двух, противоположных по своему характеру ситуаций служит следующая пара сцен: в VI песни встречей Диомеда с Главком, их диалогом и мирной разлукой поэт мастерски подготавливает почву для удаления Гектора с поля битвы, временного прекращения сражений; находящийся же во взаимосвязи с данной сценой эпизод ожесточенных, беспощадных боев в XVII за тело Патрокла подготавливает переход к началу новой фазы гнева Ахилла. Так же противоположны и вместе с тем схожи сцены встреч Гектора с Гекубой в VI и Ахилла с Фетидой в XVIII. И в одном и в другом случае просьба сына — Гектор просит Гекубу пойти в храм Афины, а Ахилл — не удерживать его, немедленно послать на поле боя для мщения. Пришедший в Трою Гектор призывает Париса вступить в бой, пока город не охватило пламя (VI 326 — 331), а в XVIII пришедшая к Ахиллу Ирида призывает его выйти на поле битвы, пока труп Патрокла не похитили троянцы (170...). Несмотря на то, что следующая пара сцен — встреча Гектора с Андромахой и разговор Гектора с Пулидамасом — по своему характеру различна, между ними все же прослеживаются довольно ощутимые связующие нити. То, о чем просит Андромаху Гектора в VI 407... — остаться и укрепиться в Трое, — советует Гектору и троянцам фактически и Пулидамас в XVIII 254... И в одном и в другом случае Гектор не внимает советам, однако, если он отказывает Андромахе, стыдясь троянцев, то с Пулидамасом говорит уже самоуверенный, несколько ослепленный своими успехами военачальник. Предвидение Гектором ожидаемого несчастного исхода в первом случае и слепая вера в свои силы — во втором служат подготовке двух разнящихся эпизодов. В первом — поэт желает представить Гектора как мудрого мужа, отца семейства, заботящегося о своем городе, нежного и мужественного, способного трезво оценивать и предугадывать события, включение которого в бой — залог успехов троянцев. Во втором же Гектор представлен как предводитель,

лишенный способности рассуждать здраво, безмерно возгордившийся, которого судьба ведет к неминуемой гибели.

7. Следующая последовательность сцен образует блок, непосредственно предшествующий встрече Гектора в Трое, который в основном посвящается подвигам Диомеда:

- а. Олимп. Беседа Зевса с Герой. Мирная тенденция Зевса.
- б. Афина спускается с Олимпа и возбуждает Пандара.
- IV в. Пандар нарушает клятву — Менелаю не возвращают Елену.
- г. Под предводительством разгневанного Агамемнона войско строится к бою.
- д. Афина разрешает Диомеду сразиться с Афродитой.
- е. Единоборство Пандара/Энея с Диомедом.
- ж. Афродита защищает Энея. Диомед не покоряется богине.
- з. Аполлон отражает Диомеда от Энея (три раза атака, в четвертый раз отражение).
- и. Диомед, напуганный Аресом, прекращает бой.
- V й. Афина ободряет Диомеда и призывает его не бояться Ареса.
- к. Диомед возобновляет битву.
- л. Диомед ранит Ареса и заставляет его отказаться от битвы.
- м. Ссоры богов.

Блок, следующий за оплакиванием Патрокла и советом Пулидамаса, показывающий отношение к приведенной выше совокупности сцен, посвящается возобновлению участия Ахилла в боях:

- а. Олимп. Беседа Зевса с Герой. Щит Ахилла.
- б. Фетида спускается с Олимпа и дает оружие Ахиллу для вступления в бой.
- XVIII в. Агамемнон выполняет клятву — Ахиллу возвращают Брисеиду.
- г. Под предводительством разгневанного Ахилла войско строится к бою.
- д. Зевс разрешает богам вступить друг с другом в бой.
- е. Единоборство Энея с Ахиллом.
- ж. Посейдон защищает Энея. Ахилл покоряется богу.
- з. Аполлон отражает Ахилла от Гектора (три раза атака, в четвертый раз отражение).

- и. Ахилл, испуганный Ксанфом, прекращает битву.
- й. Афина и Посейдон ободряют Ахилла и призывают не покоряться Ксанфу.
- к. Ахилл возобновляет битву.
- л. Гефест огнем иссушает Ксанфа и заставляет отказаться от борьбы.
- м. Ссоры богов.

Соотношение между сценами данных блоков весьма значительное. Как не раз отмечалось, для гомеровского эпоса характерна тенденция раздвоения мотивов, создания параллельных образов героев. Например, в «Илиаде» почти нет героя, который бы не находился в каком-либо взаимоотношении — будь то сходство или контраст — с образом другого героя поэмы¹⁸. Особое внимание обращают на сходство Диомеда с Ахиллом. Диомед — это как бы Ахилл в первой части поэмы, он исполняет его обязанности¹⁹. Наш анализ подкрепляет данное соображение. И действительно, в содержании и последовательности сцен эпизода подвигов Диомеда прослеживается явное сходство с включением Ахилла в бой.

Как и следует ожидать, возобновлению боев в первом блоке предшествует сцена на Олимпе. Она начинается с описания воцарившегося на Олимпе спокойствия. Боги мирно беседуют между собой. Затем Зевс, задумав раздражить Геру, обращается к ней с насмешкой, издевкой. В его речи явно преобладают мирные нотки. Примечательно, что Зевс противопоставляет друг другу две возможности: с одной стороны, войну и грозные бои, с другой — обоюдную дружбу и мир. Выслушав ответ Геры, Кронид обращается к ней с упреком за ее неукротимую злобу к Трое и троянцам и требует от жены, чтобы и она уступила и не оказывала сопротивления, если когда-либо и он пожелает в гнев разрушить один из любимых городов Геры, ибо среди городов, находящихся под солнцем и звездным небом, Зевс больше всех ценит Трою. Гера соглашается — Кронид может при желании разрушить три города, самых любезных ей: Аргос, Спарту и Микены. Она того же мнения, что они должны уступить друг другу, чему последуют и другие боги. Затем следует призыв к Афине спуститься к троянцам и ахейцам, чтобы заставить троянцев нарушить клятву. В данной сцене поэт, посредством того же божественного вмешательства, подготавливает ситуацию для возобновления боев. Вместе с этим, описывая воцарившийся на Олимпе мир, обоюдное согласие Зевса и

¹⁸ Ср. 361; 258, стр. 195...

¹⁹ 258, стр. 195...

Геры, с одной стороны, и, с другой, — предвидя будущие бои между смертными, гибель Трои и ахейских городов, что является прямым следствием соглашения богов, поэт противопоставляет друг другу вечную обитель бессмертных с воцарившимся там духом согласия и устранения противоречий и города смертных, судьбы которых полностью зависят от желания богов и которые обречены на неминуемую гибель.

Подобно тому, как Олимп, населенный бессмертными богами, противопоставляется городам смертных людей, так и злая война и жестокие бои противопоставлены здесь миру и дружбе, распри и несогласие — обоюдному согласию и взаимным уступкам. Именно соглашение Зевса и Геры становится причиной тех боев, которые описаны в последующих песнях «Илиады».

С этим эпизодом перекликается сцена на Олимпе в XVIII песни, служащая включению Ахилла в бой. Беседа Зевса с Герой имеет много общего с беседой IV песни не только в отношении содержания, но и с точки зрения языковых соответствий. Достаточно отметить, что здесь повторяются целые строки (IV 25 = XVIII 361; IV 60 — 61 = XVIII 365 — 366). И щит, изготовленный Гефестом по просьбе Фетиды, описанный в XVIII детально, с изображенными на нем контрастными картинками, выполняет ту же функцию противопоставления, что и вышерассмотренная сцена IV песни. И здесь противопоставляются друг другу вечное небо и населенный смертными мир, сцены войны и мира, труда и праздника, города и села. Говоря словами В. Шадевальдта, «щит Ахилла показывает в малом то, чем является мир его эпоса в большом»²⁰. В IV песни с Олимпа спускается Афина и внушает Пандару «ударить стрелой» в Менелая, а в XIX — с Олимпа спускается Фетида и приносит Ахиллу оружие для вступления в бой. В одном случае для возобновления битвы необходимо, чтобы была нарушена клятва; этого достигает Пандар своим роковым выстрелом и в результате ахейцы не могут вернуть себе Елену. В другом случае, чтобы включить Ахилла в бой, Агамемнон возвращает ему Брисеиду. В обоих блоках — схожие сцены гнева верховного военного вождя и построения войск, только в одном центральной фигурой является Агамемнон, в другом — Ахилл. Перед началом боя в V Афина разрешает Диомеду сразиться с Афродитой, в XX песни Зевс разрешает богам включиться в битву и сражаться друг против друга. Начиная с этого момента, действия Диомеда и Ахилла на поле битвы развиваются почти одинаково. В V песни Диомед, так же как Ахилл, начиная с XIX песни, является главным защитником чести ахейцев.

²⁰ 349, стр. 368.

Сцена единоборства Диомеда с Пандаром/Энеем находится в соответствии со сценой единоборства Ахилла с Энеем. Как в одном, так и в другом случае Энею грозит смертельная опасность. Однако, если в V Диомед не покоряется Афродите и продолжает атаковать Энея, в XX Ахилл вынужден покориться Посейдону, спасшему Энея от Пелида. В V Аполлон спасает Энея от Диомеда, в XX же Аполлон спасает Гектора от Ахилла. Сходство между последней парой сцен весьма значительное. В одном случае:

«Трижды нападал (Диомед), желающий убить (Энея),
Трижды у него блистательный щит отразил Аполлон,
Но когда в четвертый раз налетел демону подобный,
Страшно вскричав, обратился к нему Аполлон-дальновержец...»
(V 436 — 439)

во втором:

«Трижды нападал (на Гектора) быстроногий божественный
Ахилл,
Медной пикой трижды вонзал (его) в воздух глубокий,
Но когда в четвертый раз налетел демону подобный,
Страшно вскричав, обратился с крылатыми словами».
(XX 445 — 448)

Так же схожи сцены временного отречения от битвы напуганного Аресом Диомеда и приостановление битвы Ахиллом в страхе перед Ксанфом. В одном случае Диомеда ободряет Афина и призывает его не уступать Аресу, в другом же — Афина и Посейдон ободряют Ахилла и призывают его продолжить бой. И в одном и в другом случае герои включаются в битву. Ареса ранит Диомед и вынуждает его покинуть поле битвы, а Ксанфа усмиряет Гефест своим огнем. Как один, так и другой блок завершаются сценами ссоры богов.

8. Эпизоду подвигов Диомеда предшествует совокупность сцен, описывающая начало войны в поэме, единоборство Париса с Менелаем:

- а. Парис выступает перед троянским войском и вызывает в единоборство лучшего из ахейцев.
- б. Напуганный видом Менелая, Парис избегает его.
- III в. Парис, пристыженный Гектором, решает сразиться с Менелаем.
- г. Единоборство Париса с Менелаем. Мнимая победа Менелая.

- д. Афродита похищает Париса с поля битвы и переносит в Трою.
- е. Елена стыдит Париса и сожалеет, что он не погиб на поле битвы.

Данному блоку соответствует совокупность сцен, рисующая единоборство Гектора с Ахиллом:

- а. Гектор стоит перед троянскими воротами и ждет Ахилла.
 - б. Напуганный видом Ахилла, Гектор избегает его.
 - в. Гектор, пристыженный Афиной/Дейфобом, решает сразиться с Ахиллом.
- XXII г. Единоборство Гектора с Ахиллом. Решающая победа Ахилла.
- д. Ахилл переносит тело Гектора в свой лагерь.
 - е. Андромаха (и родители) оплакивает Гектора, который мужественно погиб на поле битвы.

Соответствия между данными блоками не исчерпываются этим. Можно было бы указать и на другие моменты, связывающие эти эпизоды друг с другом. Например, как в одном, так и в другом случае Приам наблюдает за боем со стены, в III Елена, которую поэт вводит столь мастерски, перед началом единоборства, состоявшегося из-за нее, показывает Приаму известных ахейских героев, в XXII же царь Трои со стены наблюдает за рассвирепевшим Ахиллом и умоляет Гектора избегнуть столкновения с ним. Перед началом единоборства Париса и Менелая жребий бросает Гектор, а перед схваткой Гектора и Ахилла Зевс взвешивает участь каждого из них. Не лишено интереса и раздвоение мотивов, которое имеет место в своего рода прелюдии к единоборству Гектора с Ахиллом — в сцене, связанной с Агенором. То обстоятельство, что монолог Агенора очень напоминает монолог Гектора, уже отмечалось в гомерологии²¹. С другой стороны, его исчезновение с поля битвы с помощью Аполлона можно было бы сопоставить с исчезновением Париса в III. Однако мы заострим внимание лишь на вышеприведенных встречах в главных сценах, имеющих принципиальное значение для развития действия. Несмотря на то, что пары героев, участвовавших в данных единоборствах, весьма отличаются друг от друга как своей силой, так и мужеством, обе эти схватки имеют приблизительно равное значение в «Илиаде». Единоборство Париса и Менелая за Елену — первое единоборство в поэме, после чего фактически начинается война в

²¹ 258, стр. 38.

«Илиаде». Оно создает у читателя или слушателя иллюзию начала войны вообще. И, действительно, начиная с этого момента, вплоть до активизации плана Зевса в VIII песни, поэма предлагает, по словам Уйтмана, своего рода монтаж событий начального периода Троянской войны. С другой стороны, единоборство Ахилла и Гектора является последним единоборством в «Илиаде». Оно создает иллюзию окончательной победы ахейцев, разгрома Трои и завершает ту последовательность сцен, которая, начиная с включения Ахилла в бой, по словам того же Уйтмана, предлагает монтаж разрушения Трои. Именно поэтому типологическая взаимосвязь между этими двумя т. н. ключевыми блоками весьма интересна. Как один, так и другой блок начинается с выделения троянского героя из батальных сцен. В III Парис выделен из троянского войска, а в XXII Гектор — из толпы отступающих в город сограждан. Страх вначале заставляет бежать после встречи с противником как Париса, так и Гектора. Лишь после того, как Гектор пристыдит брата, Александр решает сразиться с Менелаем. Так же и Гектор, пристыженный и ободренный Афиной/Дейфобом, встречает в XXII Пелида. Терпят поражение как Парис, так и Гектор, однако в первом случае поражение мнимое, ибо за ним должно последовать начало центральных боев, во втором же — поражение окончательное, ибо здесь фактически ставится конечная точка войне в поэме. Именно поэтому, если спасение Афродитой Париса — удаление его в Трою — означает продолжение боев, то унесение Ахиллом тела Гектора с поля битвы — это разряжение конфликта, направление действия к завершению. Финальным аккордом обоих блоков являются сцены с участием жен героев — в одном случае Елена упрекает Париса за трусость, в другом — Андромаха оплакивает своего мужественного супруга, оплот семьи и города.

9. Рассмотренной паре блоков предшествует в начале поэмы следующая совокупность сцен:

а. Зевс призывает Агамемнона во сне.

б. Агамемнон собирает ахейцев. (Испытание. Призыв к отходу к кораблям).

II. в. Сбор ахейцев к бою.

г. Панорама ахейского войска — каталог.

За ними следует блок:

а. Патрокл призывает Ахилла во сне.

XXIII б. Ахилл собирает ахейцев. (Призыв к отходу к кораблям).

в. Сбор ахейцев к играм.

г. Панорама ахейских героев — игры.

Противоположность функций этих двух блоков совершенно очевидна. Первый из них подготавливает нас к жарким схваткам, второй же напротив — к завершению поэмы примирением богов. В первом случае обманчивый сон, посланный Зевсом, внушает спящему Агамемнону начать бои; в другом случае — душа Патрокла просит во сне спящего Ахилла достойно похоронить его — это означает временное прекращение боев. Во II — проснувшийся Агамемнон собирает ахейцев и устраивает им испытание. Атрид призывает разойтись по кораблям и подумать о возвращении. Так же и в XXIII — проснувшийся Ахилл собирает ахейцев и просит Агамемнона распустить всех, кроме старейшин, и устроить пир. Агамемнон отпускает ахейцев к кораблям. Как в одном, так и в другом случае ахейцы вновь собираются, однако во II они готовятся к бою, а в XXIII — к играм и соревнованиям. За построением в первом случае следует панорама ахейских героев — обширный каталог предводителей и кораблей, создающая определенную цезуру перед непосредственным переходом к боям, а во втором — панорама участвовавших в играх ахейских героев, подготавливающая переход к мирному финалу.

10. Все рассмотренное нами выше фактически является реализацией зевского плана. Зевс управляет, руководит развитием событий, в его руках сосредоточены нити,двигающие всеми центральными конфликтами. Поэтому совершенно естественно, что именно та группа сцен, которая описывает включение Зевса в историю гнева Ахилла, создает переходную ступень от гнева Ахилла к его последствиям.

а. Ахилл и Фетида.

I б. Фетида и Зевс.

в. Спор на Олимпе.

Зевс предрешает и конец конфликта. Он должен завершить ход событий божественным примирением. После реализации его плана действие должно идти к разрядке. И здесь переходную ступень создает группа сцен, взаимосвязанная с рассмотренным выше блоком:

а. Спор на Олимпе.

XXIV б. Фетида и Зевс.

а. Фетида и Ахилл.

Легко заметить, что данные сцены связаны друг с дру-

гом по принципу замкнутой круговой композиции. Эти два блока, являющиеся определяющими в композиции поэмы, увязывают центральные явления «Илиады» с волей бога. Зевс — движущая сила в поэме. Его воля определяет все центральные события поэмы. В первой песни действие развивается таким образом, что Зевс должен выполнить просьбу Ахилла. Посредницей между смертным героем и Зевсом выступает Фетида. Если причина развития событий — в гневе Ахилла, то воплощает его реально сам Зевс. Следовательно, в I песни все идет по восходящей линии, необходимой для развития конфликта: от просьбы героя к верховному богу до принятия этой просьбы Зевсом. В конце концов гнев Ахилла в своих двух фазах (гнев на ахейцев из-за похищения Брисеиды и оскорбления и гнев на троянцев из-за убийства Патрокла) завершен. Таким образом, произошла разрядка двух конфликтов: Ахилл — Агамемнон, Ахилл — Гектор. Для того, чтобы привести действие поэмы к финалу, вновь требуется вмешательство бога, ибо совершенно логично, что конфликт, завязанный Зевсом, должен быть завершен им же. В конце поэмы уже Зевс посылает Фетиду посредницей к Ахиллу. Пелид должен принять Приама и вернуть тело Гектора. Примирение должно завершить конфликт поэмы²². В данном блоке сцены расположены уже в обратном порядке. От собрания богов на Олимпе и решения вернуть тело Гектора Приаму для достойного погребения мы постепенно переходим к доведению этого решения до Ахилла и Приама. Это фактически переход к т. н. счастливому концу XXIV песни, в которой Ахилл окончательно умирляет гнев и возвращает Приаму тело сына. Здесь же следует отметить, что сцена встречи Ахилла и Фетиды в I в некоторой степени нарушает симметрию в последовательности сцен (ср. табл. 1). В поэме эта сцена непосредственно следует за уводом Брисеиды. И здесь, по нашему мнению, нарушение симметрии обусловлено логикой развития действия. С художественной точки зрения казалось бы более естественным, если бы сцена страданий и сетований Ахилла следовала непосредственно за эпизодом похищения Брисеиды, этим ее острота стала бы более ощутимой. Однако с чисто композиционной точки зрения, более целесообразно, чтобы сцена беседы Ахилла с Фетидой непосредственно предшествовала восхождению Фетиды к Зевсу. И в данном случае очевидно, что поэт, если этого требует логика развития действия, не боится нарушить композиционные принципы, опирающиеся на симметрию. Следовательно, для

²² Естественно, говоря о примирении, мы имеем в виду лишь действие «Илиады», а не весь сюжет Троянской войны. О роли примирения в композиции «Илиады» ср. 356а, стр. 10...

него решающее значение имеет не симметрия, а внутренняя закономерность развития явлений. Хотя мы несколько нарушили естественную последовательность сцен в I песни, перенеся сцену встречи Ахилла с Фетидой, но это не существенно. Восхождение Фетиды к Зевсу и просьба Ахилла к матери с композиционной точки зрения действительно должны быть объединены в одном блоке.

11. Об определенном взаимоотношении между последовательностью сцен I и XXIV песен, как было уже отмечено, говорит Уйтман. Однако у него это взаимоотношение носит характер замкнутой круговой композиции. Для того, чтобы подтвердить эту свою мысль, он, как нам кажется, несколько тенденциозно представляет последовательность сцен данных песен, упустив из виду некоторые, имеющие большое значение для развития действия сцены. Согласно нашему анализу, и здесь композиционная взаимосвязь этих двух песен, если не принимать во внимание рассмотренную сцену встречи Ахилла и Фетиды, опирается на принцип того же самого параллельного деления. Представим соответствующие сцены I и XXIV песен:

	а. Хриз приходит к Агамемнону с выкупом, чтобы вернуть свою дочь.
	б. Агамемнон не принимает выкупа и не возвращает Хризу дочь.
I	в. Спор между Ахиллом и Агамемноном (Ахилл временно оставляет сражения).
	г. Ахилл и Брисеида (похищение Брисеиды).
	д. Хрисеиду везут в свой город (радость Хриза).
	е. Конец гибели и похоронам ахейцев. Ритуал. Пир.
	а. Приам приходит к Ахиллу с выкупом, чтобы вернуть тело сына.
	б. Ахилл принимает выкуп и возвращает Приаму тело сына.
XXIV	в. Беседа Ахилла и Приама (Ахилл временно прекращает бой).
	г. Ахилл и Брисеида (Ахилл проводит ночь с возвращенной Брисеидой).
	д. Приам относит тело сына в свой город (плач троянцев).
	е. Погребение и оплакивание Гектора. Ритуал. Пир.

Между этими блоками действительно много значительных встреч. Здесь друг друга уравнивают симметрично расположенные схожие (идентичностью или полярностью) сцены, которые используются поэтом для достижения совер-

шенно противоположных целей. В первом случае поэт постепенно подводит слушателя или читателя к центральным событиям, во втором же постепенно отдаляет от них. Именно поэтому описанным в первой песни ссоре и похищению с вытекающими отсюда столкновением интересов, возникновением противоречий, обострением действия в финальной песни противопоставлены примирение и возвращение, означающие снятие противоречий, разрядку действия, установление божественного порядка и завершение поэмы. В последнее время в гомерологии не раз отмечали существование многих явных встреч между сценами появления Хриза в лагере Агамемнона и Приама — в лагере Ахилла. Ломани убедительно показал, что в беседе Хриза с Агамемноном (I 17—32) и Приама с Ахиллом (XXIV 553—570) наличествует сходство стилистического, композиционного и структурного характера, они взаимосвязаны по «перекликающейся композиции» (*Ubergreifende Komposition*)²³. Приам, как и Хриз, — проситель. Обоим покровительствует бог. Оба приходят с выкупом, оба просят вернуть им детей: первый — находившуюся в плену дочь, второй же — тело сына. В первом случае Агамемнон гонит просящего, не принимает во внимание, что за Хризом стоит Аполлон, чем вызывает гнев далекого бога, наставшего на ахейское войско язву. За оскорбление просящего, пользующегося покровительством Аполлона, Агамемнон наказывается надлежащим образом; это становится причиной развитых в поэме конфликтов, грядущих бед Агамемнона. В противовес этому Ахилл не прогоняет просящего, он осознает, что Приаму покровительствует бог. Его предусмотрительность ведет действие к снятию противоречий, божественному примирению. В I песни спор Ахилла с Агамемноном заканчивается временным выходом Ахилла из боя. В XXIV песни после беседы с Приамом Ахилл временно отказывается от возобновления боев. В одном случае его отречение от битвы приносит ахейцам много несчастий, в другом — прекращение боев означает приближение мирного финала. Сцене похищения Брисеиды в I песни противостоит пассаж в XXIV песни (675—676), повествующий о том, как Ахилл и возвращенная Брисеида проводят ночь вместе. Отправлению Брисеиды в родной город соответствует перенесение Приамом тела сына в Трою. Гнев Аполлона к ахейцам завершается — конец гибели и погребениям; за этим следует сцена ритуала жертвоприношений и пира. С данной сценой можно сопоставить сцену погребения Гектора. За оплакиванием Гектора следует ритуал его погребения и пир. Примечательно, что в сценах ритуалов и пиров этих двух песен

²³ 258, стр. 169...

(I 458 — 468 и XXIV 790 — 803), несмотря на описанные в них совершенно разнящиеся друг от друга ситуации, прослеживается немало любопытных встреч. Как в одном, так и в другом случае: окропление искрящимся вином, после ритуала пир, между картинами ритуала схожие связующие выражения «после того, как» ($\alpha\upsilon\tau\acute{\alpha}\rho\ \acute{\epsilon}\tau\epsilon\iota$) и «после этого» ($\alpha\upsilon\tau\acute{\alpha}\rho\ \acute{\epsilon}\tau\epsilon\iota\tau\alpha$). Интересно отметить, что, если в сцене I песни использование формулы «после того, как» сообщает рассказу восходящую тональность и создает впечатление продолжения повествования, то в XXIV формулой «после этого» поэт переводит повествование в нисходящую тональность и вызывает полное ощущение приближения финала. В I разведение огня, окропление вином и пир предвещают конец похоронам и сжиганию трупов на костре в ахейском стане, подготавливают читателя к новым событиям. В XXIV же костер, окропление вином и пир предвещают финальный аккорд поэмы, ибо вместе с Гектором для слушателя или читателя зашло солнце славы недоступной Трои. Если все вышесказанное свести в одну таблицу (ср. табл. 1), то можно сделать вывод, что в отношении центрального блока блоки действия «Илиады» расположены по принципу круговой композиции:

АБВГДЕЖЗИЙ К Й'И'З'Ж'Е'Д'Г'В'Б'А'

Что же касается взаимоотношения сцен сопоставляемых блоков, то они связаны по принципу параллельного деления (а б в... а б в...). Исключение составляют лишь блоки Б и Б', в которых сцены соотносятся друг с другом по принципу круговой композиции. Итак, выясняется, что композиционные принципы, засвидетельствованные в отдельных малых структурах «Илиады», столь же характерны и для общего построения поэмы. Примечательно, что симметричность между блоками в «Илиаде» в определенной мере выявляется и в объеме сопоставляемых блоков. Нередко границы блоков совпадают с границами отдельных песен или групп песен. Каждый блок отделяется от других переходной ступенью или цезурой.

Естественно, мы не исключаем, что в нашей схеме некоторые моменты могут вызвать споры, возможно в дальнейшем потребуется внести в нее какие-то уточнения, могут также не согласиться с нашим принципом выделения сцен в блоках. Но одно можно сказать с уверенностью — это не может изменить общей картины структурной симметрии «Илиады». С другой стороны, объяснить эту симметрию можно лишь в том случае, если автором поэмы мы признаем одного поэта, с единым поэтическим планом. Принцип поэта «Илиады» нельзя считать искусственным принципом, само-

целью. В данном случае, очевидно, мы имеем дело с тем поэтическим видением, с тем пониманием композиционного единства, которые были присущи личности поэта и которые были характерны для искусства его эпохи²⁴. Именно поэтому сцены, взаимосвязанные столь строгим принципом симметрии, не создают впечатления монотонности и схематизма, они естественны и свежи. Именно поэтому «Илиада» свободна от искусственности, полна поэтичности и убедительности. Симметрия структуры «Илиады» связывает почти все части поэмы, взаимообусловленные друг другом, в единое, неразрывное целое, хотя при этом каждая из сцен, со своей стороны, представляет собой логичное самостоятельное художественное целое. «Илиада» подобна грандиозному стройному зданию, возведенному из четких, однако имеющих разные геометрические формы блоков, каждый из которых, со своей стороны, расписан великолепными образными картинками; все равновесие и единство этого здания покоятся не только на симметричном расположении блоков, но и на строгом соотношении расписанных на них картин. В этом — ключ к единству и величию поэмы, композиционному мастерству и поэтической гениальности Гомера.

²⁴ Об этом подробно см. ниже, стр. 277...

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ Т. Н. СОМНИТЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ «ИЛИАДЫ»

Анализ структурной симметрии «Илиады», проведенный нами, делает теорию единства поэмы реальной. Однако, чтобы избежать односторонности в суждениях, следует рассмотреть и те аргументы, которые выдвигаются рядом ученых для доказательства неоригинальности отдельных частей поэмы. Выше мы говорили о том, что фабула и композиция «Илиады» построены по своеобразной поэтической концепции. Стоит только не принять этого во внимание и подойти к поэме с позиций точной научной логики, как все то, что выглядит таким убедительным и естественным в поэме с художественной точки зрения, станет непонятным и туманным. Можно с полным основанием сказать, что в «Илиаде» почти нет песни, отдельные части которой не ставились бы аналитиками под сомнение. Не имея возможности уделить внимание каждому аргументу, каждому воззрению аналитиков, многие из которых уже опровергнуты вполне обоснованно¹, мы остановимся лишь на некоторых из них, представляющих, по нашему мнению, особый интерес. Выделяя из «Илиады» ту или иную часть, аналитики обычно указывают на сюжетные, стилистические, языковые и др. противоречия. При этом они руководствуются подчас субъективными взглядами на единство эпоса. Однако принимая во внимание, что разные ученые могут иметь разные критерии, одни и те же места «Илиады» могут быть интерпретированы совершенно по-разному. Именно поэтому то, что одними исследователями считается явным доказательством многоавторства, другими рассматривается как пример органичного единства поэмы. В «Илиаде» действительно можно встретить ряд явных противоречий, однако удельный вес их в поэме незначителен. Так, в V песни (576 — 7) говорится:

«Там Пилемена повергли, Арею подобного мужа,
Бранных народов вождя, щитоносных мужей пафлагонян».

¹ Для обзора ср. 254; 194а; 140 и т. д.

А в XIII песни (658) тот же Пилемен оплакивает своего сына. Или в XV 63—64, после того как Гектор оттеснит ахейцев:

«В бегство они упадут на суда многовесельные
Ахилла Пелеева сына»,

а в 704 той же песни Гектору удалось оттеснить ахейцев лишь до судов Протесилая и т. д.² Но в наше время подобным расхождением мало кто уделяет большое внимание. Создание столь монументальной и насыщенной сценами поэмы, как «Илиада», нельзя представить как непрерывный процесс. Вполне допустимо, что поэт предварительно обдумывал отдельные детали, складывал их затем в отдельные малые художественные единицы, а потом вставлял в произведение. И точно так же в процессе формирования поэмы именно он, а не кто другой вносил коррективы и добавления. Поэтому отдельные расхождения или противоречия скорее следует приписать самому поэту, чем интерполятору или некоему «обработчику». Хотя, надо отметить, что подобные расхождения в «Илиаде» встречаются очень редко. Гораздо в большем количестве их можно выявить (конечно, при желании выявить) в других произведениях большого объема, авторство которых не вызывает сомнений.

Вместе с этим, аналитики в «Илиаде» выделяют и ряд таких частей, которые занимают ключевую позицию в композиции поэмы и их изъятие поставило бы под сомнение единство поэмы вообще.

Испытание войск Агамемноном во II песни, по мнению некоторых исследователей, не совсем логично, неестественно на десятом году войны; непонятна функция самого решения Агамемнона в поэме. Высказаны различные предположения о том, как дополнил первичную сцену построения войск поэт — Б или интерполятор эпизодом осмотра³. Однако, как в последнее время доказал Катцунг, эту часть невозможно отделить от поэмы, ибо она логически развивает мотив гнева⁴. Помимо этого, «испытание войск» вполне логично во II песни, так как Агамемнону после ссоры с Ахиллом нужно подкрепить внушенную Зевсом веру в победу уверенностью в поддержке войска, его авторитет военачальника должен возобладать над славой Ахилла среди бойцов, тем более, что Атрид прекрасно понимал силу психоло-

² О подобных противоречиях см. 256, стр. 50...

³ Для обзора ср. 254, стр. 98...; 194а, стр. 56.

⁴ 225.

гического воздействия отречения Ахилла от битвы и даже сожалел о происшедшем (ср. II, 377—380).

Таким образом, во II песни происходит фактически вторичное провозглашение Агамемнона военачальником ахейских войск. Относительно того, что испытание войск на десятом году войны не выглядит неестественным, мы уже говорили. В этой части «Илиады» идет подготовка к началу сражений в поэме и поэтому с художественной точки зрения вполне естественны эпизоды, создающие иллюзию начала войны вообще.

«Каталог кораблей» во II песни со списком троянцев и их союзников (484—877) был самым значительным аргументом аналитиков на протяжении ряда лет для доказательства многоавторства поэмы. Однако сопоставление данных «Илиады» и «Каталога», как мы уже постарались показать в нашей работе, специально посвященной проблемам каталога⁵, не дает никаких причин для сомнений в совершенно очевидном, что данные каталога и «Илиады» полностью совпадают в характеристике героев: в поэме каждый раз повторяются эпитеты (эпические формулы) героев, которые употреблены в каталоге, в каждом отдельном случае в поэме принимаются во внимание подтвержденные в каталоге мифологические детали, в ряде случаев продолжается информация о герое, начатая в каталоге. Без каталога были бы непонятны отдельные места «Илиады». Но самым достоверным доказательством оригинальности каталога является тот факт, что часть перечисленных героев, вне каталога, при первом их упоминании в «Илиаде» не экспонируется, т. е. они не представляются слушателям и читателям. Анализ «Илиады» показал, что первое упоминание героя поэт в большинстве случаев сопровождает краткой информацией о его происхождении или, в крайнем случае, это становится понятным из контекста. Если выделить каталог из «Илиады», то в поэме при первом упоминании не окажутся экспонированными Пенелей, Лейт, Клоний, Протесилай, Полипойт и др.⁶

Не следует забывать также того, что каталог занимает определенное место в структурной симметрии поэмы. Он соотносится с тем блоком XXIII песни, в котором представлена панорама ахейских героев, втянутых в спортивные соревнования.

Долгое время непреодолимым препятствием считалось и то обстоятельство, что в V песни разгоряченный боем Диомед ранит богиню Афродиту, а в VI песни (129) он заявляет Главку:

⁵ 25, там же литература.

⁶ Об этом подробно в 25.

К этому добавлялось и то, что V песнь является замкнутой как по композиции, так и по содержанию, что считалось лучшим доказательством ее независимого происхождения⁷.

Эрбзе доказал⁸, что здесь нет никакого противоречия. В V песни Диомед выполняет указание Афины (130—132):

«Ты на бессмертных богов, Диомед, не дерзай ополчаться,
Кто ни предстанет; но если Зевсова дочь, Афродита,
Явится в брани, рани Афродиту острою медью».

Со своей стороны, план сражения, данный Афиной в первой части V песни, представляет собой некую модуляцию тем других песен. V песнь не только не выпадает из поэмы, но, напротив, рассказывая о том, что Зевс не сможет осуществить свой замысел, пока боги враждуют между собой, эта песнь выявляет тесную связь с остальными частями «Илиады». Что же касается места этой песни в целой структуре «Илиады», то об этом было сказано выше.

Несколько слов о встрече Гектора и Андромахи в VI песни. Попытка Яхманна⁹ доказать, что эта сцена — ранее существовавшая самостоятельная песнь, вставленная неким компилятором в весьма неподходящее место, — являет собой пример того, сколь субъективны порой отдельные исследователи в определении места этой сцены в поэме. Но гомерология почти единодушна в интерпретации этого эпизода. Мало кто сомневается сейчас в том, что сцена встречи Гектора и Андромахи — одна из самых сильных в поэме — находится на самом подходящем, единственном для нее месте¹⁰. Именно в ней фактически дается первое полное экспонирование Гектора, что столь необходимо для всего его дальнейшего действия в поэме. Здесь же следует отметить, что в сцене пребывания Гектора в Трое, в речах героев использованы те композиционные приемы, что и во всей поэме¹¹. Помимо этого, сцена, как было отмечено выше, занимает вполне определенное место в структурной симметрии поэмы.

Если органичная связь рассмотренных выше мест с поэмой в целом представляется обоснованной, то сложнее обстоит дело со сценой посольства в IX песни «Илиады», в частности с 182 — 198 строками. Как известно, в этой

⁷ Для обзора 254, кол. 102...; 194а, стр. 64...

⁸ 151.

⁹ 214а.

¹⁰ Ср. 254, кол. 102...; 112; 194а, стр. 65.

¹¹ Ср. 258, стр. 96...

песни отчаявшийся Агамемнон собирает ахейцев в надежде найти выход из создавшегося положения. К Ахиллу решают направить послов, о чем Нестор говорит:

«Феникс, любимец богов, предводитель посольства да будет;
После Аякс Теломонид и царь Одиссей благородный;
Но Эврибат и Годий да идут, как вестники с ними».

(IX 168 — 170)

Далее рассказывается о том, как направились послы к Ахиллу. В сцене, рисующей прибытие послов к Ахиллу (182—198), повествование неожиданно начинает вестись в двойственном числе:

Τὼ δὲ βήτην παρὰ θῖνα πολυφλοίσβοιο θαλάσσης

«Они (вдвоем) пошли по берегу многошумящего моря...»

Интерпретация этого места представляется довольно сложной¹². Если допустить, как это делают некоторые исследователи, что посольство с самого же начала было представлено двумя лицами, а Феникс лишь позже был введен в сцену, то недоумение вызывают два обстоятельства: а) почему интерполятор не переделал те места, в которых повествование ведется неуместным для ситуации дуалисом. Неужели он не заметил этого расхождения? б) почему дуалис не встречается в IX, 669, где описано возвращение послов:

Οἱ δ' ὅτε δὴ κλισίῃσιν ἐν Ἀτρεΐδαιο γέγοντο...

«Когда они попали в сени Атрида...»

Если в первоначальной сцене действительно участвовало лишь два героя, то следовало бы ожидать, что и при описании их возвращения встретятся дуалисы.

Трудно согласиться и с теми исследователями, которые предполагают, что в указанной сцене поэт сознательно упускает из виду образ Феникса, так как не считает его основным представителем посольства. И в этом случае дело осложняется употреблением множественного числа в сцене возвращения послов (IX, 669). Кроме того, трудно предположить, что Гомер мог сознательно игнорировать Феникса.

Не убедительна и та точка зрения, согласно которой дуалисы IX песни — след ранее существовавшей версии, которую Гомер использует и в которой посольство представлено двумя лицами. И в данном случае остается в силе множественное число 669 строки. Помимо этого, согласившись с этим

¹² Ср. Пейдж (303, стр. 298...), рассматривающий данное место аналитически.

взглядом, мы должны будем видеть в Гомере лишь того, кто механически соединял отдельные части, упустив при этом из внимания реальную ситуацию. Возникает также вопрос — почему столь явное несоответствие в тексте не было исправлено во время неоднократных публичных исполнений поэмы, ведь слушатели или исполнители не могли не заметить такого разящего расхождения? Часть исследователей предполагает, что в гомеровском эпосе двойственное число мало различимо от множественного и порой они свободно чередуются друг с другом. В доказательство этого приводят некоторые строки «Илиады», в которых засвидетельствовано подобное чередование. Это — правильное наблюдение, но вряд ли подходит к нашему случаю, так как употребление дуалисов в IX песни, в сцене посольства, вовсе не имеет фрагментарного и случайного характера. Напротив, использование дуалисов вполне последовательно и даже подчеркнуто. Исключено также, чтобы каждая строка с дуалисами являлась лишь результатом метрической *ἀνάγκη*¹³.

Близок к истине, как нам кажется, Ломанн¹⁴, который считает, что исходной точкой должно быть не раз отмеченное обстоятельство — данный отрывок IX песни связан с тем эпизодом I песни, в котором описывается прибытие двух вестников к Ахиллу для того, чтобы забрать Брисеиду. И действительно, между этими двумя сценами — явное соответствие. В обоих случаях Агамемнон посылает к Ахиллу вестников, но цели их миссий различны. Если в первом случае высокомерный Агамемнон поручает послам забрать Брисеиду у Ахилла, то в другом — уже сломленный царь обещает Пелиду вместе с возвращением Брисеиды и многочисленные дары. Именно поэтому вполне правдоподобно, что поэт при описании этих двух миссий мог сознательно прибегнуть к приему стилистических взаимоотражений. Подчеркивая таким образом сходство, Гомер в то же время мастерски показывает и совершенно противоположный характер этих эпизодов. В результате этого в них много схожих строк: I 322 и IX 166; I 327 и IX 182; I 328 и IX 185; I 329 и IX 186; I 334 и IX 197¹⁵. Ломанн считает, что дуалисы IX песни, в первую очередь «sind Folgen spezifisch homerischen Spigelungs- und Verklammerungstechnik»¹⁶. Однако он понимает, что этого недостаточно и, подобно Шадевальдту и Мотцкусу, мотивирует употребление дуалисов в указанном месте оттеснением Фе-

¹³ Для обзора ср. 254; 194а.

¹⁴ 258, стр. 227...

¹⁵ Отражение I песни видит в дуалисах IX и Сегал (365).

¹⁶ 258, стр. 230.

ника на задний план и выделением основных послов — Аякса и Одиссея. На это же, по его мнению, указывает и то, что в противовес 168 строке, где Нестор определенно говорит:

«Феникс, любимец богов, предводитель посольства да будет»,

в 192 строке мы читаем:

«Тою порою приближались послы, Одиссей впереди их».

Мы согласны с доводом Ломанна, что соотношение интересующих нас сцен I и IX песен в некоторой степени обуславливает употребление дуалисов в IX песни, но не можем согласиться с ним в их мотивировке, ибо в противном случае рискуем оказаться перед трудностями: почему поэт упускает из виду вестников Одия и Еврибата, явно сопровождающих ахейских героев? Если Ахилл не замечает их на фоне официальных послов, то не мог же поэт забыть о них, описывая в 182 строке, как отправляются посланцы Агамемнона берегом моря. Тем более, что употребление множественного числа в 669 строке IX песни говорит о том, что здесь подразумеваются и эти вестники. К тому же непонятно, если включение Феникса в посольство создавало поэту столько сложностей, то почему же он не воздержался от его участия в посольстве вообще. Но Феникс — полноправный член посольства. Он фигурирует вместе с послами всюду, где контекст дает реальную возможность определить состав посольства: в 223 Аякс ему подмигивает, затем он произносит речь и, наконец, Ахилл оставляет его у себя. Согласившись с интерпретацией Ломанна, мы должны будем допустить, что: а) поэт и Ахилл почему-то игнорируют Феникса в упомянутых пассажах, хотя в других случаях он — полноправный член посольства; поэт сознательно упускает из виду, что он вместе с Одиссеем и Аяксом идет к Ахиллу, а Ахилл, приветствуя героев, почему-то обращается только к двум послам; б) в отмеченных пассажах поэт и Ахилл игнорируют и вестников, хотя Нестор отправляет их с послами и в 669 они возвращаются к Агамемнону вместе с Одиссеем и Аяксом.

Таким образом, встав на эту точку зрения, мы должны будем признать Гомера поэтом-формалистом, готовым пожертвовать реальным положением вещей ради принципа отражения, поэтом, который скован своими же композиционными и структурными принципами. Однако это далеко не так. Как мы уже говорили выше, определяющей для Гомера обычно является внутренняя логика развития действия и ради этого он порой готов нарушить и структурную симметрию своей поэмы. Исходя из этого, представляется мало вероятным, чтобы Гомер в угоду формальному принципу взаимоотношения пошел на столь явный компромисс в IX песни. Более реальным нам представляется иной путь интерпретации дуалисов IX песни.

По нашему мнению, употребление дуалисов, наряду с явно выраженным принципом взаимоотражения (как основной причины), обусловлено и реальным положением вещей. Употребляя двойственное число, Гомер этим отдаляет друг от друга ахейских героев — официальных послов и вестников, выполняющих лишь роли статистов. Подобное разделение посольства на две части подготовлено уже в словах Нестора: μέν (168) после Φοῖβιξ и δ' (=δέ) (170) после κηρύχων, в которых послы выделяются от вестников. Это деление в силе до тех пор, пока говорится о том, как они идут берегом моря, как приходят к Ахиллу, как их приветствует Пелид, т. е. во всей сцене, которая представляет картину действия посольства, состоящего из двух частей. Обращение к двойственному числу Гомеру нужно для того, чтобы на протяжении всей сцены, пока в ней действует разделенная на две части пятерка, воздействовать на воображение слушателя, дать ему почувствовать определенную дистанцию между Фениксом, Одиссеем и Аяксом, с одной стороны, и Одием и Еврибатом, с другой.

Эта спорная сцена в нашей интерпретации будет выглядеть приблизительно так: Нестор определяет состав посольства к Ахиллу — послами выбирает Феникса, Аякса и Одиссея, а вестниками Одия и Еврибата. В словах Нестора «Феникс, любимец богов, предводитель посольства да будет», по нашему мнению, — дипломатический ход. Он включает Феникса в посольство постольку, поскольку тот был близок к Ахиллу и мог воздействовать на Пелида, назначает же его предводителем потому, что по возрасту это более всего подобало ему. К тому же Феникс, будучи ответственным за исход посольства, сделал бы все, чтобы уговорить Пелида. Однако описывая, как Нестор напутствует героев и подмигивает каждому из них, автор подчеркивает, что больше всех он подмигивал все-таки Одиссею (180). Отсюда явствует, что хотя Нестор по определенным причинам поручил Фениксу быть предводителем посланцев, фактически главою посольства он все-таки считает Одиссея. И вот герои и вестники направились к Ахиллу:

«Они вдвоем (послы и вестники) пошли по берегу многошумящего моря,

Оба молились много земледержателю,
Чтоб преклонить высокую душу Пелида» (182 — 184).

Когда послы увидели Ахилла с лирой в руках:

«Они оба (и послы и вестники) выступили вперед, предводительствовал божественный Одиссей,
И остановились перед ним...» (192 — 193).

То, что Одиссей возглавляет (ἡγεῖτο) посольство, непосредственно перекликается с напутствием Нестора. Думаем также, что употребление глагола ἡγεῖτο («предводительствовал») в данном случае должно указывать на то, что автор этого места среди шествующих за Одиссеем подразумевал не одного, а нескольких лиц. Затем

«...Ахилл изумленный воспрянул
С лирой в руках и оставил место сидения,
Так и Патрокл, лишь увидел мужей, поднялся,
В встречу им двоим (послам и героям) руки простер и вещал
Ахилл быстроногий:
«Здравствуйте оба (и послы и вестники), истинно дорогие
люди пришли ко мне. Верно, что нужда!
Но и гневному вы оба (и послы и вестники) из ахейан
любезнее всех мне». (193 — 198)

Затем он приглашает пришедших в дом, сажает их в кресла и обращается к Патроклу:

«Чашу поболее, друг Менетид, подай на трапезу;
Цельного нам раствори и поставь перед каждого кубок;
Мужи, любезные сердцу, собрались под сенью моею».
(202 — 204)

За этим следует короткая сцена за столом, в которой наше внимание привлекает следующая деталь: Ахилл садится напротив Одиссея (218). Этой деталью поэт, как нам кажется, хотел подчеркнуть, что самым полномочным «дипломатом» в посольстве Ахилл считает сына Лаэрта. Далее действие развивается логично: поев, выпив,

«Фениксу знак Телемонид подал...» (223).

Эта деталь может указывать на желание Аякса в конце концов перейти к официальной части миссии: «Одиссей то постигнул» (223) и первый обратился к Ахиллу.

Постараемся не быть педантичными в данном случае и не поднимать вопроса, почему первым заговорил Одиссей, в то время как Аякс подал знак Фениксу. Здесь, по нашему мнению, автор весьма интересно передал дипломатическую смекалку Одиссея: заметив, что Аякс подал знак Фениксу, но будучи более опытным и дальновидным, он решил, что в подобной ситуации лучше, если говорить начнет он. Проследив за эпизодом посольства, нетрудно заметить, что роль Одиссея становится все более интенсивной: сперва Нестор особо поучает его, потом показано, как он отделился от ос-

тальных при виде Ахилла, далее Ахилл садится за стол напротив него, после чего Одиссей начинает говорить и, наконец, по возвращении послов к Агамемнону Атрид именно к нему обращается с просьбой рассказать обо всем:

«Молви, драгой Одиссей, о великая слава данаев». (673)

Следовательно, такая интерпретация сцены дуалисов, как нам представляется, поставила бы все на свои места.

Пока послы и вестники шли берегом моря, они составляли две зримые группы. Соответственно здесь использован дуалис. Так же легко было различить эти две группы, когда они предстали перед Ахиллом — и в данном месте употребляется дуалис; естественно также, что, обращаясь к пришедшим, Ахилл должен был как-то отделить их друг от друга. Делает он это с помощью двойственного числа. Возможно, что слово φίλτατοι («наижеланные», «самые дорогие») в этом случае относится лишь к героям, а не вестникам. Но с этической точки зрения Ахилл не мог разделить пришельцев на более и менее желанных гостей. К тому же, вполне возможно, что слово φίλτατοι лишь результат внезапной реакции самолюбивого и вспыльчивого мужа при виде гостей и оно вовсе не указывает на действительное отношение Ахилла к ним.

После того как Пелид ввел гостей в дом и они отдохнули в креслах, он просит Патрокла накрыть на стол. Глагол «находятся» (ὑπέραισι) здесь употреблен уже во множественном числе, так как в данной сцене нет необходимости делить посольство. Говоря о пришельцах, с этого момента Ахилл явно подразумевает только послов, а не всех гостей. Точно так же возвращение посланцев (без Феникса) к Агамемнону передано не дуалисом, а множественным числом οἱ... γέγοντο, ибо в данном случае мы имеем дело не с картиной, изображающей действие, оптическое восприятие которой возможно, а лишь с фиксацией факта возвращения героев от Ахилла. Поэтому в этом пассаже все слова, имеющие числовую категорию, употреблены во множественном (οἱ... γέγοντο... τοῦς).

Вернемся к сцене дуалисов. Здесь есть еще одна интересная деталь. Поэт нигде не выходит за логические рамки употребления дуалисов при описании действия двух групп, состоящих из нескольких человек. Чтобы уяснить данное положение, заметим — для обозначения действия двух групп, состоящих из более чем двух единиц, в форме дуалиса могут быть использованы лишь местоимения и глаголы. Употребление в данном случае в форме дуалиса имени существи-

тельного, обозначающего составляющие эти группы единицы, — уже грамматическая ошибка. Так, желая описать шествие нескольких человек, разбитых на две группы, и при этом подчеркнуть двойственное число, мы в дуалисе можем поставить лишь местоимения и глаголы, а не термины: «человек», «муж». Например: τὼ βᾶτην — «они (две группы) шли».

Если же местоимение заменить именем существительным, т. е. вместо «они» поставить слово «мужья», использование ἀνὴρ в дуалисе не имело бы смысла. Оно обязательно должно стоять во множественном, ибо τὼ ἀνδρες имеет значение «двух мужей», в действительности же в двух группах объединены более, чем два мужа. Если рассмотреть интересующую нас сцену IX песни с этой точки зрения, обнаружим, что во всех случаях, в которых для обозначения представителей посольства использованы существительные, а не местоимения, они стоят во множественном. Так, в 195 Патрокл привстал, увидев мужей — ἐλεῖ ἰδε φῶτας (вин. множ.). Имея здесь в виду лишь двух человек, поэт свободно мог бы заменить форму φῶτας формой φῶτε, тем более, что данный термин используется им при надобности в форме винительного двойственного числа (ср. V 572, 608). Точно так же в обращении Ахилла к пришедшим употребляется множественное число: φίλοι ἀνδρες («любимые мужья»), в то время как в других случаях, при необходимости, в поэме использованы формы двойственного числа слова ἀνὴρ (ср. V 303, XX 286 и т. д.). То же самое можно сказать и о IX 204, где слово ἀνὴρ стоит во множественном. Естественно, нам могут возразить, что при употреблении дуалисов Гомер вообще не следует строго грамматическим правилам, что в его поэме часты случаи употребления множественного существительных вместо двойственного. Думаем, что в случае IX песни описанный нами выше факт вполне закономерен. Если бы посольство действительно состояло из двух человек, то поэт, используя он формы дуалиса имен существительных хоть один раз, при систематическом употреблении форм двойственного местоимения, смог бы более конкретно подчеркнуть участие в сцене именно двух лиц, тем более, что в метрическом отношении это не было связано с трудностями*.

* В связи с этим интересно отметить, что в XVII 387 «Илиады», по наблюдениям ван Лееувена, форма дуалиса μαρμαρένοιν употребляется в связи с тем, что в данном случае имеются в виду две группы сражающихся — «duo agmina». Ср. 196, стр. 92. Об особенностях употребления дуалиса у Гомера см. 125, т. II, стр. 22...

Почти все современные гомерологи считают X песнь или Долонию вставкой в уже сформировавшуюся композицию поэмы, не связанную с другими ее частями ни одной нитью действия. Отправление Одиссея и Диомеда в разведку выпадает из общей структуры «Илиады». Проведенный нами структурный анализ поэмы также поддерживает эту точку зрения, хотя, с другой стороны, ясно и то, что Долония нельзя рассматривать самостоятельно, в отрыве от «Илиады». Долония — с начала и до конца предусматривает данные «Илиады», ее автор явно исходит из поэмы. Здесь можно сделать два предположения: либо Долония создана самим Гомером после завершения поэмы и вставлена им в ее композицию, либо же X создал один из последователей Гомера для включения в «Илиаду»¹⁷.

В последнее время весьма упорно выделяют из «Илиады» сцены обольщения Зевса и т. н. «Энеиды».

По мнению А. Диле, описанная в XIV песни сцена обольщения Зевса внесена в поэму позднее. Он исходит из взгляда, что «Илиада» — эпическое произведение, созданное устным путем и для него характерны эпические формулы, употребляемые с определенной закономерностью. Однако отдельные части «Илиады» не подчиняются этой закономерности, нарушают типичные структуры, составленные из формул устного эпоса, проявляют языковые особенности, многочисленные нарах *legomena*. Подобные места, по мнению Диле, могли быть созданы лишь письменным путем. Их создали позднее и вставили в поэму, когда записывался текст сложного устным путем гомеровского эпоса. Типичными образцами подобных сцен Диле считает обольщение Зевса и эпизоды XX песни, связанные с Энеем¹⁸. В сцене обольщения Зевса он особое внимание уделяет языковым и стилистическим особенностям, которые будто бы дают возможность выделить эту часть из поэмы. Приведем несколько типичных примеров:

В 153 строке употреблена форма *εἰσαῖδε*, которая, кроме этого, встречается только в 158 строке и в «Царстве теней» «Одиссеи» (XI 582, 593). В других местах Гомер употребляет лишь неаугментированную форму данного глагола. 157 строка начинается формой *Ζῆνα*. Во всей «Илиаде» и «Одиссее» это единственный случай, когда строка начинается этим словом. В 168 *κλῆῖδι χρυπτῇ* является формулировкой, стоящей обособленно во всем гомеровском эпосе. В 233 встречается формула *ἄναξ πάντων τε θεῶν πάντων τε*,

¹⁷ Для обзора см. 254, кол. 105...; 194а, 77...

¹⁸ 136, стр. 65...

ἀνδρῶν, которая у Гомера нигде больше не засвидетельствована и т. д. Опираясь на ряд подобных аргументов, Диле, вслед за Хайтчом¹⁹, старается выделить из «Илиады» и связанные с Энеем сцены XX песни. Хайтч считает их негомеровской самостоятельной песнью об Энее, а Диле — созданным письменным путем и позже внесенным в поэму отрывком. Мы не остановимся подробно на приводимых этими исследователями аргументах, ибо ниже у нас будет возможность подробнее коснуться вопроса использования языковых и стилистических фактов для суждения о структуре гомеровского эпоса. Здесь же относительно недостатков данного метода скажем следующее: Диле, желая доказать положение, что гомеровский эпос создан устным путем, старается определить, какие языковые и стилистические факты могут встречаться у Гомера — устного поэта — и какие одиночные детали, моменты, не имеющие параллелей в гомеровском эпосе, следует считать не созданными устным путем и не принадлежащими Гомеру. Однако, если признать, что гомеровский эпос создан письменным путем, аргументация Диле теряет силу. С другой стороны, сегодня никто с уверенностью не может сказать, что раз аугментированная форма εἰσεῖδε нигде, кроме сцены обольщения Зевса, не употребляется, она не создана Гомером. Ведь Гомер употребляет неаугментированные формы данного глагола и вместе с тем хорошо знаком с идеей аугментизации вообще. Естественно, он мог употребить данную форму хоть один раз в своем эпосе. Также совершенно свободно Гомер мог начать строку с формы Ζῆνα. То же самое можно сказать и о других аргументах Диле. В наши дни трудно определить, какие формы потенциально мог употребить греческий поэт VIII в. до н. э. и какие нет. Ошибочна и та точка зрения, будто лишь отдельные места поэмы указывают на особые языково-стилистические формы. Мы глубоко уверены, что в каждой части поэмы можно выделить т. н. особые факты рассмотренного типа²⁰. Конечно, их число и удельный вес в разных частях различны, но это вызвано не вмешательством разных авторов, а особенностью соотношения структуры этих мест с остальными частями поэмы. Кроме этого, нельзя забывать и о том, что в поэтическом языке всегда возможно возникновение особых языковых и стилистических форм, которые не всегда характерны для данной эпохи и данной диалектальной

¹⁹ 190; 191.

²⁰ В последнее время И. М. Тронский показал вполне убедительно, что даже в 7 первых строках прооймiona «Илиады» немало таких единичных фактов (67, стр. 122).

среды, но потенциальная возможность появления которых не исключается самой структурой языка. Принять аргументацию Диле возможно лишь в том случае, если удастся доказать, что: а) греческий эпос VIII в. до н. э. никак не допускал возможности употребления упомянутых им форм, б) указанные им места выделяются из всей поэмы своей структурой, ибо каждая часть поэмы — это не единство отдельных слов и формул, а структурное единство, построенное на определенных принципах.

Что же касается органичной связи данных частей с «Илиадой», то мы не исключаем возможности, что в этих сценах можно выявить определенные следы интерполяции²¹, но они могут проявиться в отдельных деталях, а не в указанных сценах в целом. Следует также учесть, что структурный анализ поэмы показал, сколь органичными являются эти эпизоды для всей поэмы.

Интересно отметить также, что сцену обольщения Зевса объединяет с поэмой сходство композиционных принципов, использованных в речах персонажей, хотя сцены с участием богов в «Илиаде» в отношении структуры речей обнаруживают большую близость с «Одиссеей»²². Что же касается поединка Энея с Ахиллом в XX, то в пользу ее оригинальности можно было бы привести еще один аргумент. Согласно наблюдениям Кришера, среди героев поэмы по своему значению на первом месте стоит Ахилл, на втором — Гектор, на третьем — Аякс, на четвертом — Эней. Описание в поэме поединка второго героя с первым означает, что здесь пойдет разговор и о том, как сразятся третий со вторым и четвертый герой с первым. Мы не согласны с принципом единой нумерации героев «Илиады» у Кришера. По нашему мнению, более целесообразно было бы разгруппировать героев в пределах каждого из противоположных лагерей. И тогда с полным правом можно было бы заявить, что среди ахейцев на первом месте Ахилл, на втором — Аякс; а среди троянцев на первом месте Гектор, на втором — Эней. Если поединки Ахилла и Гектора, Гектора и Аякса являются органичными частями поэмы, то в ней должно быть описано и единоборство Ахилла с Энеем, чтоб сохранить столь характерное для «Илиады» равновесие: Гектор/Аякс = Ахилл/Эней.

²¹ Так, как показывает Ломани, в отдельных речах сцены Энея XX песни можно выделить факты явной структурной аномалии, что является, очевидно, результатом деятельности интерполятора. Хотя анализ того же Ломанна доказывает, что все речи героев данной сцены построены согласно гомеровским композиционным принципам (258, стр. 161...).

²² 258, стр. 146..., стр. 155...

Мы не коснемся здесь вызывающих сомнения у ряда исследователей мест поэмы, таких, как стена ахейцев, XXIV песнь «Илиады»²³ или др., ибо мы рассмотрели их подробно, говоря о структурной симметрии «Илиады».

К тому же, в современной гомерологии высказано много убедительных соображений относительно их органической связи с поэмой²⁴.

²³ Для обзора 254, кол. 106...; 194а, стр. 55...; ср. также 90.

²⁴ Ср. 254; 194а.

НОВЕЙШЕЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОПРОСА ОБ ЕДИНСТВЕ «ОДИССЕИ»

Выше мы постарались показать, что в современной гомерологии вопрос об единстве «Илиады» можно считать более или менее доказанным.

Иначе обстоит дело с «Одиссеей» — из существующих трех основных соперничающих друг с другом теорий каждая имеет довольно авторитетных защитников.

1) Так называемая теория многослойности, согласно которой в «Одиссее» выделяются, с одной стороны, пра-Одиссея, или первичное ядро поэмы, а с другой — поздние наслоения, дело рук поэтов совершенно различных эпох. Так, по мнению Д. Пейджа, в «Одиссее» можно выделить несколько слоев. Из них древнейший — созданный в IX или VIII веках, очевидно, является первоначальным вариантом поэмы. Позднее были добавлены отдельные части, созданные разными авторами: эпизоды «Телемахии», второе собрание богов, «Царство теней» целиком, отдельные места истребления женов и финал поэмы (после 296 строки XXIII песни). На основе языкового, стилистического, мифологического и мировоззренческого анализа Пейдж пытается доказать, что эти части принадлежат разным авторам и поэтому между ними имеются существенные смысловые противоречия¹. Разные слои в «Одиссее» выделяет и В. Тайлер: пра-Одиссею — поэму Кирки — «Царство теней», сформировавшуюся на основе ранее существующей Теспротиды, финальные сцены, со вторым царством теней и сцену отца и сына, которая приписывается поэту, обработавшему древнюю «Телемахию»².

2) Больше сторонников у компилятивно-аналитического метода, разработанного вначале Кирхгофом³, а впоследствии Виламовицем⁴. По их мнению, в поэме можно различить следы творчества двух основных поэтов — древнего и позднего,

¹ 302.

² 380.

³ 227.

⁴ 399.

переработавшего поэму. В современной гомерологии этой точки зрения с определенной модификацией придерживаются П. Фон дер Мюллер и В. Шадевальдт. В отличие от Пейджа, Фон дер Мюллер считает «Одиссею» единой поэмой, где композиционное единство налицо. Хотя, по его мнению, нельзя отрицать и того, что в поэме явно различимы два слоя: ранний, принадлежащий поэту -А, и поздний, приписываемый поэту -Б. Поэт-Б привел «Одиссею» в порядок и придал ей традиционную форму⁵. Особый интерес представляют в этом отношении исследования В. Шадевальдта⁶. Его т. н. позитивно-синтетический метод основан на детальном анализе «Одиссеи». По Шадевальдту, между отдельными частями «Одиссеи» нет органичной связи. Метод, которым доказывалось единство «Илиады», не дает аналогичных результатов при его применении к «Одиссее». Следовательно, был сделан вывод: поэма не является единым произведением. Исследователь пытается выделить в поэме текст самого Гомера (поэта -А) и «обработчика» (поэта -Б). Различие во взглядах Шадевальдта и Фон дер Мюллера в данном случае состоит лишь в том, что если, по Фон дер Мюллеру, между поэтами -А и -Б лежит целое столетие, то Шадевальдт в поэте -Б видит предполагаемого ученика Гомера, который после смерти своего учителя или предка (прибл. в 700 г. до н. э.) должен был придать поэме окончательную форму, учитывая при этом поэтические принципы последнего. Поэту -Б Шадевальдт приписывает все, что связано с Телемахией, Царством теней и финалом поэмы, начиная с 344 строки XXIII песни, а также некоторые более или менее значительные части произведения, в общей сложности, примерно, треть современной «Одиссеи»⁷. Все то, что остается после изъятия этих добавлений, согласно Шадевальдту, по своей структуре явно гомеровское. Модифицированный вариант теории Мюллера-Шадевальдта предлагает нам Р. Меркельбах. Он также выделяет в «Одиссее» несколько слоев, но считает поэму в основном плодом творчества А (поэта) и Б («обработчика»). По мнению Р. Меркельбаха, в «Одиссее» можно выделить следующие слои: а) древнейший, т. н. поэма возмездия /(*R*) = *Rache*gedicht/, которая, вероятно, создана Гомером. Здесь Одиссей уже в начале поэмы должен был быть на Итаке и сам в роли незнакомца призывать Телемаха защитить себя от женихов

⁵ 389д.

⁶ Нам неизвестна работа Шадевальдта, обобщающая его теорию. Анализ отдельных частей «Одиссеи» представлен в 350; 351; 352; 353. Места «Одиссеи», не принадлежащие Гомеру, перечислены в 354, стр. 445...; 349, стр. 486.

⁷ Ср. 354, стр. 447.

Частью этой же поэмы должны быть план убийства и собрание итакийцев. Из этой поэмы, должно быть, сохранились поединок с Иром, поступок Эвримаха и сцена узнавания XXIII песни; б) со своей стороны все это вошло в древнейший вариант «Одиссеи» (А), которая состояла из сцен странствий Одиссея, возвращения на Итаку, пребывания у Эвмея, встречи с Телемахом, узнавания (как Пенелопой, так и при омовении ног) и истребления женихов; в) отдельно должен был существовать малый эпос о Телемахе (Т), рассказывающий о странствиях сына Одиссея в поисках сведений об отце. Помимо этого, существовали, по всей видимости, отдельные малые поэмы, которые были использованы в формировании Феакии, I и II царства теней, в сценах встречи Одиссея и Лаэрта; г) поэт -Б («обработчик») использовал эти две основные поэмы (А) и (Т), переосмыслив и мотивировав какие-то факты, он объединил их в одну поэму⁸.

3) Большая часть⁹ исследователей: К. Райнхардт¹⁰, Л. А. Стелла¹¹, Ф. Айххорн¹², Т. Бона¹³, М. Мюллер¹⁴, Х. В. Кларке¹⁵, О. Комнено-Сакридис¹⁶ и др.¹⁷ считают поэму плодом творчества одного поэта. По их мнению, каждая часть поэмы логически связана с другой и устранение «Телемахи», «Царства теней», финала «Одиссеи» или какой-либо другой части нарушило бы единую композицию произведения.

Из сказанного явствует: в отношении структуры и формирования «Одиссеи» высказаны фактически все возможные в данном случае взгляды. Безусловно, эти взгляды не все равноценны, однако, при ознакомлении с ними, становится очевидным, что, несмотря на столь большое число исследований, филологическая наука еще не выработала критерии, опираясь на которые можно было бы дать определенный ответ на основной вопрос — является «Одиссея» в дошедшем до нас виде единым произведением или же мы должны рассматривать ее как плод творчества нескольких поэтов. Конечно, трудно не признать участие интерполятора или переписчика

⁸ 271.

⁹ Из работ современных аналитиков можно было бы назвать еще 160; 265. Для обзора ср. 254; 194а и др.

¹⁰ 326; 327.

¹¹ 375.

¹² 148.

¹³ 105.

¹⁴ 282.

¹⁵ 127.

¹⁶ 237.

¹⁷ Для обзора 254; 194а. Из новейших унитаристических работ по «Одиссее» значительны 339; 153; 148а.

в процессе создания поэмы. Но здесь, как и в случае «Илиады», следует разобраться в принципиальном вопросе — принадлежит современная «Одиссея», как композиционное целое, одному поэту и является плодом одной поэтической концепции, а деятельность интерполятора ограничивается лишь добавлением отдельных деталей в единую структуру, или же, напротив, сама композиция поэмы указывает на следы разных поэтических принципов, а единство выражается лишь в приспособлении и приравнении этих принципов друг к другу. При исследовании «Одиссеи» исходной точкой, по нашему мнению, должно быть то обстоятельство, что поэма в своей традиционной форме обладает связанной композицией. Если удастся доказать, что отдельные части поэмы учитывают и дополняют друг друга и со своей стороны находятся в органичной связи с цельной структурой поэмы, мы должны будем признать, что поэма в основном едина.

Мы придерживаемся того мнения, что вопрос об исследовании отдельных частей «Одиссеи» должен быть органично увязан с проблемой исследования цельной структуры и композиции поэмы, что при анализе «Одиссеи» нужно максимально учитывать те черты собственно гомеровского эпоса, которые выявлены в композиции «Илиады» и которые, по-видимому, определили особенность гомеровских поэм. В данном случае речь идет не об отдельных языковых, композиционных, стилистических или мировоззренческих моментах (известно, что в этом отношении в творчестве одного писателя могут наблюдаться на протяжении ряда лет довольно значительные изменения), а о тех общих и специфических принципах построения поэмы, которые обычно остаются неизменными в творчестве эпического поэта. Анализ «Одиссеи» с этой точки зрения приводит нас к выводу, что поэма в основном едина. Достаточно изъять из нее те части, которые, по мнению аналитиков, были созданы поэтом -Б или целым рядом интерполяторов, как поэма лишается своей типично гомеровской структуры и, следовательно, теряет единство.

К «Одиссее» при ее исследовании нельзя подходить с тем мерилom, с которым мы подходим к «Илиаде». Содержание «Илиады» менее прямолинейно, чем «Одиссен». В «Илиаде» действие как бы сконцентрировано вокруг героев — Ахилла, Агамемнона, Патрокла, Гектора и других, которые со своей стороны органично связаны с основной темой поэмы — темой гнева. И уяснив себе раз специфику построения «Илиады», легко установить взаимоотношение отдельных ее частей. Композиция «Одиссен» гораздо проще и сюжет легко воспринимаем. Однако при всей простоте и прямолинейности отдельные части поэмы менее связаны друг с другом. Описываемые в «Одиссее» приключения связаны между собой лишь одним героем — Одиссеем или Телемахом и являются самостоятельными сюжетными единицами. Поэтому в «Одиссее» нельзя установить ту глубокую взаимосвязь частей, которая выявлена в «Илиаде». Но это однако вовсе не означает, что поэма не едина. Композиция поэмы довольно стройна, и сейчас трудно говорить, имеем ли мы право отделить ту или иную часть от поэмы.

Точка зрения Аристотеля («Поэтика», 8 и 23), который во всей греческой литературе выделял лишь две поэмы — «Илиаду» и «Одиссею», построенных по одному принципу, может быть исходной и в данном случае.

Не следует забывать, что поэмы, которые Аристотель противопоставлял гомеровскому эпосу — «Тесеида», «Гераклеида», «Киприи», «Малая Илиада» и др., принадлежали поэтам гомеровской эпохи или были созданы непосредственными последователями Гомера. Однако, по мнению Аристотеля, им чужда тайна единства гомеровской композиции. Именно поэтому трудно утверждать, что первоначальные варианты гомеровских поэм приняли сегодняшний вид лишь при участии последователей (или последователя) Гомера. Тогда непонятно, почему характерный для гомеровских поэм композиционный принцип не был реализован в других архаических поэмах, тем более, что использование этого принципа принесло бы лишь успех их авторам. Именно эта особенность гомеровской композиции дает возможность говорить

об одном поэте, с особой и единой поэтической концепцией. Как уже отмечалось, Аристотель довольно точно определил суть принципа построения гомеровских поэм, в которых, с одной стороны, сохраняется единство фабулы, а с другой, — дается информация о событии в целом, частью которого является конкретная фабула. Мы уже видели, как реализуется этот принцип в «Илиаде». Что же касается «Одиссеи», то и в ней, если только она принадлежит Гомеру, возвращение Одиссея следует считать необходимым для единства действия эпизодом, который, в свою очередь, используется как информация о событиях, следовавших за описываемыми в «Илиаде» явлениями, — о возвращении ахейских героев. «Илиада», как было уже отмечено, дает нам многочисленные сведения о ходе всей Троянской войны, в особенности о тех событиях, которые имели место до описываемых в ней явлений. Эту т. н. *Anteiliaca* поэмы собрал воедино Кульманн¹.

Что же касается *Postiliaca* или сведений, которые касаются событий, следующих за описываемыми в «Илиаде» явлениями, то они весьма скудны². Из *Postiliaca* мы узнаем лишь следующее:

1) Ахилл будет убит у Скейских ворот совместными усилиями Париса и Аполлона.

Умиравший Гектор обращается к Ахиллу:

«Знал я тебя; предчувствовал я, что моим ты молением
Тронут не будешь: в груди у тебя железное сердце.
Но трепещи, да не буду тебе я божьим гневом
В оный день, когда Александр и Феб стреловержец,
Как ни могучего, в Скейских воротах тебя ниспровергнут».

(«Илиада», XXII, 356 — 360)

То, что Ахилл погибнет у Трои, не раз предсказывается в «Илиаде» (XVI, 707...; XVII, 406...; XVIII, 5...; XVIII, 96 и т. д.).

2) Ахейцам придется вспомнить Филоктета, оставленного на Лемносе:

«Но лежал предводитель на острове Лемне священном
В тяжких страданиях, где он оставлен сыном ахейя,
Мучимый язвою злой, нанесенною пагубной гидрой.
Там лежал он, страдалец. Но скоро ахейские мужи,
Скоро при черных судах о царе Филоктете вспомнят».

(«Илиада» II, 721 — 725)

¹ 244.

² Ср. 244, стр. 11...

3) Троя будет взята по совету Афины. Зевс предрешит ход Троянской войны. После гибели Гектора, павшего от руки Ахилла, положение троянцев будет все более ухудшаться

«.....доколе ахейцы

Трон святой не возьмут, по советам премудрой Афины».

(«Илиада», XV, 70 — 71)

4) Потомки Энея будут царствовать в Троаде.

«Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно,

Он и сыны от сынов, имущие поздно родиться».

(«Илиада», XX, 307—308)

5) Троя падет:

«Будет некогда день, как погибнет высокая Троя,

Древний погибнет Приам и народ копыеносца Приама».

(«Илиада», IV, 163—164)

Подобное предсказание часто встречается в «Илиаде».

6) Приам и его потомство не переживут падения Трои:

«Род бо Приама владыки давно ненавидит Кроннион».

(«Илиада», XX, 306)

7) К этим моментам, выделенным Кульманном, мы добавим предсказание Андромахи об ожидавшем ее и Астианакса несчастье (VI, 408, VI, 454...: XXIV, 725...). Вероятно, и здесь мы имеем дело с Postiliaca.

Как видно из приведенных примеров, в «Илиаде» ничего не сказано о возвращении героев и почти ничего о последнем этапе Троянской войны. Это умалчивание поэта о возвращении героев и вообще скудность Postiliaca нельзя объяснять случайностью. Единственным объяснением этому может служить то, что поэт намеревался рассказать о событиях, происшедших после Троянской войны, и о возвращении героев в другом произведении. Могут возразить, что скудность Postiliaca в «Илиаде» вызвана существованием в эпоху Гомера других поэм, в которых разработаны темы «Малой Илиады» и «Возвращений». Однако это не может являться веским аргументом, ибо, как в таком случае объяснить обширность Anteiliaca в «Илиаде». Ведь существовали же в гомеровскую эпоху и такие поэмы, в которых разрабатывались мотивы «Киприй».

В этой связи особенно интересно выяснить, рассказывает ли «Одиссея», на фоне возвращения Лаэртида, о том, что приключилось с ахейскими героями после того, как мы расстались с ними в «Илиаде», как распределяется данная информация в поэме.

Прежде всего следует заметить, что во всей «Одиссее» царит дух «возвращений»; это подтверждается как смысловым анализом многочисленных пассажей поэмы, так и частым употреблением в ней слов, возникших на основе термина νόστος («возвращение»). Нетрудно заметить, что всюду — рассказывается ли о приключениях Одиссея, или о возвращении Менелая, Нестора и других героев — чувствуется стремление героев вернуться на родную землю (φίλην ἐς πατρίδα γαίαν).

Уже в прооймионе первой песни сказано, что Одиссей заботится о возвращении своих соратников (ἀρνύμενος ἦν τε ψυχὴν καὶ νόστον ἐτάριων), хотя там же отмечается, что Гелиос похитил у них день возврата (νόστιμον ἡμᾶρ). В I, 11... сказано, что все, кто избежал опасности, находятся дома, кроме Одиссея, желавшего возвращения (νόστου κεχρημένον) (13). его стремление (V, 220) — σῆκαδε τ' ἐλθέμεναι καὶ νόστιμον ἡμᾶρ ἰδέσθαι можно считать общим желанием всех троянских героев. Фемий в I 326... поет о возвращении ахейцев (ὁ δ' Ἀχαιῶν νόστον ἄειδε λυγρόν, ὃν ἐκ Τροίης ἐπετείλατο Παλλὰς Ἀθήνη); в X 15... Эол слушает рассказ о возвращении ахейских кораблей и ахейцев (νόστον Ἀχαιῶν).

Рассматривая «Одиссею» с этой точки зрения, становится очевидным, что в ней особое значение придается эпизодам «возвращений» и в отличие от «Илиады» часто употребляются формы, имеющие значение «возвращения», (νοστήαι, νοστήσαντα, νοστήσαντι, νοστήσας, νοστήσει, νοστήειе, νοστήσειν, νοστήσεις, νοστήση, νόστιμον, νόστιμος, νόστοιο, νόστον, νόστος, νόστου, νόστῳ) в отношении к ахейским героям.

Это же, со своей стороны, указывает на мотив возвращения (νόστος) ахейских героев как на основной мотив «Одиссеи»³.

Из II песни «Илиады» (404 — 409) явствует, кого считали «лучшими старейшинами среди ахейцев» (γέροντας ἀρστέας Παναχαιῶν): это Агамемнон, Нестор, Идоменей, оба Аякса, Диомед, Одиссей. К ним следует причислить и Ахилла, который находился в то время на своих кораблях, а также Менелая, Антилоха и Филоктета, исполняющих ведущую роль в сказаниях троянского цикла.

³ То, что информация о возвращении имеет в «Одиссее» совершенно определенную функцию, отмечает и Торнтон (382, стр. 1...).

Как действуют эти герои на фоне возвращения Одиссея, как отображены их приключения в «Одиссее»?

Анализ поэмы свидетельствует о том, что «Одиссея» содержит информацию о каждом из этих героев и информация эта соответствует мотивам «Возвращений» и «Падения Илиона».

Если собрать эти сведения воедино и разгруппировать их в том же порядке, в каком они должны были находиться в общем сюжете троянского цикла, то получим следующую картину:

I Агамемнон:

1) О споре Агамемнона и Менелая после падения Трои и о последствиях этого спора дается информация в III 130... Нестор рассказывает, как после разрушения города Приама в результате вмешательства богов разделились мнения Агамемнона и Менелая. Менелай требовал немедленного возвращения по открытому морю, Агамемнон же, в надежде умиротворить разгневанную Афину, советовал ахейцам повременить и свершить священное жертвоприношение. Но он, несчастный, не знал, что этим не умиловит богини, ибо бессмертные боги не любят менять своих решений. После словесной перебранки братьев часть ахейцев на следующее утро последовала за Менелаем, другая же осталась с Агамемноном.

2) О возвращении Агамемнона и его убийстве Эгистом подробно повествуется в IV 512...

Протей рассказывает Менелая, как, преодолев препятствия, Агамемнон достиг родины, как велика была его радость, когда он ступил на родную землю; но нанятый Эгистом сторож, которому тот обещал два таланта и который целый год ждал возвращения Атрида, тотчас доложил Эгисту о его прибытии.

«Ков смертоносный тогда хитроумный Эгист приготовил:
Двадцать отважных мужей из народа немедля он выбрав,
Скрыл их близ дома, где был приготовлен обед изобильный;
Взяв колесницу с конями, к царю он Атриду навстречу
С ласковым зовом пошел, замышляя недоброе в сердце; -
Введши его, подозрению чуждого, в дом, на веселом
Пире его он убил, как быка убивают при яслях;
Люди с Атридом пришедшие, все до единого пали,
Но и Эгистовы с ними сообщники также погибли».

(«Одиссея» IV, 529 — 537)

3) Эту картину дополняет XI 409..., где душа Агамемнона рассказывает Одиссею о своем убийстве. В отличие от вышерассмотренного места, в котором вкратце повествуется об

убийстве Агамемнона во дворце, здесь дается детальное описание того, при каких обстоятельствах был убит Атрид и какова была роль Клитемнестры в гибели его самого и Кассандры. Следовательно, этот эпизод можно считать продолжением и дополнением IV 512... То же самое можно сказать и о III 247 — 312.

4) В I 298... говорится, что Орест, умертвив убийцу своего отца, коварного Эгиста, приобрел бессмертную славу. Эта же информация расширяется в III рассказе Нестора, особенно в III 306...

5) В XXIV 199... сказано, что, убив своего благородного мужа, Клитемнестра вечным позором покрыла весь женский пол, даже тех, которые беспорочны; о ней же в песнях потомков будет идти дурная слава.

II. О возвращении Нестора детально повествуется в III песни. Нестор рассказывает Телемаху о послевоенных приключениях ахейских героев и своих в том числе.

Из XXIV песни мы узнаем, что Нестор своей речью остановил ахейцев, испуганных видом Фетиды, которая явилась оплакивать своего сына (50...).

III. Об Идомее в III, 191... говорится: «Идомей, никого из спутников, с ним избежавших вместе войны, не утративши на море, Крита достигнул».

IV. О том, что Аякс Теламонид пал в Трое, мы узнаем из III, 109..., а в XI 543 рассказывается, как Одиссей одержал над ним победу в споре по поводу оружия Ахилла и как именно это явилось причиной гибели мужественного Аякса.

V. О трагической смерти Аякса Ойлида мы узнаем из IV, 499... В ней повествуется о том, как погиб Аякс Ойлид, спесиво заявивши, что спасется вопреки желанию богов. Посейдон разбил его корабль о скалу.

VI. Из III 180... мы узнаем, что на четвертый день путешествия корабли спутников Диомеда Тидида бросили якорь в Аргос.

VII. О возвращении Менелая, богатом приключениями, подробно рассказывается в IV песни. Сам Менелай описывает Телемаху свое длительное странствие по морям, пока они с Еленой не добрались до родной Спарты. О нем же рассказывает и Нестор в III песни.

VIII. Уже в III 109 сказано, что Ахилл сражен, лежит в Троеде. В XI песни его тень встречается с Одиссеем, а в XXIV 36... описывается торжественное погребение Ахилла в Троеде. Фактически это место является логическим финалом экспонирования Ахилла в гомеровском эпосе вообще. Слова души Агамемнона, обращенные к Ахиллу (XXIV 93—94):

завершают это экспонирование.

IX. О смерти Антилоха, сына Нестора, мы узнаем из III 112, а в IV 187... говорится, что после Патрокла Ахилл больше всего любил именно его.

X. В III 190... выясняется, что Филоктет мирно добрался до дому.

XI. В III 188... говорится, что мирмидонцы и сын Ахилла спокойно вернулись на родину. О героических деяниях самого Неоптолема подробно рассказывается в XI 505... Здесь Одиссей рассказывает душе Ахилла о героизме его сына.

Теперь же рассмотрим, как распределена в «Одиссее» информация о тех событиях, которые произошли в Трое после описываемых в «Илиаде» явлений. Если распределить эпизоды в хронологическом порядке, получим следующую картину:

I. После смерти Гектора на помощь троянцам пришел Мемнон, сын Эос, который убил Антилоха (IV, 187).

II. Потом убили самого Мемнона (это можно заключить из XI 522...) («После Мемнона, подобного богу, был всех он прекрасней»).

III. Ахилл убит, и за его тело разгорелась жаркая схватка между ахейцами и троянцами. Впоследствии, оплаканный Фетидой и ахейцами, Ахилл был погребен с подобающими почестями (XXIV, 36...).

IV. Спор между Одиссеем и Аяксом после смерти Ахилла послужил причиной гибели Аякса (XI, 543...).

V. Далее Одиссей на своем корабле забирает сына Ахилла Неоптолема со Скира (XI, 505...).

VI. На помощь троянцам пришел Эврипил Телефид, вождь кетейцев. Его убил Неоптолем (XI, 519...).

VII. Одиссей вырядился нищим и прокрался в Трою. Убив многих троянцев, он возвратился и принес ахейцам нужные сведения (IV, 241...).

VIII. Эпизод деревянного коня и взятия Трои суммирован в VIII, 499..., что уже подготовлено словами Одиссея в 492... О том же, что пережили ахейские герои, сидя в деревянном коне, когда к ним пришла Елена и стала звать по имени лучших из ахейцев, подражая при этом голосам жен аргиев, рассказывается в IV, 266... Здесь же надо отметить, что в IV и VIII песнях эпизод деревянного коня освещен с разных позиций. Краткая информация IV песни и резюме песни Демодока дополняют друг друга.

IX. После падения Илиона между Атридами возникло разногласие (III, 141...).

Для того, чтобы все сказанное выше легче было бы обобщить, следует составить таблицу, которая покажет, как распределена в «Одиссее» информация о событиях, происшедших после явлений, описываемых в «Илиаде» (ср. таблицу). Всю эту информацию назовем *Postilica* (PI).

В таблице «Одиссея» разделена на 4 основные части:

1) «Телемахия», которая не исчерпывается I—IV песнями. «Телемахией» мы обозначаем все те места поэмы, которые связаны с путешествием Телемаха и соответственно с I—IV песнями, без которых этих эпизодов не было бы в поэме.

Как известно, аналитики считают «Телемахию» плодом творчества «обработчика».

2) «Царство теней» XI песни, которого, по мнению многих гомероведов, не должно было быть в раннем варианте поэмы, и связанные с ним остальные места поэмы.

3) XXIV песнь, которая, по мнению аналитиков, также является позднейшей обработкой, и все связанные с ней места.

4) Те части поэмы, которые, по мнению некоторых аналитиков, можно считать первичным гомеровским вариантом поэмы.

PI	Теле- махия	Цар- ство теней	XXIV	Остальное
Основные герои				
Смерть или возвращение				
Агамемнон	×	×	×	
Нестор	×			
Идомей	×			
Аякс Теламонид	×	×		
Аякс Ойлид	×			
Диомед	×			
Менелай	×			
Ахилл	×	×	×	
Антилох	×		×	
Филоктет	×			
Неоптолем	×	×		
Отдельные эпизоды				
Мемнон	×	×		
Смерть и погребение Ахилла			×	
Спор Одиссея и Аякса		×		
Приезд Неоптолема		×		
Эврипил		×		
Одиссей прокрался в Трою	×			
Деревянный конь	×			
Разногласия после падения Илиона	×			
				В VIII песни резюме эпизода деревянного коня и падения Илиона.

В таблице мы рассматриваем только ту конкретную информацию, которая отличается от РІ «Илиады»⁴. Таблица разделена на две части: в первой отмечена РІ основных героев, главным образом их смерть или возвращение, а во второй — отдельные эпизоды РІ. Иногда одно и то же место поэмы содержит информацию как о РІ отдельного героя, так и об отдельных эпизодах РІ вообще.

Нетрудно заметить, что информация о РІ «Илиады» почти полностью распределена в «Телемахии», «Царстве теней», XXIV песни. Лишь один раз в VIII песни передается вкратце эпизод деревянного коня. Подобное распределение информации вполне закономерно, так как в других песнях акцент в основном падает на возвращение самого Одиссея. Если мы, вслед за аналитиками, допустим, что «Телемахия», «Царство теней» и XXIV песнь являются неоригинальными частями поэмы, то станет неясным, почему пропущены сведения о Postiliaca, о возвращении других героев в самом сюжете странствий и возвращения Одиссея, почему автор этой оригинальной части поэмы обходит молчанием возвращение главных ахейских героев. Ведь имел он возможность использовать для этой цели рассказы Фемия, Кирки и т. д.⁵. Следовательно, мы должны допустить, что т. н. оригинальная часть поэмы — странствия и возвращения Одиссея — учитывает наличие тех эпизодов РІ в поэме, которые засвидетельствованы в «Телемахии», «Царстве теней» и финальной части «Одиссея».

⁴ Следовательно, мы здесь не имеем в виду такое сведение, как: Агамемнон разрушил Трою (IX, 263...), ибо здесь ничего нового, в отличие от «Илиады» не содержится. Информацию V, 310... о том, что у труп Ахилла Одиссей был окружен многочисленными противниками, можно считать лишь незначительной дополнительной деталью рассказа души Агамемнона о схватке вокруг тела Пелида, касающейся Одиссея. А упоминание XIII, 383 — 5 мимоходом о гибели Агамемнона находится в связи с Царством теней, ибо, согласно поэме, только там мог узнать Одиссей о гибели Атрида.

⁵ Также и сам Одиссей, рассказывая в конце XXIII о своих приключениях Пенелопе, начинает с эпизода киклонов, не упоминая о деревянном коне и последних событиях Троянской войны, о событиях, которые с таким интересом были выслушаны Телемахом у Нестора и Менелая.

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ЭКСПОНИРОВАНИЯ ГЕРОЕВ В «ОДИССЕЕ»

При исследовании вопроса о «Каталоге кораблей» «Илиады» мы постарались показать, какое значение имеет изучение закономерности экспонирования героев при первом их упоминании в поэме для решения проблемы органичной связи каталога с «Илиадой»¹.

В «Одиссее» дело обстоит несколько иначе. Действующие лица поэмы в основном находятся в разных географических средах и фактически действуют в отдельных, изолированных друг от друга эпизодах. Но все-таки, как нам кажется, и здесь можно обнаружить довольно интересные тенденции. Так, если изучить закономерность представления героев в «Одиссее», то заметим, что все герои поэмы, которых можно считать действующими лицами, экспонируются при первом же их упоминании, т. е. поэт дает нам определенную информацию о том, кем является данный герой. Соответственно значимости того или иного персонажа информация может быть более или менее полной. Исключение составляют лишь те герои, которые а) уже экспонированы в «Илиаде», б) были широко известны в традиции гомеровской эпохи, в) не участвуют непосредственно в действии поэмы, г) выполняют лишь роли статистов. Особый интерес с этой точки зрения представляет экспонирование тех героев, которые являлись, очевидно, вымышленными самим Гомером. Среди подобных героев внимание привлекают Фемий, Медон, Ментор, Галитерс и Евриклей. Изучение вопроса об экспонировании этих персонажей может выявить, как учитываются данные «Телемахию» во всей поэме. Фемий, божественный певец, — один из действующих лиц «Одиссеи». Трудно утверждать, что он участвовал в догомеровских сказаниях. Вернее всего, что сам Гомер ввел Фемия в свой эпос. Что касается поздних сведений об его историчности, то им, конечно нельзя придавать большого значения. Но так или иначе, очевидно, что при первом упоминании Фемия надо было экспонировать его

¹ Детально см. 25, стр. 41...

каким-то образом. И действительно, в I песни «Одиссеи», там, где говорится о пирующих женихах, которых еда и вино расположили к песням и пляскам, впервые упоминается Фемий:

«...и звонкую цитру глашатай
Фемию подал, певцу, перед ними во всякое время
Петь принужденному; в струны ударив, прекрасно запел он».
(I, 153—55)

Далее продолжается экспонирование Фемия. В I, 325 он представлен как «знаменитый певец» (ἀοιδὸς περίλυτός), о Фемии и о силе его божественного пения упоминается в 336, 370—371 этой же песни. После этого Фемий вновь появляется в действии XVII песни² — в следующем контексте: Одиссей и Эвмей приближаются к дому Одиссея

«...и вдруг им оттуда послышались струны
Цитры глубокой, потом раздалось и пение; Фемий
пел».

(XVII, 261 — 263)

Здесь Фемий не экспонируется и явно чувствуется, что он уже был где-то представлен. В XXII, 330... Фемий вновь появляется в «Одиссее», здесь еще раз подчеркивается, что его заставляли петь женихи и описывается, как умоляет Фемий разъяренного Одиссея не убивать его:

«Будет свидетелем мне и возлюбленный сын твой, что волей
В дом ваш входить никогда я не мыслил, что сам не просился
Песнями здесь на пиру забавлять женихов, что напротив
Силой сюда приводим был и пел здесь всегда принужденно».

(XXII, 350—353).

И действительно, Телемах, услышав голос Фемия, обратился к отцу:

«Стой! не губи неповинного яростной медью, родитель».

(XXII, 356).

Мы считаем, что выраженное здесь отношение Телемаха к Фемию логически связано с экспонированием певца в I песни. И действительно, в 337..., 346..., 370... первой песни

² Интересно отметить, что в XVI, 252 Телемах, среди тех, которые находились в то время во дворце, называет и «божественного певца», в котором, безусловно, подразумевается Фемий.

преклонение Пенелопы и Телемаха перед Фемием оправдывает заступничество сына Одиссея в XXII песни. Одиссей прекрасно знал, что Фемий лишь аэд, но этого было недостаточно для того, чтобы считать его невиновным и не убивать. Одиссей, известно, наказывает не только женихов, но всех, в том числе и своих слуг, кто содействует женихам в их бесчинстве и расточительстве во дворце Лаэртида. Поэтому Одиссею надо было предупредить о невиновности Фемия, так как Лаэртид не мог знать, причастен или нет Фемий в поругании его достоинства и доброго имени. Это было бы неизвестно и читателям или слушателям данных строк, если в первой книге вполне ясно не было бы показано уважение Пенелопы и Телемаха к Фемию и его особая функция среди пирующих. Мы думаем, что участие Фемия в действии поэмы подготовлено именно в «Телемахии».

Образ Медона, глашатая, вероятно, создан Гомером. Если исключить «Телемахию» из поэмы, то впервые Медон упоминается в XVI, 252. Здесь он называется среди тех, кто находится в доме Одиссея вместе с женихами. А в XVII, 172... женихи считают Медона самым приятным глашатаем и приглашают его на пир. После этого Медон появляется в XXII песни, где Телемах просит отца вместе с Фемием пощадить и глашатая Медона (357), так как в детские годы Телемах он заботился о доме Одиссея. И действительно, при этих словах Медон обхватывает ноги Телемаха и со словами «Здесь я, душа, Телемах» (367) просит о пощаде. Заступничество Телемаха не было бы убедительным, если б поэт не постарался вызвать к Медону симпатии в предыдущих песнях, ибо все перечисленные нами места рисуют Медона приверженцем женихов. Забота Телемаха о Медоне в данном случае также подготовлена в «Телемахии». В IV, 677... говорится о том, как сообщает Медон Пенелопе о намерении женихов убить Телемаха. Этому месту соответствует и XVI, 412, где повторяется, что именно Медон сообщил Пенелопе об этом. Следовательно, «Телемахия» и связанная с ней XVI, 412... подготавливают слушателя к XXII, 357... Безусловно, если не учитывать информации «Телемахии» о Медоне, можно было бы утверждать, что слушатель или читатель «Одиссеи» проявит лишь отрицательное отношение к желанному женихам глашатаю и, соответственно, поступок Телемаха в XXII, 355... не будет логичным.

Среди действующих лиц «Одиссеи» выделяется Ментор. Предполагается, что его образ также был создан Гомером. В II, 225... он представлен как друг Одиссея, которому поручено следить за его домом и отцом. Он заступает за Телемаха и открыто выступает против женихов перед собравшимся народом. Имя Ментора фигурирует также в III и IV

песнях. Впоследствии мы впервые встречаем Ментора в XVII, 68, где он безо всякого представления упомянут вместе с Антифом и Галитерсом. Надо предположить, что Ментор уже был представлен ранее. Необходимость подобного экспонирования станет более ощутимой, если учесть, что впоследствии Ментор активно фигурирует в XXII и XXIV песнях.

То же самое можно сказать и о Галитерсе. Он довольно полно представлен в II, 157..., а в XVII, 68 упомянут фактически без экспонирования, хотя участвует затем в XXIV, 451... Здесь же надо отметить, что часть аналитиков не считает Ментора и Галитерса персонажами, которые с самого же начала фигурировали в гомеровском эпосе. Поэтому все места, в которых упоминаются последние, они считают поздними вставками³.

Среди второстепенных героев «Одиссеи» явно выделяется Еврикля. Она довольно полно представлена в I, 428... поэмы, из которой становится понятным, почему Еврикля так близка к семье Одиссея. Во II и IV песнях Еврикля несколько раз появляется в действии и поэт дает дополнительную информацию о ней. Так что в «Телемахии» представлен образ Евриклей — старой, верной няни самого Одиссея и его сына. После этого она появляется снова в XVII, 31... Еврикля первая замечает возвращение Телемаха. Здесь сказано лишь то, что она няня Телемаха. Надо отметить, что это место, которое трудно понять без «Телемахии», Шадевальдт выделяет из поэмы поэта-А. Далее Еврикля вновь упоминается в XIX, 15... как няня Еврикля. Телемах обращается к ней *μαῖ'* [α] — «матушка», а Еврикля называет его *τέκνον* «сын». Здесь чувствуется, что Еврикля уже представлена в поэме более подробно, тем более, что впоследствии она активно участвует в действии. В этом отношении интересно XIX, 353... Здесь Пенелопа представляет Одиссею Евриклю. Действие развивается следующим образом: Одиссей просит Пенелопу, которая еще не успела узнать его, прислать какую-либо девочку или старушку помыть ему ноги. Пенелопа просит Евриклю сделать это и знакомит Одиссея с ней. Здесь отмечается, что в свое время Еврикля была няней Одиссея. В данном случае чувствуется, что продолжается информация I, 429... (где рассказано, как впервые привел Лаэрт в дом молодую Евриклю), разъясняющая слушателю, почему эта женщина столько времени находится в доме Одиссея и воспитывает всех потомков Лаэрта. Следовательно, можно сказать, что участие Евриклей в поэме подготовлено уже в «Телемахии».

СТРУКТУРНАЯ СИММЕТРИЯ «ОДИССЕИ» И РОЛЬ БОЖЕСТВЕННОЙ ВОЛИ В КОМПОЗИЦИИ ПОЭМЫ

Выше речь шла о том, какое значение для исследования вопроса об единстве гомеровского эпоса имеет анализ структуры поэмы. Как было показано, вся структура «Илиады», начиная с малых форм и кончая общей композицией поэмы, опирается на четкую симметрию. Со своей стороны, эта симметрия, исходящая из принципов круговой композиции, дает поэту возможность подчинить основанную на определенной логике последовательность взаимоотражающих сцен вполне конкретной идее развития эпического конфликта. На примере «Илиады» мы показали, что симметричным расположением схожих (идентичностью или полярностью) сцен поэт достигает двух противоположных целей — в первом случае он подводит слушателя к центральным событиям, во втором же — постепенно отдаляет от них. Как было отмечено, все действие в «Илиаде», основные конфликты, движимы единой силой — волей бога. С волей Зевса связаны как зарядка действия в начале поэмы, так и разрядка в конце ее. Следовательно, можно сказать, что принцип поэта «Илиады» — завершение начатого по воле бога конфликта по той же божественной воле, божественным примирением, причем композиционное единство поэмы он строит на симметричном расположении взаимоотражающих сцен. Естественно, если «Одиссея» принадлежит Гомеру, то, по всей вероятности, она должна проявить связь с «Илиадой» в идее развития эпического конфликта и симметричности своей структуры. Это не означает, что композиционные принципы, засвидетельствованные в двух гомеровских поэмах, должны быть совершенно идентичными. Напротив, вполне естественно, что на протяжении лет представления поэта о художественной форме и композиционном единстве могли в некоторой степени измениться — параллельно с развитием нового стиля или в результате деградации старого. И этот процесс не мог не найти отражения в его творчестве. Однако следует заметить, что подобные изменения коснулись бы отдельных закономерностей

стей структурного характера, но не общего принципа формирования эпоса, характерного для одной поэтической концепции. Уйтман, который провел интересный анализ структуры «Илиады», отметил, что в «Одиссее» в целом нарушен принцип четкой симметрии, хотя в отдельных ее частях можно найти симметричное расположение сцен в отношении центра¹. Согласно С. Бертмену², изучавшему «Одиссею» с точки зрения структурной симметрии, композиционные принципы поэмы едины. Анализ Бертмена более или менее убедительно показывает, что большинство взаимно уравнивающих эпизодов «Одиссеи» расположены в поэме по принципу круговой композиции, отдельные же части непосредственно повторяют последовательность сцен. Исследователь старается представить и схему симметричности целой поэмы. Безусловно, эта схема весьма интересна, но она имеет один существенный недостаток. В ней в ряде случаев сопоставлены сцены, имеющие неодинаковое значение и характер. Например, вся «Феакія» для Бертмена представляет лишь одну сцену — рассказ Одиссея о своих приключениях и противопоставлена краткому рассказу Одиссея о своих странствиях (XXIII, 306—341). Упущены в схеме и столь значительные эпизоды, как собрание богов в начале V песни, второе «Царство теней» в XXIV и т. д. Вместе с этим автор, как правило, не объясняет, на основе чего сопоставляет он отдельные сцены. Все это придает схеме Бертмена механический характер и вызывает немало споров. Однако мы все же считаем, что подобный анализ поэмы может дать ответ на основной вопрос, одина ли «Одиссея»? Мы постараемся представить результаты нашего анализа композиционной симметрии «Одиссеи» и показать, в сколь органичной связи находится эта симметрия с гомеровским принципом развития эпического конфликта. В нашей схеме учитываются лишь основные моменты поэмы, имеющие определенное значение в развитии действия. Следует отметить, что наша схема не противоречит схеме Бертмена, только она более полная и в каждом отдельном случае исходит не только из чисто формального анализа текста, но и из идейного. При сопоставлении блоков действия, отдельных сцен мы учитываем, что действие в «Одиссее» многослойное. Здесь мастерски чередуются друг с другом, с одной стороны, рассказ о возвращении Одиссея с Огигии на Итаку (вместе со странствием Телемаха и истреблением женихов) и то, что рассказывают Одиссей, Нестор или Менелай о своих приключениях. Структурную симметрию поэмы мы ищем в ее реальном действии, которое

¹ 396, стр. 288.

² 94; 95.

имеет свое начало — собрание богов и решение о возвращении Одиссея, и свой конец — божественное примирение Одиссея и кефаленийцев. Именно это действие является единственным и все его эпизоды взаимно связаны во времени и вытекают один из другого.

1. Центром поэмы, безусловно, можно считать мирное возвращение Одиссея и Телемаха на Итаку. Здесь завершается одна из центральных линий развития действия в поэме, посвященных описанию возвращения Одиссея. Здесь же намечается новая линия развития действия, предусматривающая месть и истребление женихов. Эту центральную часть можно назвать — Мирное возвращение Одиссея и Телемаха на Итаку. Со своей стороны, ее можно представить в совокупности следующих сцен, расположенных симметрично в отношении друг друга:

XIII— —XVI	{	а. Одиссей мирно достигает Итаки.
		б. Женихи не могут осуществить план убийства Телемаха.
		а. Телемах мирно достигает Итаки.
		б. Одиссей и Телемах составляют план убийства женихов.

2. Центральной части поэмы предшествует блок действия. — Феакия — который можно представить в совокупности следующих сцен:

- а. Одиссей направляется ко дворцу царя феакийцев.
- б. Гостеприимная встреча у Алкиноя.
- в. Одиссей не выявляет себя.
- г. Пир. Насмешливое отношение Эвриала к Одиссею.
- VI—XII д. Одиссей побеждает в соревновании.
- е. Одиссей выявляет себя.
- ж. Одиссей рассказывает о своих приключениях, из которых мы узнаем, что всех его спутников погубило возмездие Гелиоса по причине их собственных преступностей.

За центральной частью следует блок действия, описывающий прибытие Одиссея в свой дворец, и возмездие — блок, проявляющий явную связь с Феакией:

- а. Одиссей направляется к своему дворцу.
- б. Негостеприимная встреча женихов (гостеприимство Пенелопы).

- в. Одиссей не выявляет себя.
- XVII г. Пир. Насмешливое отношение женихов к Одиссею.
-
- XXII д. Одиссей побеждает в соревновании.
- е. Одиссей выявляет себя.
- ж. Возмездие Одиссея (и Телемаха) погубило женихов по причине их собственных преступностей.

Итак, вся история странствий Одиссея, представленная в Феакии, завершается гибелью его спутников по причине их собственных преступностей (*ἄτασθαλίαι*) — не вняв советам Одиссея, они зарезали священных быков Гелиоса. История возмездия в XVII — XXII также кончается гибелью всех женихов по причине их собственных преступностей — не поверив Телемаху, Ментору и Галитерсу, они насильствовали в доме Одиссея. Возможность сопоставления этих двух моментов придает большее значение словам Эвпита (XXIV, 425...), в которых явно подчеркивается связь между гибелью спутников Одиссея и женихов. Эвпит винит в этом зле Одиссея. Однако из слов Галитерса, а также из других мест поэмы явствует, что причина гибели женихов в их же собственной преступности:

«которые (женихи) натворили много дел злыми преступностями».

(XXIV, 458)

И спутники Одиссея

«Погубили себя собственными преступностями».

(I, 7)

Итак, причина гибели итакийцев как в одном, так и в другом случае — в их преступности (*ἄτασθαλίαι*)³.

3. Фактическому началу возвращения Одиссея предшествует эпизод у Калипсо, состоящий из следующих сцен:

- а. Калипсо и Одиссей. Калипсо узнает, что Одиссей должен уйти.
- б. Калипсо неохотно соглашается.
- V в. Ночь Калипсо и Одиссей.
- г. Одиссей покидает Калипсо.

³ Об этом более подробно см. ниже, стр. 147...

За истреблением женихов следует блок действия, состоящий из следующих сцен:

- а. Пенелопа и Одиссей. Пенелопа узнает, что Одиссей должен уйти.
- XXIII б. Пенелопа неохотно соглашается.
- в. Ночь Пенелопы и Одиссея.
- г. Одиссей оставляет Пенелопу.

В этих блоках схожая последовательность типологически схожих сцен служит двум различным целям. В случае Калипсо уход Одиссея означает перенесение внимания слушателя или читателя на основной конфликт, а в случае Пенелопы, напротив, направление действия к финалу.

4. Этой основной части поэмы предшествует блок действия, который, с одной стороны, дает импульс всему возвращению Одиссея, с другой же — является своего рода переходной ступенью от вступительной части поэмы к центральным событиям. Это — эпизод направления Зевсом Гермеса к Калипсо, который можно представить в совокупности двух основных сцен:

- а. Собрание богов. Афина сообщает Зевсу, что Одиссей не может возвратиться домой. Женихи намереваются убить Телемаха. Зевс предопределяет дальнейший ход событий.
- V б. Миссия Гермеса — возвращение Одиссея из царства вечности в жизнь.

В данном случае следует заострить внимание на том, что слово Зевса, являющееся фактически отголоском желания Афины (I, 81...), в основном определяет весь дальнейший ход событий. Одиссей должен возвратиться на родину:

«Ибо такова его участь, увидеть друзей и достигнуть
дом высококрытый и землю отцов».

(V, 41 — 42)

Что представляет собой остров Калипсо, на котором находится Одиссей? Это фактически обитель вечности, где приостановлено течение времени для Одиссея, ибо Калипсо желает сделать его бессмертным. Следовательно, остров Огигию можно в некотором смысле уподобить царству смерти. В связи с этим интересно отметить, что Гесиод (Теог. 805—806) обозначает потоки Стикса термином *ὠκύϊον*. На этом острове Одиссей отдален от земной жизни, однако душа его

тянется к ней. Сравнивая, по просьбе Калипсо, бессмертную нимфу с Пенелопой, Одиссей отмечает, что невозможно сравнить достоинства смертного с достоинствами богини, однако все же предпочитает возвратиться домой:

«Но... я так желаю и думаю каждый день
Об отправлении домой и об узрении дня возвращения».

(V 219 — 220)

Если учесть, какой путь проделал Одиссей до прибытия на остров Калипсо, включая «Царство теней» и то, что островом Огигией фактически завершаются странствия Лаэртида в ирреальном мире, то весь путь Одиссея от Калипсо к Итаке можно представить дорогой из потустороннего мира к жизни и действую⁴. Миссия Гермеса в данном случае вполне соответствует его сущности. Он отправляется к нимфе, чтобы возвратить Одиссея из обители вечности в жизнь. Поэтому-то:

«Взял он и жезл свой, по воле его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у спящих;
В путь устремился с жезлом многосильный убийца Аргуса».

(V, 47 — 49)

Здесь Гермес явно предстает с теми своими атрибутами, которые характерны для него как бога, сопровождающего души. Он держит в руках жезл, с помощью которого, по своей воле, одним закрывает глаза, а другим открывает. Следовательно, в его обязанность входит усыпление либо отрезвление людей⁵. Согласно же «Илиаде» (XIV, 231), сон и смерть — братья. В данной части поэмы Гермес отправляется именно для отрезвления Одиссея, для его возвращения в жизнь.

С этой частью, по нашему мнению, можно соотнести тот блок действия «Одиссеи», который следует за основной частью поэмы и представляется нам в совокупности следующих сцен:

XXIV. а. Собрание душ героев Троянской войны. Душа Амфимедона сообщает Агамемнону, что Одиссей воз-

⁴ То, что остров Огигии должен обозначать царство смерти, а Калипсо — богиню смерти, неоднократно отмечалось. В последнее время в связи с этим интересные соображения представил Торнтон (382, стр. 19; особенно см. стр. 27—32, здесь же литература по вопросу).

⁵ О Гермесе, сопровождающем души, см. подробно 226.

- вратился домой. Женихов же убили Одиссей и Телемах. Агамемнон подытоживает все случившееся.
- б. Миссия Гермеса — предводительство душ женихов в потусторонний мир.

Интересно, что Гермес и здесь предстает с теми же атрибутами, что и в соответствующем месте V песни при описании свойств его жезла. Здесь XXIV песнь почти дословно повторяет V (ср. V, 47—49 и XXIV, 2—4). Это не вызывает удивления, ибо Гермес и здесь выполняет одну из основных своих функций — сопровождающего души. Однако, если в V песни его функцией было возвращение Одиссея в жизнь, здесь — напротив — он сопровождает души женихов в обитель вечности, смерти. Две совершенно противоположные цели его миссии — в одном случае отрезвление усыпленного, а в другом, закрытие глаз мужьям — имеют вполне определенную функцию в композиции поэмы: первая означает направление действия к основному конфликту, вторая же — к логическому финалу, вызванному этим конфликтом.

Собрание душ героев, разговор между душами Амфимедона и Агамемнона мы считаем отражением собрания богов V песни. Если в V Зевс определял весь последующий ход последнего эпизода возвращения героев из-под Трои — возвращение Одиссея, то здесь душа Агамемнона подытоживает все случившееся и ставит события на свои места⁶. Данный эпизод фактически является переходной ступенью от основного конфликта к финалу. Заслуживает внимания⁷ то обстоятельство, что здесь, как и в случае сопоставления блоков со сценами Олимпа «Илиады»⁷, сцены соотносятся друг с другом не по принципу параллельного деления, а круговой композиции.

5. Этим событиям в начале поэмы предшествует история путешествия Телемаха, которую мы представляем в форме совокупности трех сцен:

- а. Телемах направляется, чтобы узнать что-нибудь об отце.

III—IV б. Прием у друзей отца.

- в. Намерение женихов убить Телемаха.

⁶ В данном случае интерес представляет то, что рассказ души Амфимедона перекликается, с одной стороны, с жалобой Афины Зевсу в начале V песни о судьбе Одиссея и Телемаха; с другой же, — дает ответ Агамемнону, душа которого призывала Одиссея в XI песни к осторожности в отношении к Пенелопе.

⁷ Ср. выше, стр. 64...

Отражением данного блока в конце поэмы мы считаем отправление Одиссея к отцу, в котором также выделяются три сцены:

- а. Одиссей направляется навестить отца.
- XXIV б. Прием у Лаэрта.
- в. Намерение родственников женихов убить Одиссея.

6. Этим эпизодам, со своей стороны, во II песни предшествует:

Собрание итакийцев.
За ними в XXIV следует также

Собрание итакийцев.
7. Собранию итакийцев в начале поэмы предшествует эпизод, в котором закладывается основа всего действия поэмы. Данный блок нам представляется в совокупности следующих сцен:

- а. Афина и Зевс. Афина сообщает Зевсу о положении, в котором находится Одиссей.
- б. Зевс выражает доброжелательность.
- I в. План Афины.
- г. Афина спускается на Итаку.
- д. Афина призывает Телемаха к действию и возмездью.
- е. Телемах принимает призыв.

Этому блоку соответствует совокупность сцен, следующая за собранием итакийцев в XXIV:

- а. Афина и Зевс. Афина сообщает Зевсу о положении, в котором находится Одиссей.
- б. Зевс выражает доброжелательность.
- XXIV в. План Зевса.
- г. Афина спускается на Итаку.
- д. Афина призывает итакийцев к прекращению возмездия и кровопролития.
- е. Итакийцы принимают призыв.

Как видим, в первом случае действие Афины направлено к тому, чтобы все привести в движение, направить ход событий к возмездию. Принятие Телемахом совета богини фактически дает начало действию. Во втором же случае все старания Афины направлены к примирению итакийцев, следовательно, и к приостановлению хода действия. Принятие

итакійцями ее призыва фактически означает завершение конфликта.

8. По нашему мнению, завязка всей композиции «Одиссея» — в начале поэмы слово Зевса: человек, не послушавшийся призыва богов, погибнет, как это случилось с Эгистом, не послушавшимся воли Зевса, переданной ему Гермесом, — и в конце — знамение Зевса. Одиссей прислушивается к воле Зевса, переданной Афиной. Божественное примирение.

Эти два момента, думаем, определяют всю концепцию развития конфликта поэмы⁸. Слово, которое произносит Зевс в начале поэмы и которое связано с Эгистом, рядом исследователей считается не совсем логичным в данном месте. Однако, как указывают некоторые современные гомерологи, оно является великолепным примером проведения параллели между коварным убийством Агамемнона и возвращением Одиссея. И действительно, через всю поэму красной нитью проходит идея сопоставления судьбы Агамемнона с возвращением Одиссея, измены Клитемнестры — с верностью Пенелопы, мужества Ореста — с доблестью Телемаха, коварства Эгиста — с насилием женихов. Согласно словам Зевса, люди напрасно винят богов в том, якобы все плохое, приключившееся с ними, исходит от бессмертных. Они своими преступлениями (*ἁτασθαλίαι*) приносят себе многие беды, сверх предначертанных судьбой, хотя боги их предостерегают. Взять хотя бы Эгиста. Он вопреки предопределению судьбы женился на супруге Агамемнона и убил возвратившегося домой Атрида, хотя Зевс предупредил его через Гермеса не делать этого. Не поверил он благожелательному Гермесу и, вот, пришлось расплатиться за все. Следовательно, основной смысл слова Зевса заключается в том, что, если человек совершит что-то сверх судьбы (в результате своей преступности), наперекор воле бога, он за это ответит. И, действительно, вся поэма является иллюстрацией этого довода. Спутники Одиссея погибли, однако

«Они погубили себя своими же преступлениями...»

(I, 7)

Так и женихов

«постигла постыдная судьба из-за преступностей»

(XXII, 317)

Если с этой точки зрения рассмотреть и другие места поэмы, в которых обобщаются причины гибели спутников

⁸ Ср. также 95, стр. 121.

Одиссея или женихов, то во всех почти случаях указывается на их собственную преступность. Однако если герой внемлет истинному призыву бога, он не причинит себе несчастья сверх судьбы. Примером этому служит сам Одиссей. В финальной сцене, после того как итакийцы, напуганные призывом Афины, прекращают битву, разбушевавшийся Одиссей вновь атакует противника. Зевс подает знак Афине молнией, а она, в свою очередь, призывает Одиссея остановиться, не гневать Зевса. Одиссей покоряется призыву Афины, за этим следует установление мира.

Следовательно, двоякое отношение людей к воле бога влечет за собой два последствия:

Эгист, которому Зевс устами Гермеса велит отказаться от своих намерений, не покоряется богу и в конце концов гибнет из-за своей преступности.

Одиссей, которому Зевс устами Афины сообщает отказаться от своего намерения, покоряется богу, что предвещает божественное примирение.

Этим и завязывается вся композиция поэмы. Если представить все вышесказанное единой схемой, то структурная симметрия «Одиссеи» приняла бы такую форму (см. таблицу II).

Естественно, симметричность всей композиции поэмы говорит о том, что этот же принцип симметрии частей должен подтверждаться и в более маленьких структурах поэмы. Достаточно ознакомиться с многочисленными схемами Бэртмена, в которых, возможно, немало спорных моментов, чтобы убедиться в универсальности принципа симметрии в поэме, проявляющегося как в построении, так и во взаимоотношении отдельных сцен. В «Одиссее», как и в «Илиаде», довольно высок удельный вес принципа т. н. «парадигматического взаимоотражения», подразумевающего повторение композиционных законов, разных мотивов, использованных в одной сцене, не только в типологически схожей с ней другой сцене, но и в ряде сцен одновременно. Примеров этого много в поэме, их перечисление завело бы нас слишком далеко, тем более, что об этом гомеровском принципе речь шла выше при анализе «Илиады». Здесь же отметим, что в более малых структурах, какими являются композиции речей отдельных героев «Одиссеи», наблюдаются некоторые расхождения с «Илиадой». Этот вопрос более подробно мы рассмотрим ниже, когда коснемся взаимоотношения принципов геометрического искусства и гомеровского эпоса.

Итак, анализ структуры цельной поэмы показал, что типологически схожие блоки действия «Одиссеи» расположены в отношении центра симметрично и образуют т. н. круговую композицию:

Что же касается последовательности сцен внутри блоков, то они соотносятся друг с другом по принципу параллельного деления (абв... абв...). Таким образом, в композиции «Илиады» и «Одиссеи» использованы совершенно идентичные принципы структурной симметрии. Как было отмечено, симметрия в поэме соответствует совершенно определенному принципу развития конфликта. Основной характерной чертой данного принципа можно считать завершение возникшего по воле бога конфликта той же божественной волей.

Нетрудно заметить, что как в «Илиаде», так и в «Одиссее» в начале конфликта стоит бог: в «Илиаде» — Зевс, в «Одиссее» — Афина. Правда, и в «Одиссее» воля Зевса наивысшая, но здесь он стоит дальше от хода событий, чем в «Илиаде». Фактически основной движущей силой в «Одиссее» является Афина. Зевс не сам составляет план возвращения Одиссея, как это было в «Илиаде» в случае обманчивого сна, а лишь соглашается с планом Афины и разрешает реализовать его (в начале V песни слова Зевса лишь развивают план Афины). В данном случае необходима лишь его «истинная воля» (*ὑπερτέα βουλή*). Все то, что затем происходит в поэме, фактически является реализацией плана Афины. Следовательно, в ее руках завязка всех центральных конфликтов поэмы. Уже в первой песни она ставит перед Зевсом вопрос о возвращении Одиссея (I, 48...) и сама предлагает ему план действия (I, 84...), в котором предусмотрено почти все, что затем происходит в поэме. С этого момента Афина появляется всюду, где требуется помощь Одиссею или Телемаху. В данном процессе постепенно вырисовываются две основные необходимые для конфликта противостоящие стороны — Одиссей с Телемахом и женихи Печелопы. В поэме происходит столкновение между ними. Однако истребление женихов и опознавание Одиссея Пенелопой все еще не является завершением конфликта. Для снятия противоречия с противоборствующих сторон необходимо т. н. божественное примирение. Именно о таком примирении повествуется в конце XXIV песни. Мотив действия кефаленов, идущих мстить Одиссею, довольно четко сформулирован в словах Эвпита, отца одного из женихов — Антиноя: в них обоснована вина Одиссея — он виновен перед соотечественниками, во-первых, в том, что увел за собой в Трою и погубил кефаленских мужей и, во-вторых, возвратившись, сам истребил лучших кефаленов (XXIV, 426...). В словах Медона (XXIV, 443...) явно подразумевается, что Одиссей был бы виновен, если бы действовал сам, однако

«Все это он совершил не против воли бессмертных богов!»

В предельно критический момент, когда должен разгореться кровопролитный бой, Афина вновь обращается к Зевсу — продолжить или завершить злую войну? (473...); Зевс, настроенный миролюбиво (478...), дает Афине возможность делать так, как она того желает (ἔρξον ὅπως ἐθέλεις 481), но все же высказывает свою волю:

«Да будут богатство и мир (на земле) - вдоволь!»

(486)

И Афина немедленно призывает настроенных к бою итакийцев: «Приостановите бой» (531), а после того, как Зевс послал «чадную молнию» (539) и Одиссей смирился:

«Скоро потом меж царем и народом союз укрепила
Жертвой и клятвой великой принявшая Менторов образ
Светлая дочь громовержца богиня Афина Паллада».

(546 — 48)

Это и является логическим финалом, завершением конфликта, ибо, если действия Одиссея и Телемаха во всем произведении фактически направляются божественной волей и если истребление женихов — реализация той же самой воли, то поэт постарался бы показать и то, как та же самая божественная воля примирит Одиссея (и Телемаха) с противоположной силой, имеющей, согласно «Одиссее», до самого финала произведения полное право на возмездие. Если бы не это примирение, в поэме конфликт остался бы незавершенным⁹.

Все наше суждение до сих пор было нацелено на то, чтобы показать, сколь едина композиция «Одиссеи». Естественно, с течением времени поэма должна была претерпеть определенные изменения, однако они, очевидно, коснулись не целой композиции поэмы, но лишь построения отдельных ее частей и, вместе с тем, настолько поверхностно, что не разрушили их основную структуру, того единства поэтических принципов, которое выявляется в композиции поэмы.

⁹ Ср. также замечание Стенфорда: «that ethically and morally the Odyssey cannot end at 23, 296 and that the poem makes this clear, consistently and constantly» (373, стр. 16). Следует отметить, что Шадевальдт, придающий моменту божественного примирения в конце «Илиады» особое значение (355а, стр. 10...), почему-то не видит необходимости такого же примирения в финале «Одиссеи».

По нашему мнению, анализ поэмы с учетом тех моментов, которые обсуждались выше, свидетельствует о том, что «Телемахия», «Царство теней» и XXIV песнь, к которым аналитики проявляют особое недоверие, являются необходимыми частями «Одиссеи». Несмотря на то, заметны в этих песнях следы интерполяции или нет, они тесно связаны со всей структурой поэмы и их изъятие нарушило бы единство произведения.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ Т. Н. СОМНИТЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ «ОДИССЕИ»

В этой главе мы не будем говорить о всех тех местах или пассажах, которые когда-либо ставились под сомнение филологами. Мы остановимся лишь на частях поэмы, имеющих особое значение в композиции «Одиссеи».

Как мы уже отмечали, самым значительным из т. н. сомнительных мест «Одиссеи» является «Телемахия». На каком основании выделяют ее исследователи из поэмы?¹

1) Прооймион «Одиссеи» не подготавливает «Телемахию». Здесь ничего не говорится о событиях, происходящих в «Телемахии».

2) В прологе поэмы описывается первое собрание богов (I, 27...). Зевс произносит свою известную речь, после которой следует его беседа с Афиной, богиня предлагает Зевсу свой план возвращения Одиссея. В первой части этого плана предполагается послать Гермеса на остров Огигию, где Одиссей находится в заключении у нимфы Калипсо. Гермесу поручено передать нимфе волю Зевса — Одиссей должен вернуться на Итаку. До этого момента все развивается вполне логично и соответствует определенной в прооймионе задаче. Вторая же часть плана посвящена прибытию Афины на Итаку, где она должна внушить Телемаху смелость и убедить его отправиться в Спарту и Пилос за известиями об отце.

По мнению многих аналитиков, для возвращения Одиссея этот момент не имеет никакого значения, он совершенно лишний, ибо странствия Телемаха никак не способствуют возвращению отца.

3) Далее показано, как Афина является Телемаху в об-

¹ Для аналитической аргументации ср. названные работы Шадевальда, Пейджа и др. Для обзора — 254, 229, стр. 228..., 194а, особенно 339. В последнее время в защиту органичной связи «Телемахии» со всей «Одиссеей» выступил Эйзенбергер, работа которого является, пожалуй, одной из самых серьезных попыток унитаристического анализа поэмы (148а).

разе Ментеса и как осуществляется вторая половина плана. Но женихи собираются убить Телемаха. В начале V песни вместе с восходом Эос, боги вновь собираются и Афина жалуется Зевсу, что Одиссей не может вернуться на Итаку, к тому же женихи решили убить Телемаха. В ответ на это Зевс поручает Афине обеспечить Телемаху благополучное возвращение, а сам, обращаясь к Гермесу, составляет план возвращения Одиссея. Примечательно, что Зевс повторяет здесь слова, сказанные Афиной на первом собрании богов, заменена лишь форма $\epsilon\lambda\tau\eta$ формой $\epsilon\lambda\pi\epsilon\upsilon$.

«Чтоб Нимфе прекраснокудрявой объявить [Гермесу] решение неизменное, О возвращении Одиссея, твердого духом, домой».

(I, 86 — 87 = V, 30 — 31)

Ряд исследователей считает странным, что боги дважды собираются для реализации одной цели — вернуть Одиссея. К тому же, во время второго собрания ничего не сказано о первом, хотя вопрос возвращения Лаэртида был тогда почти решен. Это, по их мнению, можно объяснить, лишь сделав допущение, что некий «обработчик», вставил в ранее существовавший пролог, в том месте, где говорилось о беседе Афины и Зевса, о плане Афины и обращении Зевса к Гермесу, целую «Телемахию», добавив соответствующие пассажи в сцене собрания богов.

4) Отдельные детали сцены Афины—Телемаха I песни, как предполагает часть исследователей, подтверждают наличие интерполятора (или «обработчика»). В совете, который Афина дает Телемаху, явившись ему в образе Ментеса, — много логических расхождений. Он (I, 253 — 305) содержит ряд противоположных моментов.

Телемах должен:

а) собрать на следующее утро ахейских героев и обратиться к ним с речью;

б) посоветовать женихам разойтись по своим домам;

в) сказать матери, что если она желает выйти замуж, то должна вернуться в родительский дом, где, дав ей приданое, ее выдадут замуж;

г) сам (Телемах) же должен снарядить корабль и отправиться к Нестору и Менелаю за вестями об отце. Если он узнает, что отец жив и есть надежда на его возвращение, то будет терпеливо ждать еще год;

д) если же отца нет среди живых, то, вернувшись домой, он должен воздвигнуть ему гробницу;

е) мать же выдать замуж;

ж) и уже потом должен подумать об истреблении женихов в своем доме — хитростью или силой.

Настало время, когда Телемах должен последовать совету Афины. И действительно, Телемах: (а) на другой день собирает народ, (б) предлагает женихам покинуть его дом (II, 139...), (г) просит снарядить для него корабль, чтоб отправиться в Пилос и Спарту за вестями. Если узнает, что отец жив, то будет его ждать еще год, (д) если же его не окажется в живых, то, вернувшись, воздвигнет ему гробницу, (е) а мать выдаст замуж. Следовательно, Телемах почти полностью следует совету Афины и оставляет без внимания лишь два момента — (в) и (ж). Вполне естественно, что Телемах опустил (ж), ибо он касается избияния женихов. Непонятно только, почему Телемах не выполняет требования Афины в связи с отправлением матери в отчий дом (в). Совет Афины несколько противоречив и алогичен. Непонятно, почему она советует Телемаху отправить мать в родительский дом, если ей надо выйти замуж. Ведь Афина, как и слушатели «Одиссеи», прекрасно знала, что верная Пенелопа не собиралась выходить замуж и ждала своего супруга. Удивление вызывает и то, что Телемах ни словом не обмолвился Афине/Ментесу, что его мать не собирается замуж. С другой стороны он выполняет все пункты совета Афины/Ментеса, кроме одного — предложить матери, если она хочет выйти замуж, вернуться в отчий дом, несмотря на то, что во II песни Телемах не раз подстрекают выполнить и этот совет Афины. Например, во II, 196... Эвримах, один из женихов, прямо заявляет Телемаху — отправить мать в отчий дом, чтоб там ее выдали замуж. Здесь повторяются полностью две строки из совета Афины (I, 277 — 8 = II, 196 — 7). Но Телемах не желает говорить об этом. А до того (II, 130...) он заявляет Антиною, что не может отправить мать из дому вопреки ее желанию (*ἀέχουσαν*). Таким образом, Телемах явно пренебрегает этой частью совета Афины. Нам из совета Афины трудно заключить, что должен конкретно сделать Телемах. Как мы уже отмечали, все это дает возможность ряду исследователей говорить о структурной аномалии и рассматривать эту часть поэмы с аналитической точки зрения².

Таковы фактически те основные аргументы, на которые опираются сторонники выделения «Телемахии» из поэмы. Легко заметить, что аргументы эти логического характера и исходят из сугубо субъективной интерпретации текста. Исследователи видят в этих местах аномалию постольку, поскольку они не соответствуют их пониманию логичного. Но

² Особенно много внимания уделяет данному эпизоду в современной гомерологии Пейдж (302, стр. 53).

достаточно рассмотреть эти места с другой точки зрения, появятся возможности иной интерпретации.

Начнем с совета Афины. В нем нетрудно заметить два момента: а) совет, который касается лично Телемаха и выполнение которого зависит только от него; б) совет, выполнение которого зависит не только от воли Телемаха, но и от объекта, с кем непосредственно будет иметь дело сын Одиссея. Соответственно, в первом случае в совете допускается единственно возможный вариант развития событий, а во втором случае — два, исключающих друг друга, возможных варианта. То, что Телемах должен собрать народ, зависит всецело лишь от его воли и другой возможности в данном случае не представляется. От него же зависит пойти на поиски отца. В советах же, касающихся возвращения Одиссея, женихов и матери, явно допускаются два варианта развития событий: Телемах должен предложить женихам покинуть его дом, и если они этого не сделают, то по возвращении ему надо будет подумать о том, как истребить их. Он должен сказать матери — если она желает выйти замуж, то должна покинуть дом, если же нет, то в случае гибели Одиссея, сам Телемах выдаст ее замуж. Но возможно и то, что Одиссей жив и вернется, тогда они должны ждать его, если же он не вернется, то воздвигнуть Лаэртиду гробницу и выдать замуж Пенелопу. Как видно из сказанного, речь Афины в целом подчинена определенной логической структуре и построена на основе симметричного распределения двух противоположных возможностей развития событий в первой и второй частях совета. Однако в данном случае мы имеем дело не только со структурными особенностями. Следует учесть и то обстоятельство, что в этом эпизоде собеседником для Телемаха является простой смертный Ментес, который не может с точностью знать, что творится в доме Телемаха, о чем думает Пенелопа. Точно так же слушателям «Одиссеи» не все еще известно из поэмы о верности Пенелопы³.

Мы не можем согласиться с мнением исследователей, которые утверждают, что аудитории «Одиссеи» заранее все было известно о Пенелопе. В таком случае было бы непонятно, почему поэт столь детально описывает эпизоды верности Пенелопы. Естественно, слушатели «Одиссеи» имели определенную информацию о счастливом возвращении Одиссея и верности его супруги еще до появления поэмы, но все это, очевидно, имело схематичную форму. Именно автор «Одиссеи» и должен был сделать Пенелопу символом верной жены. Этого он достиг художественным обобщением и представлением ее образа в предельно драматическом кон-

³ Об образе Пенелопы см. ниже, стр. 306.

тексте. Многие эпизоды, подчеркивающие характерные черты образа Пенелопы, несомненно являются плодом фантазии самого поэта. С этой точки зрения можно сказать, что первое полное экспонирование образа Пенелопы в греческом эпосе является делом автора «Одиссеи». Поэтому трудно представить, что слова Ментеса касательно Пенелопы могли вызвать удивление или возмущение среди слушателей, тем более, что фактическое экспонирование Пенелопы и моментов, описывающих ее верность, начинается после беседы Ментеса и Телемаха. Из слов самого Ментеса видно, что он считает нереальной первую возможность — желание Пенелопы выйти замуж. Именно поэтому он чуть позже советует Телемаху, в случае гибели отца, выдать мать замуж. Здесь имеется в виду, что Пенелопа, по мнению Ментеса, не пожелает уйти из дома Одиссея и выйти замуж, не убедившись окончательно, жив или нет ее супруг. В данном случае Пейджу кажется более логичным, если бы Телемах дал надлежащий ответ Ментесу и убедил его, что Пенелопа не собирается выходить замуж⁴. По нашему же мнению, подобное развитие сюжета было бы несколько примитивным. Телемах ведет себя, как и подобает герою эпоса, прозорливому и степенному. Ответ на поставленный Афиной вопрос дает II песнь. Именно здесь со слов Антиноя мы узнаем (II, 85...), как оттягивает Пенелопа свой ответ женихам. Именно здесь, в самом логичном месте, когда уже слушатель в курсе событий, Телемах отвечает Антиною и другим собравшимся на вопрос, поставленный Ментесом. Из его слов (II, 130...) становится ясным, что Пенелопа не желает покидать дом Одиссея и Телемаху нечего выяснять, думает ли она о замужестве. Из сказанного явствует, что в совете Афины/Ментеса и в реакции Телемаха нет никаких принципиальных противоречий.

Теперь относительно двух сцен собрания богов. По нашему мнению, две сцены собрания богов оправданы как структурной, так и смысловой необходимостью. Как известно, на первом собрании Афина предлагает Зевсу план действия, но сам громовец еще не вынес решения. В речи Афины содержатся две части. В первой части она просит Зевса послать Гермеса к нимфе Калипсо, а во второй — по собственной инициативе собирается отправиться на остров Итаку, чтобы настроить Телемаха на поиски следов Одиссея, и ἤδ' ἴνα μιν κλέος ἐσθλὸν ἐν ἀνθρώποισιν ἔχησιν (I, 95). Здесь явно чувствуется, что центральным событием является возвращение Одиссея и, следовательно, для его осуществления нужна воля Зевса. Что же касается Телема-

⁴ 302, стр. 55.

ха, то для урегулирования этого второстепенного дела не требуется вмешательства громовержца. Достаточно и того, чтоб Зевс был благосклонно настроен к нему. Соответственно, речь Афины готовит слушателя к двум эпизодам — к миссии Гермеса к Калипсо (с результатами этой миссии) и к миссии Афины к Телемаху (с результатами этой миссии). Описание этих двух эпизодов, согласно структуре гомеровского эпоса, должно быть дано в двух блоках, в двух структурных единицах — в «Телемахии» и в «Возвращении Одиссея», однако эпос не дает возможность строить действие посредством чередования отдельных сцен двух блоков⁵. Поэтому рассказ о возвращении Одиссея начинается после того, как осуществляется одна часть цели Афины — отправить Телемаха в Спарту и Пилос за сведениями об отце, чтоб он завоевал *κλέος ἑσθλόν* в народе. И действительно, в конце IV песни намерение женихов подстеречь и убить Телемаха свидетельствует о том, что в нем они видят независимую личность, достойного защитника доброго имени отца. Переход к центральному эпизоду — возвращению Одиссея, — естественно, требовал какую-то связующую ступень. Поэтому поэт вносит в поэму второе собрание богов. Естественно возникает вопрос — почему здесь не упоминается о первом собрании богов. Причина, по нашему мнению, чисто этического характера. В первой песни Зевс, хотя и благосклонен к Одиссею, но ничего конкретного не говорит о его возвращении. В этом случае Афина предлагает ему свой план. Естественно, немедленное приведение в исполнение слов Афины:

«Пусть Гермес, вестник, Аргусоубийца,
будет нами послан на остров Огигию, чтобы как можно
быстрее нимфе прекрасноюдрявой объявить решение неизменное».

(I, 84 — 86)

никак не могло соответствовать божественной этике, ибо в таком случае распорядителем всеми событиями предстала бы Афина, Зевс же — лишь исполнителем ее желания. Здесь цель Афины — ввести Зевса в курс событий и подать ему правильную мысль в связи с возвращением Одиссея, а изречение «неизменного решения», которое должно немедленно свершиться, это уже дело самого Зевса. Поэтому ничего удивительного нет в том, что в начале V песни Афина не говорит конкретно о плане возвращения Одиссея, а лишь сетует на

⁵ В данном случае одни, вслед за Ф. Зелинским, видят пример закона хронологической несовместимости, другие же — специфику построения действия в гомеровском эпосе (Ср. 241).

положение Одиссея и Телемаха. Но тон ее категоричен и чувствуется, что об этом уже шел однажды разговор. Это подтверждается и словами Зевса (V, 23—24). Вслед за этим Зевс предоставляет самой Афине уладить дела Телемаха, Гермеса же отправляет к Калипсо. В этом эпизоде его слова звучат как подобает верховному божеству. Он расширяет предложенный ранее Афиной план и сам предопределяет весь ход возвращения Одиссея. Это и логично, и одновременно является переходной ступенью от вводной части поэмы к центральным событиям⁶. Что касается необходимости «Телемахии» с художественной точки зрения, то можно лишь заметить, что «Телемахия» подготавливает основные конфликты поэмы. Здесь уместно вспомнить принцип, примененный в «Илиаде» — в полную силу главный герой вступает в действие лишь тогда, когда уже подготовлен его выход на арену, когда становится необходимым его вмешательство в конфликт. Как известно, в «Илиаде», главная задача которой — описание гнева Ахилла, Пелид после первой песни надолго выходит из действия. До того, как он снова вступит в действие, поэма подготавливает нас к его появлению. Присутствие Ахилла, и что самое главное, необходимость его активного вмешательства в события чувствуется на протяжении всей поэмы. Все это накладывает на дальнейшее участие героя в «Илиаде» больший драматизм, еще более подчеркивает роль Ахилла в Троянской войне. С таким же мерилom следует подойти и к «Одиссее». Первые песни поэмы фактически подготавливают появление Одиссея на арену действия и показывают, сколь необходимо его возвращение на Итаку, какое тяжкое наказание ожидает женихов. Здесь экспонируются все, кто в дальнейшем выступит за или против Одиссея. Именно поэтому поступок Одиссея, сколь беспощадным бы он ни был, кажется слушателю или читателю правомерным. В данном случае мы имеем дело с тем же принципом «еще нет, но скоро», который столь убедительно выявлен Шадевальдом в «Илиаде»⁷.

Мы не остановимся на прооймионе «Одиссеи», так как бесконечно можно спорить о том, подразумеваются ли в I, 1—21 строках те события, которые описаны в «Телемахии». Во всяком случае обращение *ἄνδρα μοι ἔννεπε Μοῖσα* — дает возможность поэту рассказать не только об одном мотиве — мотиве возвращения, как это было в «Илиаде» в случае гнева, но обо всех событиях, связанных с человеком, ко-

⁶ В последнее время интересным представляется рассмотрение «Телемахии» с утилитаристической точки зрения Рютером (339).

⁷ К художественной функции «Телемахии» ср. 83; 105; 254; 110. стр. 122...

торый много странствовал после падения священной Трои. Надо учесть и то обстоятельство, что эпический поэт в прооймионе заостряет внимание лишь на том, что является главной задачей его повествования. В «Илиаде» основным является описание гнева Ахилла и поэтому в прооймионе ничего не говорится о многих значительных эпизодах поэмы. В «Одиссее» главное — возвращение Одиссея и соответственно в прооймионе и не должно быть речи об эпизодах «Телемахии»⁸.

Одни аналитики считают вставкой «Царство теней» (XI) или Νέχρη⁹, другие — выделяют из «Царства теней»¹⁰ лишь отдельные части. Путешествие Одиссея в царство Аида, как отмечают некоторые, по своему характеру разнится от гомеровского эпоса в целом и, вероятно, является переработкой ранее существовавшей поэмы. В нем встречаются детали, соответствующие поэмам определенного рода, цель которых — передать представления древних о катабасисе и царстве Аида. Богатая мифологическая информация, разбросанная в отдельных частях «Царства теней» (XI, 568 — 627; XI, 225 — 330), явно соответствует каталогообразному эпосу Гесиода, а во фрагменте о Тиресии чувствуется дух сказаний фиванского цикла. Исходя из этого, одни требуют полного изъятия «Царства теней» из «Одиссеи», а другие — лишь отдельных, негомеровских мест, тех частей, которые не связаны непосредственно с героями троянского цикла. Следует отметить одно обстоятельство: если допустить, что «Царство теней» — оригинальная часть поэмы, то надо полагать, что Гомер не мог бы ограничиться описанием в ней встреч Одиссея лишь с тенями матери и друзей. Вполне естественно, что поэт использовал бы эту весьма оригинальную сцену для представления других теней, дал бы слушателям информацию о героях других циклов. Да и с логической точки зрения не было бы оправдано, если б Одиссей рассказал феакам лишь о героях Троянской войны. Ведь до того момента, когда царь феаков попросил Одиссея рассказать о его встрече именно с тенями друзей, Лаэртид не мог знать, что более всего интересовало Алкиноя. На то, что в «Царстве теней» в крайнем случае можно говорить лишь об интерполяции отдельных, незначительных деталей, указывает, как нам представляется, вполне определенная структура данной части поэмы, в которой выявляются характерные для всего гомеровского эпоса закономерности композиционной симметрии.

⁸ К вопросу о прооймионе ср. 339, стр. 28...

⁹ Для аналитической аргументации 302, стр. 21...

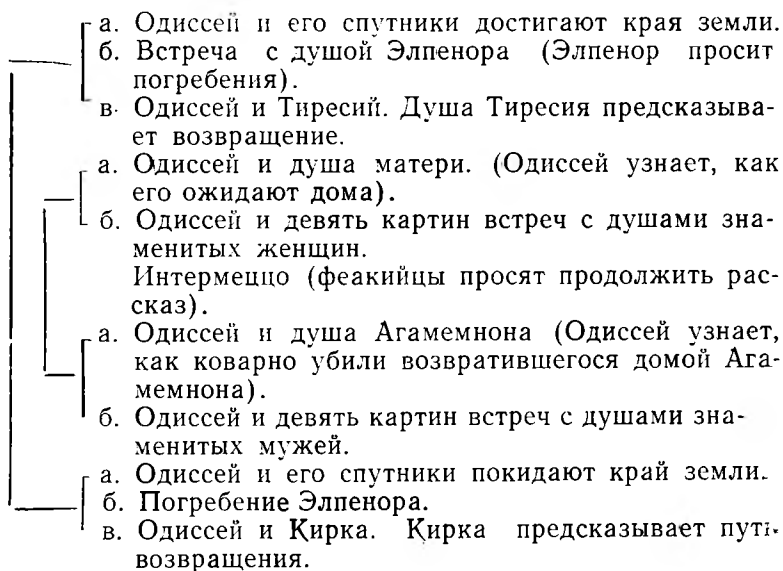
¹⁰ Напр., Шадевальдт, Лески и др.

Центром «Царства теней», несомненно, является интермеццо (328—384), которое делит *Núrn* на две абсолютно равные части. Здесь — переход от т. н. «женского каталога» к «каталогу мужчин». Этому предшествует первая часть встреч Одиссея с тенями умерших — его встречи с душами женщин. Соответственно рассказу Одиссея, здесь можно выделить 10 картин, 10 эпизодов¹¹. За интермеццо следуют встречи Одиссея с тенями мужчин. И в этом случае можно выделить 10 картин, 10 эпизодов. Первая тень в «каталоге женщин» — тень матери Одиссея. Из беседы с матерью — и это значительно — Одиссей узнает, с каким нетерпением ждут его дома, в особенности жена и сын. Этой сцене можно противопоставить встречу с тенью Агамемнона из «каталога мужчин». Картина всеобщего ожидания, нарисованной матерью Одиссея, противопоставляются сцены трагической смерти возвратившегося домой Агамемнона, вероломства его жены и предостережения Атрида быть Одиссею осторожным. Вслед за этими основными встречами, в «женском каталоге» следуют встречи с знаменитыми женщинами, а в «каталоге мужчин» — с тенями известных героев. Примечательно, что как в женском, так и в мужском каталогах, исключив эпизоды встреч с тенями матери и Агамемнона, — по 9 подобных картин. В «каталоге женщин»: 1) Тиро, 2) Антиопа, 3) Алкмена и Мегара, 4) Эпикаста, 5) Хлорида, 6) Леда, 7) Ифимедея, 8) Федра, Прокрида, Ариадна, 9) Майра, Климена, Эрифила. В «каталоге мужчин»: 1) Ахилл, 2) Аякс, 3) Минос, 4) Орион, 5) Титий, 6) Тантал, 7) Сизиф, 8) Геракл, 9) Тезей и Пиритой. Правда, Одиссею не довелось видеть тени Тезея и Пиритоя, но так как в своем желании встретиться с другими героями он особо выделил Тезея и Пиритоя, то можно допустить, что этот момент несет определенную функцию в симметричной композиции «Царства теней». Это и есть собственно «Царство теней», содержащее эпизоды, которые следуют за встречами Одиссея с Тиресием, открывающим герою секрет того, как могут узнать его. Этой части предшествует эпизод, который можно представить в единстве следующих сцен: 1) Одиссей достигает царства теней; 2) душа Элпенора просит погребения; 3) Одиссей и Тиресий — предсказание Тиресия. Заслуживает внимания то, что длинная беседа с тенью Элпенора (с детальным описанием гибели Элпенора) подготовлена еще в предыдущей песни довольно кратким известием о его смерти. Что же касается данного эпизода, то он завершается, как было сказано,

¹¹ В данном случае мы имеем в виду, что встреча с несколькими душами может быть объединена в одном эпизоде, в одной картине.

встречей с тенью Тиресия. Последний предсказывает Одиссею, каким будет его возвращение. Этот эпизод можно считать переходным на пути Одиссея в царство Аида — кульминационной точкой всех странствий Одиссея.

Прежде чем впустить Одиссея в «Царство теней», автор показывает, как герой постепенно отдаляется от реального мира и переходит в пределы ирреального мира, пока наконец не достигнет царства теней — абсолютно противоположного царству смертных. После этого должен наступить перелом в маршруте, ибо идти дальше в этом направлении (к ирреальному) больше нельзя — Одиссей достиг вечной обители душ. Единство типологически схожих сцен создает эпизод, который следует за «Царством теней» и в котором намечается путь возвращения Одиссея к жизни: а) Одиссей отправляется из царства теней, б) погребение Элпенора, в) Кирка описывает Одиссею путь возвращения. Схема взаимоотношающих сцен «Царства теней» будет выглядеть следующим образом:

Такая же симметрия характерна, по нашему мнению, для всего маршрута Одиссея, который начинается и заканчивается населенной реальными людьми страной. Центром этого маршрута, несомненно, является «Царство теней»¹².

¹² О симметрии в структуре «Царства теней» интересные, но отличающиеся от нас наблюдения представлены у Хойбека (192, стр. 33 — 35).

Все это органично связывает «Царство теней» со всей поэмой в целом.

Некоторые исследователи видят следы деятельности «обрабочника» и в образе Феоклимена¹³. Прорицатель из Арголиды Феоклимен впервые появляется в XV песни. Здесь он встречается с Телемахом, здесь же даны его генеалогия и тщательное экспонирование. Это, по мнению Пейджа, должно быть предпосылкой того, что впоследствии Феоклимен должен сыграть значительную роль в поэме. Он же впоследствии появляется в поэме всего лишь два раза и ничего нового фактически не говорит слушателям «Одиссеи»; и без него уже все известно. Он не вносит никакого вклада в развитие действия. Это обстоятельство должно указывать на то, что у Феоклимена нет определенной функции в произведении. Если это так, то органичную связь Феоклимена с поэмой придется поставить под сомнение — не ввел же бы автор в эпос посредством столь обширного экспонирования героя, у которого нет никакой конкретной функции. По мнению Пейджа, Феоклимен является преобразованием первоначальной маски самого Одиссея. В ранней версии поэмы Одиссей появлялся на Итаке в маске прорицателя. Впоследствии же его образ преобразился в образ Феоклимена.

А. Лески, который так же считает функцию Феоклимена не совсем ясной, предполагает: «образ Феоклимена является явным примером того, как мы должны учитывать при суждении об Одиссее многочисленные, вытекающие из ранних форм черты»¹⁴.

Согласно новейшим исследованиям Торнтона¹⁵ и Эрбзе¹⁶, функцию Феоклимена вовсе не следует считать туманной. Его включение в действие подготовлено уже в «женском каталоге» «Царства теней». В XI, 281... рассказывается о Хлориде, жене Нелея, ее детях и особо о ее прекрасной дочери Перо, на которой многие мечтали жениться. Но Нелей прочил ее только тому, кто похитил бы быков из стада Ификла. Лишь один беспорочный вестник (*μαύτις ἀμύρων*) взялся за это трудное дело. Но боги, ниспослав на вестника тяжелую участь, помогли пастухам поймать его. Он в течение целого года был пленником Ификла. Его освободили лишь после того, как он поведал все, что сообщил ему бог. Исполнилась воля Зевса. Торнтон отмечает, что в этом фрагменте нигде не упоминается имя «беспорочного прорицателя». Но в XV песни, там, где появляется Феоклимен, рассказ про-

¹³ Для аналитической аргументации ср. 302, стр. 83...

¹⁴ 254, стр. 127.

¹⁵ 382, стр. 58 — 62.

¹⁶ 153, стр. 42 — 54.

должается. Мы узнаем настоящее имя прорицателя — Мелампод и все то, что случилось позднее. Становится известным также и то, что именно его потомком является прорицатель Феоклимен. Хотя в данном фрагменте упоминается имя Мелампода, зато Перо представлена без имени, лишь как дочь Нелея. Рассказ, начатый в XI песни, завершается в XV. Торнтон довольно убедительно показывает, что эти два фрагмента взаимодополняют друг друга¹⁷.

Итак, появление Феоклимена подготовлено уже XI песнью. Что же касается функции Феоклимена в «Одиссее», то она ничем не отличается от обычной роли прорицателя. Своим ясновидением относительно того, что Одиссей находится где-то поблизости, он вносит драматизм в действие. Фактически его прорицание обращено к тем, кто еще не знает о возвращении Одиссея. Его слова, иррациональные по своему характеру (особенно предсказание в XX песни), точно так же подготавливают к разразившейся во дворце Одиссея драме, как и предсказание прорицателя в аттической трагедии, создающее усилением иррационального момента фон для трагической развязки. Именно поэтому не следует делать предположений об особой роли Феоклимена в догомеровском эпосе, нашедшей в «Одиссее» лишь слабое отражение. Феоклимену в поэме уделено то место, которое ему принадлежит как ясновидцу и свою роль он играет довольно искусно, точно так же, как Кассандра в «Агамемноне» Эсхила или Тиресий в трагедиях Софокла¹⁸. К тому же он не стоит особняком в «Одиссее». Почву для его появления в поэме подготавливают своими предсказаниями сперва Галитерс, а затем Тиресий. По Эбрге интересную параллель можно провести и с Пулидамасом «Илиады», предсказывающим близкую беду троянцев в XVIII, 254—283¹⁹.

Скептическое отношение вызывают у некоторых исследователей и сцены узнавания и преображения Одиссея²⁰. По их мнению, противоречия начинаются уже с XVIII, 158...

«Тут светлоокая дочь громовержца вложила желанье
В грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртиа сына,
Выйти, дабы, женихам показавшись, сильнейшим желаньем
Сердце разжечь им, в очах же супруга и милого сына
Более, чем прежде, явиться достойною их уваженья».

¹⁷ Ср. также 192, стр. 19.

¹⁸ 139, стр. 70.

¹⁹ 153, стр. 54.

²⁰ 271, стр. 1...; 302, стр. 88...

Во сне Афина делает Пенелопу привлекательней, чем она была. За этим следует короткая беседа матери и сына, а далее ответ Пенелопы на комплимент Эвримаха. Пенелопа вспоминает момент разлуки с Одиссеем, слова супруга, что если он не вернется, то после возмужания сына она может уйти из дома и выйти замуж. И вот:

«.....все уж исполнилось. Скоро,
Скоро она, ненавистная ночь ненавистного сердцу
Брака наступит для бедной меня, всех земных утешений
Зевсом лишенной».

(XVIII, 271 — 274)

Пенелопа выражает сожаление, что забыт старый обычай, по которому женихи, оспаривающие руку знатной и богатой дамы, сами пригоняли скот и приносили богатые дары. Услышав это, переодетый нищим,

«...возликовал многострадальный божественный Одиссей,
Ибо от них (женихов) выманивала дары (Пенелопа),
расслабляя им души
Сладкими словами, а разум клонил ее к другому желанию».

(XVIII, 281 — 283)

По мнению исследователей, эта сцена полна противоречий. Во-первых, непонятно внезапное решение Пенелопы явиться перед женихами и обнадеживающими словами выманивать у них дары. Вызывает удивление и то, что после двадцатилетнего ожидания, именно тогда, когда появились реальные признаки возвращения Одиссея, его супруга вдруг решает выйти замуж. Но более всего странным кажется то, что Одиссей радуется словам Пенелопы, хотя ему, по сути дела, не должно быть известно, что Пенелопа в данном случае говорит одно, а думает о другом. Далее следует встреча Одиссея и Пенелопы в XIX песни. Примечательно, что Лаэртид, выдав себя за старого друга Одиссея, почти сообщает Пенелопе о том, что Одиссей вернется

«Прежде, чем месяц наставший сменен наступающим будет».

(XIX, 307)

Если принять во внимание, что на второй день (по XXI, 258; XX, 276 — 278) был праздник Аполлона, который устраивался лишь в первый день месяца, то слова Одиссея можно истолковать так: «Одиссей вернется сегодня!»²¹. Хотя у Пе-

²¹ 271, стр. 3.

нелопы было полное основание поверить переодетому нищим Лаэртиду, ибо он сумел убедить ее в том, что хорошо знал Одиссея, она, выразив кратко и туманно желание вновь встретиться с мужем, внезапно перевела разговор на совершенно другую тему, заявив, что, видно, ей все же не избежать замужества. Здесь Одиссей почему-то изъявил желание, чтобы ноги ему помыла какая-нибудь старая служанка; конечно, он имел в виду Эвриклею. Узнав Одиссея, Эвриклея желает обрадовать сидящую там же Пенелопу, но та, отвлеченная Афиной, не слышит ее слов. Одиссей вмиг останавливает Эвриклею и запрещает ей разглашать его возвращение. Няня подчиняется ему.

Затем следует вторая беседа Пенелопы и Одиссея. Пенелопа вновь затрагивает вопрос о своем замужестве, хотя ее сон предсказывает скорое возвращение Одиссея; она собирается устроить соревнование в стрельбе из лука, заявив, что станет женой того, кто натянет лук Одиссея и выйдет победителем в стрельбе. Одиссей советует ей не откладывать соревнования. Женихи тщетно стараются натянуть лук (XXI). Антиной предлагает прекратить соревнование. Тогда Одиссей просит разрешить и ему натянуть лук. Но Антиной советует ему довольствоваться тем, что он находится среди них (288—310). В дело вмешивается Пенелопа. Она заявляет, что нельзя отказывать гостю, тем более, что даже в случае победы, нищий не может претендовать на руку царицы. За этим следует короткая беседа Пенелопы и Эвримаха. Одиссею решили дать лук. Но внезапно Телемах, заявив, что он сам позаботится дать Одиссею лук, отправляет мать в ее комнату и советует ей заняться женскими делами. Удивленная Пенелопа подчиняется. Далее следует эпизод избиения женихов.

В последовательности вышеизложенных сцен часть исследователей видит ряд противоречий: несоответствие решения Пенелопы с создавшейся ситуацией, реакция Одиссея на ее слова, желание Одиссея, который не хочет быть узнаваемым, чтобы именно Эвриклея омыла ему ноги, непонятная невнимательность Пенелопы к словам Одиссея-нищего о возвращении супруга, раздвоение мотива в эпизоде вручения лука Одиссею (требуется Пенелопа, требуется Телемах).

Однако, по мнению некоторых, несоответствия на этом не кончаются. Оpozнание Одиссея происходит постепенно: вначале Пенелопа не может поверить, что это ее супруг, ее не убеждают ни слова Эвриклеи, ни упреки Телемаха; не верит она и тогда, когда перед ней предстает особо разукрашенный Афиной Одиссей... И лишь после того, как он открывает их супружескую тайну, Пенелопа обнимает своего мужа. Здесь как бы чувствуется смешение различных версий

возвращения Одиссея. Особо подчеркивается исследователями то, что в XXIV песни во «Втором царстве теней» душа Амфимедона заявляет Агамемнону, что женихи погибли по совместному плану супругов, хотя из предыдущих песен читатели прекрасно помнят, что Пенелопа ничего не знала об этом плане.

В гомерологии считается спорным и вопрос видоизменений Одиссея в поэме. Возвратившемуся на Итаку Одиссею Афина обещает так изменить внешность, «чтоб не был никем ты узан» (XIII, 397). И действительно, лишь только она дотронулась до него своим жезлом,

«Разом на членах его, вдруг иссохшее, сморщилось тело,
Спали с его головы златотемные кудри, сухою
Кожей дряхлого старца дрожащие кости покрылись,
Оба столь прежде прекрасные глаза подернулись струпом,
Плечи оделись тряпичей, в лохмотье разорванным, старым
Рубищем, грязным, совсем почерневшим от смрадного дыма.
Сверх же одежды оленья широкая кожа повисла,
Голая, вовсе без шерсти...»

(XIII, 430...)

Так Афина придала Одиссею облик нищего. В этом обличье он выступает лишь на протяжении нескольких песен. В последующем же Одиссей просто-напросто постаревший со временем человек, сильно изменившийся, но узнать его все-таки можно. Например, в XVIII, 67... явно чувствуется, что он сохранил былую осанку. Именно поэтому Эвриклея говорит ему:

«Странников бедных немало в наш дом приходило; но сердце
Мне говорит, что из них ни один (с удивленьем смотрю я)
Не был так голосом, ростом, ногами, как ты с Одиссеем
Сходен».

(XIX, 379...)

А также в XXI, 334... Пенелопа говорит об Одиссее:

«Этот же странник, и ростом высокий, и мышцами сильный,
Родом не низок: рожден, говорит он, отцом знаменитым».

А еще до того Филотий, увидев Одиссея, отмечает:

«С виду он бедный скиталец, но царственный образ имеет».

(XX, 194)

И наконец, известно, что Эвриклея его узнала по рубцу на ноге, а Пенелопа без всякого магического превращения

Одиссея с помощью жёзла Афины отметила, что он очень похож на ее супруга, хотя все же решила устроить ему более надежный экзамен. Надо отметить и то, что омоложение Одиссея в XXIII песни происходит не с помощью жезла Афины, а после его омовения в ванной.

Все это и ряд менее значительных моментов дают возможность определенной части исследователей скептически относиться к органичному единству сцен преобразования и узнавания Одиссея. Одни видят здесь почерк интерполятора, другие же — попытку объединения разных версий в «Одиссее». В данном случае мы не займемся детальным разбором вопроса, а ограничимся лишь несколькими общими замечаниями, ибо в последнее время Эрбзе дал довольно убедительную унитаристическую интерпретацию данных сцен и критический обзор аргументов аналитиков²².

Начнем с того, что, при рассмотрении вышеупомянутых сцен, подчас совершенно не принимают во внимание роль поэтической условности в гомеровском эпосе. Нередко информация каждой гомеровской строки рассматривают как твердое научное положение и малейшую несогласованность считают аргументом аналитического плана, почему-то забывая о том, что художественное творчество имеет свою логику, свои законы. Главное, чтобы то или иное место произведения убедило читателя или слушателя, вызвало в нем соответствующие характеру данного эпизода или пассажа реакции и эмоции. Если произведение достигает этой цели, то, следовательно, оно — образец подлинно высокого творчества.

Рассмотренные места «Одиссеи» не вызывают чувства алогичности или противоречивости у слушателя (или читателя). Напротив, даже самые фантастические места волнуют читателя своей правдивостью, необычайно точной передачей движения человеческой души. Это — следствие того, что поэма построена по стройной поэтической логике, опирающейся на закономерности художественного, а не научного мышления. В этой связи примечательно замечание Аристотеля («Поэтика», 1460а, XXIV), согласно которому, Гомеру удавалось сказать убедительно ложь, оставаясь даже при описании самых невероятных ситуаций вполне логичным с поэтической точки зрения.

Достаточно подойти к поэме с точки зрения научных критериев, как то, что столь убедительно и естественно в ней, покажется туманным и противоречивым. С другой стороны, если бы поэт руководствовался лишь строгой логикой филологического анализа, то «Одиссея» получилась бы до-

²² 153, стр. 55 — 109.

вольно неинтересной и неестественной с художественной точки зрения поэмой.

Рассмотрим, с учетом сказанного, эпизод выступления Пенелопы перед женихами. Несомненно, что план Афины — Пенелопа должна «сердце разжечь» у женихов, и в то же время явиться более достойной, чем прежде, перед мужем и сыном — имеет вполне определенную художественную функцию. Если до сих пор участие Пенелопы в поэме было весьма скромным (выступала лишь в роли любящей матери и верной, соскучившейся по мужу жены), то после импульса Афины возникает возможность втянуть ее в действие в полную силу. Однако не следует забывать и о том, что с этого момента Пенелопа фактически выполняет волю и план Афины. Поэтому ее решение выйти замуж мотивировано не желанием самой Пенелопы, а полученным от богини импульсом. Естественно, «разжечь сердце» женихов Пенелопа могла, лишь дав им более или менее конкретное обещание. Этим достигается дальнейший накал действия в произведении. Все идет к тому, чтобы началось соревнование между женихами Пенелопы. Используя этот столь характерный для народной сказки мотив, поэт дает своему герою возможность включиться в состязание ради руки красавицы Пенелопы. С другой стороны, описывая в XIX красоту жены Лаэртида, ставшей с помощью Афины еще привлекательней, и ее категоричное решение выйти замуж (хотя слушатель хорошо знает, что за всем этим стоит Афина), Пенелопа — как конечная цель возвращения Одиссея — приобретает совершенно определенное, соответствующее создавшейся ситуации значение. Она напоминает нам ту красу-девицу из народных сказок, ради руки которой обычно устраиваются состязания. Все это придает должный драматизм действию. Представим, что поэт поступил бы иначе: Пенелопа не вышла бы к женихам, или появилась бы лишь после того, как узнала бы тайно вернувшегося своего супруга, они бы вместе составили коварный план избиения женихов, она обманом выудила бы у них дары и, наконец, вполне сознательно отправила бы их на верную гибель, предложив принять участие в состязании. В данном случае действие потеряло бы драматизм, образ Пенелопы утратил бы свою прелесть и в мести Одиссея не было бы ничего интересного, а сюжет развивался бы без всякого напряжения. Или же представим, что реакция Одиссея на слова Пенелопы (XVIII, 275...) была бы иная, и он бы выразил возмущение. Было бы это более убедительным с художественной точки зрения? Разве Одиссей, выслушавший речь своей жены, полную тоски по мужу, почувствовавший, что это требование может вновь наполнить его почти опустошенный дом богатством, и прекрасно знавший, что он вскоре

отомстит женихам и что для жены его возвращение будет самым большим счастьем, не имел основания на ту реакцию, которая описывается в XVIII, 281...? И наконец, каков бы ни был смысл слов: νόος δὲ οἱ ἄλλα μένῳινα («а разум клонил ее к другому желанию»), факт, что с художественной точки зрения этот пассаж вполне убедителен. Данная фраза («а разум клонил ее к другому желанию»), точна она или нет с научной точки зрения, вполне реальна и соответствует в данном случае ситуации, так как подводит итог причине радости Одиссея и уточняет ее, а у Одиссея, с точки зрения поэтической логики, как было сказано выше, не было основания для иной реакции на слова Пенелопы. Также, очевидно, вполне разрешим и вопрос двойной мотивировки (Пенелопой и Телемахом) вручения лука Одиссею. В этом эпизоде Пенелопа сыграла свою роль. Надо было вывести ее из действия, так как впоследствии начинался эпизод беспощадного избиения женихов, где женщине не место. В данном случае партия Телемаха служит удалению Пенелопы с арены действия. Как думается, нетрудно объяснить и различие между информацией души Амфимедона (XXIV) и реальными событиями. Амфимедон описывает события так, как их могли воспринять женихи, которые имели полное основание предположить, что их избиение было результатом совместно выработанного Одиссеем и Пенелопой плана²³, ибо у них не было никакой возможности узнать всю правду. С другой стороны, в общем построении поэмы избиение женихов действительно является следствием совместного действия Одиссея и Пенелопы, так как оба следуют планам Афины — Пенелопа неосознанно, Одиссей же вполне осознанно. Соответственно, их действие согласованно.

Как представляется, после этого аргументы аналитиков можно опровергнуть и в вопросе преобразжений Одиссея. Афина преобразила облик Одиссея. Ее слова: «Чтобы не был никем ты узан» — не следует понимать буквально. Само собой разумеется, что Афина и автор предусматривают, что Одиссей должен быть узан хоть частью своих благожелателей, чтоб иметь возможность осуществить свой замысел. К тому же, в сцене его преобразования (XIII) ничего не говорится об изменении его голоса или вообще телосложения. Афина не должна была лишить его всех признаков благородного происхождения и бывлой стати, тем более, что он собирался выдать себя за близкого друга Одиссея. Поэтому то, что Пенелопа и женихи замечают в нем следы бывшего благородства и статности, не противоречит преобразению Одиссея в XIII песни. Не противоречит данным XIII песни

²³ Ср. 153, стр. 76...

и то, что Эвриклея в голосе, осанке и ногах гостя видит сходство с Одиссеем, а по рубцу на ноге узнает его. То, что Одиссей и после XIII песни представляется автору поэмы в облике старца, в которого его превратила Афина, подтверждается, как уже отмечалось в гомерологии, и словами Эвримаха в XVIII, который так отзывается о внешности Одиссея:

«...не от факелов так все сияет

Здесь, но от плечи его, на которой нет волоса боле».

(XVIII, 354 — 355)

Именно в этих сценах насмешек женихов над Лаэртидом и происходит превращение Одиссея-нищего в грозного мстителя. Однако совершается это не посредством нового магического преобразования, а постепенным выявлением во внешне постаревшем и ослабевшем теле Одиссея следов былой мощи. Все это подготавливает слушателя к эпизоду мщения, ко всем дальнейшим действиям Одиссея-мстителя.

Не противоречит преображению XIII песни и сцена омовения из XXIII. Афина возвращает Одиссею его внешность, но не с помощью жезла, а окроплением его головы всяческими прелестями. Здесь мы опять-таки имеем дело с поэтической условностью. Вторичное вмешательство Афины посредством жезла, по мнению Эрбзе, придало бы неестественность целой сцене. Поэтому она с помощью уже других средств возвращает Одиссею отнятую в XIII песни внешность. Это совершается постепенно, естественно, в процессе омовения²⁴.

Как нам представляется, возможно даже, что в сцене этого всеобщего омовения и обновления осмыслено и очищение мстителей от убийства. Однако важнее всякой интерпретации то, что каждый рассматриваемый нами эпизод узнавания или преобразования убеждает слушателя (или читателя) своей поэтической логикой.

К спорным местам поэмы относится также сцена перепрятывания оружия²⁵. В XVI, 281... Одиссей, узнавший сыном с помощью Афины, предлагает Телемаху план, согласно которому, получив знак от отца, он должен перепрятать оружие. Но в XIX песни, где описан момент перепрятывания оружия, действие развивается в ином плане. Женихи отправляются спать, а Одиссей и Телемах при свете свечей Афины прячут оружие. Примечательно, что Одиссей здесь фактически повторяет большую часть данного ранее Телемаху совета (XVI, 286 — 294 = XIX, 5 — 13).

²⁴ 153, стр. 76.

²⁵ Для аналитической аргументации ср. 302, стр. 92...

В XIX песни заменена лишь 10 строка и вместо ἐνὶ φρεσὶν θῆκε Κρονίων XVI песни, здесь читаем ἐνὶ φρεσὶν ἐμβαλε δαίμων. Так же в XIX всему этому пассажу предшествует отличная от XVI строка: Τηλέμαχε, χρὴ τεύχε' ἄρήϊα κατθέμεν εἶσω.

Несомненно, здесь, действительно, противоречие. Это можно объяснить следующими причинами:

1) В XVI или XIX песни мы имеем дело с работой интерполятора или «обработчика».

2) При формировании сцены XIX песни автор упустил из виду отдельные детали XVI.

3) Поэт сознательно заменил некоторые детали XVI песни в XIX.

4) При формировании данных сцен поэт учитывал две разные эпические традиции перепрятывания оружия.

Из этих четырех возможностей первая — самая маловероятная, ибо при сопоставлении совета Одиссея, данного Телемаху в XVI, и эпизода перепрятывания оружия в XIX, становится ясным, что автор соответствующего эпизода XIX песни прекрасно знал данные XVI, и наоборот. Это подтверждается полным соответствием отдельных строк обоих эпизодов. Маловероятно, что «обработчик» не обратил бы внимания на то противоречие, которое могло возникнуть вследствие его деятельности. Что касается остальных возможностей, то реальнее предположить, что поэт сознательно заменил план XVI песни в XIX. Эрбзе довольно убедительно показал, что в ряде случаев для «Одиссеи» характерны различия в родственных, связанных друг с другом сценах. Здесь можно выделить два основных типа различий: 1) факт, упомянутый вторично, не полностью повторяет детали первого описания; 2) действие не соответствует (или почти не соответствует) предварительному сообщению (Ankündigung)²⁶. Сейчас трудно говорить о том, что являлось основой подобного положения. Возможно, в данных случаях поэту важны не отдельные детали описанного факта (или объявления), а сам факт (или объявление) в целом. Исходя из конкретного эпизода или ситуации, он так меняет некоторые детали в нем, что не причиняет вреда общему развитию композиции поэмы²⁷.

Особенно горячий спор вызывает среди исследователей финал «Одиссеи». Приведенный нами выше структурный анализ показывает, насколько органично финал связан со всей поэмой в целом. Поэтому мы остановимся лишь на тех

²⁶ 153, стр. 8...

²⁷ К интерпретации ср. 153, стр. 3 — 41.

аргументах, которые, казалось бы, могут препятствовать подобному утверждению²⁸.

Следует отметить, что почти все аргументы, которые сегодня вызывают сомнения исследователей, были выставлены еще древними греками и связаны с деятельностью александрийских филологов. В современной же науке происходит лишь их модификация и дополнение.

Можно было бы выделить следующие основные аргументы аналитического плана:

1) В схолиях «Одиссеи» в связи с XXIII, 296 встречаем следующее определение:

α) ἀσπᾶσιοι λέκτροιο. ἀπαστῶς καὶ ἐπιθυμητικῶς ὑπερνήσθησαν τοῦ πάλαι τῆς συνουσίας νόμου. Ἀριστοφάνης δὲ καὶ Ἀρίσταρχος πέρας τῆς Ὀδυσσεΐας τοῦτο ποιοῦνται. MV Vind (133).

б) ἀσπᾶσιοι λέκτροιο παλαιοῦ θεσμοῦ ἔχοντο τοῦτο τέλος τῆς Ὀδυσσεΐας φησὶν Ἀρίσταρχος καὶ Ἀριστοφάνης. НМQ.

Следовательно, согласно схолиям, Аристофан и Аристарх это место считали финалом. 296 строкой же кончается тот эпизод, где описано, как Эвринома приготовила ложе Одиссею и Пенелопе и

«...с весельем

В спальню вступили они».

По мнению В. Шадевальдта, первоначальную поэму можно завершить не этой строкой, а кратким резюме приключений Одиссея (XXIII, 343). Формулировка мнений Аристарха и Аристофана, которая дается в схолиях, не раз интерпретировалась, начиная с Эвстафия. Самый верный путь, как нам кажется, был указан А. Лески²⁹ и Х. Эрбзе³⁰, которые предполагают, что τέλος в данном случае должно означать не финал всей поэмы, а конец главного повествования. По мнению Эрбзе, Аристофан и Аристарх продолжают путь Аристотеля, который в «Одиссее» различает собственную историю (τὸ ἴδιον) возвращения Одиссея и окружающие ее эпизодии³¹.

2) В «Царстве теней» Гермес упоминается как Κυλλή-υιος и представлен сопровождающим души умерших. Подобное представление не находит подтверждения у Гомера другим примером. Как было уже отмечено, здесь не должны

²⁸ Для аналитической аргументации 302, стр. 101...

²⁹ 254, стр. 130...

³⁰ 153, стр. 166 — 177.

³¹ 153, стр. 174.

быть противоречия. Во-первых, уже в «Илиаде» упоминается гора по имени Κυλλήνη (II, 609), с которой и связан эпитет Гермеса. Во-вторых, в гомеровском эпосе не раз встречается эпитет *διὰκτορος* в связи с Гермесом; это должно указывать на то, что представление о Гермесе, как сопровождающем души, довольно древнего происхождения³².

3) Как могли проникнуть души женихов в царство Аида до их погребения?! Из «Илиады» (XXIII, 71—74) известно, что душа Патрокла не могла присоединиться к душам других покойников без погребения. Мы считаем, что и в этом случае совершенно упускается из внимания роль поэтической условности в гомеровском эпосе. Основной задачей поэта «Одиссеи» в данном эпизоде было так построить действие, чтобы предоставить возможность душе царя ахейцев Агамемнона в конце центральных событий подвести итог всему случившемуся и фактически поставить точку экспонированию событий троянского цикла в гомеровском эпосе. Видимо, наилучшим способом в данном случае он считал описание эпизода нисхождения теней женихов в царство Аида и беседы душ Агамемнона и Эвримедона. Естественно, факт беседы душ сам по себе выходит за рамки реального и является чистой условностью. В данном случае слушатель должен поверить поэту, хотя оба прекрасно знают, что повествование ведется в пределах лишь фантастического и иррационального. И было бы излишним педантизмом именно здесь требовать от поэта обоснования нисхождения душ в царство теней и их беседы с душой Агамемнона. Поэту не могло препятствовать то обстоятельство, что трупы еще не погребены. Ему нужно было вставить этот эпизод в поэму и бессмысленно было бы ждать для этого погребения женихов³³.

4) Во «втором царстве теней» души Ахилла и Агамемнона вполне четко помнят свою мирскую жизнь и могут беседовать с вновь появившимися душами женихов. Из первого «царства теней» (XI, 147—149) мы знаем, что память и речь возвращаются теням лишь после того, как они отведают крови.

Здесь также можно было бы ограничиться указанием на поэтическую условность³⁴, однако отметим следующее: не следует забывать, что в XI песни дело касается возможности контакта теней умерших с живыми людьми. Поэтому эпизод отвеживания крови является как бы средством установле-

³² 153, стр. 233; 226.

³³ К унитаристической интерпретации 153, стр. 223...

³⁴ К унитаристической интерпретации 153, стр. 233... Интересны также комментарии Стенфорда в связи с данной частью поэмы (372a).

ния связи между нашим и потусторонним миром. Ведь Гомер нигде не говорит, что души не общались друг с другом. С этой точки зрения знаменательны слова Ахилла:

«О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать мертвый».

(XI, 488 — 491)

Естественно, в словах Ахилла подразумевается, что души осознают свое потустороннее существование, в противном случае непонятно было бы, почему и на какой основе проводит Ахилл параллель между царством теней и миром людей. Подтверждением этой мысли является и то, что, встретив впоследствии тени Миноса, Ориона и других, Одиссей описывает, чем они занимаются в подземном царстве, как продолжается их потустороннее существование.

На этом можно закончить рассмотрение т. н. «спорных» мест в «Одиссее»³⁵, хотя они не исчерпываются приведенными примерами. Мы постарались лишь показать, как было сказано выше, что скептицизм в отношении оригинальности отдельных частей поэмы нередко основан на субъективной интерпретации.

³⁵ В данном случае мы не касаемся аргументов лингвистического характера, якобы указывающих на участие разных поэтов в процессе формирования гомеровского эпоса. Для критического обзора этих аргументов ср. 153, стр. 177 — 229.

При исследовании вопросов единства гомеровских поэм, естественно, возникает проблема и об их взаимоотношении — принадлежат поэмы одному автору или являются плодом творчества разных поэтов? Этот вопрос, как было отмечено выше, ставился еще в античную эпоху хоризонтами, считавшими, что поэмы принадлежат различным поэтам, хотя их точка зрения в то время не нашла дальнейшего распространения. Определенную разницу между этими двумя поэмами с поэтической точки зрения видел и автор трактата «О возвышенном», который считал, что Гомер создал «Илиаду» в молодости, в расцвете творческих сил, а «Одиссею» — уже в старости (IX, 13).

В современной гомерологии в вопросе о взаимоотношении «Илиады» и «Одиссеи» существует четыре основных взгляда: 1) «Илиада» и «Одиссея» принадлежат разным авторам¹; 2) «Илиада» и одна часть «Одиссеи» принадлежат Гомеру, другие же части «Одиссеи» — последователю Гомера²; 3) в «Илиаде» и в «Одиссее» мы должны различить деятельность двух А- и Б-поэтов. Допустимо, что поэт А «Илиады» и поэт А «Одиссеи» одно и то же лицо³; 4) «Илиада» и «Одиссея» принадлежат одному и тому же поэту⁴.

Выше мы постарались показать, сколь реально органичное единство каждой поэмы в отдельности, поэтому мы не рассматриваем вторую и третью теории и коснемся лишь тех аргументов, которые могут опровергнуть или подтвердить принадлежность поэм одному автору.

Некоторые исследователи исходят из языковых различий, наблюдаемых между поэмами. Так, В. Тайлер, устанавливая взаимоотношения как обеих поэм, так и отдельных частей каждой поэмы, старается определить хронологию создания сцен выявлением взаимоотражающих строк в поэ-

¹ 302; 192.

² Ср. указанные работы Шадевальдта.

³ 389д.

⁴ Ср. 327; 392. Для обзора вопроса 254.

мах. Чтобы доказать, что «Телемахия» «Одиссеи» была создана раньше XXIV песни «Илиады», Тайлер выставляет следующий аргумент: по его мнению, IV, 294... «Одиссеи» — ἀλλ' ἄγετ' εἰς εὐνὴν τράπεθ' ἡμέας, ὄφρα καὶ ἦδῃ / ὕπνῳ ὑπο γλυκερῷ ταρπόμεθα κοιμηθέντες — явно отражается в XXIV, 635... «Илиады»: λέγον νῦν με τάχιστα, διοτράφεις, ὄφρα καὶ ἦδῃ / ὕπνῳ ὑπο γλυκερῷ ταρπόμεθα κοιμηθέντες.

Подобное же влияние, на его взгляд, явно чувствуется и в «Одиссее» IV, 296... и в «Илиаде» XXIV, 643 и во многих других местах. По его предположению, во всех выявленных им взаимоотражающих строках видно, что одна является источником второй, одна более логично связана с контекстом и описанной ситуацией, чем вторая. Исходя из этого, он представляет себе последовательность создания отдельных частей «Илиады» и «Одиссеи» следующим образом:

„Илиада“ ¹	„Илиада“ ² Г—Н ¹ А ² —О ¹ (без обольщения и др.)	„Одиссея“ ¹	„Илиада“ ³ с обольщением и др.	„Телемахия“
„Илиада“ ⁴ рецензия разменивания оружием	„Одиссея“ ² с Феакией и Царством теней	„Илиада“ ⁵ с декретом Зевса (Долонией) борьбой богов	„Илиада“ [*] с Ω	„Одиссея“ ³ с финальными сценами „Одиссея“ [*] с включением „Телемахии“

Такая последовательность, по мнению Тайлера, дает возможность предположить, что между созданием первой и последней частей — промежуток приблизительно в сто лет; начало создания поэм относится к концу VIII столетия, а конец — в пределах 600 года до н. э.⁵ В довольно субъективной теории Тайлера, как нам кажется, не предусмотрены по крайней мере три возможности: а) сам Гомер постепенно создавал отдельные части своих поэм. В таком случае не исключено, что некоторые части «Одиссеи» были созданы раньше некоторых частей «Илиады». Несомненно и то, что во время конечного формирования поэм автор на основе строгих композиционных и логических закономерностей согласовал между собой отдельные части и подчинил их определенной, единой поэтической концепции; б) для гомеровского эпоса вообще характерен принцип взаимоотражения, что проявляется как в больших, так и малых структурах, даже в от-

дельных строках; в) взаимоотражение может быть следствием характерного для эпического языка использования типичных формул и строк.

Иначе подходит к вопросу Д. Пейдж. Исходная точка для него — существенное различие, отмечаемое в лексическом составе поэм. Пейдж старается показать, что несколько сот слов, которые часто встречаются в «Илиаде», не засвидетельствованы в «Одиссее», и наоборот. Помимо этого, — много эпических формул и фиксированных групп слов, которые встречаются в одной поэме, но не употребляются в другой. Поскольку «Одиссея» и «Илиада» должны быть плодом устного поэтического творчества, эти факты, наряду с другими, могут указывать на то, что поэмы создавались не только различными авторами, но и в отличной, изолированной друг от друга географической среде⁶. Вебстер достаточно хорошо показал, насколько необоснованны сопоставления Пейджа⁷. Но несмотря на это, некоторые исследователи и по сей день придают большое значение тому факту, что слова, многократно употребляемые в «Илиаде», не встречаются в «Одиссее». Например: εἶδαρ (немедленно) 9 раз встречается в «Илиаде» и ни разу в «Одиссее»; χρησμεῖν (помогать) — 19 раз в «Илиаде», ни разу в «Одиссее»; λοιγός, λοιγός (гибель, пагубный) — 25 раз в «Илиаде», ни разу в «Одиссее»; κλόνοϛ, — ἐώ («замешательство», «приходить в замешательство») — 28 раз в «Илиаде», ни разу в «Одиссее»; δέσποινα («госпожа») — 10 раз в «Одиссее», ни разу в «Илиаде»; εὐφροσύνη («веселье») — 5 раз в «Одиссее», ни разу в «Илиаде» и т. д. Что касается эпических формул и определенных групп слов, то здесь картина более ясна. Достаточно допустить, что поэмы Гомера созданы письменным, а не устным путем, как разницу между «Илиадой» и «Одиссеей» можно будет легко объяснить. В связи с представленными Пейджем лексическими различиями можно сказать следующее: современной лингвистике удалось выработать довольно убедительные критерии для установления авторства поэтического произведения — будь это долгота строки или тому подобное. Ни в одном из современных методов принципиальное внимание не уделяется тому обстоятельству, сколько раз встречается то или иное слово в сравниваемых произведениях вообще. Этот фактор учитывают лишь в том случае, если различие слишком велико и выходит за рамки допустимого. Что касается «Илиады» и «Одиссеи», то анализ показывает, что

⁶ 302.

⁷ 392, стр. 275...

т. н. языково-стилистическое различие между ними составляет лишь 3 — 5%, в то время как сходство и совпадения — 95 — 97%. В любых двух эпических произведениях одного и того же поэта количество таких отличий может быть куда больше. Было бы неоправданным ставить вопрос так, — почему то или иное слово, многократно употребляемое в «Илиаде», не встречается в «Одиссее», и наоборот? Это могло быть вызвано изменениями, которые произошли со временем в языке и стиле поэта, или изменением значения того или иного слова, которое могло произойти при жизни одной личности, или же просто потому, что поэту не понадобилось определенное слово в данном контексте⁸.

Более значительны аргументы, которые касаются расхождений этического-религиозного характера. Предварительно следует заметить, что, говоря об этическо-религиозных или мировоззренческих различиях между «Илиадой» и «Одиссеей», нельзя забывать двух факторов:

а) «Илиада» и «Одиссея» резко отличаются друг от друга по своему характеру. Если в «Илиаде» основное внимание было уделено экспонированию ахейских и троянских героев на поле битвы, то в «Одиссее» акцент перенесен на возвращение героев и т. н. «домашние» события. Если в «Илиаде» действие каждого героя вытекает из общих интересов или как-то связано с ними, то в «Одиссее» фактически каждый герой принадлежит самому себе и его действия, в основном, исходят из собственных интересов. Следовательно, собственное «я» героя в «Илиаде» несколько ограничено в сравнении с «Одиссеей». В «Илиаде» почти каждый поступок героя становится предметом обсуждения других и в какой-то степени контролируется ими⁹. Все это обуславливает определенную разницу в этических и религиозных представлениях «Илиады» и «Одиссеи».

В «Илиаде», где действие каждого героя согласуется и управляется одним значительным и всеобщим явлением — Троянской войной, представляющей, со своей стороны, реализацию воли богов, естественно, не может быть уделено внимания тем этическим проблемам, которые встречаются в повседневной домашней жизни и в обыденных взаимоотношениях героев.

Не вызывает удивления и то, что в «Илиаде» дистанция между богами и людьми, между божественными и людски-

⁸ Как известно, подобные расхождения — довольно обычное явление и в разных трагедиях одного и того же греческого поэта.

⁹ Конечно, это вовсе не означает, что личные интересы полностью игнорируются в поэме. Сам факт гнева Ахилла и его отречения от битвы говорит против такого допущения.

ми делами более короткая, чем в «Одиссее». В «Илиаде» боги непосредственно участвуют в делах героев, а герои участвуют в войне, которая непосредственно связана с волей богов. В ней одновременно экспонируется большое число знаменитых героев в необычайно драматических и значительных ситуациях. За каждым из этих героев обычно стоит бог, зачастую его покровитель, который управляет его действием. Но поскольку интересы этих героев часто сталкиваются на поле битвы, то и сами боги нередко сталкиваются друг с другом¹⁰. В «Одиссее» несколько иное положение. Здесь в основном конфликте участвует лишь один из центральных героев троянского сказания. Этот конфликт по своему значению во многом уступает конфликту «Илиады». Следовательно, по сравнению с «Илиадой» здесь участие богов в людских деяниях куда более ограничено. Фактически из олимпийских божеств лишь одна Афина (и в некоторой степени Посейдон и Гермес) непосредственно связана с действием. Ее участие столь же активно, как и в «Илиаде». Зевс сравнительно отдален от развития действия и это вполне естественно, ибо события, описанные в поэме, не столь значительны, чтобы требовать постоянного вмешательства Зевса. Хотя, как уже отмечалось, и здесь его воля наивысшая.

Взаимоотношения между героями «Одиссеи» более многообразны, так как сами герои представлены в более разнообразных жизненных контекстах. Их интересы связаны лишь с личной жизнью героя и не имеют всеобщего значения. Поэтому в их взаимоотношениях проявляется больше ошибок или погрешностей этического характера, допускаемых по личной инициативе героя, без всякого вмешательства богов.

б) Предполагается, что между двумя поэмами существовала определенная дистанция во времени. Вполне возможно, что за это время в мировоззрении одного поэта могли произойти определенные изменения, которые нашли отражение в его творчестве.

Принимая во внимание сказанное выше, рассмотрим некоторые принципиальные аргументы сторонников разноавторства.

Часть исследователей считает, что, сопоставив XIX, 86—88 «Илиады», где Агамемнон снимает с себя вину за оскорбление Ахилла:

«Часто винили меня, но не я, о ахейцы, виновен;
Зевс Эгиох и Судьба, и бродящая в мраках Эринис;
Боги мой ум на совете наполнили мрачною смутой...»

¹⁰ Хотя здесь воля Зевса является всеопределяющей и высшей.

и I, 32 — 34 «Одиссеи», где Зевс вполне определенно говорит:

«Странно, как смертные люди за все нас, богов, обвиняют!
Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?»

можно выявить определенное несоответствие, так как представлению «Илиады», что герой субъективно не виновен, боги внушают ему вину, в «Одиссее» противопоставляется мысль, что сами смертные виновны нередко в тех несчастьях, которые причиняют они себе сверх, вопреки предопределению судьбы¹¹. Как нам представляется, напротив, эти пассажи выявляют большую близость друг к другу: в данном случае «Одиссея» перекликается с поставленным в «Илиаде» вопросом. В словах Зевса явно чувствуется, что сами смертные взваливают свою вину на богов. Следовательно, позиция смертного здесь ясна: он считает бога причиной своей виновности. Именно такая позиция смертного и представлена в «Илиаде», когда Агамемнон обвиняет богов. Но по «Одиссее», сами смертные являются причиной своих же несчастий. И здесь «Илиада» соответствует «Одиссее». Ведь в первой песни «Илиады» ни слова не сказано о том, что боги помутили разум Агамемнону и заставили его свершить тяжкий проступок. Напротив, Агамемнон сам является причиной всех бед, без всякого божественного вмешательства.

Поставленный в I, 32... «Одиссеи» вопрос о личной вине человека и об его наказании, по мнению некоторых исследователей, принципиально отличается от представлений «Илиады». По Диле, слово *ὑπὲρ μόρου* (или *αἵσαν*, *μοῖραν*) в «Одиссее» употребляется в совершенно ином значении, чем в «Илиаде». В «Илиаде» лишь опасаются, что что-то может случиться *ὑπὲρ αἵσαν* (*μοῖραν*) («сверх предопределений судьбы или участи»), но в поэме, действие которой определяет воля Зевса (*Διὸς βουλῇ*), фактически ничего не происходит *ὑπὲρ αἵσαν* (*μοῖραν*). А это, как предполагают, соответствует тому представлению, согласно которому в сказании никогда никакое явление не происходит *ὑπὲρ αἵσαν*. События, о которых поет аэд, составляют заранее установленную, неизменную цепочку, которая известна его слушателям и здесь ничего нельзя менять¹². В данном случае ни бог, ни человек не могут нарушить границы *αἵσα* (*μοῖρα*). Виновность

¹¹ Для обзора ср. 129, стр. 64...; 254.

¹² 136, стр. 166.

героя спровоцирована богом, чтобы ускорить реализацию своих же планов. Следовательно, ни один из героев «Илиады» не виновен (αἷτιος) в тех несчастьях, которые составляют тему «Илиады»¹³ и в которых осуществляется Διὸς βουλή. Что же касается «Одиссеи», то и для нее не чуждо аналогичное понятие ἐπεὶ νόρου. Но в поэме встречаются и такие места, которые указывают, что поэт порой выходит за пределы героической традиции. В I, 32... Зевс заявляет, что Эгист был наказан за свою виновность (преступность) ἐπεὶ νόρου. Хотя он знал волю Зевса, он не подчинился ему и совершил преступление. Следовательно, все последствия произошли ἐπεὶ νόρου. Собственные преступности (ἄτασθαλίαι) погубили также женихов, а еще раньше спутников Одиссея. Из всего этого можно сделать вывод, что в «Одиссее» герои наказываются не только потому, что их смерть предопределена судьбой, но и за преступности, вытекающие из них самих, сверх предопределений судьбы (участи). Следовательно, события, которые по традиционным сказаниям должны представлять собой определенную цепочку заранее установленных и предопределенных божественной волей явлений, интерпретируются здесь совершенно по-новому. Не бог является причиной обрушившихся на человека несчастий, а сами люди являются причиной божественной кары. Именно в этом, по предположению некоторых исследователей, принципиальное различие поэм¹⁴.

По нашему мнению, даже при наличии подобных расхождений их можно было бы объяснить изменениями, которые произошли в мировоззрении одного поэта. Но, как нам представляется, в данном случае между поэмами не должно быть существенных различий. Начнем с того, что «Илиаде» знакомо понятие ἐπεὶ αἶσαν (μοῖραν):

В II, 155 после речи Агамемнона, обращенной к войску— если б богини не вмешались,

«Так бы, судьбе вопреки, возвращение в дома свершилось
Рати ахейской...»

В XVII, 321 — если бы боги не вмешались в дело, троянцы бы бежали:

«Славу ж стяжали б данаи, противу судеб громовержца
Силою своею и доблестью...»

¹³ 136, стр. 167.

¹⁴ 136, стр. 165.

«Сам я страшусь, да судьбе вопреки, не разрушит он Трои».

Так и в Патроклии — если бы боги не вмешались, Патрокл смог бы нарушить predetermined ход событий и вторгнуться в Трою.

Из анализа этих примеров явствует, что в «Илиаде» фактически не произошло ничего принципиального *ὑπὲρ μόρου*, так как везде, где создавалась такая опасность, активно вмешивались боги. Но уже тот факт, что боги боятся, как бы ничего не произошло *ὑπὲρ μόρου*, указывает на то, что им известны такие случаи. Если бы само собой разумелось, что никогда ничего не может произойти *ὑπὲρ μόρου*, тогда не было бы основания для возникновения подобного понятия, тогда были бы непонятны опасения богов, как бы ничего не произошло «сверх судьбы». С другой стороны, «Илиада» свидетельствует, что всегда, когда боги желают избежать нарушения predetermined судьбой хода явлений, они активно вмешиваются в дела людей. Боги, правда, не могут изменить того, что predetermined судьбой, но могут не допустить нарушения ее предрешений.

Ставится вопрос, в каком случае боги заинтересованы, чтоб ничего не произошло *ὑπὲρ μόρου*? Вполне логично допустить, что это кровное для них дело в том случае, когда речь идет о реализации их планов. Именно здесь не допустят они ничего *ὑπὲρ μόρου*. В каком же случае может произойти что-либо *ὑπὲρ μόρου*? И здесь так же логично было бы допустить — сверх судьбы может произойти что-либо лишь тогда, когда это не мешает выполнению божьей воли и сам бог кровно не заинтересован в этом. Но если все же произойдет что-либо сверх судьбы, это означает, что герой нарушил predetermined ход событий и, чтобы восстановить равновесие, боги посылают кару виновному. Особенно строго наказывается проступок, который герой совершает вопреки предупреждению богов.

Сопоставим, с учетом сказанного, данные «Илиады» и «Одиссеи». Все основные события «Илиады» — ход Троянской войны, конфликт, вызванный гневом Ахилла — являются реализацией воли Зевса. Следовательно, всеми явлениями управляет Зевс, и он не допустит свершения чего-либо сверх судьбы, что может сорвать осуществление его планов. Именно поэтому, в каждый принципиальный момент поэмы вмешивается бог и направляет действие по намеченному руслу. Но означает ли это, что полностью исключается личная от-

ветственность героя за его преступность? Возьмем хотя бы сцену Агамемнона и Хриза. Разве в «Илиаде» говорится, что явная виновность Агамемнона — оскорбление Хриза — является выполнением плана бога? Разве Зевс подстрекает Агамемнона оскорбить Ахилла и отнять у него Брисеиду? Слова Агамемнона в XIX, 86 — 88, как было уже отмечено, — это лишь стремление оправдать себя, свалить свою вину на богов.

Также в I, 8... Аполлон — лишь причина того несчастья, которое дало повод спору между Агамемноном и Ахиллом, а вовсе не направляющая конкретный поступок Агамемнона сила. Атрид сам ответствен за свой поступок. И тот факт, что Гектор не прислушался к совету Пулидамаса (XVIII, 254...), является его же собственной инициативой, а не результатом вмешательства бога. Правда, троянцы, которым Афина помутила разум, поддерживают Гектора, но сам Гектор прекрасно сознает в XXII, 104, что его собственные преступности (*ἄτασθαλίῃσιν ἐμῇσιν*) погубили народ, и свою вину он не перекладывает на богов. Надо отметить, что неоправданные действия Агамемнона и Гектора в этих конкретных ситуациях не были запланированы Зевсом, но он и не постарался предотвратить их, ибо они были столь незначительны, с точки зрения общего развития планов Зевса относительно хода Троянской войны, что ничего не могли изменить *ὑπὲρ μόρου*.

Что же касается «Одиссеи», то здесь в отношении Эгиста Зевс нигде не говорит, что Агамемнон избежал бы смерти, не вступи Эгист в связь с Клитемнестрой *ὑπὲρ μόρου* и не убей его. В данном случае *ὑπὲρ μόρου* касается не смерти Агамемнона, а связи Эгиста с супругой Атрида и его убийства. Судьбой было предопределено, что Эгист не должен наследовать престол Агамемнона. Боги предупреждают его не связывать свою судьбу с Клитемнестрой, не убивать Агамемнона, в противном случае он будет отомщен вернувшимся на родину сыном Агамемнона. Эгист не послушался бога, сверх судьбы вступил в связь с Клитемнестрой и совершил убийство. Но ему не суждено быть наследником престола. Он наказан за свою преступность. Однако это не означает, что смерть Агамемнона и участие Клитемнестры в ней поэт считает *ὑπὲρ μόρου*. В противном случае, поэт устами Зевса предупредил бы и Клитемнестру отказаться от решения (она, как и Эгист, могла не послушаться), или же подал бы знак самому Агамемнону (который, со своей стороны, мог тоже не прислушаться к предупреждению Зевса). Словом, если бы поэт «Одиссеи» считал известную по пре-

данию трагическую историю Агамемнона свершившейся ὑπὲρ μόρων, то он еще более подчеркнул бы гуманность Зевса. С другой стороны, в данном случае поведение Эгиста не противоречит исполнению какого-либо конкретного божественного плана. Его поступок индивидуален и исходит из личных интересов героя. Поэтому предупреждение Зевса обусловлено не необходимостью выполнения божьей воли, а заботой о благополучии самого Эгиста. Эгист погиб, ибо он не вник в суть божественного призыва. Именно подобные индивидуальные поступки, вызванные недальнорукостью людей, навлекают на них «сверх судьбы» всякие беды. Обобщение таких фактов и дает богам причину для беспокойства — люди что-то могут свершить «сверх судьбы». И если подобная опасность может сорвать планы богов, то они, как это имеет место в «Илиаде», вмешиваются в дело активно. Следовательно, по нашему мнению, в «Илиаде» и «Одиссее» мы имеем дело не с различным пониманием ὑπὲρ μόρων, а с увязыванием данного понятия с контекстами двух резко отличающихся друг от друга по своему характеру поэм.

В эту же сферу вопросов входит определение слова ἀτασθαλίαι в обеих поэмах. Как известно именно ἀτασθαλίαι («преступности») являются причиной гибели Эгиста, спутников Одиссея и женихов Пенелопы. Ни в одном случае их гибель не была бы неизбежной, если б не их ἀτασθαλίαι. Следовательно, причина их гибели — в них самих, а не в воле бога. Бог лишь наказывал их за ἀτασθαλίαι. Считают, что в «Илиаде» человеческие ἀτασθαλίαι должны быть поняты иначе. Здесь ἀτασθαλίαι людей вытекают из воли самого Зевса. Сам Зевс так направляет развитие событий, что герой свершает ἀτασθαλίαι¹⁵.

Однако рассмотрение соответствующих мест «Илиады», по нашему мнению, не подтверждает данное соображение. Ни IV, 408..., ни XXII, 104 «Илиады», где используется данное понятие, не дают основание для подобного допущения. Здесь в одном случае Стенел, сын Капанея, которого Агамемнон стыдит за то, что в нем нет храбрости его отца, напоминает Атриду, что они, эпигоны, «знамениям веря богов и надеся на Зевсову помощь» (408), разрушили Фивы, «их же (отцов) погубили собственные преступности» (409).

Диле почему-то считает, что 409-я строка в данном случае касается фиванцев. В действительности же здесь могут подразумеваться лишь отцы, которые и вправду погибли у

¹⁵ 136, стр. 168.

врат Фив и которым именно противопоставляются эпигоны. Их же действительно погубила собственная преступность, ибо они последовали за Полиником, вопреки желанию богов. В другом случае, Гектор открыто говорит: «Так троянский народ погубил я своими преступлениями» (XXII, 104). Здесь, как было уже сказано, свершившееся оценивает сам Гектор — он считает, что погубил народ своими преступлениями, то есть преступности — *ἁτασθαλίαι*, а не божья воля, по убеждению Гектора, являются причиной гибели троянцев. Следовательно, поэту данного места известны факты личной ответственности героя. И как в случае Гектора, так и в случае погибших у Фив героев причина гибели — в преступности самих же героев, а не в воле богов.

Часть исследователей считает, что различие между «Илиадой» и «Одиссеей» наблюдается и в определении прав *ἱκέτης*¹⁶. Если в «Одиссее» известно, что гости, нищие, молящие пользуются особым покровительством Зевса и поэтому они *αἰδοίαι* («досточтимые»), то в «Илиаде» этим покровительством пользуются лишь гости.

По нашему мнению, анализ соответствующих мест поэм не подтверждает такого различия во взглядах. В «Одиссее» точка зрения поэта, что гости, молящие и нищие находятся под покровительством Зевса, передана не в виде абстрактной сентенции, а является обобщением созданной контекстом ситуации. Из анализа этих мест «Одиссеи» очевидно, что «молящий» (*ἱκέτης*) — это человек, который находится в вполне определенном бедственном положении и который может предъявить лишь определенные «требования».

В VII песни «Одиссеи» попавший в страну феаков Одиссей, обняв колена Ареты, просит приютить его и помочь вернуться на родину. При виде этой картины старец Эхеней просит царя Алкиноя усадить незнакомца на среброкованный стул и приказать глашатаю принести вино,

«...чтоб могли громолюбцу Зевесу, молящих
Странников всех покровителю, мы совершить возлияние».

(VII, 164 — 165)

В VIII 546 — 47 Алкиной говорит следующее:

«Странник молящий не менее брата родного любезен,
Всякому, кто одарен от богов не безжалостным сердцем».

¹⁶ 136, стр. 163...

В IX, 269 — 71 Одиссей обращается к Киклопу:

«Ты же убойся богов; мы молящие, мы ищем покрова,
Мстит за молящих отверженных строго небесный Кронион
Бог-гостелюбец, который является покровителем молящих
странников».

В XIV, 56 — 58 переодетому нищим Одиссею Эвмей говорит:

«Если бы, друг, кто и хуже тебя посетил нас, мы долг свой
Гостя почтить сохранили бы свято — Зевс к нам приводит
Нищих и странников...»

А в XIV, 283 — 284 в своем вымышленном рассказе Одиссей говорит о том, как царь египтян пощадил его:

«...он во гнев привести гостелюбца
Зевса, карателя строгого дел злочестивых, страшился».

Из всего этого можно сделать вывод, что Зевс вообще гостелюбец, и его покровительством пользуются все гости, а Одиссей во всех перечисленных случаях в первую очередь является гостем. Но гости бывают разные, из коих особое сочувствие следует оказывать молящим и нищим.

То, что Зевс является покровителем гостей-молящих, мы узнаем лишь там, где дело касается именно Одиссея-молящего (VII, 164—165; IX, 269—71). Следовательно, здесь мы имеем дело не с оторванным от ситуации афоризмом, а непосредственно связанной с контекстом точкой зрения. В указанных местах нигде не говорится о том, что Зевс покровительствует и нищим, этого и не требовал контекст. С другой стороны, когда Одиссей приходит к Эвмею в облике нищего, он уже не молящий, и в данном случае отмечается, что Зевс посылает нищих и гостей (XIV, 56 — 57). Здесь мы не имеем дело с Одиссеем-молящим и поэтому ничего не сказано о Зевсе — покровителе молящих. Так и в вымышленном рассказе Одиссея сказано, что царь испугался Зевса-гостелюбца (XIV, 283 — 84), ибо Одиссей в данном случае его гость, чужестранец. Следовательно, здесь уже не говорится о том, что Зевс покровительствует нищим и молящим.

Но вернемся собственно к *ἱκέτης*. Кто считается в «Одиссее» молящим, которому покровительствует Зевс? Надо полагать, что раз гостеприимный Зевс или *Ζεὺς ἑστυῖος* — покровитель просителей, то он является защитником тех, которые приходят к кому-то в гости. В каждом рассмотренном случае Одиссей в первую очередь гость, а потом моля-

щий. Но о чем просит обычно *ἰκέτης*, что является его характерной чертой? В каждом из рассмотренных случаев гость находится в бедственном положении и просит о помощи или приюте. В таких случаях гость-молящий никогда не просит вернуть ему отнятое или сделать какие-либо уступки, помимо сострадания. Внять просьбе молящего — это не только дать ему ночлег, но и одарить его как гостя. И действительно, попав к Киклопу, Одиссей, как молящий, оказавшийся в бедственном положении, просит у него не только приюта, но и «подарок дать нам, каким завсегда на прощанье гостей наделяют» (IX, 268). Точно так же царь феаков Алкиной не только оказывает помощь пострадавшему, молящему гостю, но и одаривает его подарками (VIII, 548).

Теперь же рассмотрим те места «Илиады», которые якобы отличаются от «Одиссеи». Первым делом надо отметить, что в «Илиаде», как и в «Одиссее», ясно сказано, что Зевс — гостелюбец. Поэтому Менелай, перед поединком с Парисом, обращается к нему с мольбой наказать Александра, нарушившего законы гостеприимства (III, 354); и еще, как говорит Менелай, Зевс-гостелюбец (*ξείνιος*) накажет троянцев за оскорбление хозяина дома (XIII, 624 — 25). Одним словом, «Илиаде» знакомо понятие *Ζεὺς ξείνιος*. Но в то же время в контексте «Илиады» нам не встречается гость-проситель, невнимание к которому должно вызвать гнев Зевса — гостелюбца, покровителя молящих. Так, например, в XXI, 64... «Илиады» сын Приама, обнимая ноги Ахилла, просит пощадить, не убивать его:

«Я пред тобою стою, как молителъ, достойный пощады».

(XXI, 75)

Ликаон не может призвать на помощь Зевса-гостелюбца, ибо он не типичный гость-молящий, которому покровительствует Зевс. Здесь описана встреча двух героев на поле битвы, и один из них, струсивший перед смертью, просит пощады у разъяренного противника. То же самое можно сказать и о VI, 46..., где Адраст просит пощады у Менелая. Естественно, что в этих случаях обращение к Зевсу было бы нереальным. Воин, желавший избежать смерти на поле битвы, не должен был надеяться на покровительство Зевса, ибо в таком случае за счет труса на смерть были бы обречены лишь храбрейшие.

Иное положение в XXIV песни. Здесь Приам направляется к Ахиллу, чтоб выкупить тело своего сына. Боги заранее предопределили, что Ахилл должен вернуть тело Гектора Приаму. Если детально рассмотреть ситуацию, то здесь

мы имеем дело не с обездоленным гостем-молящим, а пришедшим к Ахиллу с выкупом противником. Он *ἰκέτης*, но не гость-проситель. Он направляется к Ахиллу, как равный к равному и сам дает ему выкуп. Боги всегда сочувствуют приносящему выкуп, но он не считается настоящим гостем. Именно поэтому ни Приама, ни явившегося в I песни к Агамемнону с выкупом Хриза поэт не величает *ἔεινος* (гость). Следовательно, они не могут пользоваться покровительством Зевса-гостелюбца, не могут быть одарены подарками, как истинные гости.

Из вышесказанного становится очевидным, что сам контекст «Илиады» не давал поэту возможности распространить покровительство Зевса, помимо гостей, и на молящих и нищих. В поэме нигде не видно, что для поэта „*αἰδώς* vor dem *ἰκέτης* noch nicht eine durch Zeus—Recht garantierte Selbstverständlichkeit ist“¹⁷.

Исходя из сказанного выше, нам трудно согласиться с взглядом, что между «Илиадой» и «Одиссеей» — существенное различие с религиозно-моральной точки зрения.

Если до сих пор наше отношение к рассмотренным нами аргументам, с точки зрения достоверности и убедительности, было весьма скептическое, то совершенно противоположного мнения мы о результатах, полученных на основе структурного анализа отдельных частей обеих поэм.

Так, Гайсер, опираясь на точку зрения Ван Оттерло — в гомеровском эпосе основным композиционным принципом является круговая композиция — проводит структурный анализ отклонений (от темы) «Илиады» и «Одиссеи» и приходит к выводу, что отклонения обеих поэм отличаются друг от друга по стилю. «Отклонения «Илиады» гомогенны, в то время как в «Одиссее» представлены разные стили»¹⁸. Гомогенность стиля «Илиады» выражается в последовательном употреблении круговой композиции, в то время как роль круговой композиции в «Одиссее» незначительна, и она исчисляется единичными примерами. Этот факт исследователь считает следствием эволюции эпического стиля. Эпический стиль может постоянно меняться в соответствии со вкусами аудитории и сдвигами в современном поэту искусстве. Исследователь воздерживается от окончательного вывода об авторе поэм; он допускает две возможности — указанная разница является результатом определенных перемен в творчестве

¹⁷ 136, стр. 165.

¹⁸ 167, стр. 42.

одного писателя, либо же в данном случае перед нами факт творчества разных авторов¹⁹.

Более интересными представляются выводы Ломанна, который отмечает разницу в структурах отдельных речей «Илиады» и «Одиссеи». Если в «Илиаде», как правило, речь героя с композиционной точки зрения является единой, целостной и построена согласно принципам круговой композиции или выявленного Ломанном параллельного деления, то в «Одиссее» отдельные речи объединены в одну композиционную единицу или же они построены согласно *Durchstrukturierung*. Здесь большей частью совершенно отличная от «Илиады» композиционная техника²⁰. Однако, по Ломанну, эта техника не чужда и «Илиаде». В т. н. сценах богов «Илиады» встречаются характерные для «Одиссеи» композиционные принципы *Durchstrukturierung*. К подобным сценам относятся беседа Геры и Афины после активизации Зевсова плана (VIII, 352—380), словесный поединок Аполлона и Посейдона (XXI, 436—467), беседа Геры и Зевса после пробуждения Зевса (XV, 14—77), «Обольщение Зевса» (XIV, 292—353), финальная сцена богов «Илиады» (XXIV, 33—76)²¹. Ломанн не считает убедительным положение, что эти сцены являются поздней вставкой, принадлежащей автору «Одиссеи». Он более склоняется к той мысли, что перечисленные сцены «Илиады» принадлежат тому же поэту — Гомеру, и их создание хронологически совпадает с созданием «Одиссеи», так как здесь встречается более развитая форма характерного для Гомера *Baukastentechnik*²². Проведенный нами структурный анализ поэм подтверждает это предположение. Анализ показал, что данные сцены занимают прочное место в структурной симметрии «Илиады» и им принадлежит вполне определенная функция в развитии действия. С другой стороны, наш анализ показывает, как единые структуры поэм созданы по одному композиционному принципу, где тематически схожие блоки действий расположены по круговой композиции в отношении к центру, а сцены самих блоков действий взаимно связаны в основном по принципу параллельного деления. Но структурное сходство поэм этим не ограничивается. Как в одной, так и в другой поэме планы Зевса и Зевса/Афины осуществляются поэтапно. Между составлением плана Зевсом (начало II песни) и его активным выполнением (начало VIII песни) в «Илиаде» происходит экспонирование героев (кроме Ахилла). Эта часть фактически ничем не способству-

¹⁹ 167, стр. 43.

²⁰ 258, стр. 154...

²¹ 258, стр. 145...

²² 258, стр. 156.

ет показу вызванных гневом Ахилла бедствий ахейцев — основной темы поэмы, но необходима для того, чтобы вывести других героев на арену действия. Так и в «Одиссее» между составлением плана Зевсом/Афиной (начало I песни) и его активным осуществлением (начало V песни) экспонируются главные герои «Одиссея». И здесь, эта часть фактически ничем не способствует развитию основной темы поэмы — возвращению Одиссея, но нужна, чтобы ввести в действие остальных героев. В конце обеих поэм происходит реализация миролюбивого плана Зевса. В обоих случаях этому предшествует встреча противников — Ахилла и Приама в «Илиаде», Одиссея и родственников женихов — в «Одиссее». Обе поэмы завершаются божественным примирением. При желании в обеих поэмах можно выявить множество подобных структурных совпадений. С другой стороны, достаточно рассмотреть малые структуры поэм, как в них обнаруживаются явные различия. Например, кроме вышеуказанных моментов, замечается разница и в самой композиции отдельных сцен. Если в «Илиаде» в построении отдельных сцен преобладает стремление к круговой композиции, то в «Одиссее» этот принцип уже нарушен и на смену ему приходят параллельное деление или более сложные композиционные принципы. По нашему мнению, композиционная разница в малых структурах, с одной стороны, и композиционное сходство в цельной структуре поэм, с другой — свидетельствуют о том, что «Одиссея» вовсе не является творческим подражанием «Илиады»²³, ибо в противном случае факты подражания, в первую очередь, выявились бы в малых структурах, композиционные особенности которых больше заметны. Как известно, уже деятели античной эпохи отмечали факты построения отдельных сцен «Илиады» по принципу круговой композиции. Трудно допустить, что подражатель, минуя композиционные особенности этих малых структур, непосредственно перенял бы трудно уловимые закономерности структурной симметрии цельной поэмы. Именно поэтому мы предполагаем, что структурную разницу между поэмами можно объяснить процессом эволюции эпического стиля в творчестве одного поэта. В процессе подобной эволюции новые тенденции развития, в первую очередь, должны были коснуться именно малых структурных единиц, а объединяющая их единая структура могла измениться лишь в конце всего этого процесса. Подобная закономерность отмечается в развитии искусства любой эпохи. Не говоря о другом, упадок греческого геометрического искусства начался именно с изменения его составных малых структурных деталей. Поскольку цельные струк-

туры гомеровских поэм опираются на совершенно идентичные композиционные принципы, а разница проявляется лишь в сравнительно малых структурах, то надо полагать, что автором поэм является один поэт, создавший на протяжении всей своей жизни тематически взаимосвязанные две поэмы. Выработанные им композиционные принципы, вероятно, характерны вообще для искусства его эпохи, но в целом они являются достижением индивидуального поэта. Трудно допустить, чтобы два различных поэта смогли объединить известные композиционные элементы в столь единую и идентичную структурную систему. Именно этой структурной целостностью и выделяется гомеровский эпос в греческой литературе.

Однако сходство поэм этим не исчерпывается. В «Илиаде» нередко учитываются данные «Одиссеи». Мы уже отметили, что «Илиада» выявляет особенность в представлении Ante- и Postiliaca. Если поэма дает довольно детальную информацию о событиях, происшедших до описанных в ней явлений, то она почти ничего не говорит о том, что последовало за падением Трои. Это можно объяснить, очевидно, тем, что данную информацию поэт намеревался передать в другом произведении. И действительно, вся Postiliaca, не содержащаяся в «Илиаде», представлена в «Одиссее»²⁴. Следует также указать на то, что у Одиссея, несмотря на его большую известность и авторитет, в «Илиаде» нет собственной значительной ариэтии, а ариэтия — проявление особой храбрости в единоборстве на поле битвы — является почти необходимым моментом для полного экспонирования центральных героев в поэме. И действительно, почти каждый известный герой, сражающийся на поле битвы, в «Илиаде» имеет свою ариэтию²⁵. По нашему мнению, поэт мог бы позволить себе оставить одного из самых значительных и своеобразных героев без собственной ариэтии в «Илиаде» лишь в том случае, если бы он намеревался раскрыть полностью его возможности где-то в другом произведении. Таким произведением является именно «Одиссея».

Однако детальное сопоставление данных Postiliaca гомеровских поэм, с одной стороны, и древней версии троянских сказаний, с другой, как нам представляется, обнаруживает гораздо более четкую систему взаимоотношений между «Илиадой» и «Одиссеей».

Ниже мы предлагаем таблицу, в которой сопоставляются основные эпизоды троянского сказания с информацией Postiliaca обеих поэм. В первой графе таблицы — краткий пере-

²⁴ Об этом подробно см. выше, стр. 89...

²⁵ См. об этом подробно 241.

чень всех тех эпизодов Postiliaca, которые донесли до нас фрагменты и краткие резюме киклических поэм. Мы ограничиваемся лишь передачей сути этих эпизодов и опираемся на содержания «Эфиопиды», «Малой Илиады» и «Падения Илиона», которые фактически содержат всю Postiliaca. Что же касается многочисленных «возвращений», то мы их объединяем в одну тему — возвращение героев. Отметим лишь, что «Илиада» не учитывает информацию о «возвращениях», и наоборот, «Одиссея» уделяет им особое внимание. В графе «Илиада» и «Одиссея» одной звездочкой мы отмечаем события, о которых соответствующая гомеровская поэма лишь намеком дает информацию. Двумя звездочками — непосредственную, но фрагментарную информацию; тремя — более или менее полную информацию Postiliaca. В данном случае мы не указываем на соответствующие места «Илиады» и «Одиссеи», так как они детально перечислены и рассмотрены в предыдущих главах.

	Основные эпизоды Postiliaca	«Илиада»	«Одиссея»
1	2	3	4
1	После смерти Гектора на помощь троянцам пришла амазонка Пентесилея, которую убил Ахилл.		
2	Ахилл убивает насмешника Терсита, чем вызывает смуту в ахейцах.		
3	Ахилл вынужден временно выйти из боя и очиститься Одиссеем от крови.		
4	Мемнон, сын Эоса, направляется на помощь троянцев.		XX
5	Мемнон убивает Антилоха.		XX
6	Ахилл убивает Мемнона и после бегства троянцев врывается в город.		X
7	Здесь Ахилл погибает вследствие согласованного действия Аполлона и Париса.	XX	
8	Разражается битва вокруг труп Ахилла.		XXX
9	Оплакивание и погребение Ахилла.		XXX
10	Игры в честь Ахилла.		XXX
11	Спор Одиссея и Аякса из-за оружия Ахилла.		XXX
12	С помощью Афины доспехи передают Одиссею.		XXX
13	Безумие Аякса.		XXX
14	Аякс кончает жизнь самоубийством.		XXX
15	Одиссей поймал Гелена, который предсказывает, как можно взять Трою.		
16	Диомед привозит Филоктета с Лемноса.	XX	
17	В поединке Филоктет убивает Александра.		
18	Вернув труп Александра от Менелая, троянцы хоронят его.		
19	Деифоб женится на Елене.		X

1	2	3	4
20	Одиссей привозит Неоптолема со Скироса.		XX
21	На помощь троянцам приходит Эврипил Телефид.		XX XX
22	Неоптолем убивает Эврипила.		
23	Троянцы в осаде.		
24	Совет Афины.	X	
25	Эней делает деревянного коня с помощью Афины.		XX
26	Видоизменившийся Одиссей проникает в Трою, здесь его узнает Елена, которой он открылся, убивает некоторых троянцев и возвращается к кораблям.		XXX
27	После этого Одиссей вместе с Диомедом выносит Палладий из Трои.		
28	После того, как лучшие из ахейцев вошли в деревянного коня, остальные удалились на кораблях.		XXX
29	Эпизод Лаокоона.		
30	Обманутые троянцы внесли коня в Трою.		XXX
31	Испуганный Эней и его соратники прокра- лись к горе Иде.	X	
32	Натиск ахейцев и борьба спрятанных в де- ревянном коне героев завершается избие- нием троянцев.		XXX
33	Убийство Приама.	XX	XX
34	Убив Дейфоба, Менелай увозит Елену.		
35	Аякс Ойлид вместе с Касандрой похищает статую Афины, чем гневает ахейцев.		
36	Одиссей убивает Астианакса, после чего отдает Андромаху в добычу Неоптолему.	X	
37	Ахейцы делят добычу.		
38	Ахейцы решают возвратиться, Афина гото- вит им препятствия на море. Недоволь- ство между Атридами.		XXX XXX
39	Возвращения героев.		

После ознакомления с таблицей органическая связь поэм предстает более реальной. В первую очередь следует отметить одно весьма примечательное обстоятельство. Во всех случаях, когда в «Илиаде» поэт старается посредством интенсификации отдельных мотивов символически осмыслить события последнего этапа Троянской войны, «Одиссея» сознательно избегает передачи информации об ее Postiliaca, и напротив, в тех случаях, когда «Илиада» не ограничивает ее, Postiliaca в «Одиссее» достаточно обширна. В «Илиаде» промежуток времени, начиная с гибели Гектора и до гибели Ахилла, создает фактически мертвое время, в течение которого ничего примечательного не происходит. В XV, 57... «Илиады» Зевс определяет весь дальнейший ход событий до паде-

ния Трои: а) Посейдон должен удалиться с поля битвы; б) Аполлон должен вновь настроить Гектора к битве; в) ахейцы должны отступить к кораблям; г) во время отступления они упадут на суда Ахилла; д) Ахилл отправит Патрокла на поле боя; е) Патрокл сразит многих противников, в том числе Сарпедона; ж) Гектор убьет Патрокла; з) Ахилл сразит Гектора; и) вслед за этим Зевс заставит троянцев отступить от кораблей, пока ахейцы, по совету Афины, не возьмут высокий Илион. Следовательно, из этого ясно, что поэт упускает из виду почти всю *Postiliaca*. Он не дает информации ни об одном из тех событий, которые произошли со времени смерти Гектора и до взятия Трои. Можно смело сказать, что смерть Гектора для поэта этого места является переломом в ходе войны, после чего ахейцы будут наступать непрерывно, вплоть до взятия Трои. Здесь мы явно имеем дело с интенсификацией мотива смерти Гектора. Чтобы показать все значение поединка Ахилла с Гектором, подчеркнуть, что смерть Гектора фактически является символом гибели Трои, поэт сознательно опускает все сражения, которые произошли в промежутке между смертью Гектора и падением Трои.

Интересно, что и в «Одиссее» события, происшедшие за этот промежуток времени, фактически обходятся молчанием. Здесь лишь намекается на включение Мемнона в битву и только для того, чтобы напомнить мельком о гибели Антилоха или о значении убитого Неоптолемом Эврипила (ничего не сообщая о том, как Ахилл убил Мемнона). Подобное обстоятельство можно оправдать умышленным принципом одного поэта — не лишать значения интенсифицированных в «Илиаде» мотивов информацией, переданной в «Одиссее». Что же касается событий, происшедших вслед за гибелью Ахилла, здесь «Илиада» не ограничивала «Одиссею». Уже в «Илиаде» упоминается о будущем участии Филоктета в войне, о спасении Энея. Соответственно, сведения «Одиссеей» об этом промежутке времени гораздо полнее и обширнее.

Данные «Илиады» и «Одиссеей» имеют взаимодополняющий характер даже в самых незначительных деталях. Так, согласно «Илиаде», Ахилл станет жертвой совместных действий Париса и Аполлона, а «Одиссея», ничего не сообщая об этом эпизоде, продолжает рассказ прямо с битвы, разгоревшейся вокруг тела мертвого Ахилла. «Илиада» сообщает о том, что ахейцам придется вспомнить Филоктета и привезти его с Лемноса; «Одиссея» же сообщает лишь о мирном возвращении Филоктета. Из «Илиады» мы узнаем, что Троя будет взята по советам Афины, однако в эпизоде «деревянного коня» «Одиссея» не отмечает значения этого совета. То, что Приам погибнет после взятия Трои, мы знаем из «Илиады», однако «Одиссея» ничего не сообщает об этом. Ничего не ска-

зано в «Одиссее» и о спасении Энея, о судьбе жены и сына Гектора, о чем в «Илиаде» можно встретить вполне конкретные предсказания²⁶.

Факт столь планомерного распределения информации в «Илиаде» и «Одиссее» указывает на одного поэта, с единым поэтическим принципом. Данная точка зрения поддерживается и концепцией Аристотеля об единстве гомеровского эпоса²⁷, а также итогами машинного анализа текста гомеровского эпоса²⁸ и рядом других аргументов, выдвинутых в гомерологии²⁹.

²⁶ Здесь же следует вспомнить, что «Одиссея» не дает фактически никаких сведений о тех событиях десятого года Троянской войны, которые описаны в «Илиаде».

²⁷ О теории Аристотеля мы говорили подробно выше.

²⁸ Сообщения о таком анализе появляются в прессе. Особый интерес вызывает машинный анализ большинства греческих эпических произведений, проведенный Мортонем, который также подтверждает принадлежность «Илиады» и «Одиссеи» одному поэту.

²⁹ Для обзора ср. 254.

ГОМЕРОВСКИЙ ЭПОС И ИСТОРИЯ

Античная традиция считала Гомера не только величайшим поэтом, но и философом, историком, географом. К данным «Илиады» и «Одиссеи» с доверием относились даже столь осторожные в интерпретации фактов историки, какими были Геродот и Фукидид.

Страбон вполне справедливо отмечал: «Прежде всего я скажу, что мы и наши предшественники (один из которых был Гиппарх) были правы, считая Гомера основоположником науки географии. Ведь Гомер превзошел всех людей древнего и нового времени не только высоким достоинством своей поэзии, но, как я думаю, и знанием условий общественной жизни. В силу этого он не только заботился об изображении событий, но, чтобы узнать как можно больше фактов и рассказать о них потомкам, стремился познакомиться с географией как отдельных стран, так и всего обитаемого мира как земли, так и моря. В противном случае он не мог бы достичь крайних пределов обитаемого мира, обойдя его целиком в своем описании» (I, 1, 2).

Следовательно, в античных источниках Гомер цитируется как самый надежный информатор древнейшей истории греческих племен.

Авторитет Гомера был поколеблен лишь новой европейской наукой, подвергшей пересмотру традиционные истины. С этого времени под сомнение были взяты как сам Гомер — индивидуальный творец, так и историческая достоверность и ценность описанных в его поэмах событий. Скептицизм исследователей дошел до такого предела, что одно время даже считалось безумием верить не только в реальность Троянской войны, но и в возможность существования в Эгеиде до 1 тыс. до н. э. вообще сколь-либо значительной культуры. История греческой цивилизации, по твердому убеждению скептиков, восходит к началу 1 тысячелетия до н. э. и именно с этого времени греческое общество, постепенно развиваясь, достигло своего наивысшего расцвета. Уровень культурного и общественного развития эллинских племен в начале 1-го тысячелетия до н. э., — утверждали они, — был низким, что полностью соответствовало примитивной общественной фор-

мации Греции того времени. Следовательно, существование «стоградого Крита», «хорошо построенных Микен», «широкоулицей Трои», вызывавших «зависть» своим благополучием даже у греков классической эпохи, было невозможно допустить до I тысячелетия до н. э. Именно поэтому все сказания, в которых описывались события, предшествовавшие дорийскому вторжению, рассматривались как плод фантазии греческого народа, многочисленных аэдов. С ними знакомились как с приятными сказками. Естественно, что такой взгляд распространялся и на гомеровские поэмы. Лишь после того, как за раскопками Г. Шлиманна последовало открытие Трои и других центров бронзовой эпохи в Эгее, в науке изменилось отношение к античным сведениям об истории Греции микенской эпохи. Открытия Шлиманна произвели радикальный перелом во взглядах исследователей на историческую ценность греческих мифов и сказаний. Некоторые ученые впали уже в другую крайность. Они старались увязать с данными «Илиады» и «Одиссеи» каждое, даже незначительное, археологическое открытие. Сведения Гомера постепенно приобрели характер своего рода «путеводителя» в изучении эгейской культуры микенской эпохи. Детальный анализ гомеровских поэм вышел за сферы филологического исследования и привлек внимание историков и археологов.

Археологические раскопки Эванса на Крите, прогресс в изучении хеттской, угаритской и других анатолийских культур, успешное продолжение раскопок в Троаде и в самой Греции, обнаружение множества письменных документов, выполненных различными системами письма и на различных языках, дают нам сегодня возможность проверить достоверность античных сведений об Эгее микенской эпохи на основе многочисленного и разнообразного материала. Одно очевидно: Гомер и вся античная традиция до т. н. вторжения дорийцев, т. е. до истечения II тысячелетия до н. э., указывают на существование в Греции и во всем бассейне Эгейского моря больших политических объединений и культур. Археологические открытия подтвердили правильность этого основного тезиса античной традиции. Ныне исследование ведется в направлении выяснения достоверности отдельных событий микенской эпохи, описанных в этой традиции.

В частности, гомерология интересуется тем, сколь достоверны сведения Гомера о Троянской войне и вообще, как реально допущение войны подобных масштабов в микенскую эпоху. Археологические раскопки Шлиманна, Дерпфельда, Блегена подтвердили существование укрепленного поселения в той части Малой Азии, где, согласно Гомеру, должна была находиться Троя. Казалось бы, ничего не мешает тому, чтобы данный пункт идентифицировать с гомеровской Троей.

Современные археологические раскопки обнаружили в Греции засвидетельствованные у Гомера центры микенской эпохи — Микены, Пилос, Орхомен и др. С первого взгляда как будто все сводится к тому, чтобы допустить реальность Троянской войны. И действительно, большая часть ученых и не сомневается в том, что в последней четверти II тысячелетия до н. э. ахейцы предприняли поход на Трою. Однако некоторые исследователи проявляют скептическое отношение к исторической достоверности описанных у Гомера фактов. Справедливости ради следует сказать, что определенным поводом для подобного рода сомнений послужили разногласия в датировке Троянской войны и в идентификации Трои греческих сказаний с археологическими слоями VI или VII-а, раскопанными на холме Гиссарлика поселения¹. При этом надо отметить и то, что открытие микенской культуры и ее археологическое исследование ясно показали различие, которое существует между описанной в гомеровском эпосе картиной микенской культуры и археологической позднееэлладской культурой. Говоря словами Старра: «Нигде мы не сможем опираться на «Илиаду» и «Одиссею» как на самостоятельное описание событий II тысячелетия. Между XIII веком и VIII веком, в котором эпос принимает свой действительный облик, лежит настоящая грань и полный хаос... главные духовные источники гомеровских поэм в основном согласуются с последними ступенями темных веков»². Следствием именно такой несогласованности и является то, что за последние годы вновь разгорелась дискуссия об исторической ценности сведений гомеровского эпоса, ясно отраженная в вышедшем в 1970 году сборнике «Гомеровская история — микенская или темных веков?»³, где можно увидеть, сколь противоречивы соображения ведущих ученых об отношении гомеровского эпоса к микенской эпохе. В 1964 году на страницах JHS разгорелась дискуссия по поводу реальности Троянской войны. Известный исследователь античной культуры и литературы М. И. Финли в своем выступлении по британскому радио, а затем и на публичных лекциях отрицал историческую достоверность Троянской войны.

Статья Финли⁴ и опровергающие аргументы статей Каски⁵, Кирка⁶ и Пейджа⁷, опубликованных в названном журна-

¹ О характере этих разногласий подробно см. ниже, стр. 191 ..

² 374, стр. 46.

³ 202.

⁴ 158.

⁵ 121.

⁶ 232.

⁷ 304.

ле, дают ясное представление о нынешнем состоянии изучения проблемы Троянской войны. По мнению Финли, рассматривая «Илиаду» и «Одиссею», нельзя не учесть и другие эпические произведения, созданные в разное время разными народами; например: «Песнь о Роланде», «Песнь о Нibelунгах», сербо-хорватский эпос. Изучение этих произведений ясно показывает, что хотя в них есть зерно исторической действительности, но оно почти затеряно в потоке народной фантазии. Так же следует подходить и к гомеровским поэмам. По Финли, трудно пока говорить о том, кем были в частности ахейцы и почему разрушить Трою VII-а должны были именно они, а не «морские народы», которым приписывается разгром многих известных культур Восточного Средиземноморья в начале XII в. до н. э. В том материале, который должен был бы дойти до гомеровской эпохи в виде мифов и сказаний, Финли не видит возможности отражения исторической действительности. По его мнению, в этих мифах и сказаниях реально происшедшие события должны были быть сохранены с той долей точности, с какой народная поэзия донесла моменты истории германских племен V века до эпохи создания «Песни о Нibelунгах». Финли отмечает, что в Греции до Гомера не существовала историческая литература, а истинное «историческое мышление не может возникнуть раньше исторической литературы»⁸. Если вновь найденные хеттские и угаритские документы, как он считает, не подтверждают реальность Троянской войны, то не будет никаких оснований выделять Троянскую войну из сферы мифологической или поэтической и переносить ее в сферу историческую. Согласно Финли, «Песнь о Роланде» рассказывает многое о феодализме XI века, однако ничего ценного не сообщает о царском дворе Карла или о Ронсевальской битве. Точно так же «Илиада» и «Одиссея» дают нам сведения в основном об обществе времен падения Трои, кое-где рассеяны также сведения о более раннем или позднем (времен монументальной поэзии) обществах, но ничего значительного не говорят о самой войне, ее причинах, ее руководстве и даже о народах, которые принимали в ней участие. Ни один здравомыслящий человек не обратится к «Песне о Роланде» для изучения Ронсевальской битвы или к «Песне о Нibelунгах» для ознакомления с историей бургундийцев или гуннов в V в. Я не вижу основания, чтобы в случае Троянской войны дела обстояли иначе. У нас сейчас ничего более нет под рукой, однако это лишь повод для сожаления, но не аргумент»⁹.

В ответ на статью Финли, Каски, опираясь на археоло-

⁸ 158, стр. 201.

⁹ 158 стр. 9.

гический материал, Кирк, посредством уяснения значения традиции в эпосе, Пейдж, с учетом исторических данных, стараются обосновать реальность Троянской войны. Эта дискуссия еще раз воочию показала, что вопрос об отношении гомеровских поэм к истории, несмотря на все старания исследователей, все еще нельзя считать разрешенным, что реальность Троянской войны пока не доказана, что данные Гомера следует основательно сравнить и сопоставить с историческими источниками¹⁰.

Для доказательства или отрицания связи гомеровских поэм с историей недостаточно изучение средневекового эпоса народов европейских стран и сравнение с ним гомеровских поэм. В таком случае более логично обратиться к традициям народов восточного Средиземноморья времен поздней бронзы и архаики, к их поэзии. Изучение этой традиции делает очевидным, что нельзя с одной меркой подходить ко всем древним поэмам и литературным памятникам, ибо среди них имеются и такие, в которых передаются чисто мифологические события (например, отдельные образцы угаритской поэзии), и такие, в которых описываются выдуманные, сказочные или т. н. ходячие истории, но встречаются и такие произведения, в которых описываются исторические события, несколько приукрашенные как мифологическими и сказочными, так и приключенческими моментами. В таких поэтических произведениях обычно описывается значительная битва или война, как, например, в одной из египетских поэм, посвященной Кадешской битве¹¹, сражению египетской и хеттской армий. В этой поэме, хотя в несколько гиперболизированном виде представлены образ Рамзеса II, его успехи в битве, в которой он фактически не добился победы, но в основном совершенно реально передается картина Кадешской битвы, достоверно охарактеризованы противники и довольно точно перечислены союзники хеттов. Это подтверждается сравнением поэмы с историко-хроникальными документами, посвященными Кадешской битве. Наряду с этим, встречаются произведения, в которых исторические события органично слиты с мифологией, сказочными элементами и вымышленными моментами. Такого рода синтез вовсе не означает бессистемного смешивания разных элементов. При правильном подходе к таким произведениям можно довольно четко выделить каждый из этих элементов и сделать их объектом специального исследования. Об этом свидетельствуют литературные источники Двуречья, в которых нередко описываются исторические события. И, наконец, сколь благовиден правильный:

¹⁰ Ср. 186.

¹¹ Русский перевод в 686, стр. 120...

подход к подобным текстам, великолепно виден на примере Библии. О достижениях т. н. «библейской археологии» сегодня много пишется как в нашей стране, так и за рубежом.

Археологическими раскопками было полностью доказано, что география гомеровских поэм, в первую очередь «Илиады», в основном реальна. Что же касается достоверности рассказа Гомера о Троянской войне, то по этому поводу, как было указано выше, могут возникать совершенно различные мнения: а) сведения гомеровского эпоса отражают реальные исторические события, б) в поэмах Гомера история полностью растворена в поэтической фантазии и, следовательно, гомеровские сведения не представляют значительного исторического интереса, в) гомеровские поэмы ничего общего не имеют с историей и т. д.

Для того, чтобы иметь возможность отдать предпочтение какому-либо из этих предложений, следует обратиться к данным других греческих источников, и в первую очередь, греческой исторической литературы о Троянской войне. Даже если предположить, что вся информация о походе ахейцев в Трою, содержащаяся в многочисленных литературных памятниках послегомеровской эпохи, является лишь плодом влияния Гомера или сильной мифологической традиции, то трудно все же отрицать, чтобы у первых греческих историков при суждении о Троянской войне не было бы под рукой довольно обширной информации, не исходящей ни от Гомера и ни от собственно греческой традиции. Так, Геродот, историческая достоверность сведений которого о событиях героического века почти во всех случаях подтверждается современными археологическими открытиями и новейшими исследованиями, рассуждая о Троянской войне, сопоставляет различные данные. Подчас он больше верит египетским жрецам, предлагающим в некоторых случаях отличные от Гомера версии о ходе Троянской войны, чем греческим историкам. Он приводит мнения и персидских историков о Троянской войне. Следовательно, для Геродота Троянская война — реальный исторический факт, информация о которой сохранена не только в Греции, но и в других соседних странах. То же самое можно сказать и о Фукидиде. По его мнению, это был первый поход, предпринятый общими силами греков за пределы Эллады. Фукидид детально останавливается на составе греческого войска, событиях Троянской войны. Если при этом учесть предельно критический и рациональный характер труда Фукидида, то станет очевидным, что он не мог отказаться от своих принципов интерпретации мифов и легенд лишь в случае троянского цикла. И, вообще, невозможно представить, чтобы война, которая никогда не имела места, считалась всем греческим народом исторической реально-

стью и предметом гордости на протяжении всей истории и чтобы никогда ни один деятель греческой культуры не усомнился в реальности этой войны. Такого случая не знает история человечества¹².

Однако допущение того, что Троянская война — историческое событие, вовсе не означает, что все сведения античных источников о ней достоверны и соответствуют истинному положению вещей. Естественно, что как сама война, так и участвующие в ней герои в течение долгого времени претерпели в фантазии народа существенные изменения. Между подлинной хроникой Троянской войны (если бы такая существовала) и картиной, описанной в греческой традиции, безусловно, были бы большие расхождения. В данном случае нас интересует, сколь реально описанная в гомеровском эпосе картина Троянской войны. Поэтому сначала выясним более общий вопрос — каким принципом руководствовался аэд при передаче исторических событий — удовлетворялся лишь поверхностной и общей передачей случившегося или же ставил целью точное и глубокое описание событий минувших веков. Ответ на этот вопрос дает сам аэд. В «Одиссее» довольно ясно сказано, какие требования предъявлял аэду слушатель при описании реальных событий. Одиссей, выслушав песнь Демодока о приключениях ахейцев, обращается к нему со следующими словами:

«Выше всех смертных людей я тебя, Демодок, поставляю:
Музою, дочерью Дня, иль Фебом самим наученный,
Все ты поешь по порядку, что было с ахейцами в Трое,
Что совершили они и какие беды претерпели;
Можно подумать, что сам был участник всему иль от верных
Все очевидцев узнал ты...»

(VIII, 487...)

Как явствует из этих строк, заслуга аэда состояла в точной передаче имевших место событий. Аэд — если он желал иметь успех у слушателя — обязан был быть максимально точным при повествовании минувших событий. Принцип Демодока, следует предположить, фактически был принципом самого Гомера — он постарался бы передать достоверные сообщения о Троянской войне. Однако не следует забывать, что гомеровские поэмы — в первую очередь художественные произведения и к ним нельзя подходить как к подлинному историческому документу¹³. События, описанные в поэмах, нельзя расценивать как обычные исторические эпизоды. Сю-

¹² Ср. также 232, стр. 16. Естественно, мы не имеем здесь в виду разные аллегорические толкования греческих сказаний.

¹³ Ср. 186.

жет «Илиады» и «Одиссеи» — плод фантазии поэта. Было бы ошибкой искать в каждом герое поэм отображение истории. Поэт строит действие совершенно оригинально, своеобразно раскрывает характеры тех героев, которых догомеровская традиция представляла схематично. История, вернее, события, дошедшие до Гомера традицией, великолепно слиты с вымыслом поэта. Часто в действии, полностью являющемся фантазией поэта, можно встретить довольно точное и основательное указание на реально происходившие события. В своих поэмах Гомер поместил известные явления в новый, незнакомый контекст. И, действительно, в поэмах фигурируют в основном те же герои, которых отлично знала догомеровская традиция, передаются события, о которых слушатель или читатель был информирован до создания поэмы, в них речь идет о войне, память о которой живо хранил народ, но все это в поэмах представлено в своеобразном и незнакомом доселе взаимоотношении.

Поэтому, говоря об отношении гомеровского эпоса к истории, нас интересует не рассказ о гневе Ахилла или странствиях Одиссея, а те многочисленные детали, в которых можно видеть попытку отображения реальных фактов микенской эпохи.

Согласно гомеровскому эпосу, ко времени Троянской войны в Эгейде существовали высокоразвитые культуры.

Тот факт, что Гомер помещает в поэмах довольно обширные генеалогические списки героев — современников Троянской войны, дает информацию о происшедших в более ранние времена событиях — о фиванцах и аргонавтах, указывает на то, что героический век для Гомера не ограничивался эпохой Троянской войны. Современные археологические открытия полностью подтвердили существование высокоразвитых культур в Эгейском бассейне, начиная с неолита и кончая бронзовой эпохой. Результатом столь длительного процесса формирования эгейской культуры можно считать своеобразную минойскую цивилизацию II тысячелетия до н. э. острова Крита — с различными системами письменности, блестящими дворцами и высокохудожественной керамикой. Утверждение Гомера и греческих сказаний о том, что минойский Крит был населен догреческими племенами, что греки проникли туда сравнительно поздно, также нашло оправдание в археологическом и эпиграфическом материале¹. Но одним из основных исторических тезисов Гомера следует считать то, что ко времени Троянской войны во всей Эгейде ведущее положение занимали именно греки. Расшифровка одной из поздних эгейских систем письма, распространенной как на Крите, так и в континентальной Греции — линейного -Б, подтвердила реальность данного тезиса. В XIV—XIII вв. до н. э. греческий язык, как показывают документы линейного-Б письма, был распространен почти во всех крупных центрах Эгейды как официальный язык². Однако встречи между Гомером и археологией этим не исчерпываются. Если судить по гомеровским поэмам, Микены ко времени Троянской войны распространяли свое политическое влияние почти на все районы Греции. Однако пеласгический Аргос, как явствует из «Каталога кораблей» «Илиады», представлял собой более неза-

¹ Для обзора ср. 24; 58а; 60а; 113а; 142 и т. д.

² Для обзора 60а; 142а и др.

висимый регион. Под влиянием Микен находились Крит, Родос и многие другие острова. Несмотря на определенную централизацию, отдельные области Греции имели своих царей. И царем царей все же являлся Агамемнон. Ему подчиняется все ахейское войско. Его слово — закон для других владык. Агамемнон, с определенной точки зрения, является правителем централизованной Греции. Народы и племена, приплывшие в Трою под его предводительством, являются не союзниками Агамемнона, а лишь частями общегреческого войска. Все они в гомеровском эпосе обозначаются одними и теми же терминами: ахейцы, данайцы или аргивяне. Согласно гомеровскому эпосу, до Троянской войны греки никогда не устраивали такого объединенного похода за пределы своей страны. Агамемнон, следует полагать, первый царь, во времена которого произошло политическое объединение почти всех областей Греции. В «Илиаде» вполне ясно сказано:

«Чести подобной (Агамемнону) доныне еще не стяжал ни единый
Царь скиптоносец, которого Зевс возвеличивал славой».

(I, 278 — 279)

Сам Ахилл, после примирения с Атридом, перед погребением тела Патрокла, говорит Агамемнону:

«Царь Агамемнон, твоим повелениям скорей (больше всего)
покорятся

Мужи ахейские...»

(XXIII, 156 — 57)

И действительно, если судить по «Каталогу кораблей» «Илиады» (II, 494...), войско под предводительством Агамемнона представляло почти всю Грецию с островами. Перечисление в каталоге начинается с районов центральной Греции, за ней следуют Пелопонес, северо-западная Греция, острова Эгейского моря и, наконец, северная Греция³. С этой картиной в полном согласии результаты археологических раскопок. Как выясняется, о политическом объединении в Греции можно говорить лишь с XIII в. до н. э. К позднеэлладскому III В периоду (XIII в. до н. э.), как видно, Микены распространили свое влияние и на столь отдаленный от Греции остров, каким являлся Родос. С археологической точки зрения, Фессалия (или владения Ахилла) несколько независима от остального микенского мира. Следует полагать, что микенское влияние сравнительно слабо достигало ее. На про-

³ Детально см. 25; 115; 205.

тяжении почти всего XIII в. до н. э. Микены, очевидно, стояли во главе ахейского мира и распоряжались ее политикой и культурой⁴. Но засвидетельствованная в поэмах информация о микенской Греции еще более удивляет своей точностью, когда дело касается гомеровской географии ахейского мира. Можно вполне определенно сказать, что география «Илиады» полностью микенская. В поэме не назван почти ни один населенный пункт, который бы не восходил к микенской эпохе. С этой точки зрения особый интерес представляет «Каталог кораблей» «Илиады».

На основе работ современных исследователей⁵ и учета античных сведений можно сказать следующее: многие из перечисленных в каталоге населенных пунктов, после вторжения дорийцев, очевидно, прекратили свое существование. Их упоминание в греческих источниках ограничивается лишь каталогом. С другой стороны, в каталоге и словом не упоминается о большинстве тех поселений, которые имели важное значение для исторической Греции.

Картина политического деления Греции, данная в каталоге и вообще в гомеровском эпосе, безусловно, отличается от ситуации, возникшей после т. н. дорийского вторжения; взять хотя бы тот факт, что, согласно Гомеру, Микены занимают в Элладе ведущее положение, в то время как в Греции в I тысячелетии от Микен остались лишь развалины. Даже виднейшие греческие географы и историки ничего не знали приблизительно о четверти перечисленных в каталоге городов. Исключается, что эти города достигли лишь эпохи Гомера, а затем полностью исчезли из памяти греков, ибо, говоря словами Пейджа, «большой авторитет Гомера был полной гарантией того, что пункты, перечисленные в каталоге и сохраняющие свои названия до VIII в. до н. э., никогда бы не потеряли их — во всяком случае, хотя бы в памяти людской»⁶.

Из перечисленных в каталоге 164 пунктов 96 удалось более или менее точно идентифицировать, из коих, по мнению археологов, приблизительно 48 должны были быть заселены еще в микенское время. Возможно, к этой же группе можно отнести и остальные 48 городов, ибо они связаны с древнейшими преданиями. 33 города можно локализовать предположительно, из коих четверть также микенского происхождения. Совершенно неизвестно местонахождение приблизительно 35 городов. Их названия, по мнению исследователей, так-

⁴ Ср. 205; 33; 33а; 135 и др.

⁵ 115; 205; 303.

⁶ 303, стр. 122.

же относятся к предорийскому миру⁷. Интересно отметить, что многие гомеровские названия городов засвидетельствованы в письменных документах линейного -Б, что также подтверждает соображение о микенском характере гомеровской географии⁸. Отдельным вопросом является сравнение личных имен, представленных у Гомера, с одной стороны, и в документах линейного-Б, с другой. До сих пор исследователями выявлено около шестидесяти параллелей между Гомером и микенскими документами, среди которых «возможно не все идентифицированы точно, однако большинство должно быть верно»⁹. Можно было бы привести несколько примеров *ai-wa—Αἶας*, *a-ki-re-u—Ἀχιλλεύς*, *a-pi-a-ro—Ἀμφιάλος*, *a-ta-no—Ἀντήνωρ*, *e-ko-to—Ἐκτωρ*, *ka-ra-u-ko—Γλαῦκος*, *ma-ka-wo—Μαχάων*, *pa-da-ro—Πάνδαρος*, *pe-ri-to-wo—Πειρίθοος* и т. д.¹⁰.

Естественно, выявление в микенских документах засвидетельствованных у Гомера имен не означает того, что в этих надписях речь идет об известных нам героях греческих легенд. Этот факт может подтвердить лишь то, что гомеровские личные имена не чужды микенскому миру, что эти имена использовались уже в микенскую эпоху, следовательно, и здесь Гомер не противоречит микенским традициям.

Интересно отметить также, что в микенских документах обнаружены различные каталоги, принцип составления которых напоминает гомеровский «Каталог кораблей»¹¹. Здесь уместно коснуться и термина *Ἀχαιοί*, употребленного у Гомера для обозначения греков. Как уже неоднократно отмечалось, Гомер не знает единого термина, соответствующего *Ἕλληνες*, для обозначения всех греков. Он с этой целью использует три, очевидно, идентичных по содержанию термина: *Ἀχαιοί* — ахейцы, *Δαναοί* — данайцы, *Ἀργεῖοι* — аргивяне. Правда, у Гомера встречается термин *Πανέλληνες*, но он, как видно, не является общим обозначением греков, ибо употребляется единственный раз в II, 530 «Илиады» и то вместе с термином ахейцы. Следовательно, лишь названные три термина можно считать равноправными обозначениями греков героической эпохи. Однако и между этими терминами существуют некоторые различия. Термин ахейцы в гомеровском эпосе используется чаще, чем остальные и с ним, как прави-

⁷ 115; 303.

⁸ Ср. 51; 176; 389.

⁹ 389, стр. 103.

¹⁰ Там же. См. также 246.

¹¹ Об этом см. ниже, стр. 328.

ло, связаны те эпитеты-формулы, которые больше всех характеризуют внешность греков у Гомера: *ἐυκνήμιδες* «пышно-поножные», *κάρη κορώωντες* «густоволосые», *ἐλίκωπες* «блестящевзорые», *χαλκοχίτωνες* «меднобронные»¹². Интересно отметить также, что из этих названий позднее греки лишь ахейцев помещали в список племен, происшедших от эпонима эллинов. Так, согласно греческой генеалогической традиции, Эллин имел трех сыновей: Дора, Ксуфа и Эола; Ксуф, со своей стороны, двух — Ахея и Иона¹³. Как видим, донайцев и аргивян сама греческая традиция оставила вне этого списка. Этот факт, по нашему мнению, не случаен. При сравнении этих трех терминов видно, что самым поздним и при этом более остальным связанным с собственно эллинским миром является термин — *Ἀχαιοί*. Термин *Ἀργεῖοι* явно догреческого — пеласгического происхождения и связан с не раз обсуждавшимся в науке пеласгическим названием Аргос. Что же касается термина данайцы, то он, очевидно, анатолийского происхождения. Как показывают египетские источники, в середине II тысячелетия до н. э. в юго-восточной Анатолии действительно проживало племя *Данупа*, активно фигурирующее затем среди т. н. «морских народов»¹⁴. Примечательно, что эпоним данайцев — Данай, согласно греческой традиции, действительно является чужеземцем, переселившимся в Аргос. Как предполагают исследователи, все это делает реальным связь данайцев с *Данупа*¹⁵. Следует полагать, что и после того, как собственно эллинские племена заняли в Эгиде ведущее положение, они для самоназвания часто использовали догреческие термины, которые в результате сильной традиции еще долго не были забыты. Очевидно, такими терминами следует считать *Ἀργεῖοι* и *Δαναοί*. Ни один из этих терминов, как думается, в отличие от названий пеласги, лелеги и др., не применялся раньше к какой-нибудь этнической целостности, а употреблялся лишь для обозначения населения определенных районов Греции. Ввиду того, что в Элладе эти районы имели важное значение, данные термины одно время, из-за неимения общего самоназвания, использовались как синонимы для обозначения всего языково-культурного союза, в который входили и жители этих районов. После того, как эллины стали ведущим этническим элементом в Эгеиде, возрос удельный вес собственно греческих эт-

¹² Ср. 303, стр. 242...

¹³ Ср. Страб. VIII, 7, 1.

¹⁴ 88а, стр. 9.

¹⁵ Подробно см. 86, стр. 1...

нонимов¹⁶. Не случайно то обстоятельство, что именно с Фессалией — первоначальным районом распространения греческих племен — связаны своим происхождением такие термины, как ахейцы и эллины. Об этом свидетельствует то, что названия 'Αχαιίς и 'Αχαιοί у Гомера употребляются как для обозначения местности Фессалии, так и для обозначения жителей определенной ее области. То же самое можно сказать и о термине 'Ελλάς «Эллада», который обозначает в II, 683 и IX, 447 «Илиады» город и местность Фессалии, а жители данной области называются 'Ελληνες — в II, 684 «Илиады». Первоначальная органическая связь между терминами 'Αχαιίς и 'Ελλάς совершенно бесспорна по Гомеру. В IX, 395 «Илиады» Ахилл говорит: πολλὰί 'Αχαιίδες εἰσὶν ἀν' 'Ελλάδα τε Φθίῃν τε» («много ахейцев есть и в Гелладе и в Фтии»), а в II, 684 «Илиады» он предстает как вождь мирмидонцев, эллинов и ахейцев. Именно из этих районов, которые были освоены греческими племенами раньше других, вместе с экспансией эллинов начали распространяться отдельные племенные названия во всей Эгеиде. К началу ПЭ III В периода, как видно, термин ахейцы становится не только синонимом более ранних догреческих названий — данайцы и аргивяне, но и основным термином, обозначающим объединенную к этому времени политически микенскую Грецию. Что же касается остальных названий, то они употреблялись лишь по традиции, пока вовсе не были забыты. Как нам представляется, термину ахейцы было отдано предпочтение перед данайцами и аргивянами не после микенской эпохи, а уже в ПЭ III В периоде, когда он употреблялся как основное самоназвание греков¹⁷.

Встает вопрос — дают ли письменные документы II тысячелетия возможность утверждать, что в микенскую эпоху греки действительно назывались ахейцами?

В Кносе была найдена табличка, выполненная линейным-Б (KNC 914), на которой засвидетельствована форма a-ka-wi-ja-de. Как предполагает часть исследователей, данный термин обозначал один из критских топонимов¹⁸. Следо-

¹⁶ Говоря о греческих этнонимах, мы имеем в виду не этимологию этих терминов, а их историческую связь с отдельными эллинскими племенами.

¹⁷ Употребление его двух синонимов у Гомера может являться следствием поэтической традиции, сохраненной в отдельных районах и восходящей к микенской эпохе. Вполне возможно, что жители отдельных районов Греции помнили еще в гомеровскую эпоху название, которым они как-то выделяли себя из «общегреческой среды».

¹⁸ 341.

вательно, по мнению некоторых, трудно допустить, что в микенскую эпоху самоназвание греков содержало ту же основу. Если греки называли себя ахейцами, а свою страну Ахайей, было бы алогичным давать это же название основанным или покоренным ими пунктам. Поэтому более правдоподобно допустить, что греки обозначили своих микенских предков этим термином лишь после вторжения дорийцев, когда возникла определенная дистанция между двумя историческими эпохами¹⁹. Однако, нам кажется, что факт наличия подобного топонима на Крите можно истолковать иначе. Рассмотрим сначала известное место «Одиссеи», дающее информацию о населении Крита:

«Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, ото всюду обьятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки: там находишь ахеян,
С первоначальной породой воинственных критян²⁰; кидонцы
Там обитают, дорийцы, племя пеласгов...»

(XIX, 172...)

Согласно этому месту «Одиссеи», на Крите проживает по крайней мере пять различных племен: ахейцы, этеокритяне, кидонийцы, дорийцы, пеласги, из коих три (этеокритяне, кидонийцы, пеласги) относятся явно к догреческой среде. Что же касается дорийцев и ахейцев, то они должны быть греческими племенами. Сама греческая традиция выделяет дорийцев из остальных эллинских племен и считает их вторгшимися в Грецию лишь после микенской эпохи. Мы здесь не коснемся спорного вопроса — подразумеваются в «Одиссее» действительно исторические дорийцы, вторгшиеся после микенской эпохи, или лишь одна волна дорийцев, которая могла проникнуть на Крит уже в позднебронзовую эпоху²¹. С уверенностью можно сказать следующее: Гомер, как и вся греческая традиция, выделяет дорийцев из собственно микенских греков, то есть ахейцев. Дорийцы, согласно Гомеру, не являются участниками Троянской войны. Следовательно, он сознательно или подсознательно, домикенским племенам Крита противопоставляет ахейцев — уже не как один из конкретных эллинских племен, а как греков-колонистов героической эпохи вообще, пришедших сюда из Греции. Если учесть то обстоятельство, что греческая экспансия на Крит началась

¹⁹ 341.

²⁰ В оригинале — «этеокритяне».

²¹ Об этом см. ниже.

лишь несколькими поколениями раньше Троянской войны²², то станет ясно, почему на Крите ко времени войны обитают как греческие, так и негреческие племена. Учитывая все это, по нашему мнению, нетрудно объяснить возникновение на Крите топонима, содержащего основу *akawija или ей подобную. Как известно, когда одна волна какой-нибудь определенной этнической группы проникает на территорию, обитаемую другими этническими группами, и обосновывается там, очень часто на основанное ею поселение автоматически переносится самоназвание данного племени. Примеры этого можно привести в достаточном количестве не только из античной эпохи, но и из практики наших дней. Является фактом, что Крит не был зоной первоначального распространения ахейцев. Следовательно, наличие топонима akawijade на Крите должно указывать на то, что племя, давшее данному пункту подобное название, могло обозначать себя терминном ахейцы. Это же дает основание думать, что греки героической эпохи действительно называли себя ахейцами.

Данную точку зрения подкрепляют и древневосточные, в первую очередь, хеттские письменные документы. Еще в двадцатых годах нашего века Е. Форрер постарался доказать, что в хеттских источниках можно найти информацию о стране ахейцев. По его мнению, упомянутая в хеттских документах Ahhiyawa соответствует гомеровскому Ἀχαιοί и обозначает реально существовавшее государство в Греции XIV—XIII вв. до н. э. Е. Форрер выявил в хеттских документах и другие имена, известные из греческой мифологии. В течение ряда лет его точка зрения пользовалась доверием и исследователи старались еще более углубить ее. Однако в 1932 году известный хеттолог Ф. Зоммер выступил против идентификации Аххиявы с Аханей и высказал соображение, что хеттскую Аххияву следует искать в пределах Малой Азии, в частности Киликии.

Начиная с этого момента в науке не угасает дискуссия вокруг проблемы Аххиявы. Сегодня больше сторонников все же у точки зрения Форрера об идентичности Аххиявы с гомеровскими ахейцами.

Нашей задачей не является рассмотрение всех взглядов об Аххияве²³. Мы постараемся лишь передать, как изображают хеттские документы Аххияву и представить ряд соображений в пользу тождественности Аххиявы с ахейцами.

Ahhiyawa (или Ahhiya) упоминается в хеттских документах XIV—XIII вв. до н. э. Впервые это название мы

²² Ср. Геродот VII, 171.

²³ Для обзора ср. 336.

встречаем в источниках времен Суппилулиумаса I (1380—1346)²⁴, в которых говорится, как Суппилулиумас сослал кого-то, возможно, собственную жену, в Аххияву. Данный факт указывает на то, что к тому времени между хеттами и Аххиявой существовали довольно дружественные отношения, в противном случае было бы непонятно, какое он имел право ссылать жену (?) в чужую страну²⁵.

Такие же дружественные отношения должны были быть между хеттами и Аххиявой и во времена Мурсила II (1345—1315). Здесь впервые указывается на связь Аххиявы с Миллавандой и упоминается корабль, что дает основание допустить — Аххиява связывалась с Миллавандой морем. Интерес представляет документ, в котором заболевший Мурсалис выражает надежду, что его смогут излечить боги Аххиявы и Лацпаса²⁶.

Следовательно, согласно хеттским документам, в первой половине XIV в. до н. э. между хеттами и Аххиявой существовали тесные дружественные связи и не было никаких разногласий. Этому взаимопониманию, по нашему мнению, способствовало и то, что к тому времени Аххиява еще не была сильной державой, способной оказывать соперничество хеттам в западной Анатолии.

Начиная со второй половины XIV в. до н. э., как видно, ситуация несколько меняется. Правда, между Аххиявой и хеттами по-прежнему царит мир, но замечаются и некоторые разногласия. Об этом свидетельствует известное «письмо Тавагалаваса», написанное, очевидно, во времена правления Муваталлиса (1315—1296) или чуть раньше — Мурсила II. Так как это письмо имеет большое значение для решения вопроса Аххиявы, ниже мы приводим перевод его текста в дошедшем до нас виде²⁷.

(I, 1—15) (Затем...) двинулся вперед и разрушил город Аттаримма и сжег его, вплоть до стены царского дворца. И как раз тогда, когда люди Лукки приблизились (?), Тавагалава и он пришли в эти страны. Когда я прибыл в Саллапа, он послал человека встретить меня (говоря): «Возьми меня в свое подданство и пришли мне *«tuhkantis»*, и он проводит меня к моему

²⁴ Здесь и ниже даты правления приводятся по традиционной хронологии.

²⁵ 178а, стр. 55; 303, стр. 4...

²⁶ Миллаванда обычно отождествляется с Милетом, а Лацпа(с) — с. о. Лесбос. Ср. 178а, стр. 56.

²⁷ Перевод приводится по 336; там же см. замечания к отдельным терминам и выражениям.

солнцу. И я послал ему «tartenu» (и сказал): «Иди, посади его около себя на колеснице и привези сюда». Но он отчитал «tartenu» и сказал «нет». Но разве «tartenu» не является наиболее подходящим представителем царя? Ведь он имел мою руку. Но он ответил ему «нет» и унизил его перед странами. Более того, он сказал ему так: «Признай меня царем здесь, на месте; иначе я не пойду».

(I, 16 — 31) Но когда я достиг Валиванды, я написал ему: «Если ты хочешь быть моим подданным, смотри, когда я приду в Ияланду, пусть я не найду никого из твоих людей в Ияланде; и ты не допускай, чтобы туда кто-нибудь вернулся; и ты не должен вторгаться в мои владения. Я сам посмотрю на своих подданных (?)». Но когда я (прибыл) в Ияланду, враг атаковал меня в трех местах. (В тех краях) труднопроходимые места, я спешился и разбил врага (там) и население оттуда (увел). Но Лахурцис, его брат, быстро (удалился), прежде чем я прибыл. Только выясни, мой брат, если это не так! Лахурцис не принимал участия в сражении, и на территории Ияланды я не находил его. (Он ушел) с этого места в соответствии с его лойяльным заявлением об Ияланде: «Я вновь не войду в Ияланду»!

(I, 32 — 34). Обо всем этом я написал тебе, как это произошло, и я, великий царь, дал клятву: «(пусть) бог ветра слышит и пусть (другие боги) слышат, как это (происходило)».

(I, 35 — 52) Теперь, когда я (опустошил) страну Ияланду, хотя (я разрушил) всю страну, я оставил в качестве единственной крепости Атрию из благосклонности к (Миллаванде) и вернулся обратно (в Ияланду). (Пока я был) в Ияланде и уничтожил всю страну, (я не ходил) за пленниками. Если бы здесь не было воды, (я отправился бы за ними), но мои силы были (слишком невелики), и я не пошел за (пленными) и вернулся назад, (чтобы отдохнуть в Абав...). Если бы Пиямарадус не захватил их, (я бы не имел ничего) против него. Теперь, (когда я был в) Абав..., я (написал Пиямарадусу) в Миллаванду: «Приди ко мне!» (И к моему брату также), прежде чем (я пересек) границу, я написал так (и обвинил его следующим образом): «Действительно, Пиямарадус производит атаки на эту (страну) — (знает) ли мой брат об этом или он не знает?»

(I, 53 — 74) Но когда (посол моего брата) прибыл ко мне, он не привез мне (привета) и не (привез) мне подарка, но говорил (следующим образом): «Он написал Атапасу, говоря: «Выдай Пиямарадуса в распоря-

жение царя Хатти». Так я вступил в Миллаванду. Но я пришел с (таким) твердым намерением: «Слова, которые я скажу Пиямарадусу, — их должны услышать также все подданные моего брата». Но Пиямарадус бежал на корабле. Аваяна и Атпас выслушали обвинения, которые я имел против него. Но почему они скрывают существо дела, поскольку Пиямарадус их тесть? Я взял с них клятву, и они поклялись изложить достоверно все дело тебе.

(II, 58—III, 6) Смотри же, я послал Дабала-Даттаса, возничего. Дабала-Даттас не является человеком низкого ранга: со времени моей юности он был возничим моей колесницы, а также с твоим братом он и с Тавагалавой обычно ездил (на колеснице). Пиямарадусу (я дал уже) гарантии. Теперь в стране Хатти гарантии следующие: если кто-нибудь дал кому-нибудь хлеб и соль, значит он не питает злых замыслов против него. Но кроме гарантий я отправил ему это (письмо): «Приди, обратись ко мне, и я поставлю тебя на путь (успеха); о том, как я это сделаю, я напишу моему брату. Если ты удовлетворен, пусть будет так; если ты не удовлетворен, то один из моих людей отведет тебя обратно, в страну Аххияву». В противном случае этот возничий будет оставаться на месте, пока он не придет и пока он вновь не вернется. И кто этот возничий? Поскольку он имеет (жену) из семьи царицы, — а в стране Хатти семья царицы пользуется большим уважением, — разве он не шурин мне? И он будет оставаться на месте, пока он не вернется назад. Будь с ним ласков, мой брат. И пусть (кто-нибудь из) твоих (людей) приведет его (т. е. Пиямарадуса). И, мой брат, сообщи ему о моих гарантиях следующим образом: «Не причини вреда мне, солнцу, никогда, и я отпущу (тебя) назад, в (твою страну)».

(III, 52—62) Далее, смотри, (стало известно), что он привык говорить: «Я вторгнусь в страну Маса или в страну Каркия, но пленных, мою жену, детей и домоладцев я оставляю здесь». Теперь, согласно этим слухам, в то время как он оставляет свою жену, детей и домоладцев в стране моего брата, твоя страна оказывает ему защиту. Но он постоянно вторгается в мою страну: и где бы я ни выступал ему навстречу, он возвращается обратно на твою территорию. Разве ты, мой брат, благосклонно относишься к таким действиям?

(III, 63—IV, 10) А если нет, то, мой брат, напиши ему так: «Встань и иди в страну Хатти: твой господин решил дело с тобой! В противном случае придти в страну Аххиява и, где бы я тебя ни поместил, (оставаясь здесь). Встань (вместе с твоими пленными), твоими женами и детьми (и) поселись в другом месте! Поскольку ты во враждебных отношениях с царем Хатти, проявляя свою враждебность с (какого-нибудь другого места)! Из моей страны ты не должен осуществлять враждебных действий. Если твое сердце в стране Каркия или в стране Наса, то иди туда! Царь Хатти и я — в деле, касающемся Вилусы, из-за которого мы были врагами, — он убедил меня, и мы стали друзьями... война не должна возникать между нами».

(IV, 52—55) Но мой брат некогда (написал) мне (следующее): «Ты действовал враждебно против меня». (Но в то время, мой брат), я был молод: если (в это время) я писал (что-либо враждебное, это было) не (по злему умыслу). Такие слова (могут) вылететь из уст предводителя войск, и (такой человек может) бранить своих людей, (если в сражении кто-нибудь бездействует или) труслив... Пусть такие слова (будут осуждены перед лицом) солнца, небесного бога, (или эти слова) должны быть отнесены (за мой) счет, если я враждебно действовал (против тебя). Но теперь устами (моего брата) злые слова были произнесены, и до великого царя (царя страны Хатти) они дошли. (Давай вместе) уладим это дело. Пошли, мой брат, одного из твоих подданных: и (человека, который) принес (это послание тебе)... его (я хочу) здесь (привлечь) к суду, (и этот человек) должен быть обезглавлен. И когда эта кровь прольется, (тогда слова, которые) твой подданный произнес, эти (слова) не выходили из твоего рта, но подданный (исказил их) впоследствии, и он (т. е. бог) не отнесет их за твой счет...»

Правда, в данном тексте не все ясно, но одно можно сказать с полной уверенностью: к этому времени Аххиява является уже значительной силой и войну с ней избегает даже хеттская империя. Царь хеттов старается разрешить разногласия с Аххиявой дипломатическим путем. В «письме Тавагалаваса» явно чувствуется сдержанный тон, стремление к смягчению напряженности. Из текста мы узнаем также, что правитель хеттской империи считал владыку Аххиявы царем своего ранга и, следовательно, обращался к нему — «мой брат». В тексте упоминается единственный географиче-

ский пункт, в котором распространялось влияние Аххиявы — это Миллаванда. «Письмо Тавагалаваса», по нашему мнению, указывает на начало процесса политического усиления Аххиявы. Из текста мы можем заключить, что царь хеттов не решается повторить враждебные слова, которые он сравнительно свободно мог написать в своей молодости царю Аххиявы. Напротив, царь Аххиявы чувствует себя настолько сильным, что может произнести «злые слова» в адрес правителя хеттов. Несмотря на все это, письмо говорит о том, что между хеттами и Аххиявой к этому времени были все еще дружественные и мирные отношения. Подобное положение, очевидно, сохранялось до конца правления Хаттусилиса III (1289 — 1265)²⁸.

Тудхалиас IV (1265 — 1235) в письме к правителю Амурру царя Аххиявы перечисляет среди царей, равных себе:

«Цари, которые равны мне, царь Египта, царь Вавилонии, царь Ассирии и царь Аххиявы»²⁹. К этому времени суда Аххиявы достигли уже берегов Сирии. В известной хронике Тудхалиаса IV Аххиява упоминается в связи с страной реки Seha:³⁰

- 1) «(.....) страна реки Seha вновь нарушает (границу).
- 2) (Народ страны реки Seha говорил:) «Дед его величества не покорял (нас) мечом.
- 3) З (когда) он покорял страны Арцева, нас
- 4) (он не покорил) мечом, мы ему»
- 5) (Так страна реки Seha...) развязал войну и царь Аххиявы отступил.
- 6) (Сейчас, когда он) отступил, я, великий царь, атаковал...»

Как явствует из приведенных фрагментов, к этому времени Аххиява проводит уже активные военные операции в Западной Анатолии. В этом документе — и это главное — впервые указывается на то, что царь Аххиявы в то время находился в Малой Азии. Как видно, к этому времени Аххиява старалась распространить свое влияние на страны Западной Анатолии, большинство из которых при Тудхалиасе IV освобождается от подчинения Империи. Несмотря на то, что интересы Аххиявы и хеттов столкнулись в Западной Анатолии, это не привело к войне между империей и Аххиявой. Как видно из фрагментов хроники, хетты атаковали страну реки лишь после того, как царь Аххиявы ушел отту-

²⁸ Ср. 303, стр. 2... 178-а.

²⁹ К вопросу о трудностях в чтении последнего слова ср. 303, стр. 25.

³⁰ Перевод выполнен с английского (173, стр. 120).

да. Ко времени царствования Тудхалиаса IV относится, видимо, и активное военное действие «мужа из Аххия»³¹ Аттариссияса³² в Западной Анатолии. Эти события передаются в письме хеттского царя Арнувандаса III (1235 — 1215) к бунтующему вассалу Маддуваттасу. Из письма, которое является одним из последних документов хеттов, можно узнать следующее: Аттариссияс из Аххиявы выдворил из своей страны Маддуваттаса, которому Тудхалиас IV подарил маленькое поместье в горной стране Циппаса, поближе к стране Хатти. Маддуваттас готов был тогда «омыть руки в крови (врагов империи)», но Аттариссияс вновь атаковал его. Царь хеттов послал под предводительством одного из военачальников войсковую часть. В завязавшейся битве у Аттариссияса было 100 колесниц и неопределенное число пеших. Аттариссияс отступил и Маддуваттас вновь вернул себе власть. Затем, как выясняется из письма, Маддуваттас постепенно отошел от империи и в конце концов объединился со своим бывшим врагом Аттариссиясом и вместе с ним атаковал Алашию³³, которую хетты считали своим доминионом³⁴.

Это письмо представляет Аххияву как явно агрессивную силу, старающуюся завладеть территориями западной Анатолии и переманить тамошних владык на свою сторону. Для достижения этой цели Аххиява не избегает даже прямого столкновения с хеттами.

Итак, согласно хеттским документам, об Аххияве можно сказать следующее: Аххиява, которую хеттские документы упоминают с XIV в. до н. э., первоначально не была сильной державой. Таковой она становится лишь с конца XIV в., а в XIII веке достигает наивысшего могущества. Именно в это время упоминается царь этой страны среди великих правителей, ее суда достигают Сирии, а воины овладевают территориями Западной Анатолии и Кипра (?), не избегая столкновения с самими хеттами. И все же, между империей и Аххиявой, как видно, никогда не было серьезной войны.

Сопоставив эту картину со сведениями греческой традиции и данными современной археологии, становится очевидным, что процесс усиления Аххиявы полностью совпадает с процессом усиления ахейских (грекоязычных) племен в Элладе.

И, действительно, с начала XIV в. до н. э. начинается,

³¹ В том, что Аххия и Аххиява идентичны, никто не сомневается.

³² О том, возможно ли увязать данное имя с Атреем греческой традиции, трудно судить. Для обзора см. 303, стр. 112.

³³ Обычно отождествляется с Критом.

³⁴ Ср. 178а, стр. 60.

согласно античной традиции, широкое распространение эллинских племен в континентальной Греции³⁵. Если верить Геродоту, эллинские племена за три поколения до Троянской войны (т. е. прил. к 1370 году до н. э.) захватывают власть и на Крите (VII, 171). В этот же период, по археологическим данным, сначала в Греции, а затем и во всем Эгейском бассейне начинается распространяться т. н. позднеэлладская, или микенская культура. Согласно традиции, уже с начала XIII в. до н. э. эллины предпринимают далекие походы на своих судах (Персей, Геракл, аргонавты). Приблизительно с первой половины XIII в., как указывают археологические данные, можно говорить и об определенной политической общности во всей Греции, центром которой являлись Микены (и Пилос). Образцы микенской культуры встречаются даже на самых отдаленных от Греции островах Средиземного моря³⁶. Гомер и традиция указывают на рост власти Атрея и его потомков в Микенах именно к этому времени. Гомер подробно описывает, как Агамемнон во главе общегреческого войска направился в Трою и как в течение десяти лет ахейцы опустошали различные города западного побережья Малой Азии. С силой ахейцев считались даже правители далекого Кипра:

«Кои (знаменитые латы) когда-то Кинирес ему (Агамемнону)
подарил на гостинца:

Ибо до Кипра достигла великая весть, что ахейцы
Ратью на землю троянскую плыть кораблями решились;
В оные дни подарил он Атрида, царю «угодная»

(XI, 20...)

Следовательно, с исторической точки зрения, Аххиява хеттских документов показывает значительное сходство с гомеровскими ахейцами.

Окончательному разрешению вопроса препятствует утверждение ряда ученых о том, что Аххиява не должна быть страной, находящейся за пределами Малой Азии. По их мнению, существуют и лингвистические трудности при сопоставлении *Aḫḫiṽwa* и *Ἀχαιοί*³⁷.

Мы не будем здесь детально рассматривать данный вопрос, приведем лишь те аргументы, которые, как кажется, исключают локализацию Аххиявы в Малой Азии.

1) Аххиява, согласно хеттским документам, связана со странами, расположенными в западной и юго-западной частях Анатолии. Так что при допущении анатолийского месторас-

³⁵ Имеются в виду Эллины и его потомки.

³⁶ Для обзора 103а. Особенно см. 135.

³⁷ Для обзора ср. 336.

положения Аххиявы, ее следует искать где-то в этих же пределах. По хеттским источникам, между Аххиявой и страной Хатти по крайней мере до 80-ых годов XIII в. существовали весьма дружественные взаимоотношения. Хетты все это время контролировали Анатолию, являясь сильнейшей державой Малой Азии. Об этом говорит и война хеттов с египтянами. В решающей битве при Кадеше, которая должна была бы состояться в 1300 г. до н. э. египетские источники в числе союзников Хатти называют многие племена западной и юго-западной Анатолии. Однако среди них мы не встречаем воинов из Аххиявы. Исключается, что анатолийская страна, находящаяся в столь дружественных отношениях с хеттами, не оказала бы империи союзничества при Кадешской битве.

2) Аххияву не знают и угаритские документы, которые называют многие народы, населявшие западную и юго-западную части Малой Азии. Трудно допустить, что угаритские документы упустили бы из виду столь мощное объединение, находящееся недалеко от них.

3) Само неоднократно изученное «письмо Тавагалаваса» может сказать многое в связи с этим:

а) в письме нигде не видно, чтобы царь Аххиявы находился в Малой Азии, ибо он сам никогда не встречается с Пиямарадусом, который скрывается на территории, принадлежащей ему;

б) единственный конкретный географический пункт в Анатолии, на который распространяется влияние Аххиявы — это Миллаванда. Здесь царь Аххиявы имеет своих представителей. Если бы Аххиява находилась в Анатолии, была бы неоправданной встреча царя Хатти с Пиямарадусом в Миллаванде, а не на самой территории Аххиявы. Так же непонятно, почему царь хеттов во время неоднократных походов в западную Малую Азию ни разу не навещил властителя дружественной Аххиявы, расположенной там же, тем более, что у них было о чем поговорить;

в) в своем письме царь Хатти, объясняя властителю Аххиявы положение дел, представляет последнего как человека, находившегося довольно далеко от того места, где происходили столкновения хеттов с Пиямарадусом;

г) царь хеттов просит царя Аххиявы написать письмо Пиямарадусу, который в то время находился на территории, принадлежащей Аххияве. Та часть Аххиявы, на которой скрывается Пиямарадус от хеттов, видимо, находилась далеко от резиденции царя Аххиявы, иначе для него было бы проще вызвать Пиямарадуса к себе.

Если к этому добавить и другие аргументы сторонников идентичности Ахании и Аххиявы (упоминание судов в связи с Аххиявой, бегство Пиямарадуса на корабле на территорию

Аххиявы и т. д.), то станет очевидным, что трудно локализовать резиденцию Аххиявы в Малой Азии. Она должна была бы находиться за пределами Анатолии в бассейне Эгейского моря.

Аххиява, как видно, не являлась страной, находившейся на одном конкретном острове. Она имела свою анатолийскую опору в Миллаванде. Ей же принадлежал, очевидно, тот остров, куда Пиямарадус убежал от хеттов на корабле, и, наконец, территория, где находился центр Аххиявы — резиденция царя. В то время в Эгейском бассейне подобное объединение могла создать лишь микенская Греция. И, действительно, как показывает археология, в руках Микен находились многие острова Эгейского моря, им же можно приписать распространение власти сначала в Милете (т. е. в Миллаванде хеттских документов (?)), а затем и в других районах западного побережья Малой Азии. Следовательно, существование сильного ахейского объединения, соответствующего масштабам гомеровских ахейцев, в Эгеиде XIV — XIII вв. до н. э., можно считать доказанным фактом.

Для разрешения проблемы отношения Гомера к истории микенской Греции значительный интерес представляет также исследование того, насколько реальны сообщения гомеровского эпоса о противниках ахейцев. Согласно Гомеру, мы в данном случае имеем дело не с объединением, подобным ахейскому, а с военным союзом народов и племен. Ахейцев у Трои встретило не войско какой-нибудь одной страны, одного народа, а объединенные силы народов, проживающих в северо-западной и юго-западной частях Анатолии. Трудно утверждать, что данный союз был результатом могущества и политического влияния Трои. Согласно Гомеру, это был союз политически равноправных стран. Во II 130—31 «Илиады» Агамемнон говорит, что троянцам помогают «союзники (заступники) из многочисленных городов», Гектор обычно обращается к своему войску так: «троянцы храбрые и далеко известные союзники» («Илиада», VI, 111 и т. д.), а Приам в III. 182... «Илиады» вспоминает, что в молодости он также был союзником фригийцев в войне против амазонок. В союз троянцев, согласно каталогу «Илиады» (II, 816—877), входят: 1) племена, проживающие в Троаде (собственно троянцы, дарданийцы, троянцы из Зелии, адрастийцы, жители Перкоты и других городов); 2) пеласги из анатолийской Лариссы; 3) фракийцы; 4) киконы; 5) пеоны; 6) пафлагоны; 7) гализоны; 8) мизийцы; 9) фригийцы; 10) меонийцы; 11) карийцы и 12) ликийцы. Помимо них, на стороне троянцев сражались лелеги и кавконы.

Ясно, что Гомер и в данном случае учитывал какую-то историческую реальность. Если в случае ахейского объединения отражается ситуация микенской эпохи, следует полагать, что и в случае троянцев и их союзников Гомер постарался бы отобразить какую-то историческую реальность. Если изучить каталог троянцев и союзников с географической точки зрения, то он больше передает положение, существовавшее до ионической колонизации. В нем не перечислены Киликия, Смирна, Сарды. С другой стороны, находим ряд таких поселений, которых, кроме Гомера, не знает ни один другой гре-

ческий источник¹. Однако определенное препятствие создает упоминание в каталоге среди анатолийских союзников фригийцев и пафлагонов, ибо их проникновение в Малую Азию должно было бы иметь место лишь после Троянской войны². В данном случае можно высказать такое предположение: в каталоге поэт, в ряде случаев, связал с племенами времен Троянской войны более известные для ионийцев новые названия. В традиции или источниках, которыми пользовался Гомер (или его предшественники), очевидно, были реальные указания на состав западноанатолийского союза племен. Из них некоторые ко времени ионийской колонизации более не существовали в Малой Азии. На их территориях проживали новые племена, проникшие сюда после известных передвижений народов в конце XIII — начале XII в. до н. э. В греческой традиции к старым территориальным данным постепенно прикреплялись новые имена³.

С археологической точки зрения районы западной Малой Азии позднебронзовой эпохи, по сравнению с Грецией или Критом, изучены недостаточно. В последнее время в этом направлении имеется значительный прогресс. Материалы, которыми располагает сегодня наука, дают основание заключить, что действительно, во второй половине II тысячелетия до н. э. все побережье Анатолии — начиная от Ликии и кончая юго-восточным Причерноморьем — было заселено многочисленными, высокоразвитыми племенами⁴. Однако одна только археология не может разрешить интересующий нас в данном случае вопрос — существовала ли в Западной Анатолии столь мощная военная коалиция народов, каким представлен троянский союз в гомеровском эпосе? Чтобы решить этот вопрос, следует вновь привлечь хеттские документы.

Согласно хеттским источникам, многие племена, окружающие хеттов с запада и юга, издревле враждовали с ними. Так, из письма Муваталлиса (1315—1296) к Алаксандусу из Вилусы выясняется, что один из древнейших правителей хеттов Лабарна (XVII в. до н. э.) предпринял поход на Арцаву и Вилусу, находящихся на западе от Империи. Начиная с этого времени цари Хатти много сил и энергии прилагали к тому, чтобы держать эти страны в вассальной зависимости⁵. Как видно, до Кадешской битвы (начало XIII в.) хеттам все же удавалось держать их в подчинении, но потом они постепенно стали терять влияние в западных странах.

¹ Ср. 303; 205, стр. 176...

² Об этом подробнее см. ниже, стр. 222...

³ Ср. также 280а, стр. 91.

⁴ Ср. 236; 173; 187 и др.

⁵ 173, стр. 103...

Особенно большую угрозу создает им Арцава. Вскоре отделяется и страна Лукка⁶. Ко времени Тудхалиаса IV (1265 — 1235), как видно, большинство племен, населяющих западную часть Анатолии, объединилось. Об этом свидетельствует та часть хроники Тудхалиаса IV, в которой говорится о том, что произошло с ним после очередной войны со странами коалиции Арцава⁷:

13. «(Но когда) я возвращался назад (в Хаттусас), тогда мне объявили следующие страны.

14. войну: (страна...) ugga, страна Kispuwa, страна Unaliya,

15. (страна...), страна Duga, страна Halluwa, страна Hu-wallusiya,

16. страна Karakisa, страна Dunda, страна Adaduga, страна Parista,

17. (страна..., страна...) waa, страна Warsiya, страна Kurguriya,

18. (страна...) luissa (или Lūsa), страна Alatra (?), страна горы Rahurina, страна Pasuhalta,

19. (страна...), страна Wilusiya, страна Taruisa»,

20—32. Говорится о том, как Тудхалиасу IV удалось с помощью богов победить врага.

33. «Сейчас, когда я разгромил страны Aššuwa, возвратился в Хаттусас

34. и 10.000 пеших пленных и 600 упряжек коней для колесниц

35. привез я в Хаттусас (вместе с) «lords of bridle»

36. (и) я населил их в Хаттусасе. И Пияма—Инараса(?), Кукуллиса,

37. (его сына), (и) Малацитиса, родственника Пияма-Инараса, их также

38. привез (в Хаттусас) и их детей и внуков, которые

39. (.....) колесницы, их тоже привез в Хаттусас».

Далее описывается провал восстания Кукуллиса.

В хронике Тудхалиаса IV внимание привлекают два обстоятельства. Во-первых, столкновение со странами т. н. союза Aššuwa имело место непосредственно после войны с Арцавой и, во-вторых, данный союз представлял собой значительную силу, ибо только взятых в плен было 10.000 человек. Первый факт указывает на то, что в союз Ашшуву входили народы Западной Анатолии, второй же — что в союзе объединялось множество племен. Список Ашшуву, называющий входящие в союз страны (или города), является значительным со многих точек зрения документом. В списке названы

⁶ 173, стр. 103...

⁷ Перевод выполнен с английского языка (173, стр. 121...).

как страны, о враждебных отношениях которых к Империи свидетельствуют и другие, более ранние документы, так и государства, которые еще в начале XIII в. до н. э. являлись доминионами хеттов; в списке названы племена, которых хеттские документы ранее не упоминали, и, наконец, сам союз Ашшува является неизвестным доселе хеттским источникам враждебным объединением.

Как было отмечено, в списке названы 22 страны:

1. (...) ugga, 2. Kispuwa, 3. Unalia, 4. (...), 5. Dura, 6. Halluwa, 7. Huwallusiya, 8. Dunda, 9. Karakisa, 10. Adadura, 11. Parista, 12. (...), 13. (...) waa, 14. Warsiya, 15. Kuruppia, 16. (...) luissa или (Lūsa), 17. Alatra (?), 18. Pahurina, 19. Pasuhalta, 20. (...), 21. Wilusiya, 22. Taruisa.

Не раз отмечалось, что данный список во многом схож с каталогом троянцев и союзников «Илиады»⁸. Если считать термин Ашшува объединительным названием и прототипом античного Asia⁹, то об остальных представителях союза можно сказать следующее: (...) ugga или (...) uqqa, по мнению исследователей, есть Luqqa и ее можно сопоставить с исторической Ликией¹⁰. Karakisa, очевидно, гомеровская Кария¹¹, Wilusa — гомеровский Ἰλίους или Илион¹², Taruisa — гомеровская Троя¹³.

В Halluwa хеттского списка Хаксли видит 'Alūṣṣa гомеровского каталога. Это может указывать на то, что в союзе Ашшува были представлены и гализоны¹⁴. По нашему мнению, и названную в списке Ашшува Parista можно было бы сопоставить с Pelest (филистимляне) египетских документов и с палесгами каталога «Илиады»¹⁵. Следовательно, как выясняется из хеттских документов, в середине XIII в. до н. э. в Западной Анатолии действительно существовало мощное объединение народов, создающее опасность Хеттской импе-

⁸ 303, стр. 97...

⁹ 173, стр. 107; 303, стр. 115.

¹⁰ 303, стр. 106. Однако см. 173, стр. 106...

¹¹ 303, стр. 106.

¹² 173, стр. 105; 303, стр. 115.

¹³ 303, стр. 106.

¹⁴ 207a, стр. 35. О гализонах Гомера из Алибэ не было единогласия уже в античную эпоху. Очевидно, все же ближе всех к истине то изображение, согласно которому гализоны — это халибы — колхское племя, известное из античных источников. На это указывают как место данного племени в гомеровском каталоге, так и данные древневосточных документов. Ср. 25, стр. 105...; стр. 166. Там же литература по данному вопросу.

¹⁵ Об идентичности филистимлян и пеласгов ср. 88a, стр. 15..

рии. Интересно и то обстоятельство, что в фрагменте одного плохо сохранившегося хеттского документа Аххиява упоминается в отношении (возможно враждебном?) с Ашшувой. Этот документ передает события времен Тудхалиаса IV.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что гомеровский каталог, называя троянцев и их союзников, опирается на реальную основу. К предполагаемому времени Троянской войны в Западной Анатолии действительно должно было существовать мощное объединение, соответствующее союзу троянцев в гомеровском каталоге. Помимо этого, хеттские документы объясняют, почему мы не встречаем среди троянцев и их союзников хеттов¹⁶. Как выясняется, народы, населявшие Западную Анатолию, были во враждебных отношениях с Империей. Они вели войны на востоке с хеттами, а на западе, очевидно, с ахейцами¹⁷. Все это делает сообщение Гомера о союзе троянцев исторически достоверным.

¹⁶ По мнению некоторых исследователей, хеттов следует видеть в гомеровских кетейцах (*Κηττιοι*) из «Одиссеи» XI, 521. Ср. 207а. Подробно см. 34. Однако, если здесь речь действительно идет о хеттах, то можно говорить лишь о маленьком войске периферийного региона Империи, а не о хеттской армии.

¹⁷ О том, что являлось основой троянского союза, в науке нет единого мнения. Мы предполагаем, что троянское объединение — итог концентрации эгейских (и хурритских?) племен в прибрежных районах Анатолии. Этот процесс начинается с XIV в. до н. э., когда после усиления греческих племен в Эгейде часть догреческого населения начинает переселяться в Анатолию. Подробно см. 25, стр. 158...

ГОМЕРОВСКАЯ ТРОЯ И ДАТИРОВКА ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Тот факт, что сведения Гомера о существовавших в ПЭ IIIВ периоде в Эгееде объединениях и группировках вполне реальны, еще не означает, что из этого сама собой вытекает и реальность Троянской войны. Как известно, еще в XIX веке Шлиманн на Гиссарлыкском холме в северо-западной части Анатолии открыл поселение, которое по всем признакам должно было быть гомеровской Троей. В течение вековой истории раскопок Трои выяснилось, что Шлиманн ошибочно принимал II слой города, Трою II за гомеровское поселение, ибо Троя II была разрушена еще в раннебронзовую эпоху, в первой половине III тысячелетия до н. э. На основе раскопок Дёрпфельда, а затем Блегена сегодня с уверенностью можно сказать, что в III—II тысячелетиях на Гиссарлыкском холме существовало семь слоев поселений т. н. Трои, из коих пять слоев (Троя I—V) датируются раннебронзовой эпохой и, следовательно, ни один из них не может претендовать на гомеровскую Трою¹. По мнению Дёрпфельда и его сторонников, гомеровский Илион — это Троя VI². Это богатое и высокоразвитое поселение возникло в начале II тысячелетия и было разрушено приблизительно к 1300 г. до н. э., не вследствие военных действий, а в результате землетрясения. Этой точке зрения противоречат следующие моменты:

1) Если Троя VI — гомеровское поселение, то почему в его разрушении нет следов военных операций? Как известно, Гомер вполне определенно указывает, что Троя была разрушена ахейцами.

2) Хеттские источники не дают никаких сообщений о значительных военных действиях в этих пределах к 1300 г. до н. э. Это вызывает удивление, тем более, что хетты к этому времени пользовались большим влиянием во всей западной Анатолии, а племена, населяющие эти территории, бы-

¹ Для обзора ср. 102; 303, стр. 41...

² Ср. 141; 299а; 345, стр. 189...

ли даже союзниками хеттов в войне с Египтом к 1300 г. до н. э. В подобной ситуации, естественно, хетты не могли быть равнодушными к Троянской войне.

Блеген и большинство современных исследователей считают гомеровским поселением первый слой Трои VII или Трою VII-а³. Этот город начинает свое существование сразу же после разрушения Трои VI, т. е. приблизительно с 1300 г. до н. э. Он продолжает традиции предшествующего поселения, однако во многом уступает ему богатством и величиной. Троя VII-а была разрушена приблизительно к середине XIII в. до н. э. в результате военных операций, то есть фактически она просуществовала лишь на протяжении жизни одного поколения людей. Правда, после этого, до окончательного разрушения города в конце XII в. до н. э. можно выделить еще два слоя — Трою VII-б¹ и Трою-б², однако это настолько бледные поселения, что вряд ли можно считать гомеровскими. Из них Троя VII-б¹ все еще продолжает традиции Трои VII-а, а Троя-б² — это уже поселение вторгшихся с севера племен. Если Трою VII-а считать гомеровской, то весьма явно несоответствие между описанным Гомером величественным городом и раскопанным Блегеном бледным поселением. Троя VII-а далеко не столь значительна и богата, каким город Прияма представляла вся античная традиция. Здесь же следует отметить, что некоторые исследователи по сей день сомневаются в правильности отождествления открытого на Гиссарлыкском холме города с гомеровской Троей⁴.

Исходя из сказанного, естественно, нет единодушия и в датировке Троянской войны. Как известно, разногласия по этому поводу существовали уже в античную эпоху. Античные писатели датируют Троянскую войну между 1334 и 1136 годами до н. э. В наши дни она приурочивается к гибели Трои VI или же Трои VII-а.

Нам кажется, что в разрешении и этого вопроса большую помощь могут оказать древневосточные документы. В них пока, разумеется, не удалось обнаружить прямых сведений о Троянской войне, однако сопоставительный анализ древневосточных и греческих данных, как нам представляется, может дать весьма интересные результаты.

Если допустить, что Троянская война — реальный факт, то она не могла иметь место до первой половины XIII в. до н. э. Это подтверждается изучением хеттских и египетских источников. В хеттских документах нет упоминания о ка-

³ 102; 103; 284; 121; 303.

⁴ Ср. 257а; для дискуссии ср. 275а; 174а; 174б.

кой-либо крупной войне или битве, имевшей место в западной Анатолии в XIV в. до н. э. **Aḫḫiyawa**, упомянутая впервые в документах XIV в. до н. э. и идентичная ахейцам греческой традиции, как уже отмечалось, была все это время довольно в дружественных отношениях с хеттами. С конца XIV в. до н.э., как видно, положение несколько меняется. Как показывает т. н. «письмо Тавагалаваса», к этому времени **Aḫḫiyawa** начинает превращаться в значительную силу, столкновения с которой избегает и хеттская империя. Однако это же письмо убеждает нас в том, что к началу XIII в. до н. э. в западной Анатолии не имели места крупные военные действия. Как было уже сказано, в это время западноанатолийские народы являлись союзниками хеттской империи, что подтверждается списком союзников хеттов в битве с Рамзесом II при Кадеше. Среди других в списке названы: **Drdnu** (отождествленные обычно с гомеровскими дарданцами, то есть троянцами), **Ms** (очевидно, **Maša** хеттских источников и меоны или мисийцы Гомера), **Krkš** (очевидно, **Karakiša** хеттских документов и Кария Гомера), **Rk** (очевидно, **Lukka** хеттских источников и Ликия Гомера)⁵ и т. д. Естественно, хетты не остались бы равнодушными к вторжению ахейцев в подвластные им районы. После Кадешской битвы в западной и юго-западной Анатолии политическая ситуация меняется. Хетты постепенно теряют здесь свое влияние, что ко времени Тудхалиаса IV приводит к созданию в этих районах мощного союза племен — **Aššuwa**. В этом союзе участвовали и те, которые были союзниками хеттов при Кадеше⁶. Несмотря на то, что Тудхалиас IV одержал победу над Ашшувой, ему не удалось окончательно разгромить ее, так как и после поражения Ашшува фигурирует в хеттских источниках, и более того, не прекращает своих выступлений против Империи⁷. Естественно допустить, что Троянская война могла произойти после образования этого союза и после похода Тудхалиаса IV против него, так как в списке Ашшувы упоминаются **Taruiša** и **Wilušiya**, идентифицируемые обычно учеными с Троей и Илионом Гомера, а они вряд ли могли фигурировать после разгрома Трои. Поэтому *terminus post quem* Троянской войны можно считать приблизительно 1265 г. до н. э., то есть время воцарения Тудхалиаса IV (дата похода на Ашшуву неизвестна).

⁵ 88а, стр. 3...

⁶ Ср. также 173, стр. 121...

⁷ Там же.

Приблизительно к 30-ым или 20-ым годам XIII в. до н. э. при Пер-Ире имело место столкновение между ливийцами и египетским царем Мернептахом. Среди союзников Ливии названы: 'Ikwš (вокализуемое как Акваша, Акайваша или Эквеш), Trš (Тереш или Турша), Lk (Лукку или Лукка), Šrdn (Шерден или Шардана), Škrš (Шекелеш или Шакалаша)⁸. Примечательно, что знакомое из Кадешского списка и списка Ашшуву название Лукка или Ликия в данном документе встречается в совершенно новом союзе. Рядом с ликийцами мы не видим народов западной Анатолии, которые, начиная со времен Рамзеса II и кончая эпохой Тудхалиаса IV, назывались обычно в одном с ликийцами союзе. По нашему мнению, данный факт может указывать на то, что между походом Тудхалиаса IV на Ашшуву и битвой при Пер-Ире в западной Анатолии произошли события, вызвавшие разгром союза Ашшуву. Целесообразнее всего в данном случае говорить о большой войне, охватившей в основном северо-западные и западные районы Анатолии. Разрушительная сила ее, очевидно, не достигла страны Лукка. Вероятно, это и была Троянская война. Любопытно, что Гомер, знающий о разгроме ахейцами многих западноанатолийских стран, не упоминает об ахейском нашествии в Ликию, следовательно, надо полагать, территория Ликии не претерпела ахейского вторжения. За помещение Троянской войны в этот промежуток времени говорит, как нам кажется, и следующее обстоятельство. В списках союзников Ливии в Пер-Ирской битве упоминается Акайваша. Это единственный случай упоминания Акайваша в египетских источниках вместе с т. н. «морскими народами». Очевидно, здесь речь идет об эпизодическом участии Акайваша в одном из антиегипетских военных союзов. Что касается самого названия Акайваша, то большинство ученых считает его идентичным с Аххиявой хеттских и ахейцами греческих источников⁹. Однако при этом указывают на ряд трудностей, возникающих при такой идентификации, а именно: а) греческая традиция не знает ничего об участии греков в союзе с ливийцами в войне против Египта; б) Акайваша египетских документов является незначительной силой, не соответствующей мощи Аххиявы, упоминаемой хеттскими документами XIII в. до н. э. наравне с Хатти, Египтом, Вавилонией, Ассирией.

Из египетских источников можно сделать следующие заключения: 1) Акайваша не является значительной силой. Если в данном случае мы и вправду имеем дело с ахейца-

⁸ 88а, стр. 10...

⁹ 88а, стр. 11.

ми, то, очевидно, помощь войсками ливийцам оказывал лишь один из ахейских властителей; 2) союз Акайваша с ливийцами, очевидно, является лишь незначительным эпизодом во взаимоотношениях Акайваши с Египтом, ибо египетские документы в других случаях вообще не упоминают о ней. Если бы Акайваша являлась действительным и постоянным союзником ливийцев и т. н. «морских народов», то о ней должны были бы сохраниться сведения и в других египетских источниках. Именно таким эпизодическим участием в войне против Египта можно объяснить тот факт, что о войне ахейцев с египтянами греческие источники не сохранили никаких сведений.

Что касается эпизодического союза ахейцев с ливийцами, по нашему мнению, на это можно найти указания и в самих греческих источниках. Так, например, Геродот рассказывает, как Менелай направился после окончания Троянской войны на поиски Елены. Он нашел Елену в Египте. Нас в данном случае интересует, что случилось после прибытия Менелая в Египет. Согласно Геродоту (II, 119): «По прибытии в Египет Менелай поднялся вверх по реке в Мемфис. Он рассказал правду о своих делах и был весьма радушно принят (царем). Затем он получил назад не только Елену здоровой и невредимой, но и все свои сокровища. При этом Менелай, несмотря на то, что египтяне сделали ему много добра, отплатил им за это бесчестным поступком. Противные ветры задержали его отплытие и, так как это промедление тянулось долго, Менелай задумал нечестивое дело. Он схватил двух египетских мальчиков и принес в жертву, чтобы умиловить (ветры). Когда это злодеяние обнаружилось, то возмущенные египтяне погнались за ним, и он бежал с кораблями в Ливию. Куда он затем направился дальше, египтяне не могли мне сказать»¹⁰. При сопоставлении данного сведения Геродота с египетскими документами можно объяснить как эпизодическое упоминание ахейцев в числе неприятелей Египта¹¹ и союз ахейцев с ливийцами, так и относительную малочисленность ахейцев при Пер-Ире, а также исчезновение из греческой традиции факта войны ахейцев против Египта в союзе с ливийцами. Это соображение подкрепляется и следующим сообщением Геродота (VII, 171): «...после возвращения из-под Трои на острове начались голод и мор людей и скота, пока Крит вторично не опустел». В связи с этим следует от-

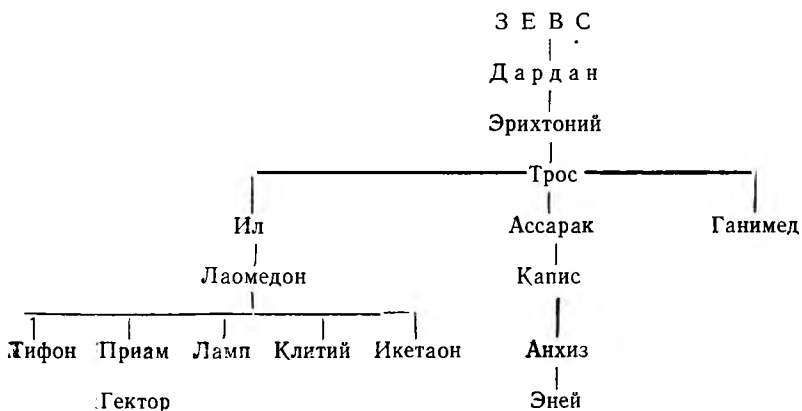
¹⁰ О пребывании Менелая в Ливии знает и «Одиссея» (IV, 85). В ней рассказывается также о столкновении спутников Одиссея с египтянами. XIV, 246..

¹¹ Ахейцы, скрывавшиеся в Ливии, очевидно, были бы вынуждены принять участие и в войне между Египтом и Ливией.

метить, что вышеназванный фараон Мернептах в своей надписи в Карнаке в честь победы над ливийцами упоминает и о помощи, посланной им хеттам для борьбы с голодом, царившим в стране¹². Это были последние годы царствования Тудхалиаса IV.

Вскоре, очевидно, голод охватил и острова Эгейского моря, что привело в движение т. н. «морские народы», стремительные и ожесточенные нашествия которых уничтожили Хатти и Угарит¹³. Следует полагать, что приведенное сведение Геродота — отголосок этих событий. Действительно, именно к этому времени пал окончательно Кносс на Крите¹⁴. Если все это так, то *terminus ante quem* Троянской войны можно считать битву при Пер-Ире ± 1230 г. до н. э. Следовательно, Троянскую войну следует датировать $\pm 1260 — \pm 1230$ годами до н. э., что совпадает с геродотовской датировкой.

Со своей стороны, эта дата, с археологической точки зрения, совпадает с датой падения Трои VII-а. Однако, как было отмечено выше, идентификация Трои VII-а с гомеровской Троей сталкивается с рядом трудностей. Сам Гомер, по нашему мнению, дает возможность преодолеть эти трудности. Согласно «Илиаде», Приам является наследником целой династии троянских властителей. В XX 200... Эней сообщает Ахиллу о своей генеалогии, которую можно представить следующей схемой:

Следовательно, по Гомеру, Дардана нельзя считать царем собственно Трои, ибо Троя во времена его царствования

¹² Ср. 191а.

¹³ 88а.

¹⁴ Ср. 320а.

еще не существовала. Однако Дардан является родоначальником всех последующих властителей Трои. Потомками Дардана — Дарданидами называются троянские цари, а дарданийцами — жители Троады. Что же касается самой Трои, ее основателем античная традиция считает Троса, внука Дардана. Согласно Гомеру и другим греческим источникам, самым могущественным представителем Дарданидов в Трое считается все же Лаомедон, отец Приама. Из «Илиады» мы узнаем, что Лаомедону, избалованному особым покровительством Зевса, в течение целого года прислуживали даже Посейдон и Аполлон. Посейдон построил ему знаменитые троянские стены, а Аполлон пас волов (XXI, 441...). Лаомедон является обладателем коней, подаренных Зевсом за Ганимеда. Именно поэтому они зовутся конями Лаомедона (*Λαομέδοντος ἵππο* V, 269; XXIII, 348). Интересно, что Гомер упоминает и об эпизоде разорения Трои разгневанным Гераклом (V, 640...; V, 648...). Если после этого рассмотрим участие Приама в троянских сказаниях, то можно придти к выводу, что слава Трои связана не с именем Приама, а с именем его предков, и в первую очередь с Лаомедоном. Сам Приам пользуется почетом и славой как потомок Дардана и сын знаменитого троянского царя Лаомедона, а не как властитель, имеющий какие-то особые заслуги. С другой стороны, сведение Гомера о том, что Троя уже при жизни Лаомедона (или в молодости Приама) была довольно основательно разорена, дает основание допустить, что многие известные эпитеты, характеризующие богатство и значение Трои, относятся не к городу, восстановленному Приамом, а построенному его предками и особенно украсившемуся при Лаомедоне Илиону. Как думается, именно поэтому, с археологической точки зрения, гомеровская Троя больше соответствует Трое VI — известному и могущественному поселению, которое было известно во всей Эгееде еще задолго до Троянской войны. Это поселение было разрушено, согласно Гомеру, в результате обиды Посейдона или гнева Геракла. Возможно, в данном случае информация греков о разорении города Лаомедона отображает факт разрушения Трои VI стихийным бедствием. На Трою Приама, продолжавшую традиции своей предшественницы, следует полагать, перешла слава города Лаомедона. Так как для эллинов Троянская война была самым значительным событием героического века, в греческой традиции все то, что было исторически связано с резиденцией Дарданидов — слава и эпитеты, было перенесено на Трою Приама. Именно поэтому археологическая Троя VIIa, не совсем соответствует греческим понятиям о легендарном городе Приама, хотя исторически только она могла быть городом, разрушенным объединенным ахейским войском.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что гомеровский эпос при изображении событий троянской эпохи опирается на вполне реальную историческую основу и довольно точно передает основные исторические моменты второй половины II тысячелетия до н. э. Однако это вовсе не означает, что мир Гомера полностью микенский, напротив, в его поэмах, в первую очередь, царит дух эпохи самого поэта, выраженный в языке, мировоззрении, реалиях и, наконец, в самой структуре поэм, о чем речь пойдет в следующих главах.

ГЕОГРАФИЯ «ОДИССЕИ» И ПРОБЛЕМА ЛЕГЕНДАРНОЙ ЭИ

Если сведения Гомера об Эгееде и Малой Азии героической эпохи с исторической точки зрения более или менее достоверны и находят соответствие в археологии и географии микенской эпохи, то того же нельзя сказать о сказочном маршруте скитаний Одиссея. Скитания, в основном, осуществляются в неизвестных нам странах, которым трудно найти место в пределах исторической географии. И, действительно, единственный пункт на пути возвращения Одиссея после разрушения Трои, локализация которого возможна, — это страна киклонов. После этого, если не считать эпизоды временного приближения к Итаке, Одиссей путешествует фактически в ирреальном мире. Его маршрут осуществляется в странах лотофагов, киклопов, Эола, лестригонов, на волшебном острове Кирки и в Киммерии — царстве теней, в сказочном мире сирен, Скиллы и Харибды, Тринакии, нимфы Калипсо и, наконец, на утопическом острове феаков, на котором царят обилие и счастье. В современной науке о маршруте странствий Одиссея высказано множество соображений — некоторые видят в этом подтверждение уникальных географических знаний Гомера и стараются доказать, что в поэме можно найти информацию даже об островах, находящихся в Атлантическом океане¹; другие помещают все странствие в западной² части Средиземноморья, третьи же, напротив, в восточной³ и т. д. Однако ближе всех к истине, очевидно, античные и современные исследователи, которые в маршруте Одиссея, в первую очередь, видят поэтическую условность и считают неоправданным его рассмотрение на основе точных научных, историко-географических критериев. Вполне возможно, что в информации Гомера отразились те реальные географические знания, которыми располагали греки Микенской и геометрической эпох. Следует также полагать, что здесь много заим-

¹ 319а.

² 401а.

³ Для обзора ср. 254; 194а.

ствованного из легенд и сказок соседних народов, велик также удельный вес игры фантазии самого поэта. С другой стороны, нам неизвестны все те источники, которые могли воздействовать на воображение поэта. Не исключается, что в некоторых случаях он обладал информацией, в которой отражались достижения более древних, высокоразвитых средиземноморских цивилизаций во многих сферах науки и техники. То, что критские мореплаватели II тысячелетия могли иметь довольно точные сведения о далеких странах, сейчас почти не вызывает сомнения. Реальными кажутся греческие сведения также и о дальних экспедициях микенских мореплавателей. В последнее время выясняется, что Италия находилась в сфере эгейского влияния уже в микенскую эпоху. Следовательно, не должно вызывать удивления, если в отдельных случаях у Гомера можно будет найти сведения, которыми грек гомеровской эпохи, казалось бы, не мог располагать. Однако в таких случаях следует быть крайне осторожным. Так, например, в книге Пилло, в которой почти весь маршрут Одиссея выносится в Атлантический океан, по сложным подсчетам автора, остров феаков Схерия отождествляется с Корфу в Ионийском море⁴. Но все подсчеты и вычисления автора опровергает «Одиссея» V, 282... Здесь описывается, как почти приплывшего к острову феакийцев Одиссея заметил с Солимских гор Посейдон, возвращавшийся от эфиопян. То, что Эфиопия находится на востоке, не сомневается и сам Пилло, а то, что Солимские горы могли находиться где-то в Малой Азии, недалеко от Ликии, подтверждает «Илиада» VI, 184... Естественно, даже при той дальнорзости, которой наделяли Посейдона, поэт не мог бы заставить его наблюдать за Одиссеем, подплывавшим к Корфу, с юга Малой Азии. Не касаясь других пунктов маршрута Одиссея, которые, взятые в отдельности, иногда могут быть сопоставлены с какими-то реальными островами и странами как Атлантического океана, так и Средиземного моря; следует отметить лишь то, что все эти пункты в «Одиссее» помещены в условном, фантастическом контексте. Следовательно, поэт может легко заставить своего героя перемещаться с запада на восток, с севера на юг и т. д. Все старания установить какую-либо географическую закономерность в этом передвижении совершенно бесполезны. Но в этом условном географическом контексте могут быть размещены и те страны, которые были известны из других догомеровских циклов сказаний и которые, очевидно, нередко соответствуют реальным областям древнего мира. К их числу, по нашему мнению, относится и остров Кирки — Ээа, являющийся, очевидно, гоме-

⁴ 319а.

ровской модификацией легендарной Эи. Ниже мы постараемся показать, какое значение имеют сведения Гомера для локализации мифической Эи.

Эа (*Δία*), цель похода аргонавтов, обиталище гневного царя Ээта, обычно отождествлялась античными источниками со сказочной страной на территории исторической Колхиды микенской эпохи. Однако не все исследователи нового времени принимают подобное отождествление. Многие считают, что в древнейшей версии сказаний об аргонавтах Эа еще не была связана с Колхидой и представлялась далекой сказочной и солнечной страной где-то на Востоке. Перенесение Эи в Колхиду — итог греческой колонизации, и, следовательно, как полагают, идентификацию Эи с Колхидой следует отнести к более поздней, во всяком случае послегомеровской эпохе. Сомнение в идентичности Эи с Колхидой исходит из следующих аргументов: а) грекам до VIII в. до н. э. вообще не была известна Колхида, так как к побережьям Кавказа они проникли лишь позднее; б) цель похода аргонавтов обычно обозначается двумя терминами: *Δία* и *Κολχίς*, но из них последний еще неизвестен Гомеру, и впервые Эа идентифицируется с Колхидой Геродотом; в) сюжет сказания об аргонавтах и термины, связанные с Эей, находят параллели в мифологии и языках народов древнего Двуречья⁵.

Нетрудно заметить, что все перечисленные аргументы односторонни, и не могут решить окончательно вопрос об отношении мифологической Эи к реальной Колхиде⁶.

С другой стороны, неудовлетворительны и аргументы, вы-

⁵ Ср. 250а, стр. 26; 86; стр. 276. См. также новейшие словари и справочные издания по вопросам античной культуры.

⁶ Информация об Эе могла восходить к микенской эпохе. Греки имели сведения о побережных районах Черного моря еще до появления там первых греческих поселений: Эвмел, поэт VIII в, употребляет термин *Κολχίς* как синоним Эи, Гесиод знает название колхидской реки *Φάσις*, Гомеру известны гализоны из далеких Алиб и т. д.; термин «Колхида», очевидно, эквивалент древневосточной формы «Кулха», который появляется в письменных документах с VIII в. до н. э., однако существование более ранних культур кавказских племен на территории исторической Колхиды не вызывает сомнения; сходство мифологических сюжетов у народов Средиземноморья — общеизвестный факт, однако география — место действия греческих мифов отличается от географии древневосточных легенд. Вполне возможно, что сказание об аргонавтах, отражающее какой-то далекий исторический факт, могло впоследствии, в процессе формирования мифа, использовать различные ходячие средиземноморские сюжеты. Классическим примером использования таких сюжетов является «Одиссея». Об этимологии отдельных терминов см. ниже.

ставленные сторонниками идентичности Эи с Колхидой. В данном случае обычно указывают на категоричный характер античных сведений о походе аргонавтов в Колхиду, их настойчивое указание на тождественность Эи с Колхидой⁷. Однако исследователям все еще не удалось доказать, что уже Гомер, пользовавшийся, безусловно, древнейшими версиями сказания, говоря о цели похода аргонавтов, имел в виду бассейн Черного моря.

По нашему мнению, на основе анализа гомеровских поэм возможно более точно определить, где древнейшая греческая традиция помещала Эю. В первую очередь коснемся вопроса об отношении гомеровской Αἶα⁸, острова волшебницы Кирки, к стране Ээта⁸. Как известно, еще со времен Гесиода многие античные источники помещали остров где-то в западном Средиземноморье, а страну Ээта — на Востоке. Аполлоний Родосский сообщает (и это, очевидно, также было и у Гесиода), как отвез Гелиос Кирку из Колхиды к далекой Тирсенийской земле (Аргон., III, 309...). Однако, как представляется, у Гомера остров Кирки находится все еще в пределах Эи, о чем говорят следующие факты.

1. Αἶα⁸, по данным «Одиссеи», находится там, где Гелиос восходит (XII, 4), а по Мимнерму, лучи Гелиоса покоятся именно в городе Ээта, т. е. в Эе, в золотом покое (фр. 11). Отсюда вытекает, что и Эа и Ээа находятся где-то на Востоке⁹.

2. Одиссею придется проделать («Од.», XII, 59...) от Кирки тот же путь, который в свое время пришлось проделать и аргонавтам, плывшим от Ээта¹⁰.

3. Сам термин Αἶα⁸, по мнению большинства ученых, обозначает остров, принадлежащий Эе (Insel von Aia, eine zu Aia gehörige Insel)¹¹.

4. Связь Кирки с землей тирсенийцев, очевидно, мотив более позднего происхождения, и данное представление мог-

⁷ Все эти сведения собраны и детально проанализированы в 27; ср. также 26а.

⁸ То, что название страны Ээта Αἶα было хорошо известно Гомеру, показывает анализ терминов Αἶα⁸ (остров Эи) и Αἰήτης (человек из Эи); ср. 250а, стр. 47.

⁹ Ср. 250а, стр. 28.

¹⁰ Трудно допустить, что в данном случае Гомер следует позднему варианту сказания, согласно которому аргонавты попали в западную часть Средиземноморья, на остров Кирки. В поэме Кирка не упоминает о подобном визите.

¹¹ 250а, стр. 47.

ло возникнуть, в свою очередь, лишь после переселения догреческих племен из Анатолии на Запад¹².

Чтобы выяснить вопрос о местонахождении древнейшей Эи, нам необходимо учесть данные Гомера и об Эе. Здесь же следует отметить, что трудно определить местонахождение острова Кирки по маршруту, представленному в «Одиссее». Странствие Одиссея протекает в полусказочном, полуреальном мире, и в данном случае велик удельный вес поэтической условности. Гомер мог использовать реальные сведения о разных странах и народах и приспособить их к сказочному маршруту Одиссея. Вполне возможно, что весь эпизод Кирки в «Одиссее» является лишь плодом фантазии поэта или трансформацией какого-то древнего мотива. Следовательно, помещенная в сказочном мире «Одиссей» Эа имеет такое же условное отношение к другим частям маршрута Одиссея, какое и страна феаков, остров киклопов и т. д.

Но вместе с этим нужно думать, что по отношению Эи Гомер не мог быть вполне самостоятельным: если Гомер лишь вскользь упоминает о сказаниях об аргонавтах, это значит, что ко времени создания гомеровских поэм сказание было полностью сформировано, и Гомер вынужден считаться с общезвестными данными об Эе.

Следует полагать, что представление греков об Эе, цели похода аргонавтов (восходящее к догомеровской традиции), имело в основе определенную, реальную страну, подобную другим странам и городам греческих мифов (Трое, Фивам и т. д.)¹³. Именно поэтому, как представляется, в гомеровском эпосе есть такие детали, которые содержат конкретную информацию о приблизительном местонахождении древней Эи.

1. По совету Кирки из Эи Одиссей направляется в страну киммерийцев и после нисхождения в царство теней снова возвращается на остров Эею. По данным «Одиссеи», до страны киммерийцев Одиссей плыл ровно один день (с утра до вечера). Учитывая все это, можно сделать вывод, что страна киммерийцев и Эа находятся не очень далеко друг от друга. Страна киммерийцев в «Одиссее» представлена: 1) прибрежной, 2) отдаленной, туманной, куда никогда не заглядывает Гелиос, 3) обитаемой несчастными смертными. Труд-

¹² В гомеровском эпосе еще не отражается процесс этих переселений. Поэт не знает ни о движении тирсенийцев на Запад, ни о переселении Энея.

¹³ Конечно, постепенно, так же как и в других сюжетах, и в сказаниях об аргонавтах появилось много сказочных и нереальных моментов. Впоследствии представление об Эе становится все более отдаленным и абстрактным.

но допустить, что в данном случае Гомер имеет в виду не известных в истории киммерийцев, а какой-то сказочный, ирреальный народ. Дело в том, что сами киммерийцы в сюжете «Одиссеи» вовсе не фигурируют. Их страна упоминается лишь для географического определения края света, царства теней. Создается впечатление, что употребление термина «киммерийцы» в догомеровской мифологической традиции не имело длительную историю, что Киммерия для грека гомеровской эпохи сравнительно новый термин.

С другой стороны, данный термин — вполне реальный, и он подтверждается как послегомеровскими греческими источниками, так и древневосточными документами VIII в. до н. э. Если учесть данные археологических раскопок и сообщения древневосточных, главным образом ассирийских, документов, становится ясно, что киммерийцы появились на исторической арене лишь на грани IX—VIII вв. до н. э. Они заселили области северного Причерноморья. Со второй половины VIII в. до н. э. начинается их стремительное движение на юг, через Кавказ, и уже к концу VIII в. до н. э. многие страны древнего Востока испытывают силу опустошительных вторжений киммерийцев¹⁴. Сопоставляя все это с данными «Одиссеи» о киммерийцах, можно сделать вывод, что сообщенные в поэме сведения о киммерийцах, если они реальны, могут соответствовать лишь тому историческому моменту, когда киммерийцы все еще жили в областях Приазовья, то есть моменту до начала их движения на юг¹⁵.

Так как страна киммерийцев расположена от острова Ээи на незначительном расстоянии, которое можно преодолеть за сравнительно короткий срок без особых препятствий, и обе страны отделены от бассейна Эгейского моря Симплепадами, то по нашему мнению, Ээю следует поместить в бассейне Черного моря¹⁶.

2. В VII, 468; XXIII, 747 «Илиады» сообщается о сыне Ясона и Гилсипилы, живущем на острове Лемнос. Учитывая эти сведения, можно сделать вывод, что в источнике сказания об аргонавтах, которым пользовался Гомер, Арго на пути к Ээту должен был бы пристать к острову Лемнос. Каким был эпизод пребывания Ясона на острове и о любви

¹⁴ Ср.: 60, стр. 26; 69, стр. 80; 416, стр. 169; 54, стр. 223.

¹⁵ Ср. также: 60; 69.

¹⁶ Что касается сообщения «Одиссеи» о том, что город киммерийцев находится на берегу океана, то это объясняется как относительною знаний Гомера о бассейне Черного моря, так и специфичностью значения термина *Ἰμιαὶνός* во времена Гомера. В связи с этим интересно и примечание Страбона (I, 2, 10). К вопросу гомеровских киммерийцев см. также 116а.

Гипсипилы к нему, мы узнаем из других греческих источников. Если вспомнить, что поход аргонавтов начался от Иолка, станет ясно, что аргонавты могли попасть на находившийся севернее, в Фракийском море, остров Лемнос лишь в том случае, если бы они держали путь к Черному морю.

3. В гомеровском эпосе часто используется термин *Ἑλλήσποντος* для обозначения пролива, отделяющего Фракийский Херсонес и побережье Малой Азии. По единогласному утверждению греческих источников, происхождение термина связано с именем Геллы, сестры Фрикса, которая упала в златорунного барана в море. Несмотря на то, что ряд лингвистов, считая данную этимологию неприемлемой, старается связать термин с различными индоевропейскими корнями¹⁷, большинство ученых поддерживает античную этимологию термина¹⁸.

Нам необходимо выяснить, как понимался термин в гомеровскую эпоху, поэтому мы коснемся лишь возможной интерпретации засвидетельствованной у Гомера формы. Важно выяснить, связана ли гомеровская форма с именем мифической Геллы или подобная трактовка относится к послегомеровскому времени. Обычно исследователи, поддерживающие теорию более поздней связи термина «Геллеспонт» с именем Геллы, указывают, что гомеровский эпос не упоминает о Гелле и, следовательно, Гелла не могла фигурировать в древнейшей версии сказаний об аргонавтах. Однако трудно согласиться с подобным аргументом. Гомер был хорошо знаком с сказанием об аргонавтах: тот факт, что он мог упомянуть без лишних комментариев «для всех желанный» Арго (*Ἄργῳ πᾶσι μέλουσα*), плывший от Ээта, указывает на большую популярность сказания об аргонавтах в это время. Именно поэтому гомеровский эпос и сохранил нам столь скудные

¹⁷ В. Георгиев считает, что **Ελλῆσ* происходит от и. е. **seles-wents* («болотистый»). Так как в греческом (и фригийском) *esF* дает *η(F)* и *ευ(τ)* перед согласными *es*, то от **Ελεσ-F-ευ(τ)ς πόντος* через **Ελη(η)ες πόντος* после контракции ожидалась закономерная форма **Ελης πόντος*. Этимологию Георгиева нельзя считать убедительной, так как в ней много натяжек. Так, трудно получить от *(*sel)eswents* форму *(*Ελη)ης* и подобную теорию невозможно подкрепить реальными примерами. Наличие *λλ* в термине также не объясняется лишь метрической необходимостью. Ни у Гомера, ни в других источниках мы не видим употребления термина *Ἑλλήσποντος* с одной *λ* (175a).

¹⁸ Ср. новейшие этимологические словари греческого языка Фриска и Шантрена.

сведения о сказании об аргонавтах. Трудно допустить, что во время создания гомеровских поэм героями цикла аргонавтов были лишь перечисленные в «Илиаде» и «Одиссее» Ясон, Ээт, Кирка, Перса, Гипсипила, Адмет, Эвней, Тоант и потомки Тиро, перечисленные в «Одиссее» (XI, 254—259)¹⁹. Отсутствие у Гомера упоминаний того или иного героя греческой мифологии еще не является доказательством неизвестности данного героя в гомеровское время. Имя Геллы, по нашему мнению, Гомеру уже было известно, и засвидетельствованный у Гомера термин Ἑλλάσποντος имеет прямое отношение к нему. На это, как представляется, указывают следующие факты: в форме Ἑλλάσποντος можно выделить вторую часть термина πόντος («море», «вода»), которая в других источниках нередко заменяется словами πόρος («проход»), πορθμός («пролив»), ῥών («побережье»), κῆμα («течение»). Все указанные слова, как и πόντος, оформлены по законам греческой грамматики²⁰. Следует полагать, что первая часть термина также соответствует законам греческого языка и может быть лишь родительным падежом единственного числа от исходной формы Ἑλλη/Ἑλλα («Геллеспонт» = «море Геллы»). И здесь может подразумеваться лишь мифическое имя Ἑλλη, так как другое значение данного термина в греческом языке нам неизвестно²¹. К тому же греческие писатели уже довольно рано в ряде случаев заменяют данный термин формами πορθμός Ἀθαμαντίδος Ἑλλας — «пролив Афамантиды Геллы» (Эсхил. Персы, 70), Ἑλλης πορθμόν (Эсхил. Персы, 722, 799), Παρθένιον Ἑλλας πορθμόν — «девичий пролив Геллы» (Пиндар, фр. 51) и т. д.

Все это, по нашему мнению, доказывает, что термин «Геллеспонт» издавна был связан с именем Геллы. Более реальной этимологией данного термина мы не располагаем.

¹⁹ По мнению А. Урушадзе (27, стр. 122), упомянутый в «Одиссее» Илос, сын Мермера, является внуком Меден.

²⁰ 370a, стр. 248.

²¹ Об исконной связи имени Геллы с Геллеспонтом и сказанием об аргонавтах свидетельствуют и Геродот (VII, 58), и Геродор (фр. 35), и Гелланик (фр. 88). Здесь же следует заметить, что, очевидно, эпизод золотого руна был составной частью сказаний об аргонавтах уже в древнейшее время. Об этом говорят гомеровская форма Ἀργῶ πᾶσι μέλουσα, указывающая на заслуги аргонавтов, упоминание о данном эпизоде у Гесиода в «Теогонии» (992), фрагмент Мимнерма (11), содержащий слова «великое руно» μέγα κῶας и т. д.

Во всяком случае у Гомера, очевидно, термин не имел другого значения. А это поможет нам выяснить местонахождение древнейшей Эи. Направленным из Фессалии Фриксу и Гелле пришлось бы перелететь над проливом между Фракийским Херсонесом и Малой Азией лишь в том случае, если бы Эа находилась где-то в пределах Черного моря.

О том, что древнейшая Эа греческих источников с самого начала подразумевалась в пределах Черного моря, свидетельствует и анализ терминов, связанных с Эей. Следует отметить, что в данном случае многие исследователи прибегают к излюбленному методу этимологизации. Не зная точного значения зафиксированного в греческом языке того или иного термина, они связывают их с совершенно различными индоевропейскими, семитскими или кавказскими корнями, делая при этом иногда далекоидущие выводы. Однако данный метод пока не привел к желаемым результатам. По нашему мнению, целесообразнее выяснить, в каких областях древнего мира встречаются эти термины в той функции и в том значении, которые они имеют в греческом сказании. Естественно, следует коснуться лишь тех терминов, которые должны были быть связаны с древнейшей версией сказания об Эе и которые имеют явно негреческую структуру²².

Αἰήτης (Ээт) имя царя Эи, как показывают греческие источники, тесно связано с исторической Колхидой. По сообщению Ксенофонта (Анаб. V, 6, 36—37), это имя было распространено среди царей Фасианов (жителей Колхиды), что подтверждают и сведения Страбона (I, 2, 33), который считал имя *Αἰήτης* колхидским. Следует отметить, что в других краях древнего мира, согласно греческим источникам, данное имя не было популярно²³.

Αἶα (Эа) — название страны Ээта у Геродота — синоним Колхиды; в засвидетельствованных у Геродота формах: *ἐς Αἶαν τε τὴν Κολχίδα*, *ἐς Αἶαν τὴν Κολχίδα*, *ἐξ Αἶης τῆς Κολχίδος* термин «Колхида» является аппозитивным существительным, употребленным в функции прилагательного. Трудно согласиться с теми учеными, которые считают, что

²² Многие термины составлены из греческих основ, и поэтому они, с точки зрения определения структуры негреческих терминов, связанных с Эей, не представляют интереса. Мы не имеем здесь возможности рассмотреть разнообразные этимологии терминов, связанных с Эей. Индоевропейские этимологии представлены у А. Карнуа (118а), семитические — у Астура (86). Для обзора ср. также 250а.

²³ Здесь и ниже мы опираемся на сведения, собранные А. Урушадзе (27); а также соответствующие статьи в RE и RML.

одновременное употребление двух терминов *Αἶα* и *Κολχίς* у Геродота вызвано существованием в его эпоху различных теорий о месторасположении Эи. Будь это так. Геродот, добросовестно сообщающий обо всех известных ему фактах и теориях, упомянул бы о разногласии историков по поводу Эи. Очевидно, Геродот хочет здесь противопоставить друг другу легендарную Эю и реальную Колхиду как два разных понятия в историческом, а не в географическом аспекте. Термин «Эа», по сообщениям античных авторов, был засвидетельствован в исторической Колхиде в названиях города у р. Фасис и острова на р. Фасис. О том, что этот термин был для кавказского мира небезызвестным, говорит и присвоенное богу земледелия имя Айя, сохранившееся в сванском картвельском языке. Богиня с именем *Aia* встречается и в урартском пантеоне²⁴.

Κίρκη (Кирка) — имя, которое, очевидно, с самого начала было связано с Колхидой. Этимологию данного термина обычно связывают с греческим *κίρκος* («сокол») или *κίρκος* — («круг»). Трудно судить, насколько эти этимологии приемлемы. Ясно одно: термин стоит в греческой традиции изолированно. Данная форма может быть и греческого и негреческого происхождения. Интересно лишь отметить, что греческая форма *κίρκος* — «круг» (откуда, очевидно, происходит и *κίρκος* — «сокол» имеет довольно убедительную параллель в картвельских языках, где основа *gog/gg («катиться, валиться») способом редупликации и закономерных фонетических изменений образует множество различных форм, связанных с значением круга: *grgoli*, *girgoli* («кольцо», «круг»), *grkali*, *girkli*, *kirkali*, *krikali* («круг»), *grko* (*krko*) («желудь») и т. д.

Если учесть, что этимология греческого *κίρκος*, возведенная способом гипотетических фонетических операций к всеобъемлющей индоевропейской основе *(s)qer, несколько сомнительна, то данная параллель приобретает довольно реальный характер.

მოლი («моли») упоминается в связи с Эей как трава магической силы, которой дали название сами боги («Од. X, 304—306»). Данный термин обычно причисляется к терминам с неизвестной этимологией²⁵. Внимание исследователей привлекает тот факт, что в грузинском языке для обозначения травы используется слово *molí*, имеющее и в поэме

²⁴ См. 266, стр. 85.

²⁵ 165в.

Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», очевидно, значение какой-то магической мази²⁶.

Πέρση — имя жены Гелиоса, матери Ээта и Кирки. Данная основа настолько распространена во всей Эгее и в Анатолии, что ее анализ не может дать нам ничего конкретного с точки зрения местонахождения Эи. Большинство ученых возводит термин к пеласгическому *bhrek («блестеть»). Интересно отметить, что в картвельских языках засвидетельствована основа *perck/*percq (в значении «блестеть»).

*Αφρτος, имя брата Медеи, сына Ээта, очевидно, также фигурировало в древнейшей версии сказания. Данный термин органично связан с колхским миром. Об этом говорят многочисленные географические и племенные названия в Колхиде, содержащие эту же основу (*Αφαρος, *Αφαροι *Αφίλαι и т. д.), а также и структура данного термина, в котором можно выделить дейктический префикс α — столь характерный для картвельских языков. Интересны также сопоставления с абхазским²⁷.

Κυτίσσωρος — имя сына Фрикса. Термин, очевидно, также древнейшего происхождения, если судить по контексту, в котором упоминается он у Геродота (VII, 197). В термине выделяется основа *хут* и суффиксальное *ισσ-ωρος*. Данная основа соответствует названию главного города Колхиды — *Κύταια*. Основа распространена по всей Западной Грузии и подтверждается в многочисленных топонимах²⁸. Интересно отметить, что Kutaisi, эквивалентом которого является греч. *Κύταια*, один из редких картвельских топонимов, который имеет закономерные соответствия в сванском *Kutāš* и мегрельском *Kuteši*. Это должно указывать, что термин существовал уже на общекартвельском уровне, т. е. во II тысячелетии до н. э., во времена легендарной Эи²⁹.

Τιτηνίς Αἴα — впервые упоминается у Аполлония Родосского. По схолиям к Аргонавтике, IV, 131: «Реку Титенос, от которой и край зовется Титеническим, упоминает Эратосфен в «Географике».

На то, что данный эпитет, подобно эпической формуле, издавна был связан с Эей, по нашему мнению, указывают следующие факты: а) у Аполлония Родосского ἐχὰς Τιτηνί-

²⁶ Для обзора см. 40а, стр. 69.

²⁷ Для обзора см. 54.

²⁸ Ср. 266.

²⁹ 546.

δος Αἴης упоминается без всяких пояснений. Это заставляет думать, что эпитет был уже употреблен в источнике, которым пользовался поэт; б) река Τίτῆυος, очевидно, являлась незначительной рекой Колхиды, так как о ней мы не находим в греческих источниках других сообщений. Следовательно, применение ее названия к Эе могло восходить к какой-то мифологической традиции, в которой данная река имела определенную функцию; в) Эа называется титенической лишь в эпизоде описания дракона, сторожащего золотое руно.

Следует отметить, что в Колхиде, в ущелье реки Ингури, с которой, по сообщениям античных источников, связана слава колхидского золота (Страбон, XI, 2, 19), один из притоков Ингури называется Тита. Здесь же одноименное селение.

Μῆδεia — этимология данного имени неясна. Трудно сказать, имеет термин связь с греческим глаголом μῆδομαι: (выдумывать, замышлять) или он содержит ту же основу mēd-, которая засвидетельствована во многих названиях Эгеиды и Анатолии. Можно лишь отметить, что женские имена с основой mēd широко распространены по всей Грузии и они, очевидно, весьма архаического происхождения³⁰.

По нашему мнению, с древнейших времен связан со сказанием и термин Φᾶσις, колхидское происхождение которого несомненно. Дело в том, что засвидетельствованная в греческом языке форма восходит к общекартвельскому (или грузино-занскому) названию *Pati (в греч. *Φασις → Φᾶσις) и она могла проникнуть в греческий лишь до конца VIII в. до н. э., т. е. до окончательной дифференциации картвельских языков, после чего основа принимает занскую форму Poti³¹.

Суммируя все вышесказанное, можно прийти к выводу, что Эа древнейших греческих сказаний с самого начала локализовалась в бассейне Черного моря, в пределах исторической Колхиды.

³⁰ 27а.

³¹ О реальности данной, Фогтовской, этимологии см. 25а.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОМЕРОВСКОГО ЭПОСА

Вопрос о датировке гомеровских поэм является одним из сложных в гомерологии. Хотя, по мнению ряда ученых, датировку поэм нельзя считать принципиальным моментом, однако, когда точность датировки измеряется не десятилетиями, а столетиями, трудно согласиться с таким взглядом. Гомеровский эпос — это высшее достижение греческой поэзии, и выяснение того, в какой именно эпохе могли быть созданы подобные поэмы, в определенной степени означает и выявление закономерности возникновения высокого искусства вообще. Исследование того, является гомеровский эпос продуктом микенского, геометрического или солоновского веков, одновременно подразумевает и исследование структуры культуры совершенно разных эпох греческой цивилизации. Таким образом, вопрос о датировке гомеровских поэм увязывается с целым рядом комплексных проблем и имеет большое значение как для истории литературы, так и для истории культуры вообще.

Несмотря на то, что исследование данной проблемы имеет длительную историю, среди ученых все еще нет единого взгляда на дату создания «Илиады» и «Одиссеи». Высказано множество различных предположений, названо много различных дат. На данном этапе исследования определенно можно сказать лишь следующее: Гомер жил и творил после Троянской войны и до века т. н. греческой классики (V в. до н. э.).

Прежде чем непосредственно говорить о фактах, которые, по нашему мнению, с относительной точностью могут свидетельствовать о времени создания поэм, коснемся взглядов некоторых ученых на этот вопрос. Мнения исследователей о датировке поэм расходились уже в античную эпоху¹. Одни относили гомеровский эпос ко времени Троянской войны (Гелланик, Псевдо-Плутарх, Vit. Hom. 15 и т. д.), другие предполагали, что Гомера отделяет от Троянской войны 60—80 (Фукидид 1, 12, 3; Marm. Par. 155 и др.), 100 (Эратосфен)

¹ Для обзора античных источников ср. 358.

или 140 (Аристотель, Аристарх и др.) лет. Особый интерес представляет высказывание Геродота: «Ведь Гесиод и Гомер, по моему мнению, жили не раньше, как лет за 400 до меня» (II, 53), т. е., согласно Геродоту, Гомер должен был жить не раньше IX в. до н. э. Естественно, это могло быть и VIII веком, ибо Геродот называет IX век самым ранним пределом. Вейд-Гери предполагает, что в данном случае греческий историк опирается на традицию, согласно которой протяженность одного поколения — 40 лет, его же отделяет от Гомера приблизительно 10 поколений. Однако, если учесть, что в действительности протяженность одного поколения была меньше, то Гомер переместится в VIII в.² По мнению ряда античных авторов, Гомер мог жить лишь в VII веке, ибо он знает киммерийцев, которые в поле зрения греков впервые попадают в VII в. до н. э. Среди ученых не было единогласия и в вопросе о том, кто из поэтов — Гомер или Гесиод — жил раньше. Все три возможных варианта решения данного вопроса — Гомер жил до Гесиода, после него, или был его современником — имели своих сторонников. Примерно такое же положение и в современной науке.

Э. Бете³ относит гомеровский эпос к VI в. до н. э. на основании следующих аргументов: а) в VI песни «Илиады» описывается процессия троянских женщин в храм Афины, где поклонялись натуральных размеров статуе сидящей Афины, которой Феано кладет на колени пеплос. Греческие скульпторы научились делать статуи натуральных размеров лишь после 650 года, определенного же уровня в этом направлении они достигли лишь в VI в. до н. э. Точно также воздвигать здания, которые могли бы называться храмами, в Греции начинают лишь с VII в. до н. э.; б) для письменной фиксации гомеровских поэм был необходим папирус (писчий материал), массовый экспорт которого из Египта в Грецию начинается лишь в VI в. до н. э.

Что касается первого аргумента, то он относителен, ибо опирается лишь на добытый к началу XX века археологами материал. Как известно, современной археологии удалось доказать, что статуи и храмы были известны в Греции намного раньше указанного Бете периода. Помимо этого, Дреуп заметил, что «статуя сидячей Афины натуральных размеров», которую Бете считал изготовленной непременно из камня, существует как *Petitio principii*, лишенная всяких до-

² 391, стр. 25. Если принять данную точку зрения, то и геродотовскую дату Троянской войны (± 1250) придется перенести приблизительно на два века позже, что совершенно нереально. Следует полагать, что Геродот при датировке имел другую основу.

³ 99.

казательств, лишь в фикции Бете»⁴. И действительно, у Гомера нигде не говорится о статуях натурального размера. И в случае писчего материала аргумент Бете теряет силу в свете современных археологических раскопок⁵.

Эпохой окончательного формирования гомеровских поэм поэтом-Б считает П. Фон дер Мюльль век Солона (конец VII в. до н. э.)⁶. Опираясь главным образом на аргументы Д. Мюльдера и Э. Бете, он отмечает, что в гомеровском эпосе чувствуется влияние греческой элегии, особенно при сопоставлении «Илиады» XXII, 66... и Фр. 7 Тиртея, а также коринфского эпоса и Эвмела. Информацией, содержащейся в гомеровских поэмах об о. Родос и династиях правителей Трои, греки могли обладать лишь с VII в. до н. э. Отражением киммерийских вторжений (690 г. до н. э.) считает исследователь и упоминание о киммерийцах в «Одиссее» (XI, 14—19). Особое значение придает он античным сообщениям о деятельности комиссии Писистрата. Аргументы П. Фон дер Мюльля также вызывают возражения, ибо трудно установить, поэмы ли Гомера претерпели воздействие лириков и коринфского эпоса, либо напротив, влияние оказывали они сами. Вполне возможно также, что источником влияния служил какой-то третий, не дошедший до нас источник (или группа источников). Относительно информации о Родосе и троянских правителях можно сказать следующее: как выясняется, сведениями об островах Эгейского моря и прибрежных районах Западной Анатолии греки обладали уже с микенской эпохи. В частности, остров Родос был заселен носителями микенской культуры самое позднее с ПЭ III В периода⁷, а Троя, как свидетельствуют археологические раскопки и хеттские документы, была хорошо известна ахейцам микенской эпохи. Следовательно, уже до VII в. греки могли иметь информацию и о Родосе, и о Трое. Что же касается киммерийцев, то в них, как было показано выше, мы должны видеть киммерийцев до начала их вторжения в Малую Азию.

VIII в. или рубеж VIII—VII в. считается ныне самой распространенной датой создания гомеровского эпоса⁸. По мнению большинства исследователей, гомеровский эпос не мог быть создан позднее VIII в., ибо: 1) Гомера знают греческие лирики VII в. до н. э. и в их творчестве можно выявить следы использования отдельных пассажей гомеровских поэм, гомеровских формул и эпитетов. 2) В гомеровских

⁴ 143, стр. 390.

⁵ Об этом подробно см. ниже.

⁶ 389г, стр. 7...; 389е.

⁷ Ср. 205; 303.

⁸ 349, стр. 87...; 254; 229; 391 и мн. др.

поэмах нет ничего, что было бы характерным для греческой культуры после 700 г. до н. э. 3) На найденном на о. Исхия сосуде, который датируется VIII в. до н. э., есть выражение «сосуд Нестора», что имеет соответствие в «Ил.», XI 632... 4) На аттическом ойнохоэ VIII в. до н. э. изображена сцена единоборства Гектора с Аяксом, которая описана в VII песни «Илиады». 5) На керамических изделиях VII в. до н. э. часты случаи изображения сцен из сказаний о Троянской войне, показывающих явное отношение к гомеровским поэмам, а еще более к киклическим поэмам, созданным под влиянием гомеровского эпоса. Если художникам VII в. до н. э. столь близки были темы киклических поэм, то следует предположить, что гомеровский эпос был создан до VII в. до н. э. 6) Согласно некоторым сообщениям, датой рождения автора «Эфиопиды» — киклической поэмы, должен быть 744 г. до н. э. Следует полагать, что Гомер был старше него. 7) С VII в. в греческой литературе все более усиливается тенденция выдвижения на передний план личного, чуждого объективности героического эпоса, мотива. Как известно, Гесиод — первый из дошедших до нас поэтов, который дает информацию о себе. Данная тенденция чужда гомеровскому эпосу. 8) Влиянием гомеровского эпоса, по мнению Кука, можно объяснить основание к концу VIII в. до н. э. в некоторых греческих поселениях новых культов героев троянского цикла, например, культа Агамемнона в Микенах⁹.

Гомеровский эпос не мог быть создан раньше IX в. до н. э., ибо: 1) Гомер упоминает финикийцев, которые появились в Эгееде, очевидно, лишь к 900 г. до н. э. 2) Гомеровский эпос упоминает дорийцев, как жителей о. Крит. Это может указывать на то, что между вторжением дорийцев (XII — XI в. до н. э.) и гомеровским эпосом самое меньшее период в 200 лет. 3) Гомер упоминает и знает железо, которое к его времени, как видно, имело довольно длительную традицию применения. На это указывает то, что слово железо Гомер употребляет даже в таком, например, формульном выражении, как «железное сердце» (*σίδηρον ἦτορ*) («Илиада» XXIV, 205, 521). Широкое распространение железо могло получить в Греции лишь к концу бронзовой эпохи (XII — XI вв. до н. э.). К этому следует присовокупить ряд аргументов археологического и лингвистического характера, согласно которым тот или иной тип предметов, сооружений, отдельные языковые формы, встречающиеся у Гомера, должны были стать характерными для греческой культуры и греческого языка лишь после IX в. до н. э. Лоример при датировке поэм

⁹ Приводим по 230, стр. 199...

особое значение придает времени введения фаланга гоплитов и его тактики (после 750 г. до н. э.)¹⁰. Эти аргументы также не дают нам прочного основания для датировки гомеровских поэм, ибо опровергнуть их можно без особых усилий; так, трудно утверждать, что в раннегреческой лирике чувствуется влияние именно Гомера, а не какого-либо третьего источника, оказавшего воздействие на самого Гомера. Ни о чем конкретном не говорят отдельные параллели с темами росписи греческой керамики или с содержанием архаических надписей, ибо вполне возможно, что художники и мастера имели в виду не гомеровский эпос, а другие, не дошедшие до нас памятники¹¹.

В наши дни трудно также отрицать существование упомянутых у Гомера типов сооружений и предметов, отдельных языковых форм в более ранние времена — в микенскую или постмикенскую эпоху. То же самое можно сказать о дорийцах и финикийцах. Вполне возможно, что какая-то дорийская фила действительно обитала на Крите еще в микенскую эпоху. То, что в «Одиссее» не должны иметься в виду дорийцы, переселившиеся сюда после XII в. до н. э., доказывает и отсутствие дорийцев у Гомера в самой континентальной Греции. Факт существования отдельных дорийских поселений в микенскую эпоху, как известно, подкрепляет и сама греческая мифологическая традиция¹². Так же трудно утверждать, что греки не могли располагать информацией о финикийцах в более ранние времена. Как выясняется, и железо было распространено в Греции еще перед закатом микенской культуры¹³ и т. д.

Некоторые ученые относят гомеровские поэмы к IX ли-

¹⁰ 262, стр. 462... Вообще при датировке гомеровского эпоса постгеометрической эпохой (рубеж VIII — VII вв. — VII в.) отмечают, что у Гомера встречаются детали, характерные для постгеометрического культурного слоя, т. н. «лампада Афины» («Одиссея» XIX, 34), «бляха Одиссея» («Одиссея» XIX, 226), «вооружение и тактика гоплитов», «щит Агамемнона с Горгоной» и т. д. Однако, как показывают новейшие археологические раскопки, все перечисленные т. н. постгеометрические детали могут свободно восходить, с одной стороны, к VIII в. до н. э., а с другой — даже к микенской эпохе. Что касается «лампады Афины», то она является культовым предметом, связанным в гомеровском эпосе лишь с Афиной и восходящим к микенской эпохе. Ср. 254, стр. 54...; 106.

¹¹ Ср. для обзора 194а, стр. 222...

¹² О возможности проникновения дорийцев на Крит еще в микенскую эпоху см. 208.

¹³ Ср. 113а, стр. 44...

бо к XI в. до н. э., однако эти предположения обычно не подкрепляются убедительными аргументами¹⁴.

Такой несогласованностью в гомерологии воспользовалась Каль-Фуртхманн, опубликовавшая в 1967 году книгу под многообещающим названием «Когда жил Гомер?»¹⁵. Исследователь предполагает, что поэмы созданы вслед за Троянской войной, в эпоху процветания микенской культуры. Троянская война, по мнению Фуртхманн, исторический факт первой половины XIV в. до н. э. (1370 — 1350), а поэмы созданы во второй половине этого же века. Естественно, если удастся доказать окончательно, что гомеровская Троя — это Троя VIIa, а не Троя VI и Троянская война происходила в XIII в. до н. э., то и дата Фуртхманн автоматически переносится в XIII век. Каковы аргументы исследователя при выставлении столь смелой гипотезы? Фуртхманн, как Дерпфельд, считает, что гомеровский эпос является «концом и высшим достижением векового развития поэтического искусства». Поэмы должны были быть созданы с помощью письма, но в Греции VIII в. до н. э. еще не было подходящего писчего материала, при том Гомер знает лишь традицию письма на табличках. Мир, описанный в гомеровском эпосе, ближе всего стоит к микенской действительности. У Гомера много таких сообщений, которые были неизвестны другим греческим авторам. Те знания, которые проявляет поэт в медицине и анатомии, могли быть лишь у представителя высокой цивилизации. Его география полностью микенская. Описанные в поэмах предметы и дворцы не известны в послемикенской Греции вплоть до начала классической эпохи. Когда после всего этого исследователь ставит вопрос — в какой эпохе могли быть созданы подобные поэмы, ответ напрашивается сам собой — в эпохе, когда в Греции существовали высокоразвитая культура и письменность. Так как гомеровские поэмы созданы раньше VII в. до н. э., единственной эпохой, отвечающей всем требованиям, предъявленным исследователем, остается микенская эпоха, которая вполне соответствует духу и содержанию гомеровских поэм. Несмотря на то, что теория Фуртхманн с первого взгляда кажется несколько наивной, ознакомившись с ней ближе, становится ясно, что обойти ее просто молчанием невозможно. В этом еще раз убеждает нас рецензия Эйзенбергера¹⁶, в которой рецензент в сущности не предлагает нам ничего убедительного против датировки Фуртхманн, ограничиваясь лишь указанием на спорный и ненаучный характер выдвинутых в кни-

¹⁴ Для обзора ср. 221.

¹⁵ 221.

¹⁶ *Gnomon*, Bd. 41, Hft. 4, 1964, стр. 327...

ге аргументов. О невозможности перенесения времени жизни Гомера во II тысячелетие до н. э. мы остановимся ниже.

Наряду с тем, что вопрос датировки гомеровских поэм — сложный сам по себе из-за отсутствия необходимых данных, он еще более осложняется недостаточным и неточным использованием рядом ученых историко-археологических данных.

Для датировки поэм обращаются в основном к методу сопоставления описанных в поэме предметов, зданий, одежды и т. д. с обнаруженными в том или ином археологическом слое материалом. Однако подобное сопоставление, как уже отмечалось, весьма относительно и его результаты могут быть опровергнуты новыми археологическими открытиями.

По нашему мнению, для датировки гомеровских поэм следует выявить такие факты, сопоставление которых — с исторической, а не с антикварной точки зрения — с фактами, засвидетельствованными в древней истории стран Средиземноморья, даст возможность установить определенную систему синхронных, предшествующих или последующих друг другу явлений, в которой удастся расположить и данные гомеровского эпоса. Ниже мы постараемся заострить внимание именно на таких опорных моментах.

Начнем с вопроса о *terminus ante quem* создания гомеровских поэм. В выяснении этого вопроса, в первую очередь, могут оказать помощь сами поэмы, главным же образом — данные Гомера о Трое.

1. Несмотря на скудность сведений, мы все же в общих, конечно, чертах можем говорить о том, что представляли собой Троя и Трояда в гомеровскую эпоху. Следует полагать, что Гомер в ряде случаев, с помощью предсказаний, дает знать о том, что в действительности произошло после описанных в «Илиаде» событий. Исходя из этого, на основании неоднократных предсказаний и указаний героев гомеровского эпоса, а также ряда сообщений поэм, можно сделать вывод, что Троя была разрушена ахейскими героями¹⁷, впоследствии же стихийное бедствие, вызванное Посейдоном и Аполлоном, сравняло все троянское побережье («Илиада» XII, 15...). Очевидно, город не существовал в гомеровское время, так как наследник Приама Эней у Гомера и многих других авторов называется царем Трояды и троянцев, а не Трои. Следует полагать, что несмотря на поражение и полное разрушение Трои, в Трояде, вплоть до гомеровских времен, цар-

¹⁷ Все сведения, содержащие данную информацию в «Илиаде», собраны в 244. стр. 11.

ствовала какая-то местная династия, ибо, по Гомеру, после Приама царями Трояды будут Эней и его потомки, чтобы род не погиб Дарданида («Илиада» XX, 302...) ¹⁸.

Сопоставление всего этого с данными археологических раскопок показывает, что представление об окончательно разрушенном городе, с одной стороны, и с другой — о том, что местная династия все же продолжает править Троадой, мог иметь грек лишь до конца VIII в. до н. э. И действительно, начиная с XIII в. до н. э., как свидетельствуют данные археологии, Троя несколько раз подвергалась разрушению в результате землетрясений и военных операций, однако ее немедленно восстанавливали. Лишь к началу XII в. до н. э. коренное троянское население сменилось вторгшимися с севера племенами, носителями т. н. культуры «Buckelkeramik», что выразилось сменой Трои VII-6¹ Троей VII-6². Обычно в этом вторжении видят проникновение первой волны фрако-фригийских племен в Малую Азию. Троя прекратила существование вследствие какой-то катастрофы, вероятнее всего стихийного бедствия к концу XII в. до н. э. и на этот раз на длительное время. Трою не восстанавливали до конца VIII в. до н. э. К 700 годам греческие колонисты принимают за восстановление Трои и Троя VIII уже является типичным эллинским городом. С конца XII и до начала VII в., если не считать разрушенную Трою, во всей Троаде продолжала доминировать культура, которую занесли с севера фрако-фригийские племена¹⁹. Следовательно, в течение всего этого времени единственным наследником местного анатолийского троянского населения, по-видимому, являются фрако-фригийские племена, проникшие с XII в. до н. э. в эти пределы. Исходя из этого, следует полагать, что поэт, которому, с одной стороны, все еще неизвестно ничего о восстановлении Трои и заселении ее греческими племенами, но, с другой стороны, известно о резкой смене династий в Троаде и о правлении новой династии вплоть до его времени, мог жить лишь приблизительно до конца VIII в. до н. э., т. е. до начала восстановления Трои и ее превращения в эллинский город²⁰. Здесь же следует отметить, что в «Илиаде» (XII,

¹⁸ То, что в Троаде (а не в Трое) после Троянской войны будет властвовать местная династия или потомки Энея, повторяет и гомеровский «Гимн к Афродите» (196).

¹⁹ Итоги археологического исследования Трои представлены в 103. Для обзора вопроса ср. также 102; 303, стр. 41... Из старой литературы не утратило значения 141. О проникновении северных племен в Анатолию ср. 131.

²⁰ Греки начинают заселять северо-западную часть Анатолии с конца VIII в. до н. э. Ср. 130, стр. 9.

15...) мы находим некоторое указание на ту катастрофу, которая, по археологическим данным, действительно имела место к концу XII в. до н. э. в Трое и которая вызвала окончательное разрушение Трои.

2. На то, что в «Илиаде» в лице Энея и его наследников осмысленно или неосмысленно отображается продолжение традиций автохтонного троянского населения фракийскими племенами, по нашему мнению, указывает и следующее обстоятельство. Исследователями отмечается, что довольно длинная генеалогия троянских правителей, данная в XX, 215... «Илиады», в действительности является синтезом двух династических списков — более древнего — анатолийско-троянского и сравнительно нового — фракийско-троянского. Из них первый представляют Гектор и его предшественники, а второй — Эней и его предшественники²¹. Подобный синтез должен был бы произойти после заселения Трои с начала XII в. до н. э. проникшими с севера фракийскими племенами.

Следует полагать, что часть этих племен, начиная с конца IX в. до н. э. — с усилением в Малой Азии греческой экспансии, переселяется и в западные районы Средиземноморья, в частности в Италию; отголосок этого движения можно найти уже у поэта VII—VI вв. до н. э. Стесихора, сообщавшего о переселении Энея в Гесперию, т. е. Италию²², а сведения Гелланика, современника Геродота, о том, что Энею приписывается основание Рима²³, датирует это переселение VIII в. до н. э. Античные источники последующих времен уже совершенно определенно указывают на то, что процесс усиления латинов и Рима в Италии, который начинается на грани IX—VIII в. до н. э., связан с Энеем и его потомством²⁴. Конечно, в данном случае, как уже отмечалось в науке, отображается факт распространения из Малой Азии (Трои) в Италию определенной части негреческого населения, троянских культов, и в первую очередь, тесно связанного с Энеем культа Афродиты. Все это, по мнению археологов, должно было иметь место не позднее конца IX в. до н. э.²⁵ Данный процесс мог быть переосмыслен в переселение Энея и его

²¹ Ср. 3616; ср. также 35.

²² К вопросу о сведении Стесихора см. 169, стр. 106...

²³ Геллаником, согласно сведения Дионисия (1, 72, 2), было высказано следующее соображение: *Αλνείαν ἠγοῖν ἐκ Μολοττῶν εἰς Ἰταλίαν ἐλθόντα μετ' Ὀδυσσεῶς (μετ' Ὀδυσσεά) οἰκιστὴν γινέσθαι τῆς πόλεως*. Ср. 169, стр. 103...

²⁴ 80; 104.

²⁵ Для обзора ср. 169.

потомков в Италию, самое раннее, к концу VIII в. до н. э., когда греки начинают заселять Троаду, а с другой стороны, появляются первые греческие колонии в самой Италии²⁶. Следовательно, надо полагать, что столь категорические сведения о долговечном правлении потомков Энея в Троаде должны отображать тот период, когда образ троянского героя еще не был связан с движением народов на запад, т. е. период до конца VIII в. до н. э.

3. В «Илиаде» неоднократно упоминаются Фригия и фригийцы. По Гомеру, Фригия находится в пределах озера 'Ασκανίη (II, 862 — 863), во всяком случае, восточной границей Фригии он считает речку Σαγγάριος, у которой, по словам Приама, произошла битва между фригийцами и амазонками («Илиада» III, 187). Подобное представление о местонахождении Фригии мог иметь грек лишь до конца восьмого века, т. е. живший или до создания во второй половине VIII в. до н. э. мощного Фригийского союза, или непосредственно в период усиления Фригии, и представивший старые границы Фригии во избежании анахронизма. К концу VIII и началу VII в. до н. э. Фригия Мидаса или Миты ассирийских документов была разгромлена киммерийцами²⁷. Греческие источники всего последующего времени (ср. Геродот V, 49, 52) под термином Фригия объединяют огромную территорию от Лидии до Каппадокии²⁸, которая после Мидаса не представляла политической силы.

4. Немаловажен и тот факт, что под Пафлагонией в «Илиаде» подразумевается страна, расположенная в пределах реки Παρθένιος, в то время как, согласно Геродоту и авторам последующего времени, восточная граница Пафлагонии достигает реки Галис. Когда же мог распространиться данный термин относительно столь обширной территории? Во всяком случае не позднее конца VIII в. до н. э., так как после киммерийского нашествия Пафлагония с политической точки зрения не могла представлять собой значительную величину; она была подвластной сначала лидийцам, а затем персам²⁹. Следовательно, можно полагать, что Гомер жил до того, как термин Пафлагония утвердился относительно территории, достигающей реки Галис, т. е. до начала VII в. до н. э.

5. В XI, 13... «Одиссеи», как уже отмечалось, упоминают-

²⁶ О греческих колониях в Италии см. 402, 146; 169; 103а.

²⁷ Ср. 88; 180; 181; 79; 145; 32; 416.

²⁸ Возможно, что термин Фригия распространился на всю эту территорию после 600 г. до н. э. Ср. 181, стр. 37.

²⁹ RE.

ся киммерийцы. Ряд ученых на основании этого предполагает, что поэма была создана после начала VII века до н. э., т. е. после того, как нашествия киммерийцев стали известны грекам. Однако обычно не обращают внимания на то, что киммерийцы в «Одиссее» представлены не как воинственный и агрессивный народ, а как далекое племя, обитавшее там, куда никогда не заглядывает Гелиос. Такое представление о киммерийцах грек мог иметь лишь до конца VIII в. до н. э.³⁰, так как после этого (прибл. 714 г. до н. э.) киммерийцы вторглись в Малую Азию и вели ожесточенные и опустошительные войны³¹. Вряд ли поэт VII или VI в. до н. э. мог представить киммерийцев столь жалким и заброшенным племенем.

Все это, по нашему мнению свидетельствует о том, что гомеровский эпос создан до начала VII в. до н. э.

Что же касается *terminus post quem* создания гомеровских поэм, то в данном случае дело обстоит сложнее. На то, что гомеровский эпос создан после падения микенской Греции, а не в XIV в. до н. э., по нашему мнению, указывают следующие детали:

1. В гомеровских поэмах ничего не сообщается о Хеттской империи. «Илиада», полностью перечисляя народы, проживающие в западной, северо- и юго-западной частях Анатолии, не дает никаких сведений о живших в центральной Анатолии хеттах, в то время как хеттские документы указывают, что в XIV—XIII вв. до н. э. империя имела тесные контакты со странами Западной Анатолии³².

2. В «Илиаде» довольно интенсивно фигурируют фрако-фригийские племена, большая часть которых, по Гомеру, проживает в Анатолии. Хеттские источники, в частности знаменитая хроника Тудхалиаса IV (серед. XIII в. до н. э.), в которой перечислены многие народы западной Анатолии, в том числе троянцы, карийцы, ликийцы и др. названные в каталоге «Илиады» племена-союзники троянцев, ничего не говорит о фрако-фригийских племенах³³. Исходя из этого, а также из данных археологии, указанных выше, следует полагать, что процесс переселения фрако-фригийцев в Анатолию начался лишь с первой половины XII в. до н. э.³⁴. Следовательно, гомеровский эпос мог быть создан лишь после этого.

3. В IV песни (стр. 51...) «Илиады» Гера предлагает Зевсу в будущем, взамен Трои, разрушить Аргос, Спарту и

³⁰ 60, стр. 26; 69, стр. 8...

³¹ 60, стр. 26...; 69, стр. 82...; 416, стр. 169; 88, стр. 12; 54, стр. 223.

³² Об этом подробно см. выше, стр. 186...

³³ Ср. 25, стр. 142...; стр. 163...; ср. также выше, стр. 186.

³⁴ 88; 131.

Микены, города, которые она любит больше всех. Из этих слов можно заключить, что поэту «Илиады» известно о разгроме вслед за Троей названных городов. Как показывают данные археологии, города микенской эпохи были разрушены после катастроф конца ПЭ III В периода, которые охватили почти все стороны Восточного Средиземноморья³⁵.

Можно определенно сказать и то, что от XII века Гомера отделяют многие десятилетия, так как: а) фригийские вожди Отрей и Мигдон, союзниками которых по III, 186... «Илиады» был в юности Приам, в поэме упоминаются как весьма отдаленные герои. Мигдона исследователи обычно считают эпонимом мигдонцев, а их появление в Малой Азии можно приурочить лишь к XII в. до н. э.³⁶; б) Гомер, как уже отмечалось выше, знает о том, что после Приама власть в Трое унаследовал Эней, а после Энея — его «сыны от сынов», т. е. перед поэтом — факт правления целых поколений потомков Энея; в) если учесть, что процесс расселения фрако-фригийских племен в Малой Азии для поэта «Илиады» — столь далекий исторический факт, что он представляет эти племена уже автохтонами, можно сделать следующее заключение: после обоснования фрако-фригийских племен в Анатолии, т. е. после XII в. до н. э., прошло определенное время до того, как в греческой поэтической традиции исторические факты более поздних времен могли слиться с фактами эпохи Троянской войны. И, действительно, греческая миграция в Малую Азию, как известно, началась лишь к концу XI в. до н. э.³⁷. К этому времени перегруппировка племен в Анатолии, вызванная падением Хеттской империи и вторжением народов с севера, — уже случившийся факт. Следует полагать, что именно после этого начинают проникать в греческую поэтическую традицию темы и сюжеты местных азиатских сказаний. Нет сомнения, что слушателю или читателю «Илиады» времен Гомера было известно о существовании преданий, посвященных борьбе фригийцев — Мигдона и Отрея с амазонками, поэтому Гомер лишь вскользь упоминает об этом эпизоде; было известно также о существовании различных версий относительно родственных отношений Приама с фракийцами; в греческой эпической поэзии уже были

³⁵ Микены были разрушены в конце III В периода. Следует полагать, что к этому времени прекратила существование и гомеровская Спарта, в слоях ПЭ III В периода в Аргосе пока не выявлены следы сильного разрушения, но следует полагать, что волна вторжений, жертвой которой стал соседний Тиринф, не прошла бесследно и для Аргоса. Ср. 135. 81; 205.

³⁶ Ср. 181, стр. 34; 32, стр. 58.

³⁷ Ср. 130.

выработаны такие эпические формулы касательно Фригии и фригийцев, как *Φρύγες ἀνέρες αἰλόπῳλοι*, *Φρυγῆ ἀμπελῆσσα* и т. д. Мы должны допустить, что для такого проникновения одной традиции в другую требовалось определенное время, во всяком случае, трудно предположить, что до IX в. до н. э. для греческой традиции могли стать столь близкими анатолийские темы и сюжеты.

По нашему мнению, ряд фактов указывает на то, что поэмы Гомера были созданы лишь в VIII в. до н. э.

1. Хотя в «Илиаде» Фригия расположена на сравнительно небольшой территории, но в поэме чувствуется, что она занимает одно из самых центральных мест среди анатолийских союзников Трои. Указание Приама на то, что войско фригийцев Мигдона и Отрея было, за исключением войск Агамемнона, самым многочисленным и мощным из всех войск, видеть которые довелось ему³⁸, подчеркивает факт особого положения фригийцев среди союзников Трои. Это вызывает ассоциации с процессом усиления Фригии с 800 годов до н. э. Можно предположить, что Гомер — очевидец этого исторического факта, и поэтому, избегая анахронизма, он вкладывает в прежнее географическое понятие — Фригия — значение и мощь усилившегося в VIII в. до н. э. Мидасовского фригийского союза. Действительно, только к VIII в. до н. э. понятие Фригия увязывается с понятием мощного военного союза анатолийских племен³⁹.

2. Геродот (VII, 73) сообщает: «По словам македонян, пока фригийцы жили вместе с ними в Европе, они назывались бригами. А после переселения в Азию они вместе с переменой местопребывания изменили и свое имя на фригийцев».

Следовательно, если верить Геродоту, термин Фригия в Малой Азии должен был возникнуть после переселения из Македонии бригов. Геродот намекает и на то, что данное переселение имело место в эпоху Гордиона и Мидаса (VIII, 138).

³⁸ «Илиада», III, 178...

³⁹ Говоря словами Старра (374, стр. 210): «Only after 800 did ordered states appear in Asia Minor» (естественно, в данном случае автор имеет в виду Анатолию I тысячелетия до н. э., а не хеттской эпохи). Ср. также 88, стр. 6...; 416, стр. 131... Следует также отметить, что единственная историческая личность, с которой античная традиция связывает Гомера, это Мидас. В произведении «О Гомере и Гесиоде и об их соревнованиях» дается следующее сведение: «Послушав поэмы (Гомера), сыновья царя Мидаса, Ксанф и Горг, позвали его, чтобы тот создал эпigramму для могилы их отца, на которой стояла бронзовая статуя девушки, оплакивающей смерть Мидаса» (324).

Итак, согласно Геродоту, фригийцы обосновались в Анатолии с VIII в. до н. э. Примечательно, что данные сведения Геродота подкрепляют результаты исследований современных археологов и лингвистов. Так, выяснилось, что распространение в Малой Азии собственно фригийской культуры и возникновение Фригийского царства можно отнести самое раннее к концу IX или началу VIII в. Именно с этого времени в анатолийской археологии замечается усиление тех элементов, которые засвидетельствованы в пределах Болгарии — Македонии — т. н. фригийские курганы. Замечаются также изменения в керамике, а также в архитектурных формах и орнаменте⁴⁰. Все это дает возможность предположить, что в этот период здесь имело место переселение новой волны народов. Об этом свидетельствуют как-будто и данные лингвистики. Так, например, О. Гаас утверждает, что т. н. северо-восточные фригийцы, которые создают в VIII в. до н. э. сильное царство с центром в Гордионе и которые, согласно Геродоту, должны были переселиться сюда из Македонии, с языковой точки зрения, действительно показывают удивительную близость с последней⁴¹. Следует также отметить, что античные источники упоминают племена бриков во Фракии и бригов в Македонии⁴². До переселения этих племен в Малую Азию в пределах территории «великой Фригии» и по соседству с ней проживали дофригийские балканские племена, проникавшие в Анатолию из Балкан волнами после падения хеттской империи — с XII в. до н. э.⁴³. Следы первоначального переселения этих племен должны быть отражены в сведениях Гомера о фригийских героях Отрее и Мигдоне. И, действительно, согласно Страбону, мигдоны жили между Риндаком и мирлиянами (XII, 5, 10), а город Отрея находился восточнее Никеи (XII, 4, 7). Племена, которые проникли в Анатолию с первыми волнами переселений, очевидно, еще не имели общего названия. Термины — Фригия и фригийцы в Анатолии должны были возникнуть лишь с IX в. до н. э., после переселения из Македонии новой волны племен — бригов. Впоследствии это название распространяется на остальные племена т. н. фригийского союза. Если все это так, то гомеровский эпос, естественно, мог быть создан лишь после того, как термин Фригия утвердился в Анатолии.

3. В «Одиссее», как уже отмечалось, упоминается страна киммерийцев. Выше мы постарались показать, что здесь

⁴⁰ 181, стр. 35; там же литература по данному вопросу. Ср. также 88, стр. 12...

⁴¹ 180; 181.

⁴² 180, стр. 19.

⁴³ 180, стр. 16...; 181.

могли подразумеваться лишь те киммерийцы, которые появились на арене в начале VIII в. до н. э. Следовательно, лишь с этого времени и до 20-х годов VIII в. (время вторжения киммерийцев в Анатолию) мог располагать поэт «Одиссеи» информацией о киммерийцах, как о далеком, заброшенном народе⁴⁴.

Все это указывает на то, что VIII в. до н. э., который большинство ученых считают веком Гомера, больше всего соответствует реальности.

⁴⁴ Об этом подробно см. выше, стр. 203..

К СТРУКТУРЕ И ГЕНЕЗИСУ ДАКТИЛИЧЕСКОГО ГЕКСАМЕТРА

Дактилический гексаметр — древнейший стихотворный размер греков, — был самым распространенным в античной поэзии. Гексаметром написаны лучшие эпические произведения греков (и римлян). Столь большую популярность гексаметра в греческой поэзии, казалось бы, можно объяснить органичной связью этого размера с характерными для фольклорной поэтической традиции эллинов и естественными для греческого языка размерами. Однако подобному допущению препятствуют, с одной стороны, отношение греческих писателей к гексаметру, как неестественному и несвойственному греческому языку своим ритмическим составом размеру, и, с другой стороны, наблюдение над закономерностью развития греческой поэзии, выявляющей большее стремление к ямбическому, чем к дактилическому ритму¹. Естественно, данное явление не осталось незамеченным в современном исследовании. Происхождению дактилического гексаметра и его отношению к поэзии, музыке и хореографии того или иного народа за последние полтора века было посвящено множество работ. Были сделаны попытки найти основу дактилического гексаметра в древнейшем стихе индоевропейских племен и представить гексаметр размером, возникшим в результате объединения двух несложных стихов. Более убедительны соображения о неиндоевропейском характере гексаметра², однако, как свидетельствуют исследования последних лет, вопрос о генезисе дактилического гексаметра все еще далек от окончательного решения³. Делу не помогли ни рас-

¹ Возможно, этим было вызвано то, что с определенного периода в греческой поэзии дактилический гексаметр вообще не использовался. Так, например, в хоровых партиях греческих трагедий гексаметр встречается лишь как исключение, с определенного времени заметно ограничивается также его использование в лирике (Ср. 98, стр. 37...).

² Ср. 268. Мнение А. Мейе о неиндоевропейском происхождении дактилического гексаметра разделяется многими современными учеными (149, стр. 10; 256, стр. 79).

³ Для обзора 264, стр. 212...

шифровка линейного-Б письма, ни открытие новых образцов древневосточной поэзии.

Несмотря на то, что в наши дни в распоряжении ученых имеется множество литературных источников бронзовой эпохи, все еще не удалось найти образцы дактилического гексаметра, которые могут относиться к периоду до VIII в. до н. э. Правда, Боссерт высказал предположение, что в египетском папирусе медицинского характера, созданном в 1580—1350 гг. до н. э. и хранившемся в Британском музее под № 10059, можно найти древнейший вариант гексаметра, однако его соображения не выходят за рамки смелой гипотезы. Боссерт выделил из этого папируса одно место, являющееся текстом магической формулы против «азиатического» заболевания, написанное слоговым письмом на языке Кефтиу⁴. Он постарался вокализовать знаки текста и выделить отдельные слова. Боссерт высказал предположение, что формулы заклинаний всегда имели определенную ритмическую структуру. Основой этому послужило то, что в «Одиссее» (XIX, 457) слово *ἐπαοιδή* должно означать «заклинание», «заговор» и что подобные формулы и пророчества составлялись всегда гексаметром даже в более поздние времена. Поэтому Боссерт допускает, что и в указанном заклинании мы имеем дело с гексаметром. Из текста он выделяет гексаметрическую строку, с цезурой посередине⁵:

santi kupapa waja | jaja minti lekakali
~ ~ ~ ~ ~ | ~ ~ ~ ~ ~

Естественно, лишь данный текст, расшифровка которого еще требует уточнений, ничего конкретного не говорит о происхождении гексаметра⁶.

С другой стороны, изучение аккадской, хеттской, угаритской поэзии дает основание утверждать, что ни аккадский стих, являющийся объединением двух дистинктных частей, с двумя стопами в каждой части⁷, ни хеттский стих — с четырьмя ударениями, содержащий до 12—17 слогов (соответственно для коротких и длинных стихов)⁸, ни угаритский стих, не имеющий прочного размера и строящий ритм, обыч-

⁴ Египетское «Кефтиу», по мнению исследователей, подразумевает Крит. Для обзора ср. 347, стр. 110...

⁵ Bossert, OLZ, стр. 303—329.

⁶ Ср. 109, стр. 34: «In the present state of our knowledge this (мнение Боссерта) seems impossible either to prove or to disprove».

⁷ 322. Ср. 392, стр. 68.

⁸ 179, стр. 135; 392, стр. 68.

но, на известном принципе *parallelismus membrorum*⁹, ничего общего не имеют с дактилическим гексаметром¹⁰.

Естественно, возникает вопрос, откуда и когда мог распространиться данный размер в Греции. Сегодня можно с уверенностью сказать, что гексаметр еще до Гомера и Гесиода считался одним из распространенных и универсальных метров, используемых не только в эпической поэзии, но и во всех типах поэтических произведений гомеровской эпохи.

На это указывают следующие факты:

а) Среди т. н. гомеровских эпиграмм ряд исследователей выделяет *Εἰρησιώνη*, из псевдогеродотовской «Жизни Гомера», которая, по их мнению, носит весьма архаический характер. Она могла быть создана еще в догомеровское время. Последовательность гексаметрических строк здесь завершает строка, которую Марот называет ямбической прозой. Если в данном случае дело действительно касается независимой от Гомера фольклорной поэтической традиции, то этот факт должен указывать на популярность гексаметра в народной поэзии¹¹.

б) Гексаметром составлена известная надпись на сосуде Нестора VIII в. до н. э., найденного на Питекусах (Исихя). Надпись восстанавливается так:

Néstoros; e[...]: eḡpot[on]: potétron

hōs d' ān tōde pīēsi: potēri[ō]: autika xēnon

hīmeros hairēsei: kalliste[phā]no: 'Aphrodītēs

«Нестора () сосуд, приятный для питья,

Кто пьет из этого сосуда, его сразу же

Охватывает страсть красиво увенчанной Афродиты».

Хотя некоторые исследователи предполагают, что данная надпись показывает связь с «Илиадой» XI, 632..., где описан сосуд Нестора, но, по всей видимости, в этом случае трудно говорить о влиянии гомеровского текста¹².

в) Гексаметром составлена и другая надпись, очевидно,

⁹ 287, стр. 8.

¹⁰ Ср. 392, стр. 68: «There seems no reason to suppose that any of these (подразумевается древневосточных) metres had the precision of the Homeric hexameter».

¹¹ 264, стр. 214.

¹² Публикация надписи сосуда Нестора, обнаруженной на Исихии (Питекусы) в 1954, впервые была осуществлена в 1955 (1136). Ср. также 318, стр. 10, там же литература, стр. 196. О характере данной надписи — 69а, стр. 9...

30-х годов VIII в. с аттического кувшина геометрического стиля из Дипилон. Она содержит одну гексаметрическую и одну краткую строку из плохо сохранившихся двенадцати букв, определение метра и содержания которой спорно¹³:

hōs νῦν ὀρχεσθῶν πάντων ἀταλότητας παίζει,
τοτοδεκλήμιν (τῷ τότε κλ{μ}{ν}{ν}?)

«Кто сейчас из всех танцующих резвее всех попляшет,
Тот получит это (?)».

г) Об использовании гексаметра уже в микенскую эпоху указывает Геродот. Он довольно подробно рассуждает о заимствовании греками у финикийцев алфавита и сообщает, что он сам видел в Беотии, в храме Аполлону Исмению «кадмейские письмена», вырезанные на нескольких треножниках и большей частью сходные с ионийскими» (V, 59). Первая надпись:

Ἀμφιτρώων μ' ἀνέθηκεν ἰὼν ἀπὸ Τηλεβοάων¹⁴

«Амфитрион меня посвятил, одолев телебоев»¹⁵.

Согласно Геродоту, эта надпись, «быть может, относится ко временам Лаия, сына Лабдака, внука Полидора, правнука Кадма».

Вторая надпись:

Σκαῖος πυγμαχέων με ἐκηβόλω Ἀπόλλωνι
νικήσας ἀνέθηκε τεῖν περικάλλες ἀγαλμα.¹⁶

«...Скей, кулачный боец, тебе Аполлон-дальновержец,
Верх одержав, посвятил меня, жертвенный дар несравненный».

Этот треножник, по Геродоту, может относиться к эпохе царя Эдипа.

Третья надпись:

Λαοδάμας τρίποδ' αὐτὸς εὐσκόπῳ Ἀπόλλωνι
μουνναρχέων ἀνέθηκε τεῖν περικάλλες ἀγαλμα¹⁷

¹³ Дипилонский кувшин был найден в 1871 г. в дипилонском некрополе севернее Афин. К публикации надписи и библиографии о ней ср. 318, стр. 9; стр. 196.

¹⁴ V, 59.

¹⁵ Русский текст надписей треножника здесь и ниже дается по новому переводу Геродота Г. А. Стратановского (1972).

¹⁶ V, 60.

¹⁷ V, 61.

«Лаодамант сей треножник тебе, Аполлон остроокий,
Царь иждивеньем своим посвятил как дар несравненный».

Этот треножник, как думает Геродот, должен относиться ко времени сына Этеокла, внука Эдипа, Лаодаманта. Здесь мы не станем оспаривать, сколь реальна геродотовская датировка этих надписей, ясно одно, что греческий историк говорит действительно об архаичных надписях. В этом нас убеждает как их структура, так и то, что, согласно Геродоту, они были выполнены все еще сходными с ионийскими, а не ионийскими письменами и, следовательно, не относились ни к одному из известных Геродоту типу писмен.

Все вышесказанное делает очевидным, что гексаметр самое позднее в гомеровскую эпоху использовался уже довольно широко во всем ареале распространения греческих племен от Анатолии до Италии. Это же можно объяснить лишь тем, что к гомеровской эпохе гексаметр имел уже довольно длительную традицию использования в греческой поэзии. По мнению ряда исследователей, истоки гексаметра следует искать в микенской эпохе, ибо греческий язык позднебронзовой эпохи имел более явные отношения к ритму данного размера. По их предположению, микенский диалект обладал множеством таких элементов, соответствующих дактилическому ритму, которые затем встречаются лишь у Гомера и его последователей. Например, окончание родительного падежа единственного числа *οιο*, или родительного множ. *ἀων* а также группы неслитных гласных — *κοτοπόχος* [ko-to-po-o-ko], *ορικαρεεως* [o-ri-ka-re-e-we]. С языком Гомера показывают связь и *potina agentis* на *ηρ*, суффиксы *-δα*, *-θεν*, суффикс локатива-инструменталиса *φι* и т. д. Все это дает возможность Мароту заключить: «Слова микенско-греческого языка более свободно бы вместились в дактилический ритм, чем более поздние слова греческой классической эпохи»¹⁸. Следовательно, те диалекты, которые первоначально должны были заимствовать гексаметр, очевидно, имели основу для освоения и распространения данного размера. Вполне возможно, что греческий гексаметр сформировался уже в микенскую эпоху. Об этом говорит, вроде, и часть эпических формул, употребленных Гомером и восходящих, как думают, к микенской эпохе¹⁹.

¹⁸ 264, стр. 241. Ср. также 109, стр. 35: «though in classical times the iambic may have been close to ordinary speech, this does not seem to be true of the mycenaean age».

¹⁹ Однако число т. н. микенских формул в гомеровском эпосе весьма ограничено. Об этом подробно см. ниже.

Наличие в микенском диалекте элементов, выявляющих определенное соответствие с дактилическим ритмом, очевидно, не было органичным явлением для греческого языка. Здесь, вполне возможно, сказывается то большое влияние, которое оказывали на формирование диалекта микенских письмен языки догреческих племен, и в первую очередь минойско-пеласгский. В противном случае трудно объяснить причину, в результате которой ритмический состав греческих слов в течение нескольких столетий мог претерпеть столь глубокие изменения, что в начале I тысячелетия гексаметр становится уже довольно трудным и искусственным размером для греческого языка. Как отмечает Боура, «гексаметр не так уж удобен для свободного применения в греческом языке. Он при скандировании, обычно, не может употребить множество слов, в особенности те, которые содержат кретическую стопу (— ◡ —) или более двух кратких слогов один за другим»²⁰.

В микенскую эпоху, когда греческие диалекты начинают распространяться на Балканах, очевидно, основное население не было здесь грекоязычным. Это подтверждает детальный анализ надписей линейного-Б. Выясняется, что сейчас можно говорить не только о наличии негреческих элементов в линейном-Б, но и о негреческом характере части этих надписей вообще²¹. Естественно, при тесных взаимоотношениях эллинских и неэллинских племен, когда греческая культура находилась под сильным влиянием догреческой культуры, негреческие субстратные языки могли оказать такое же значительное влияние на греческие диалекты микенской эпохи. Этим объясняется то обстоятельство, что микенский диалект занимает особое место среди других греческих диалектов²² и что в нем столько элементов, неестественных для греческого языка классической эпохи. После того, как греческие племена окончательно утвердились на Балканах и греческий язык занял ведущее положение во всем Эгейском бассейне, микенский диалект растворился в других диалектах, которые оказались более жизнеспособными, ибо были более органично связаны со структурой и ритмическим составом общегреческого. Именно поэтому гексаметр, который в свое время был усвоен микенским диалектом, установившим прочную традицию его использования, уже в гомеровскую эпоху создает большие трудности аэдам. Среди т. н. метрических не-обходимостей (μετρικῇ ἀνάγκῃ) можно назвать некоторые:

²⁰ 129, стр. 23.

²¹ Для обзора 24.

²² Ср. 305; 306; 67, стр. 3; стр. 64...

Гомер вынужден избегать употребления таких слов и форм, которые были ему известны, но не вмещались в размер его стиха. Именно поэтому мы встречаем у него формы *κτῆματα* и *κτῆμασι*, но он не употребляет форму *κτῆμάτων*. Мы находим у него *παύομαι*, но нет *παύομαι*, есть *δυσμενέας*, но нет *δυσμενής*²³ и т. д. Этим было вызвано то, что уже в гомеровскую эпоху для греческого языка, более тяготевшего к ямбическо-трохαιческому ритму²⁴, дактилический ритм оказался искусственным.

Следовательно, можно сказать, что дактилический гексаметр в том виде, в каком мы его знаем, не является органичным и естественным для греческого стихосложения метром и должен быть заимствован из той поэтической традиции, которая оказала решающее влияние на формирование микенской поэзии.

Сохранились ли в греческих источниках сведения о путях проникновения гексаметра в греческую поэзию?

Согласно античным источникам, греки научились слагать гимны и пользоваться гексаметром от полулегендарного поэта Олена. Он, по мнению греков, был древнейшим среди догомеровских поэтов: Памфа, Орфея, Мусея. Он, как сообщает Геродот (IV, 35), в древние времена «пришел на Делос из Ликии». Олен сочинил гимн в честь гиперборейских женщин Арги и Опис. Отсюда гимн к гиперборейским женщинам распространился на другие острова, а также в Ионию. «Этот Олен», по словам Геродота, «сочинил также и другие древние гимны, которые поются на Делосе». То, что на Делосе существовала традиция исполнения песен в честь Аполлона, подтверждает и гомеровский гимн к «Аполлону Делосскому» (146...). Довольно интересную информацию об Олене дает Павсаний (X, 5, 7—8). Следует особо отметить сведение о том, что Олен первым ввел гексаметр. Павсаний цитирует также фрагмент из стихотворения некой поэтессы Бойо:

Ὠλήν θ' ὅς γ' ἐνέτο πρῶτος Φοῖβου πρυφάτας,
πρῶτος δ' ἀρχαίων ἐπέων τεχνάνατ' αἰοδᾶν.

Связь гиперборейца или ликийца Олена с культом Аполлона и островом Делос весьма примечательна. Как предполагают, древнейший путь проникновения анатолийского культа Аполлона в Грецию лежал через Делос²⁵. Песни или пророчества, связанные с культом Аполлона, следует полагать, в Малой Азии имели совершенно определенный ритмическо-

²³ 129, стр. 23.

²⁴ Ср. также Аристотель, Поэт, IV, 1449а.

²⁵ 398, стр. 451.

мелодический состав. Их перенесение в греческую среду первоначально, безусловно, сопровождалось бы также и имитацией ритмическо-мелодической структуры этих песен и пророчеств. Если первые греческие поэты были действительно анатолийского происхождения, как, например, Олен, вполне естественно, что они постарались бы перенести и обосновать в греческом мире тот стихотворный размер, который для них был привычным. Именно поэтому не может вызвать удивления то обстоятельство, что греки, наряду с культами, могли заимствовать у эгейско-анатолийских племен и готовые стихотворно-ритмические структуры. Но так как структура греческого языка отличалась от структуры эгейских языков, то механическое перенесение этих размеров не было бы возможным. При сочинении гимнов и других поэтических произведений пришлось бы внести в органичные для эгейских языков размеры определенную модификацию. Подобные изменения претерпел, очевидно, и стихотворный размер, заимствованный из эгейских языков и названный затем дактилическим гексаметром.

Нам трудно судить о том, насколько реальны греческие сообщения об Олене²⁶, но думаем, что анализ структуры дактилического гексаметра подтверждает предположение ряда исследователей об эгейском происхождении данного размера.

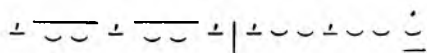
Дактилический гексаметр в дошедшем до нас виде представляет собой составленную из шести дактилических стоп стихотворную строку (последняя стопа усеченная — $\bar{\cup}$, ее образует трохей или спондей). От других греческих размеров гексаметр отличается тем, что допускает регулярную замену во второй части стопы двух кратких слогов одним долгим слогом. Следовательно, дактилическая стопа ($\bar{\cup}\cup$) в гексаметрической строке может быть и спондаическим ($\bar{\text{—}}$), а схема гексаметра принимает такую форму:

1 $\bar{\cup}\cup$ 2 $\bar{\cup}\cup$ 3 $\bar{\cup}\cup$ 4 $\bar{\cup}\cup$ 5 $\bar{\cup}\cup$ 6 $\bar{\cup}$

Греческому языку вообще свойственно различие в произношении долгих и кратких гласных. Протяженность ($\chi\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$) произношения одного долгого слога здесь равнялась протяженности двух кратких слогов ($\omega = o + o$). Именно чередование долгих и кратких слогов с определенной закономерностью образует мелодику греческого стиха, его метр. Однако для греческого стиха, в других случаях, не является характерной регулярная замена в строке двух кратких слогов одним долгим или наоборот. И действительно, если мы

²⁶ Об Олене см. RML и RE.

рассмотрим ямбические, троханческие или мелические размеры, то увидим, что соотношение — = ∪ ∪ в таких случаях не является характерным для греческого стиха. Данное соотношение лишь частично проявляется и в пентаметрической строке, в которой замена дактиля спондеем допускается лишь в первом колоне:

Следовательно, можно сказать, что дактилический гексаметр является единственным размером, в котором соотношение — = ∪ ∪ может иметь систематический характер во второй части стопы, ибо первый долгий слог не допускает подобной замены. Если это так, то гексаметр можно считать размером, состоящим из двух- и трехсложных дактилей (ибо — ∪ ∪ = — —)²⁷. Какое заключение можно сделать из сказанного? То обстоятельство, что гексаметр допускает свободное чередование двух- и трехсложных стоп в стихотворной строке и приравнивает их друг к другу лишь количеством слогов, что вообще не характерно для греческого стиха, по нашему мнению, является результатом попытки перенести на эллинскую почву размер, чуждый своим ритмическим составом греческому языку. Как вполне справедливо замечает И. М. Троинский, в греческом языке, для которого характерна вообще оппозиция долгих (двухморных) и кратких (одноморных) слогов, «имелись фонологические основания для приравнивания дактиля спондею»²⁸. Однако мы полагаем, что использование греческим языком такой возможности в случае гексаметра, в отличие от других размеров, было вызвано тем, чтобы как-то приравнять чуждый для него ритм к своим словам, в основном ямбического или трохеического звучания. Следовательно, можно допустить, что стопы гексаметра (— ∪ ∪ или — —), со своей стороны, являются модификаци-

ей гипотетической эгейской стопы × × ×. Ритм греческого гексаметра в значительной степени образован закономерным чередованием повышения (арсис) и понижения (тесис) голоса. Однако, как известно, это повышение голоса, имевшее место всегда на первом долгом слоге стопы, нельзя приравнивать к обычному ударению греческого языка. Арсис в греческом языке — это лишь условное, музыкальное повышение голоса, в отличие от русского тонического стиха, опиравшегося на закономерное чередование ударных и неударных слогов в строке и показывающего динамический, экспиратор-

²⁷ О структуре гексаметра ср. 163; 273; 234; 321; 238.

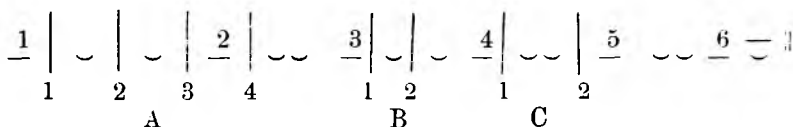
²⁸ 67, стр. 140.

ный акцент²⁹. Именно поэтому в русском стихе каждое слово сохраняет ударение на том слоге, на котором оно обычно имеет акцент. Так, мы с полной уверенностью можем сказать, что русское слово *богѣня* в стихе, как правило, будет иметь ударение на втором слоге от конца, *душа́* — на последнем, а *ма́льчики* — на третьем. Что же касается греческих слов, то, не зная в строке какого метрического состава, в какой части стиха используется данное слово, мы не сможем определить, на каком слоге может оно иметь музыкальное повышение голоса. Так, например, слово, состоящее из — ◡ ◡, может иметь арсис на первом слоге (◡ ◡ ◡), если оно представляет дактилическую стопу или заменяет трохей, — на втором (— ◡ ◡), если оно заменяет ямбическую стопу; так же и слово, состоящее из — —, может иметь арсис на первом слоге (◡ —), если оно представляет спондей или же заменяет дактиль и трохей, — на втором (— ◡), если оно заменяет анапест или ямб. Как видим, музыкальное повышение голоса в греческом совершенно не связано с т. н. разговорным, простым словесным ударением слова. Следовательно, не ритмический состав слова, а сам метр стихотворной строки определяет, на каком слоге должен быть арсис. Вполне естественно предположить, что ритм каждого оригинального стихотворного размера должен возникнуть на основе ритмической структуры того языка, в каком он был сформирован первоначально. Как было сказано, дактилический гексаметр дает основание допустить, что данный метр не мог быть с самого начала органично связанным с ритмической природой греческого языка, что их сближение и приравнение происходило в течение определенного периода. На это указывает и своеобразие употребления цезур в греческом гексаметре.

В гексаметре, как и в любой длинной стихотворной строке, ритмическое чутье помогает найти место для паузы, ибо воспринять непрерывный поток ритмических групп, как целостность, возможно лишь в том случае, если эти группы будут распределены в строке в семантически-синтаксических подгруппах. Причем, каждая из них будет отделяться от другого определенной цезурой или паузой. После работ Фрэнкеля указывают обычно на восемь мест таких пауз или цезур в гексаметрической строке, т. е. ее практически можно разделить лишь в восьми местах. Как думает Фрэнкель, одна гексаметрическая строка одновременно может иметь до трех

²⁹ Ср. 42а.

цезур. Следовательно, ее можно разделить на четыре семан-
тически-синтаксические группы (или колоны)³⁰.

Как видим, самые большие возможности деления гекса-
метрической строки в первой стопе — (3), в третьей и четвер-
той стопах — (2), а во второй — (1). Что же касается осталь-
ных стоп, то здесь цезура не подтверждается. Из указанных
цезур обычно выделяются пять основных:

1) $A_4 = \text{τριθημιμερής}$ 2) $B_1 = \text{πενθημιμερής}$, 3) $B_2 = \text{κατὰ τρί-}$
 τον τροχάιον 4) $C_1 = \text{ἑφθημιμερής}$, 5) $C_2 = \text{διαίρεσις βουκολική}$.

На месте паузы проявляется естественное метрическое
звучание слова. Ввиду того, что для греческих слов не харак-
терен дактилический ритм, шесть из вышерассмотренных це-
зур гексаметра рассекают строку в самом дактиле, а не на
месте окончания дактилической стопы. В результате этого
перед цезурой получаем ямбическое (—) или трохайче-
ское (—) окончание. Лишь два диайресиса C_2 и A_3 (*τε-
τάρτη* и *πρώτη*) рассекают строку на месте окончания дакти-
лической стопы. Из них использование A_3 весьма ограничено,
а C_2 , по сравнению с другими основными цезурами, встре-
чается реже. Этот факт еще раз указывает на то, что дакти-
лический ритм не был органичным для греческого стиха, ибо
в гексаметре, на месте цезуры, где больше всего должна бы-
ла бы проявиться истинная метрическая природа слова, стих
избегает дактиля, что вызывает замену дактилического ритма
ямбическо-трохайческим. Следовательно, в греческом гекса-
метре цезура имеет функцию дать стиху характерную для
греческого языка интонацию, ритмическое звучание. С дру-
гой стороны, возможность членения на различные колоны по-
могала поэту сравнительно легко преодолеть те ритмические
неудобства, которые создавало использование гексаметра в
грекоязычной поэзии.

При суждении о происхождении и первоначальной струк-

³⁰ 163; 163а, стр. 100...; 163б, стр. 32...; Для обзора 238, стр. 28..
Кирк против возможности такого деления, он придерживается мнения
о делении на две части (234).

туре дактилического гексаметра, в первую очередь, следует учесть именно эти неудобства. Трудно допустить, что там, где гексаметр был впервые использован, существовали трудности подобного же характера.

Исходной точкой для нас, первым долгом, должно быть то обстоятельство, что ритм гексаметра — дактилический.

Таким образом, надо допустить, что в той среде, в которой возник прототип греческого гексаметра, дактилический ритм был столь же естественным для разговорной речи, как ямбический — для греческого, именно дактилическая природа языка изобретателей гексаметра должна была бы явиться основой возникновения данного размера. Следует полагать, что на том этапе между дактилическими стопами и словами, составляющими эти стопы, было в основном ритмическое совпадение. Как в греческой драме обычные слова разговорного языка без особых усилий вмещаются в строки, составленные ямбическим триметром, так же, очевидно, естественно передавал прототип дактилического гексаметра своеобразный ритм языка его создателей, ибо «тот инстинкт ритма, который... выработан национальным стихом, показывает распределение звуков, характерное для нашего обычного разговорного языка»³¹. Таким образом, цезура следовала бы за одной из дактилических стоп, а не рассекала бы дактиль. Все это сохранило бы ту нисходящую тональность, которая характерна для дактилического ритма. Однако в таком случае цезура разделила бы строку на симметричные части и эгейский прототип дактилического гексаметра в момент его заимствования греками имел бы, очевидно, такую форму:

Следует полагать, что если для этого варианта гексаметра было также характерно деление строки на колоны (или сегменты), то вместе с главной цезурой С он мог иметь две цезуры А или В в первой, D или F — во второй части строки. Исходя из принципа симметрии, в данном случае, как правило, каждая строка могла бы делиться на четыре колоны.

Как было уже сказано, наличие тех законов количественных чередований, которые характерны для греческого гексаметра, очевидно, было несвойственно эгейскому. В эгейском стихе, как думается, определяющими моментами были количество слогов и ритм. Что же касается греческого дак-

³¹ Мнение Hortvátha приводится по 264, стр. 280.

тия или заменяющего его спондея, они, очевидно, являлись имитацией эгейской трехсложной ритмической группы, имеющей арсис на начальном слоге. Следовательно, эгейский прототип дактилического гексаметра, очевидно, следует представлять восемнадцатисложной стихотворной строкой, ритм которой образован чередованием слогов с повышением (арсис) и понижением (тесис) голоса, соответствующим дактилическому ритму. Не исключено, что усечение конечного слога в греческом в некоторой степени отражало тенденцию к убавлению слогов в самом эгейском варианте гексаметра. Но поскольку здесь стихотворная строка опиралась на устойчивое количество слогов и принцип симметричного деления строки, то усечение слога в одной части строки должно было бы обязательно вызвать усечение и в другой. В таких случаях эгейский размер мог быть шестнадцатисложным. Однако все рассуждения об эгейском прототипе гексаметра останутся крайне гипотетичными, если не выясним, что в эгейских языках или в тех языках, которые могут иметь определенное отношение к эгейскому, действительно встречаются стихотворные размеры, имеющие подобный ритм и аналогичную структуру и что дактилический ритм действительно естествен для них.

Как известно, различные народы имеют различное, своеобразное чутье ритма, которое находит свое выражение во всех сферах творчества данного народа, имеющих отношение к ритмическому началу: языке, музыке, хореографии.

Именно поэтому, чтобы выяснить, органичен ли ритм, использованный в стихотворном размере, для того или иного народа, следует учесть и те стороны творчества этого народа, в которых также выявляются ритмические инстинкты, ибо «ритм языка, так же как и музыки и танца, нередко представляют вместе. Следовательно, мы не должны выводить их друг из друга, а считать лишь происшедшими от одного источника»³². Этот источник — не что иное, как склонность данного народа к определенному ритму. С этой точки зрения интересно исследование древнейшего грузинского и вообще кавказского стихосложения. Если правильно предположение, что иберийско-кавказские племена в древнейшие времена имели определенное соприкосновение с народами Средиземноморья, и в первую очередь с догреческими, эгейскими племенами, то находить свое подтверждение и в языковых параллелях³³, то не должно быть лишено для нас интереса и сравнительное изучение проблем стихосложения. Если учесть, что эгейские языки дошли до нас лишь в крайне фрагментарном виде, то значение подобной работы как для кавказологии, так и для

³² 264, стр. 231.

³³ Для обзора стр. 25, стр. 217...

эгейстики станет вполне очевидным. С этой точки зрения определенный интерес вызывают исследования П. А. Берадзе. Им изучены вопросы древнейшего ритма грузинского стиха, народной музыки и танца и высказано мнение, что основной ритм древнейшей грузинской музыки, хореографии и поэзии дактилический. Помимо этого, согласно П. А. Берадзе, для древнейшего грузинского стиха шестистопность была характерной чертой, что сохранилось до последних времен в грузинском стихе шаири. С одной стороны, органичность дактилического ритма для грузинской песни, танца и стиха, а с другой — шестистопность, характерная для шаири, установившегося с древнейших времен в грузинской поэзии размера, дает П. А. Берадзе основание заключить, что дактилический гексаметр в древнейшей предполагаемой форме находит соответствие с использованным в древнейшей грузинской поэзии стихотворным размером, следы которого довольно хорошо сохранились в шаири³⁴.

По нашему мнению, основу для дальнейшего сопоставления шаири с гексаметром, в первую очередь, с восстановленным нами его эгейским прототипом, создает исследование акад. Г. Церетели о стихе Руставели³⁵. Мы не ставим сейчас целью сравнительное изучение грузинского и греческого стихосложений, ограничимся лишь схематичным указанием на те типологические сходства, которые выявляет грузинское «дабали шаири» с предполагаемой эгейской формой гексаметра.

1. Для грузинского «дабали шаири» характерно деление на четыре сегмента (колона). Главная цезура разделяет строку в середине. Дополнительные цезуры создают такие же ритмические и слоговые комбинации, как это могло быть и в случае усеченного варианта эгейского гексаметра.

2. В грузинском шаири слова без всяких натяжек впадают в ритм стиха, ибо этот ритм соответствует природной мелодике грузинского языка. Так же должно было быть и в случае эгейского гексаметра.

3. Шаири, хотя в нем большое значение имеет деление строки на сегменты, строит свой ритм все же на закономерном чередовании интенсифицированных (арсис) и неинтенсифицированных (тезис) слогов. В «дабали шаири» возможно выделение шести таких начальных интенсифицированных слогов, вместе с которыми в одну ритмическую группу объединяются один или два неинтенсифицированных слога. Если

³⁴ 22.

³⁵ 30.

наша реконструкция гексаметра близка к истине, то же самое должно было быть и в эгейском варианте³⁶.

Если шаири является логическим результатом развития древнейшего грузинского стиха и, следовательно, он сохранил основные черты структуры архаического (восемнадцатисложного) грузинского стиха, то тогда те типологические сходства, на которых мы остановили выше внимание, представляют определенный интерес. Думаем, что продолжение исследования в данном направлении может оказаться весьма полезным для решения проблем как греческого, так и грузинского стихосложения.

³⁶ Г. Церетели моменту повышения голоса в шаири, как думаем, без оснований не уделяет должного внимания. Для дискуссии по этому вопросу ср. 23.

ТЕОРИЯ УСТНОЙ ПОЭЗИИ (ORAL POETRY) И ГОМЕРОВСКИЙ ЭПОС

В наши дни вопрос формирования эпоса, как не раз уже отмечалось, — один из самых актуальных в гомерологии. Спор ведется в основном о том, созданы поэмы устным или письменным путем. Начало этим спорам фактически положил М. Парри¹ в 30-ые годы нашего столетия.

Полевые работы, проведенные им и продолженные его учеником Лордом² в Югославии с целью изучения образцов устного творчества, доказали полную возможность создания обширных эпических полотен устным путем.

Как выяснилось, некоторые певцы могут держать в памяти и исполнять от 200000 до 400000 стихов и даже больше. Эта теория подкрепляется данными русской, кипрской, критской, ирландской и других образцов устного народного поэтического творчества³.

Устное творчество, как стало очевидным, имеет свои законы и основано на широком использовании поэтических приемов и эпических формул, выработанных фольклорной традицией. Эти т. н. эпические формулы дают возможность завершить или сконструировать любую поэтическую строку.

Парри так разъясняет суть формулы: «выражение, регулярно употребляемое в одних и тех же метрических условиях для того, чтобы выразить некую существенную мысль»⁴. Созданное таким образом произведение может передаваться устным путем из поколения в поколение.

Наблюдение над «Илиадой» и «Одиссеей» еще в прошлом веке показало исследователям, что повторение отдельных выражений, стихотворных строк и даже целых пассажей очень характерно для гомеровского эпоса. Например, после издания К. Э. Шмидтом в 1885 г. «Параллельного Гомера»⁵

¹ 310, 311.

² 260.

³ Для обзора ср. 73; 67; 214; 395; 298; 108; особенно см. 42.

⁴ 310, стр. 16.

⁵ 13.

стало ясно, что приблизительно из 28000 строк обеих поэм около 9000 являются полным или частичным повторением. Конкорданции и симфонии⁶ «Илиады» и «Одиссеи» также свидетельствуют о том, сколь велико число повторений и стереотипных выражений в поэмах.

Заслуга Парри и его последователей в том, что они довольно убедительно показали, насколько близок язык Гомера к языку формул устных поэтов. Особенно четко можно установить использование эпических формул в т. н. гомеровских эпитетах. Эпитет + имя создают обычную формулу, которая может образовать 2, 2½ или больше стоп во второй части строки⁷. Например, Одиссей в гомеровских поэмах наделен различными эпитетами, комбинация которых с его именем дает часто повторяемые эпические формулы, содержащие различное количество стоп:

	„Илиада“	„Одиссея“
— — — — — — δῖος Ὀδυσσεύς	18 раз	41 раз
— — — — — — — πολύμητις Ὀδυσσεύς	13	65
— — — — — — — — πολύτλας δῖος Ὀδυσσεύς	5	36

Употребление подобных готовых формул во второй части стихотворной строки дает поэту большую свободу в первой части. Именно комбинации подобных часто повторяемых эпитетов с именами знаменитых героев и божеств создают прочные эпические формулы. Например, μέγας κορυθαίολος Ἕκτωρ (в «Илиаде» встречается 12 раз); ποδάριχης δῖος Ἀχιλλεύς (в Илиаде» встречается 21 раз); ἀναξ ἀνδρῶν Ἀγαμέμνων (— ἄμεμνον) (в «Илиаде» — 44 раза, в «Одиссее» — 3 раза) и т. д.⁸

Но последователи Парри этим не ограничи́ли значение формулы. По их мнению, формулой можно считать каждое слово или сочетание слов, которое занимает прочное место в строке и повторяется несколько раз в одной и той же метрической позиции в гексаметре⁹. С этой точки зрения формулой может быть глагол προσέφη «сказал», причастие — ἀπαμειβόμενος, винительный указательного местоимения τόν (τήν) и т. д. Все эти слова вместе с формулами, составленными из комбинации эпитет + имя, обычно заполняют определенный сегмент или колон гексаметра. Так, если поэт упо-

⁶ 10; 11; 12; 14.

⁷ Для обзора ср. 231, стр. 4...

⁸ Здесь и ниже статистические данные приводятся по 395.

⁹ См. 182. Для обзора 136, стр. 45...

$$-\overline{|\overline{uu}-\overline{uu}-|} \quad uu- \quad \overline{uu}-uu-$$

I колон	II колон	III колон	IV колон	Число
τὸν (τὴν)		προσέφω		

δ' ἀπαιμειβόμενος	πόδας ὠκὺς ἼΑχιλλεύς	11
	πολύμητις Ὀδυσσεύς	5
	κρείων Ἀγαμέμνων	5
	νεφεληγερέτα Ζεὺς	8
δ' ἄρ' ἐπόδρα ἰδὼν	πόδας ὠκὺς ἼΑχιλλεύς	4
	πολύμητις Ὀδυσσεύς	2
	κορυθαίολος Ἔκτωρ	3
	νεφεληγερέτα Ζεὺς	1
δ' ἐπιμειδῆσας	πολύμητις Ὀδυσσεύς	1
	κρείων Ἀγαμέμνων	1
	νεφεληγερέτα Ζεὺς	1
δὲ βαρὺ στενάχων	πόδας ὠκὺς ἼΑχιλλεύς	2
δ' ὀλιγοδρανέων	κορυθαίολος Ἔκτωρ	2
καὶ φωνήσας	κρείων Ἀγαμέμνων	1
καὶ νεικείων	ξανθὸς Μενέλαος	1

¹⁰ В таблице приводятся лишь некоторые, а не все строки указанной структуры.

ставляет единство нескольких формул, состоящих из многочисленных эпитетов и имен или комбинаций — эпитет + имя, каждая из которых может самостоятельно использоваться в других строках:

	частотность
'Αλκίνοε κρείον, πάντων ἀριδείκτε λαῶν	(6)
*Εκτορ, υἱὲ Πριάμοιο, Διὶ μῆτιν ἀτάλαντε	(2)
ὦ πάτερ ἡμέτερε Κρονίδη, ὕπατε κρείοντων	(3)
*Ατρεΐδῃ κύδιστε, ἀναξ ἀνδρῶν Ἀγάμεμνον	(8)
διογενὲς Λαερτιάδῃ, πολυμήχαν' Ὀδυσσεῦ	(22)
υἱὸς Λαέρταο, πολύτλας δῖος Ὀδυσσεύς	(2)

Но формула не всегда занимает одно и то же место в гексаметре, она может и переместиться. Например:

ἀντίος ἦλθε θιέων καὶ ὁμοκλήσας ἔπος ηὔδα („Ил.“ VI, 54)
 πρῶτος δ' ἀντίος ἦλθε θιέων ἀνὰ δηϊοτήτα („Ил.“ XVII, 257)

либо может быть представлена в сжатой или расширенной форме:

ἔλκον ἀκῆδέστωε κοίλας ἐπὶ νῆας Ἀχαιῶν („Ил.“, XXII, 465)
 τεύχεα συλήσας φερέτω κοίλας ἐπὶ νῆας („Ил.“, VII, 78)
 ἐξελθόντα πόλῃος ἵκεσθ' ἐπὶ νῆας Ἀχαιῶν („Ил.“, XXII, 417).

Как показывают исследования последних лет, группы повторяемых слов — если лишь их считать формулами — весьма интенсивно варьируют в гомеровском эпосе¹¹. И действительно, если рассмотреть самую простую формулу — эпитет + имя, то увидим, как она видоизменяется. Формула может: а) изменить падеж, что вызывает изменение всей метрической структуры формулы: ἔταρον φίλον является исходной формой для ἐτάροιο φίλιο. б) количественно модифицироваться — αἶμα κελαινόν → αἶμα κελαϊνεφές, ἡέρα πολλήν → πολλήν ἡέρα, σοῖσι τεκέεσσι → τεκέεσσιν ἐοῖσιν в) распространиться до различных метрических уровней — οἶον ἐρυθρόν → αἶθοπα οἶον ἐρυθρόν, πρῶνας ἄκρους → κορυφὰς καὶ πρῶνας ἄκρους и т. д.

¹¹ 182.

Все это составляет целую систему варьирования формул. В этой системе «использование одного слова вызывает полное ощущение того, что за ним должно следовать другое»¹², т. е. они являются взаимообусловленными¹³.

Естественно, встает вопрос: кто создал эти формулы? Являются они продуктом индивидуального творчества поэта или выработаны в течение веков устной поэтической традицией? Сторонники теории устной поэзии придерживаются мнения, что формульный язык Гомера полностью является традиционным¹⁴. Именно знание подобного специального поэтического языка дает возможность народным сказителям создавать обширные поэтические произведения. Этому, конечно, способствует и отличная профессиональная память. Аэд, который владеет этим языком и хорошо помнит множество формул определенного метрическо-семантического состава, сравнительно легко сможет слагать стихи о том или ином событии. Построение действия может быть более или менее индивидуальным, но что касается героев, событий, стиля, то тут поэт является верным продолжателем традиции, здесь его творчество вполне традиционно. Создание поэм устным путем в гомеровскую эпоху, по мнению известного знатока греческого фольклора Нотопулоса, подтверждается и тем, что в гомеровском гимне к Аполлону создателем его считается слепой муж из Хиоса¹⁵. Естественно, он не мог пользоваться письменностью. По наблюдениям исследователя, на исполнение «Илиады» понадобилось бы 26,9 часов, а «Одиссеи» — 20,7 часов, что, если принять во внимание продолжительность поэтических состязаний в античной Греции, не так уж много. Гораздо меньше времени понадобилось бы поэту, чтоб восстановить отдельные части поэмы в памяти и устно отшлифовать их¹⁶. Естественно, что в подобной ситуации главным для поэта было найти как можно скорее формулу — эпитет + имя, которая явилась бы самой подходящей в метрическом отношении. Но так как каждая подобная формула — это традиционный эпитет, связанный с именем героя или какого-нибудь предмета, то эти эпитеты более или менее точно характеризуют героя или предмет. Но эта характеристика более соответствует общему представлению, чем обусловленному конкретным контекстом свойству того или иного героя или предмета. Можно подумать, что в целом формула осмысливалась как одно слово с неделимым

¹² 182, стр. 36.

¹³ Для обзора вопроса 136, стр. 56...

¹⁴ Ср. 229. Для обзора 254, стр. 7...; 130.

¹⁵ 296.

¹⁶ 295.

значением, а не художественный образ, состоящий из двух или более самостоятельных слов. Но традиционность Гомера этим не исчерпывается. Сейчас все чаще обращают внимание на типичность отдельных сцен. Еще в 30-е годы этому вопросу была посвящена известная книга В. Аренда¹⁷. В этом же направлении продолжил работу Б. Феник, который исследовал вопрос о типичности сцен битв в «Илиаде». Он делает вывод, что абсолютное большинство рассматриваемых им сцен создано посредством использования типичных комбинаций типичных деталей, что техника композиции сцен битвы похожа на технику образования отдельных строк. Поэт использовал готовые формулы, формулы — строки, типичные детали, типичные группы деталей, повторяющиеся ситуации¹⁸. Т. Кришер идет еще дальше¹⁹. Он исходит из известного положения, что в гомеровском эпосе каждая определенная тема представлена часто в определенной форме. Кришер хочет доказать, что эта регулярность уходит далеко и проявляется в совершенно разных сторонах поэтики Гомера. С этой точки зрения особый интерес представляет изучение «аристий» отдельных героев, т. е. сцен, описывающих особенную храбрость героев на поле битвы. Согласно Кришеру, «аристия» в «Илиаде», как правило, представлена единством следующих сцен:

- а) вооружение (предшествующее битве, в которой тот или иной герой — аристеон данной битвы — должен особо проявить себя), предвещающее начало аристии;
- б) бой, батальные сцены, до ранения аристеона;
- в) ранение аристеона и его воскрешение богом;
- г) мономахия — сражение аристеона с противником и последствия боя.

Более подробно элементы этих сцен представляются таким образом: 1) вооружение, 2) блеск оружия, 3) отдельные бои, 4) атака на фаллангах, 5) преследование войска, 6) ранение, 7) воскрешение, 8) мономахия, 9) бои у тела павшего противника²⁰.

Кришер показывает, что в разных аристиях эти элементы могут отличаться друг от друга как интенсивностью, так и удельным весом, но никогда не нарушается их последовательность. По его мнению, гомеровские сравнения, якобы являющиеся показателями свободного творчества поэта, в действительности прочно связаны со сценами определенных типов. Группа сравнений, связанная с определенным мотивом.

¹⁷ 84.

¹⁸ 156, стр. 229...

¹⁹ 241.

²⁰ 241, стр. 13...

имеет общие рамки, в пределах которых и допускается их вариация²¹. Кришер обосновывает это приблизительно так: допустим, поэт намерен использовать 100 сравнений, каждое из которых должно отличаться от другого, хотя в действительности повторяются схожие ситуации. Следовательно, представляя каждое новое сравнение, он должен принимать во внимание и приведенные ранее сравнения. При использовании же последнего сравнения ему придется вспомнить 99 предшествующих. Но если поэт разделит мотивы, связанные с сравнениями, на 10 различных групп так, чтобы их нельзя было спутать друг с другом, и для каждой группы предусмотрит по 10 сравнений, то, представляя в каждой группе последнее, десятое сравнение, ему придется вспомнить лишь 9 предшествующих. Отсюда Кришер делает вывод, что именно такие определенные типы сравнений связаны с выделенными им типичными элементами «аристин». Например, к блеску оружия поэт приурочивает всегда сравнения, связанные с огнем, молнией или сиянием звезд; в сцене преследования или бегства преследователя сравнивает со львом, собакой или соколом, а преследуемого — с зайцем, стадом рогатого скота или стаей ворон и т. д.

Все это, по мнению некоторых ученых, довольно четко выявляет технику традиционного эпического поэта, который ничем не связан с законами письменной литературы и поэтому его эпос полностью следует считать продуктом устного творчества.

Однако встает вопрос, как же поэт, столь скованный традицией, может быть в то же время и столь индивидуальным? Ведь никто не может отрицать, что гомеровские сцены, созданные языком формул и типичной комбинацией типичных деталей, совершенно самобытны. Едва ли найдется читатель, который не увидит полнейшего различия в поединках Гектора и Аякса, Патрокла и Сарпедона, Энея и Ахилла, Гектора и Ахилла. Индивидуальны и речи героев, хотя каждый из них говорит одним и тем же традиционным языком формул²². Не следует забывать и того, что античная традиция, а вслед за ней и весь современный мир воспринял героев «Илиады» и «Одиссеи» такими, какими их представил Гомер. Гомер оказался недостижим в обрисовке образов и характеров героев троянского цикла. И наконец, именно Гомера признал античный мир, избалованный высокохудожественной литературной продукцией, своим величайшим, непревзойденным поэтом. Как достиг всего этого поэт, который опирался на

²¹ 241, стр. 16

²² Ср. 307. Подробно см. ниже.

традицию, оперировал лишь готовыми формулами и типичными деталями? Действительно ли Гомер столь традиционен?

Тот факт, что созданный в VIII в. до н. э. эпос был в первую очередь рассчитан на слушателя, а не на читателя, не вызывает сомнений. Бесспорно и то, что ко времени Гомера греческая поэтическая традиция имела многовековую историю. За это время, естественно, были выработаны многочисленные эпические формулы, способы изображения разных мотивов и, самое главное, был создан эпический язык — самый подходящий для передачи мысли дактилическим гексаметром. В этом языке, в отличие от обычной разговорной речи, все слова и выражения имели для поэта двоякое значение. С одной стороны, они представляли вполне определенную метрическую единицу, с другой, — несли вполне определенную семантическую нагрузку. В гексаметре поэту приходилось сочетать эти слова друг с другом не только по смысловому принципу, но и по метрическому. Следовательно, словарь поэта-эпика был составлен из таких слов и сочетаний, которые стремились занять в гексаметре совершенно определенную позицию. Так как гексаметр состоит из определенного числа колонов, то поэту приходилось искать словосочетания, которые могли бы заполнить колоны. Но колон и имеющее определенное значение слово часто не перекрывали друг друга в метрическом отношении, поэтому возникала необходимость заполнения колона. Для этого поэт использовал частицы, союзы, наречия и эпитеты, имеющие вполне определенный метрический состав. Но в таком случае надо было их конструировать. Например, поэт, исходя из того, какого метрического состава использованное им в конце гексаметрической строки собственное имя, мог заполнить последние два колона за цезурой после третьего трохея совершенно различными эпитетами. Как правило, после *κατὰ τρίτον τροχῶν* в гексаметре следует два колона, имеющих такой метрический состав:

— — | — — — — — — — — (или — — — — | — — — — —)

Допустим, в последнем колоне употреблено слово, которое покрывает конечную стопу. Тогда для образования второй части строки надо было найти в первом колоне эпитет — метрического состава, а в другом поставить перед именем эпитет, составленный из — — — — —. Следовательно, у поэта весьма ограниченные возможности варьирования. К тому же, если присовокупить к этому и то, что не всякий эпитет подходит к каждому герою, то возможности поэта еще больше ограничиваются. Например, имена *Ἕκτωρ, Αἴας, Νέσ-*

τωρ, Πηλεὺς Φοῖνιξ образуют последнюю стопу гексаметрической строки. Поэтому с ними можно употреблять эпитеты с совершенно определенным метрическим составом. Но эти эпитеты должны отличаться друг от друга по содержанию, во всяком случае, должны соответствовать реальному значению героев поэмы. И действительно, в гомеровском эпосе, в указанной метрической позиции эти имена встречаются со следующими постоянными эпитетами:

μέγας κορυθαίολος Ἕκτωρ	(12 раз) «великий шлемоблещущий Гектор».
μέγας Τηλαμώνιος Αἴας	(12 раз) «великий Теламонид Аякс ».
Γερήνιος Ἴπποτα Νέστωρ	(34 раза) «Геренийский конник Нестор».
γέρων ἱππηλάτα Πηλεὺς	(3 раза) «старец, правящий конями Пелей»
γέρων ἱππηλάτα Φοῖνιξ	(3 раза) «старец, правящий конями Феникс» ²³ .

Но если имя покрывает не одну, а $1\frac{1}{4}$ или $1\frac{1}{2}$ и т. д.

стопы, придется искать уже эпитеты иного ритмического состава:

πυλὺτλας δῖος Ὀδυσσεύς	(42) «многострадальный божественный (блистательный) Одиссей».
ποδάρχης δῖος Ἀχιλλεύς	(21) «быстроногий божественный (блистательный) Ахилл».
ἄναξ ἀνδρῶν Ἀγαμέμνων	(47) «владыка мужей Агамемнон».
—εμνον	

Естественно, после того, как поэт находит эпитет, который больше всего соответствует имени героя с метрической точки зрения и одновременно точно характеризует его сущность, он может использовать эту метрическо-семантическую единицу во всех случаях, когда этого требуют законы стихосложения (тем более, что греческая литература никогда не избегала повторений)²⁴. Именно поэтому можно вполне определенно сказать, что перечисленные выше гомеровские эпические формулы действительно «традиционные». Но не только их, а и любое сочетание эпитет + имя, которое встречается лишь раз в поэмах, можно считать потенциальными формулами. И не следует делать вывод, что раз 'Αὔχαιος πάϊς, κρείων' Αὔγαπῆνωρ «сын Анкея, повелитель Агапенор» упоминается всего лишь один раз в «Илиаде» (II, 609), это не по-

²³ Количество подобных примеров можно легко увеличить, ср. 395.

²⁴ Ср. 155.

тенциальная формула. Правда, она в поэме больше не встречается, но надо учесть, что и Агапенор нигде в «Илиаде» более не фигурирует. Когда речь идет о традиционности гомеровских формул, следует уяснить принципиальный вопрос: традиционны эти формулы для греческой догомеровской поэзии вообще или лишь для гомеровского эпоса? Фактически нам ничего не мешает предположить, что часть этих формул создана самим Гомером. Наряду с этим, вполне естественно, что Гомер мог воспользоваться и формулами, которые еще до него стали принадлежностью языка греческого эпоса. Подобно тому, как из греческих слов нельзя определенно выделить слова гомеровские и слова греческой поэтической традиции, так нельзя противопоставить друг другу и метрико-семантические группы, составленные из этих слов. Любая формула, встречающаяся у Гомера, потенциально или реально, является принадлежностью языка греческого эпоса. С другой стороны, любая формула, используемая догомеровской эпической поэзией, безотносительно к тому, встречается она у Гомера или нет, потенциально так же могла стать принадлежностью гомеровского эпоса. Следовательно, лишь статистика частоты использования формул, их комбинаций в гомеровском эпосе не может ответить на вопрос — является Гомер традиционным поэтом в абсолютном понимании этого слова или оригинальным. Конечно, оригинальность вовсе не означает полного отрыва от традиции. Поэт VIII в. до н. э., даже будучи совершенно оригинальным для своего времени, безусловно, был теснейшим образом связан с традицией. В данном случае для определения степени самобытности поэта следует проследить, сколь независим он в использовании традиционного языка, традиционных элементов, в какой мере выделяется он среди других сказителей своей поэтикой. Анализируя с этой точки зрения гомеровские эпитеты, самые явные, казалось бы, показатели традиционности Гомера, можно прийти к выводу, что Гомер, в абсолютном большинстве случаев, при подборе эпитетов вовсе не пренебрегает данными контекста поэм. Регулярное употребление определенных эпитетов в связи с тем или иным героем, обычно точно обрисовывает образ героя²⁵. Так — *ἀναξ ἄνδρῶν* «владыка мужей» и *κρείων* «властитель» — обычно в гомеровских поэмах характеризуют Агамемнона. Первый эпитет употребляется 47 раз в связи с Агамемноном и лишь по одному разу касательно других героев, а второй — 30 раз в связи с Агамемноном, 7 раз — с Посейдоном и лишь по одному разу касательно других героев²⁶. Подобное распределение данных эпи-

²⁵ 395

²⁶ 31, 17, 2

тетов не случайно в гомеровском эпосе. Именно эти термины обозначают у Гомера высшую власть и поэтому употребляются столь регулярно лишь в связи с Агамемноном. То же самое можно сказать и о *κορυθαίολος* «шлемоблещущий». Если принять во внимание «Илиаду» VI, 466—474, где Астианакса пугает блеск отцовского шлема и Гектор кладет на землю сверкающий (*παμφανόωσαν*) шлем (*κόρυ*), то станет очевидным, что регулярное употребление этого эпитета в связи с Гектором можно оправдать, также исходя из данных поэм²⁷. На основе анализа подобных примеров, Валлон приходит к выводу, что т. н. основные гомеровские эпитеты соответствуют характеру героев «Илиады» и «Одиссеи»²⁸. По нашему мнению, особого внимания заслуживают те эпитеты, которые характеризуют свойства героя, с одной стороны, известные вообще из сказаний, а с другой, — связанные непосредственно с действием «Илиады». С этой точки зрения интересна группа эпитетов *γέρων ἱππηλάτα*, употребляемая в связи с Фениксом, Пелеем, Ойнеем и Нестором. Вполне понятно, что первая часть формулы указывает на состояние, в котором герои пребывают к моменту, описанному в конкретном контексте поэм. И действительно, ко времени Троянской войны Пелей, Нестор и Феникс уже старцы, старцем должен был быть и Ойней в рассказанном Фениксом приключении Мелеагра (IX, 581). Что же касается *ἱππηλάτα* («правлящий конями»), то это соответствует способностям или умению, проявленным героями в молодости. Если рассматривать этот эпитет с точки зрения соотношения гомеровского языка с языком традиционных формул, то встает вопрос: откуда Гомеру могло быть известно подобное сочетание эпитетов? Вполне естественно, что если существовала догомеровская традиция о деяниях Нестора, Феникса, Пелея и Ойнея в молодости, к которой и относится эпитет *ἱππηλάτα*, то там эпитета *γέρων* («старец») не могло быть. А если же Ойней известен лишь в связи с Мелеагром, а Пелей, Феникс и Нестор — из догомеровской традиции, связанной с Троянской войной, то совершенно непонятно наличие эпитета *ἱππηλάτα* по отношению к ним. В данном случае самым реальным представляется допущение того, что сам Гомер объединил эти эпитеты в одну формулу. Тем более, что для него *γέρων* и *ἱππηλάτα* вовсе не являются взаимоуправляющими терминами. Так, в IV 387 Тидей охарактеризован лишь эпитетом

²⁷ 395, стр. 17...

²⁸ 395, стр. 2...; стр. 26...

ππηλάτα и это вполне естественно, ибо в данном эпизоде Тидей молод. Тщательно изучив поэмы, легко заметить, что слова, составляющие т. н. гомеровские формулы, вовсе не находятся в какой-то неразрывной и окаменелой связи друг с другом. Каждое из них, как правило, может встретиться в поэмах и самостоятельно, совершенно в нетипичной комбинации или в сочетании с другими словами создавать совершенно разнообразные формулы.

Для того, чтобы уяснить, в какой мере гомеровские эпитеты зависят от традиции, необходимо сравнить их с эпитетами, засвидетельствованными в других произведениях этой эпохи, которые также должны быть связаны с формульным языком традиционного эпоса. Не вдаваясь в подробный анализ этого вопроса, мы отметим лишь, что немалое количество неоднократно используемых Гесиодом и Номерика формул — эпитет + имя — игнорируется Гомером, хотя они явно догомеровского происхождения. Например, весьма распространенная формула πολυχρύσου Ἀφροδίτης («златообильная Афродита»), которую не раз встречаем у Гесиода и в гомеровском гимне к Афродите, ни разу не засвидетельствована у Гомера, несмотря на то, что он пользуется каждым из этих, составляющих данную формулу терминов в отдельности: «златообильная» у Гомера эпитет, связанный с Микенами πολυχρύσοιο Μυκήνης («Илиада» VII, 180; XI, 46; «Одиссея», III, 304); широко известная формула χρῆμις Ἑρμῆς неоднократно засвидетельствованная (в форме имен. и вин. пад.) в гомеровском гимне к Гермесу (46, 96, 130 и т. д.) и у Гесиода (Феог. 938) не встречается в гомеровском эпосе; формула ἱμερόεσσα Καλυψώ, известная из гомеровского гимна к Деметре (422) и «Феогонии» Гесиода (395), не используется Гомером, хотя данный эпитет в «Одиссее» встречается в другом сочетании ἱμερόεσσαν ἀοιδὴν (I, 421; XVIII, 304) и т. д.

Анализ подобных примеров²⁹ указывает на то, что в гомеровских формулах немало индивидуального. Имея тесную связь с традицией, поэт в основном исходит из контекста своих поэм, из своих поэтических принципов.

Вкратце коснемся вопроса типичности гомеровских сцен. С полным убеждением можно сказать, что, несмотря на типичность композиции отдельных гомеровских сцен, каждая из них самобытна. Этого поэт достигает относительной интенсификацией отдельных элементов данных сцен, пропуском или вставкой ряда элементов. Несомненно, при построении отдельных сцен Гомер опирается на традицию, но, согласно

²⁹ Расхождения в использовании формул между Гомером и Гесиодом полностью перечислены в 239.

своим принципам, он видоизменяет традиционные элементы. На это указывает вполне определенная композиционная функция гомеровских сцен внутри поэм. Как было показано выше, эти сцены создают совершенно определенную систему взаимоотношений, взаимосответствий или взаимосопоставлений. В данной системе одна сцена может стать моделью второй, вторая — третьей и т. д. Естественно, чем яснее выявится функция этих сцен внутри гомеровских поэм, тем отчетливее сможем мы ощутить почерк Гомера — индивидуального поэта. Именно с этой точки зрения следует подходить к рассмотренному Кришером вопросу аристий у Гомера. В том ряду элементов, которые приводит Кришер, конечно, чувствуется влияние традиционных представлений на последовательность элементов в аристии. Но ведь и это традиционное представление являлось обобщением реальной картины аристии, проявленной героем на поле битвы. Следовательно, последовательность элементов в гомеровской аристии отражает не только порядок элементов, выработанный эпической традицией, но является и обобщением реальной, предполагаемой картины аристии вообще. Тот факт, что в гомеровском эпосе почти нет ни одной аристии, которая содержала бы все перечисленные Кришером элементы, указывает на то, что создание аристий по какой-то стандартной схеме не являлось самоцелью для поэта. В противном случае он мог достичь отличия аристий не путем редукции или добавления этих элементов, а их ослаблением или интенсификацией. С другой стороны, вполне естественно, что, описывая аристии многочисленных героев в одной и той же ситуации, в одном и том же сражении, ни один поэт не смог бы избежать определенной типичности, ибо, рисуя аналогичные ситуации, поэт, сознательно или подсознательно, всегда имеет в виду какую-то универсальную модель, на основе которой строит многочисленные, схожие друг с другом эпизоды. Достаточно рассмотреть с этой точки зрения не только античные и средневековые поэмы, безусловно, созданные письменным путем, но и романы нового времени, как в них выявим какую-то универсальную модель, определяющую типичную последовательность самых общих общих сцен. Более того, подобные модели могут встречаться в пределах целого жанра. Лучшим примером тому служит новая атическая бытовая комедия со своими стандартными сюжетами. Самобытность или традиционность поэта проявляется не в использовании или игнорировании этих элементов, а в оригинальности, проявленной при реализации, художественном воплощении типичных элементов этой общей модели. С этой точки зрения не приходится оспаривать способность Гомера варьировать. Немногие из поэтов смогут тягаться с ним в умении

создавать в пределах одного произведения ариэтии столько героев и при этом придавать такую самобытность каждой отдельной ариэтии. Часто, увлекаясь статистикой типичных элементов и доказывая абсолютную традиционность Гомера, исследователи упускают из виду нетипичную реализацию этих же элементов у Гомера.

И к вопросу типичности гомеровских сравнений, как нам кажется, Кришер подходит односторонне. По его мнению, если бы поэт разделил использованные им сравнения (допустим 100) на 10 групп, каждая из которых была бы органично связана с определенным типом мотивов, то в каждом отдельном случае он довольно легко мог бы вспомнить, какие сравнения им уже использованы и какие еще нет. Однако достаточно установить, что то или иное сравнение не связано тесно с одной определенной группой и встречается в совершенно разных типах сцен, как предложенное Кришером деление не упростит, а удвоит труд поэту. Посмотрим, в какой мере наблюдение Кришера соответствует реальному положению. Если верить Кришеру, одна группа мотивов — это блеск оружия. С ней органично связаны в сравнениях: «огонь», «молния» и «сияние светил». Внимательно прочитав «Илиаду», мы увидим, что «огонь» часто встречается в таких группах сравнений, которые не имеют ничего общего ни с блеском оружия, ни с ариэтией: уже в I песни «очи его (Агамемнона) засветились как пламень» (I, 104), а в XXII, 411 так оплакивали Гектора, будто бы «Весь Илион от своих оснований в огне рассыпался» и т. д.

Встает вопрос, возможно ли после этого найти «огню» какой-то типичный мотив, ограничивающий его употребление в сравнениях? То же самое можно сказать и о других группах сравнений³⁰.

На данном этапе исследования становится все более очевидным, что, хотя гомеровский эпос органично связан с предшествующей ему устной традицией, он все же создан на основе использования письма³¹. Возможность подобного заключения дает, с одной стороны, справедливая критика аргументов сторонников устной поэзии³², а с другой, — структурный анализ гомеровского эпоса, который делает бесспорной связь поэм с письменной литературой.

³⁰ То, что большинство гомеровских сравнений органично связано с контекстом поэм, совершенно очевидно. Об этом подробно см. ниже. стр. 288..

³¹ Данную точку зрения разделяют Лески, Тронский и др. Ср. также 184; особенно 258.

³² Следует отметить, что аргументам А. Парри Кирк фактически не смог противопоставить ничего конкретного в защиту теории устной поэзии (235). Для критики теории устного Гомера ср. 254; 307; 309.

Первое серьезное препятствие, которое встает на пути сторонников теории устной поэзии, это единая, довольно древняя традиция гомеровского текста. Если допустить, что иский Гомер устным путем создал поэмы, которые передавались из поколения в поколение, тогда можно говорить о двух основных путях сохранения поэм:

1) Рапсоды учили наизусть устным путем созданный текст гомеровских поэм и исполняли их отдельные части на празднествах и состязаниях. Но в таком случае между вариантами различных исполнителей очень скоро появились бы расхождения, и тогда оказалось бы невозможным установить, какой из вариантов был наиболее близким к гомеровскому. Известно, что влияние гомеровского эпоса на греческое искусство и литературу распространилось самое позднее с VII в. до н. э. на всей территории расселения греческих племен от Малой Азии до Италии¹. Это влияние не выявляет какого-либо текстуального различия, но соответствует — и это главное — данным принятого письменного текста, существование которого в Греции не вызывает никаких сомнений самое позднее с VI в. до н. э. Следовательно, можно предполагать, что гомеровский текст для всего грекоязычного населения в основном был единым, а различия касались лишь отдельных деталей, а не текста поэмы в целом. Такое единство можно объяснить лишь тем, что рапсоды — послегомеровские исполнители поэм — располагали каким-то фиксированным письменным текстом. Этот текст, естественно, переписывался на протяжении веков. Вполне возможно, что не каждый рапсод обладал полным текстом поэм, а лишь отдельными частями, предназначенными для исполнения в один раз.

2) Каждое новое исполнение гомеровских поэм было лишь повторением основных тем, основных этапов развития действия. Сказитель запоминал лишь основную сюжетную линию. А потом, зная законы устного поэтического языка, он

¹ Ср. 1656; 114; 403; 256 и др.

пересказывал уже заученное содержание. Установлено, что каждое такое новое исполнение поэмы — это новый вариант ее. В таком случае нельзя говорить об одном конкретном авторе, о каком-либо единстве текста. Автором может быть лишь тот, кто последним исполнил эти поэмы перед тем, как они были записаны². Следовательно, наличие традиционного варианта текстов поэм и упоминание Гомера, как автора «Илиады» и «Одиссеи» в античной эпохе можно объяснить лишь тем, что рапсодическая традиция исполнения гомеровского эпоса восходила к гомеровскому письменному тексту. Именно поэтому сторонники теории устной поэзии в последнее время все чаще говорят о том, что созданные устным путем поэмы сразу же были зафиксированы. Это должно было произойти под диктовку самого Гомера или какого-либо его современника³. Выдвигая это предположение, они пытаются сочетать друг с другом создание поэм устным путем и органичное их единство, сохраненное рапсодической традицией. По их мнению, если допустить, что устным путем созданный эпос при жизни же поэта принял дошедшую до нас форму, тогда легко объяснить, как он сохранил такое единство в рапсодической традиции и характерные для одной поэтической концепции специфические детали. А отсюда один шаг к тому, чтобы сам процесс создания поэм связать с использованием письма⁴. Именно такую возможность допускают се-

² Ср. 254, стр. 7, стр. 17; 251. В связи с этим совершенно реальной представляется позиция И. М. Тронского в отношении единства традиции текста гомеровского эпоса. Сравнивая гомеровский текст с фольклорным, он отмечает: «Совершенно иную структуру имеет эпическая традиция фольклорного типа. Русская былина, как правило, существует в ряде вариантов, отличающихся друг от друга характером отдельных эпизодов, их последовательностью, наконец, свободным, полумпровизированным текстом, который не бывает одинаковым у двух сказителей или даже у одного сказителя при повторном исполнении былин. Та же картина у югославских сказителей, у певцов тюркского эпоса, даже тогда, когда дело идет об исполнении больших поэм типа киргизского Манаса. Следование традиции, принадлежность к определенной сказительной школе неразрывно сочетается у фольклорного певца с личным творческим починком.

Гомеровские поэмы передаются не так. Они допускают свободное отношение к себе со стороны рапсода только в мелочах, в незначительных «отсебятинах», они не творятся при исполнении, а декламируются как твердый фиксированный текст, принадлежащий не певцу, а автору — Гомеру...» «...Фольклор, который не знает таких текстов, не знает также и «автора» (67, стр. 116).

³ 260; 261.

⁴ Для обзора ср. 254, стр. 17...

годня большинство исследователей. По их мнению, сам автор поэм должен был использовать письмо при создании поэм⁵. И проведенный нами структурный анализ поэм дает возможность именно такого заключения. В процессе устной передачи поэмы не могли сохранить то четкое структурное единство, которое проявляется как в маленьких, так и цельных структурах «Илиады» и «Одиссеи». Почерк поэта, использующего письмо, виден также и в распределении информации, сознательной интенсификации мотивов, в поразительной взаимосвязи отдельных песен, в закономерности экспонирования героев, в удивительном единстве структуры мышления каждого героя, проявленного в речах и т. д.^{5а}

Следовало бы к примеру затронуть ряд аспектов, которые привлекают внимание исследователей гомеровского эпоса:

1) В гомеровском эпосе часты случаи, когда начатое в одной песни событие продолжается во второй, подготовленное в одной песни явление становится объектом повествования в другой. Например, в «Илиаде» XVII, 24... Менелай в пример Эвфорбу приводит гибель Гиперенора, которая была описана в XIV, 516...; в «Илиаде» XI, 329 описано, как сразил Дномед двух сыновей перкозийца Меропа, но не упомянуты их имена. Даны они в II, 830; в «Илиаде» XIII, 681; XV, 705; XVI, 286 упомянуты корабли Протезилая, о гибели же самого Протезилая рассказано в II 698 и т. д.⁶

2) Экспонированного в одной песни «Илиады» или «Одиссеи» героя автор в других песнях уже может не представлять слушателю или читателю. Это также указывает на то, что поэт принимает во внимание единый текст поэмы.

3) По мнению А. Парри, в «Илиаде» характер героя, образ его мышления максимально раскрыт в его речах, сохраняющих на протяжении всей поэмы одни и те же штрихи⁷.

Еще дальше в этом направлении идет Ломани. Он, как было выше отмечено, изучает композицию речей героев «Илиады» вообще и делает вывод, что все эти речи построены согласно единым принципам. Но в то же время они связаны друг с другом и в цельной структуре поэмы с композиционной, структурной или тематической точки зрения. В этом смысле интересно соотношение между диалогами Хриза и Агамемнона (I, 17...), Приама и Ахилла (XXIV, 553...); меж-

⁵ 254, стр. 17... Там же литература. *Милл*

Об этом детально шел разговор выше. О характерах героев, проявленных в речах, см. ниже, стр. 296...

⁶ Подобные примеры представлены в 348; 328; 256, стр. 56...; 25 и др.

⁷ 307. Об этом подробно см. ниже, стр. 296.

ду 4-мя речами Пулидамаса (XII, 61—79; XII, 211—229; XIII, 726—747; XVIII, 254—283) и т. д.⁸.

Конечно, все это не имеет ничего общего с произведениями, созданными в различных странах устным путем — здесь не может быть речи ни о глубоком раскрытии характера героя, ни о подобной сложности и в то же время цельности действия, ни об единстве поэтических и композиционных принципов. Тем более не представляется возможным, чтобы такое единство структурно-композиционных принципов, в одинаковой мере проявляющееся на совершенно различных уровнях построения гомеровского эпоса, могло сохраниться на протяжении целых поколений сказителей-импровизаторов без фиксированного текста.

Однако, если исходя из анализа поэм, мы с полной уверенностью можем сказать, что Гомер использовал письмо, то сложнее обстоит дело, когда вопрос касается возможности письменной фиксации поэм в VIII в. до н. э. Новый, финикийский алфавит был введен греками, как считает ряд исследователей, за несколько десятилетий до Гомера. Даже если допустить, что поэт смог в совершенстве овладеть этим письмом, встает вопрос о писчем материале. Имели ли греки той эпохи подходящий материал для записи двух поэм, содержащих около 29000 гексаметрических строк? Именно этот момент создает сегодня основное препятствие сторонникам использования письма Гомером и в то же время является основным аргументом для сторонников «устного Гомера».

Известный специалист по вопросам истории греческой письменности А. Джеффри считает, что массовый ввоз папируса в Грецию предполагается лишь на рубеже VII—VI столетий до н. э., и отмечает: «Как подсказывает нам современное положение вещей, ...можно утверждать, что если гомеровские поэмы были записаны до VI века, то они должны были быть записаны на коже, которая, как видно на примере Архилоха, употреблялась для различных документов самое раннее со второй четверти VII века. Это было, очевидно, трудное и дорогостоящее дело, но при желании технически выполнимое. На данном этапе у нас нет оснований утверждать, что это было возможно и до VII века»⁹.

В древнейшей Греции кожа или *διδύρα* действительно являлась весьма популярным писчим материалом. На это указывают греческие источники и первым долгом Геродот, который, говоря о распространении алфавита от ионийцев,

⁸ 258.

⁹ 129, стр. 557.

отмечает, что «ионяне также издревле называют книги кожами, потому что при отсутствии папируса они писали на козьих и овечьих шкурах. Еще и поныне многие варварские народности пишут на таких шкурах» (V, 58).

Конечно, из этого сведения Геродота вовсе не следует, что до египетского папируса греки писали лишь на коже. Он только отмечает, что кожа у ионийцев — один из самых древних писчих материалов и поэтому книги называются дифтерами. Примечательно, что близкое по звучанию слово засвидетельствовано в микенских документах: *di-pte-ra-ro-to* (διφτερᾶφρος), хотя очень трудно сказать что-либо по этому поводу¹⁰.

Для того, чтобы судить о масштабах использования письменности в гомеровскую эпоху, следует вкратце коснуться вопроса происхождения греческого алфавита.

По мнению греческих авторов, и в первую очередь Геродота, греческий алфавит перенят от финикийцев. Геродот с полной уверенностью говорит, что распространение финикийского алфавита в Греции должно было произойти во времена легендарного Кадма, который переселился в Фивы из Финикии (V, 58). Долгое время ученые не придавали большого значения этому сведению Геродота, так как считали его ошибкой хронологического характера греческого историка. И правда, до открытия минойских и микенских (А и Б линейных) надписей самым ранним периодом использования греками алфавита считался IX в. до н. э. А это исключало наличие какого-либо письменного документа в Греции до первого тысячелетия. Но после того, как в Греции и на Крите были найдены и частично расшифрованы выполненные слоговыми линейными знаками документы, стало ясно, что народы Эгейского бассейна использовали письменность еще в бронзовую эпоху. Так как большая часть линейных надписей оказалась выполненной на греческом языке, то существование письменной традиции в микенской Греции стало неоспоримым. На фоне этих открытий сведение Геродота о том, что ему удалось прочесть надписи на треножниках времен Лая, Эдипа и внука Эдипа Лаодаманта (по греческой традиции приблизительно 1360 — 1260 гг. до н. э.), стало более достоверным. Но здесь возникла сложность иного плана. Геродот отмечает, что увиденные им письменные знаки были похожи на ионийские (τὰ πολλὰ ὅμοια ἐόντα τοῖσιν Ἰωνικοῖσι). Сходство было столь большое, что Геродот смог без труда прочесть надписи на треножниках. Следовательно, по Геродоту, беотийцы уже в XIV в. до н. э. использовали

¹⁰ Ср. 313, т. II, стр. 20.

заимствованную у финикийцев письменность. Надо отметить, что это сведение Геродота не соответствует данным археологических раскопок. На современном уровне исследования с уверенностью можно сказать, что в Греции во второй половине II тысячелетия до н. э. была распространена линейная слоговая письменность, а не заимствованная у финикийцев фонетическая система письма. Следовательно, если бы упомянутые Геродотом надписи на треножниках относились к микенскому периоду, то следовало ожидать, что они были бы выполнены знаками линейного-Б, а не «подобными ионийским». С другой стороны, ясно и то, что Геродот не относится к числу тех историков, чьи сведения основаны на поверхностных впечатлениях. Геродот почти не допускает грубых ошибок в датировке явлений в открытых хронологических системах, т. е. когда есть возможность сделать вывод на основе сопоставления различных исторических фактов¹¹. Следует полагать, что увиденные им треножники и вправду были весьма архаичны, так как Геродот без особого колебания датирует их столь ранним периодом. Именно поэтому некоторые ученые находят следующий выход из положения: «Надписи на фиванских треножниках и впрямь могут быть древними, хотя не столь древними, как легендарные треножники: возможно эти архаичные надписи были сделаны на них позже, но все еще похожими на ионийские, а не собственно ионийскими знаками»¹². Мы не исключаем возможности, что в данном случае действительно отражается факт заимствования греками еще в бронзовую эпоху финикийского алфавита. Во всяком случае, одно бесспорно — от периода формирования греческого письма на основе финикийского алфавита до гомеровской эпохи довольно большой промежуток времени. Такой вывод можно сделать, исходя из следующих предпосылок: 1) хотя заимствование греками финикийского алфавита является бесспорным фактом, однако, нельзя сказать, что эллины в данном случае ограничились лишь простым повторением финикийских знаков. Как известно, финикийская письменность не была фонетической в буквальном смысле этого слова. Она имела лишь знаки для согласных, греки же добавили знаки и для гласных, используя знаки, обозначающие в финикийском несуществующие в греческом языке фонемы. Таким образом они создали более совершенную систему письма, которая впоследствии нашла распространение среди многих народов бассейна Средиземного моря. Трудно допустить, что столь значительная реформа могла произойти в один прекрасный день одновременно

¹¹ Ср. 36.

¹² 264, стр. 227.

во всем этом обширном ареале. И действительно, греческим вариантом финикийского алфавита пользуются с VIII в. до н. э. многие народы Средиземноморья — от фригийцев на востоке до этрусков и латинов на западе. В самом грекоязычном мире уже с VIII в. появляются локальные разновидности письменности. Тот факт, что в VIII в. до н. э. во всем Средиземноморье широко распространены уже собственно греческие варианты письменности, а не финикийские, указывает на длительную традицию употребления этого алфавита в греческой среде. Сомнительно, чтобы за столь исторически короткий срок — VIII в. до н. э. — из какого-то одного района Греции, одновременно с введением финикийского алфавита с внесенными в него соответствующими изменениями, он был распространен на всей грекоязычной территории, что были созданы его локальные варианты и что в то же время им стали пользоваться многие негреческие племена Средиземноморья.

2) Как уже отмечалось, греки считали свой алфавит финикийского происхождения и обозначали его термином *Καδμεία γράμματα*. Но для других народов, которые переняли его в VIII в. до н. э., этот алфавит явился уже *Ἑλληνικὰ γράμματα* (греческие буквы, алфавит). Согласно античным источникам, Ромул (начало VIII в. до н. э.) ввел и пользовался именно греческим алфавитом¹³.

Следовательно, надо полагать, что, начиная с первой половины VIII в. до н. э., источником распространения во всем негрекоязычном мире Средиземноморья т. н. «кадмейских знаков» была Греция, а не Финикия. Если к этому веку эта разновидность письма именовалась уже *Ἑλληνικὰ γράμματα*, то надо думать, что в данном случае перед нами факт длительного употребления греками этой системы письма.

3) В некоторых областях Средиземноморья использование греческого фонетического письма сопровождалось в древнейших надписях применением принципа пунктирования, т. е. слово разбивалось на слоги. Подобный принцип пунктирования совместим лишь со слоговым письмом и засвидетельствован в эгейских документах II тысячелетия до н. э. Тот факт, что этот принцип используется и в фонетическом письме I тысячелетия, реальнее всего объяснить прямым влиянием слогового письма на фонетическое. Подобное допущение вынуждает нас признать, что на протяжении какого-то периода фонетическая система греческого алфавита и линейное письмо сосуществовали в отдельных районах Средиземноморского бассейна. Фактом является и то, что в гомеровскую эпоху

¹³ 313, т. II, стр. 15.

нигде, кроме Кипра, не использовались слоговые знаки. Следовательно, остается допустить, что фонетическая система письма использовалась в то время, когда еще существовали следы слогового письма. В этом отношении представляет интерес замечание И. М. Тронского: «Финикийское письмо еще не было алфавитным в полном смысле слова и содержало только знаки для согласных. «Изобретение» греков состояло в том, что они ввели знаки для гласных, использовав при этом, в первую очередь, несколько ненужных им графем финикийского письма. Тем самым было впервые создано звуковое письмо — алфавитное. Мысль о создании гласных букв многие называют «гениальной». Но не явилось ли опорой для автора, или авторов, этой гениальной мысли то обстоятельство, что в слоговом письме типа линейного или кипрского уже давным-давно существовали специальные знаки для всех греческих гласных, когда эти гласные составляли самостоятельный слог»¹⁴.

Таким образом, каковы бы ни были объяснения принципа пунктирования и введения гласных в греческое фонетическое письмо, очевидна непрерывность традиции перехода от слогового к фонетическому принципу¹⁵. Это же, со своей стороны, расширяет верхние границы возникновения греческого фонетического письма, во всяком случае, еще более отдаляет его от гомеровской эпохи.

4) В VIII в. до н. э. греческий алфавит широко использовался даже для фиксации поэтической информации. Как показывает археологический материал, часто делались надписи на предметах широкого потребления, на керамике¹⁶. Естественно, использование письма на керамике, производимой в различных областях греческого мира и к тому же с целью фиксации поэтической информации, указывает на то, что к этому времени *Ἑλληνικὰ γράμματα* не является новшеством, с которым был знаком лишь узкий круг переписчиков, что здесь мы имеем дело с довольно широким, по тогдашним понятиям, распространением грамоты среди грекоязычного населения. Этому способствовала, в первую очередь, несложность греческого алфавита, запомнить и использовать который не составляло большого труда. Среди этих древнейших так называемых массовых надписей особый интерес вызывают недавно обнаруженные надписи из Исхнии (Питекуса).

¹⁴ 67, стр. 103 — 104.

¹⁵ Принцип пунктирования слогов использовался в основном в архаических этрусских надписях и в фонетической письменности некоторых народов, которые должны были заимствовать алфавит у греков. С этой точки зрения интересны надписи Лемносской стелы (ср. 317, стр. 23...).

¹⁶ Ср. 318; 319.

относящиеся к VIII веку, из коих о надписи на сосуде Нестора уже шла речь выше. То, что надпись на сосуде действительно относится к VIII в., подтвердилось другими найденными на Исихи фрагментами. Эти фрагменты недавно были исследованы и опубликованы Э. Перуцци, из книги которого мы будем исходить ниже при рассмотрении указанных надписей¹⁷.

Среди этих надписей следует выделить фрагмент с сосуда с шестью греческими буквами, относящийся ко второй половине VIII в. до н. э. Более интересен второй фрагмент — из 7 букв, из коих 6 составляют слово *εὐποτα* (*eupote*), известное уже по сосуду Нестора и обозначающее «приятный для питья». Внимания заслуживает также относящийся к середине или третьей четверти VIII века фрагмент надписи на кратере позднегеометрического периода, где мы читаем: *με ποιησε*. Здесь явно можно выделить формулу *με ποιησε* «меня создал, сделал». По справедливому замечанию Перуцци, форма этих надписей, графика букв и частота указывают, что в VIII в. до н. э. в Питекусе использовалось письмо более развитое и сформировавшееся, чем на надписи Дипилонского кувшина (Афины, VIII в. до н. э.). Надписи на сосуде Нестора должны указывать, что здесь существовали также и литературные тексты, выполненные на разном материале: на деревянных дощечках, на коже и т. д.¹⁸.

Все это, без сомнения, свидетельствует о том, что в VIII в. до н. э. греческое письмо было уже вполне сформировано и использовалось в совершенно разных целях. Естественно, встает вопрос — сколь реальным можно считать в то время создание письменным путем крупного эпического произведения и — что главное — его полную фиксацию? Вряд ли можно надеяться, что когда-либо удастся найти авторские рукописи того времени, однако из этого не следует, что мы вправе отрицать их существование в том веке. Если в VIII в. у греков была письменность, если они с ее помощью украшали даже керамику поэтическими и дарственными надписями, если они делились опытом с другими народами, естественно предположить, что они не игнорировали бы ту практику записи обширных текстов, которая существовала у народов восточного Средиземноморья уже с бронзовой эпохи. Например, не говоря уже об известных древневосточных цивилизациях, мы хорошо знаем, сколь развито было книжное дело в Ассирии в первой половине I тысячелетия до н. э.¹⁹. Как

¹⁷ 313, т. II, стр. 24.

¹⁸ 313, т. II, стр. 26.

¹⁹ Для обзора вопроса ср. 359.

известно, в гомеровскую эпоху у грекоязычного населения были тесные контакты с Востоком. На это указывают объем информации Гомера о восточных странах, а также данные археологических раскопок и исторические документы. С уверенностью можно сказать, что контакты с Востоком осуществлялись несколькими путями: а) через Малую Азию, где уже самое позднее с X века вследствие греческой колонизации появляется целая сеть эллинских поселений. Между греческими городами Западной Анатолии и странами Востока, в первую очередь Ассирией, мощным посредником была, очевидно, Фригия, известная в ассирийских документах под названием Мушка, а в греческих — Фригия²⁰;

б) значительным центром являлся также остров Кипр, где в IX—VIII веках в довольно интересной форме сосуществуют микенские, автохтонные, восточные и эллинские традиции;

в) не позднее середины VIII в. до н. э. греки становятся активной силой в Северной Сирии, Ал Мине, где они непосредственно соприкасаются с финикийцами и ассирийцами²¹.

В том, что к этому времени в восточных странах книжное дело стояло на весьма высоком уровне, никто не сомневается. Археологические раскопки пролили свет на ту практику изготовления книг, которая продолжала существовать на востоке вплоть до гомеровской эпохи²². Тонкие пластинки из слоновой кости, глины или дерева сшивались обычно в целые книги с переплетом, обернутым кожей. В переплете были сделаны специальные отверстия, чтобы сшить любое количество пластинок. В подобных книгах можно было вместить информацию любого объема²³.

Интересно, что Гомер знаком с традицией письма на пластинках. Так, в «Илиаде» Главк, рассказывая Диомеду о своем происхождении, упоминает о том, как сослал Прэт из Эфиры в Ликию его предка Беллерофонта:

«В Ликию выслал его и вручил злосоветные знаки,
Много на днище складной начертав их, ему на погибель».

(«Илиада», VI, 168-69)

В свое время еще Джеффри отмечала, что подобные сложенные вдвое таблички встречаются, с одной стороны, в

²⁰ Ср. 88.

²¹ Ср. 262, стр. 452...; 92а, стр. 74...; 103а.

²² С этой точки зрения особый интерес представляют раскопки, проведенные в 1953 г. в Калахе. Ср. 359, стр. 168; стр. 412.

²³ Книжное дело в Хеттской империи подробно рассматривается в 236, стр. 165.

микенском мире, а с другой, на ассирийских рельефах²⁴. Одна часть исследователей почему-то в приведенных строках видит или неосознанное отображение факта микенской письменности у Гомера, или же случай упоминания не письменности, а отдельных символических знаков²⁵. Такая интерпретация данного места не совсем понятна. Если Гомер — действительно писатель VIII века, то невидя на то, использовал ли он сам непосредственно письменность или нет, он все же должен был иметь представление о самой возможности письменной передачи мысли. Не говоря ни о чем другом, исключено, чтоб аэд VIII века не знал о существовании керамики с надписями, которая в таком количестве производилась в то время на всей территории, населенной грекоязычными племенами. С другой стороны, ясно и то, что аэд не мог говорить со своей аудиторией недоступными ей понятиями. Если бы слушателю Гомера не было известно, что такое письмо на сложенных вдвое табличках, то вряд ли аэд дал бы ему подобную информацию вообще. Вполне может быть, что традиция письма на складных табличках в Грецию пришла не из Ассирии или какой-либо другой восточной страны, а восходит к микенской эпохе. Сколько бы ни спорили о сцене Беллерофонта, очевидно, что здесь речь идет о передаче информации письменными знаками — одно лицо посылает второму табличку со множеством знаков, и последний, получив ее, принимает вполне конкретные меры. Примечательно и то, что в этом маленьком отрывке собраны воедино все термины, которые в греческом языке органично связаны с письменностью (σῆματα, γράφας, ἐν πίνακι πτυχτῷ).

О том, что греки довольно с ранних времен имели письменность, свидетельствует и анализ некоторых латинских терминов, связанных с письмом и вошедших в латинский язык из греческого. Так, латинское *littera* «письменность», «алфавит» и т. д. по своему происхождению восходит к греческому διφθέρα — «кожа», которая, по сведению Геродота, у ионийцев с древнейших времен являлась синонимом βιβλος-а «книги». Фонетически вполне закономерен переход διφθέρα в латинскую *littera*. Эта связь покажется более реальной, если примем во внимание, что в некоторых греческих диалектах διφθέра имело значение γράμμα. С другой стороны, ясно, что этот термин был усвоен латинским языком очень рано, не позднее VIII в. до н. э. Заслуживает интереса также связь лат. *elementum* — «надпись на пластинке из слоновой кости»

²⁴ 129, стр. 555.

²⁵ Ср. 142, стр. 28.

и греч. ἑλέφας (—αντος) — «слоновая кость», stilus и στυλος; сега, ае и κηρός и т. д.²⁶

Все это говорит о том, что в гомеровскую эпоху широко была распространена письменность и формирование поэм в письменном виде не представляло бы особых технических трудностей. На это указывает и то обстоятельство, что имена первых греческих авторов нам известны с гомеровской эпохи. Достаточно бегло просмотреть длинный список древнегреческих эпических поэтов, как обнаружится следующая закономерность: ни один из ранних поэтов, фрагменты, произведения которого дошли до нас или о творчестве которого мы располагаем более или менее реальной информацией, не выходит за рамки VIII в. до н. э.²⁷ Ясно и то, что в Греции еще задолго до этой эпохи существовала довольно развитая поэтическая традиция, которая являлась источником для этих поэтов²⁸. Однако, очевидно, она была лишь устной и, следовательно, безличной и именно поэтому греческие источники умалчивают об этих многочисленных сказителях-импровизаторах. Лишь после того, как установилась связь между поэтическим искусством и письменностью, из массы сказителей начали выделяться индивидуальные поэты, которые стали записывать свои, созданные на основе традиционных элементов, поэмы. С этого момента начинается подлинное развитие литературы в Греции. Со временем все уменьшалось значение устного творчества и усиливались роль и влияние фиксированного текста, имевшего конкретного автора. Если допустить, что запись всех эпических произведений, которые греческая традиция возводит к VIII в. до н. э., осуществилась лишь в VI в. до н. э., то будет непонятным, как редакторам VI в. до н. э. удалось записать десятки тысяч гексаметров сохранившихся в устном творчестве произведений, не изменяя при этом их структурно-поэтических особенностей.

Однако все эти препятствия легко устранимы, если предположить, что в лице первых греческих эпических поэтов, известных нам по фрагментам и имени, мы имеем дело с первыми авторами фиксированных текстов, с чего собственно и начинается история греческой литературы. Трудно сказать, является ли Гомер первым среди этих сказителей-поэтов. Во всяком случае, специфичность распределения информации в его поэмах, своеобразный подход к событиям Троянской войны, утонченное композиционное мастерство дают основание думать, что он имел предшественников, которые еще до него

²⁶ Подробно см. 313, т. II, стр. 9...

²⁷ Ср. 209.

²⁸ 1036.

сделали шаг от устной поэзии к письменной литературе. Если взглянуть на этот вопрос с точки зрения общей закономерности развития греческой литературы, то Гомер стоит на рубеже устной поэтической традиции и письменной литературы. Именно поэтому в его произведениях встречаются поэтические приемы, веками выработанные эпической традицией, но использованные по законам письменной литературы. Сила гомеровского эпоса не в использовании традиционных поэтических средств и эпических формул, а в необычайной поэтической логике, которая придает новое звучание даже самому стандартному и традиционному. Именно поэтому гомеровский эпос одновременно и далек и близок устной поэзии других народов. Этим же объясняется и то, что у него столь много общего с произведениями, созданными письменным путем, и в то же время он так разнится от них характерной для народного творчества монументальностью и эпической широтой.

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ ГОМЕРОВСКОГО ЭПОСА

По многим вопросам, касающимся языка гомеровского эпоса, его стилистических особенностей, мы имели суждение в предыдущих главах. Здесь мы заострим внимание еще на нескольких, имеющих принципиальное значение проблемах, которые в свете исследований последних лет требуют новой, отличной от традиционных взглядов гомерологии, интерпретации.

Одна из таких проблем — определение места гомеровского языка среди греческих диалектов. Как известно, исследователи, начиная еще с античной эпохи, стараются установить, на каком греческом диалекте созданы «Илиада» и «Одиссея». Мы не имеем здесь возможности представить всю историю исследования данного вопроса¹. Отметим только, что гомеровский диалект не вмещается в рамки ни одного из известных греческих диалектов, хотя вбирает в себя, в определенной степени, черты, характерные почти для каждого из них. После расшифровки линейного-Б письма в гомерологии возникло мнение: не является ли диалект Гомера наследником койнэ — общего диалекта микенской эпохи, который развивался сначала в пределах эолийского, а затем ионийского диалектов². На реальность подобного допущения, как будто, указывает наличие следов микенского койнэ даже в языке греческих поэтов V в. до н. э.³

Прежде чем перейти к рассмотрению характера сложившегося таким образом гомеровского диалекта, скажем несколько слов о наличии в гомеровском языке слоев разных диалектов.

Сегодня можно говорить о существовании в гомеровском диалекте языковых особенностей четырех основных групп, которые возводятся к четырем греческим диалектам, засвидетельствованным письменно (линейному-Б, эолийско-

¹ Для обзора ср. 67.

² Ср. 67, стр. 134...

³ Ср. 38.

му, ионийскому и аттическому). Примечательно, что характерные для данных слоев элементы не сконцентрированы в какой-то одной или нескольких частях поэмы. Они равномерно распределены по всему тексту поэмы. Этот факт полностью исключает объяснение данного обстоятельства теорией многоавторства⁴. Основные языковые особенности, характерные для данных слоев, проявляются в следующих деталях⁵:

1. Часть засвидетельствованных у Гомера языковых фактов характерна и для языка линейного-Б. Это в первую очередь касается:

- а) формы родительного падежа ед. числа имен с основой на **-ο, οιο;**
- б) неслитных форм на **αωυ** род. пад. множ. числа имен с основой на **α:**
- в) форм род. пад. ед. числа имен мужского рода с основой на **α, αο;**
- г) инструменталис на **φ:** и т. д.

2. Языковые факты второй группы находят подтверждение в эолийском диалекте:

- а) замена лабиовелярных губными; у Гомера эол. **πί—συρες** встречается вместе с ион. **τέσσαρες** («четыре»), эол. **φῆρ** вместе с ион. **θήρ** («животное»);
 - б) окончание дат. падежа множ. числа имен с согласной основой **εσσι;**
 - в) суффикс причастия перфекта — **οντ;**
 - г) инфинитив на **—μεν** и **—μεναι;**
 - д) слова, в которых встречается **υ** вместо **Ϝ—εὔαδε;**
 - е) **ῥμβροτον** вместе с ион. **ἄμαρτον;**
 - ж) имя числительное **ῥα** вместе с **μία;**
 - з) **ζα** вместо **δια** (**ζα—θεος**);
 - и) очевидно формы местоимений: **ἄμες, ἄμε** и **ἄμι** вместе с **ῥμεῖς** и **ῥμῖν**, а **ῥμες, ῥме** и **ῥми** вместе с **οῖμεῖς** и **οῖμῖν**.
3. Что же касается ионизмов, то следует особо отметить:
- а) замену **α η—ой;**
 - б) замену формы **ῆς** 3 л. ед. числа имперф. **ῆν** формой;
 - в) процесс выпадения **Ϝ;**
 - г) количественный метатезис;

⁴ Ср. 67, стр. 134...

⁵ Ср. 125; Пальмер в 129; 67; 118; 198; 3196 и др.

- д) рост удельного веса контракции;
 - е) ν — приставное;
 - ж) окончание $\sigma\alpha\nu$ в III л. множ. числа вместо ν ;
 - з) $\eta\mu\epsilon\iota\varsigma$ и $\delta\mu\epsilon\iota\varsigma$ местоимения без сильного придыхания.
4. Факты, характерные для аттического диалекта:
- а) использование $\sigma\upsilon$ вместо $\epsilon\sigma$, $\epsilon\sigma\upsilon$;
 - б) частое использование дуалиса;
 - в) случаи, вызванные $\mu\epsilon\tau\alpha\chi\alpha\rho\alpha\kappa\tau\eta\rho\iota\sigma\mu\acute{o}\varsigma$ -ом и др.

Сложнее обстоит дело с лексикой. Большую трудность представляет определение того, на каком этапе развития языка могло быть распространено то или иное слово. Вполне допустимо, что большинство слов, которые можно считать общими для микенского и гомеровского словарей, столь же широко могли быть распространены в гомеровскую эпоху, как и в микенскую. По нашему мнению, здесь внимание следует заострить на географических и этнических терминах, использование которых в разговорном языке гомеровской эпохи исключается с исторической точки зрения. Что же касается названия отдельных предметов, то трудно допустить, чтобы поэт мог пользоваться этими словами, не будь они известны аудитории.

Здесь, как было уже отмечено, нельзя опираться лишь на археологический материал.

Говорить о непосредственно микенских источниках гомеровского эпоса, исходя только из того, что на данном этапе исследования нам неизвестно, использовался ли либо производился тот или иной предмет, названный в гомеровском эпосе и характерный для микенской культуры, и в VIII в. до н. э., неосновательно. Вполне можно допустить, что эти так называемые микенские термины продолжали жить в греческом языке VIII в. до н. э. так же, как и отдельные предметы героической эпохи, передававшиеся из поколения в поколение. Именно поэтому сегодня многие исследователи с сомнением относятся к разного рода спискам так называемых микенских терминов, засвидетельствованных у Гомера, и лишь в редких случаях признают за рядом терминов возможность их микенского происхождения⁶.

Таким образом, гомеровский язык является своего рода объединителем языковых фактов, характерных для различных греческих диалектов. Вполне естественно предположить, что ни один конкретный регион Греции в VIII в. до н. э. не говорил на данном диалекте. Факт, что в речи одного человека не могли проявиться одновременно все характерные для греческих диалектов особенности, которые являлись резуль-

⁶ Для обзора 67; 254; 194а.

татом сложного процесса векового развития языка. С другой стороны, также очевидно, что гомеровский эпос един и, следовательно, все эти особенности действительно были характерны для языка одного поэта. Если это так, следует думать, что в Греции VIII в. до н. э., наряду с конкретными разговорными диалектами, существовал отличный от каждого из них диалект, который можно назвать диалектом эпоса. Особенность этого диалекта в том, что он параллельно (более или менее последовательно) использовал формы, характерные для различных греческих диалектов. Вследствие этого он проявлял сходство с каждым из них в отдельности и в то же время отличался от каждого из них своим многообразием. То, что этот язык являлся не каким-то искусственным скрещением диалектов, а продуктом закономерного развития греческой поэтической традиции, подтверждается его общегреческим характером. Он, очевидно, использовал не только формы и слова, которые были характерны для диалектов современных или предшествующих ему, но и те, которые к тому времени не были засвидетельствованы, но их возникновение не исключалось структурой отдельных диалектов. Следовательно, этот язык, в отличие от отдельных диалектов, выполнял функцию общегреческого официально-или литературного языка. Он был понятен жителям всех районов Греции. Именно этот универсализм и стал, очевидно, причиной его определенного консерватизма. Он не подчинялся закономерностям развития живых разговорных диалектов, а имел свои законы развития. Именно поэтому форма, однажды попавшая в этот язык, навсегда становилась его органичной составной частью. Следовательно, согласно такой специфике развития, в нем одновременно могли сосуществовать характерные для различных хронологических уровней развития греческого языка языковые факты. Поэтому то, что для отдельного конкретного диалекта со временем становилось архаизмом, для эпического диалекта еще долгое время оставалось естественной и вполне современной формой. Постоянное сосуществование традиционного и современного было одним из основных факторов гибкости и универсальности этого языка. Однако поэтический язык был органически увязан и со стихотворным размером, требующим отличного от обычной разговорной речи синтаксиса, отличных форм выражения мысли. В этом именно и кроется первоначальная причина выделения этого языка от простой разговорной речи. Благодаря этому в процессе развития и формирования данного языка постепенно создавались связанные органично со стихотворным размером формулы, удобные комбинации слов и фраз, которые также становились его составными частями. Этот язык существовал лишь в связи с

живым поэтическим творчеством, именно поэтому, несмотря на свою многослойность и обособленность, он всегда воспринимался как реальный, единый язык греческого эпоса. С этой точки зрения интересно следующее замечание исследователя русской устной поэзии Евгеновой А. П.: «Язык устной поэзии — это живой язык для творцов и носителей ее, а не пришедший извне или «спустившийся сверху» и механически усвоенный и усвояемый. Диалектные черты в нем — не внешняя, позднейшая оболочка, а органическая неотъемлемая сторона устного произведения, пронизывающая все его стороны. «Система» языка (грамматическая, лексическая) устного произведения — это «система» того говора, в области распространения которого она живет, но в то же время это в основных и определенных чертах и «система» русского языка в его целом, а диалектные отклонения в ней незначительны»⁷.

Следовательно, гомеровский язык следует рассматривать как своего рода наддиалект, который в отношении эпоса, как самостоятельного литературного жанра, постепенно становится официальным, общегреческим языком. И даже после перехода от устной традиции к письменной он длительное время не должен был подвергаться значительным изменениям. Для эпических поэтов и слушателей эпоса этот язык еще долго оставался литературным языком⁸.

Естественно, встает вопрос, как представляется нам процесс формирования и распространения этого языка? Допустим, что в микенскую эпоху существовало своего рода поэтическое койнэ, распространенное по всей Греции. Следующий этап развития этого языка — это этап эолизации, который происходил или в самой Греции, или же на островах восточной Эгеиды и в прибрежных районах Малой Азии⁹. В данном случае трудно допустить, что и этот модифицированный на эолийский лад язык мог иметь масштабы койнэ, ибо в «темные века» греческие племена не были централизованы ни в культурном, ни в политическом и ни в языковом отношении¹⁰. В этот период именно усиливается процесс диалектального членения греческого языка. Если эолизация т. н. микенского поэтического койнэ и происходила в определенной области греческого мира, то сомнительно, чтобы в «темные века» результаты данного процесса могли стать достоянием одновременно всего грекоязычного населения. В это время поэтическая традиция развивалась и в других обла-

⁷ Приводим по 41.

⁸ Ср. также 67.

⁹ Ср. 67; 198.

¹⁰ Ср. 374.

стях Греции. Естественно, микенское койнэ в эпической поэзии т. н. неэолийских регионов в «темные века» не могло принять ту же эолинскую окраску. Напротив, более реально предположить, что этот период был периодом дифференциации устного поэтического языка. Однако это вовсе не исключает того, что в эолийских регионах эпическая поэзия достигла более высокого уровня развития и лучше сохранила черты общегреческого эпоса как в языковом, так и тематическом плане. Следующим этапом формирования языка греческой эпической поэзии надо считать ионийский. Как показывает изучение древнегреческого эпоса, ионийский является фактически базой эпического языка, ибо микенизмы и эолизмы в нем проявляются большей частью в т. н. формульных словах и выражениях, связанных в определенной степени с метрической структурой стиха, замена которых ионийскими формами столкнулась бы в первую очередь с трудностями метрического характера. И в данном случае следует полагать, что ионизация языка эпоса происходила в регионе распространения ионийских племен¹¹. Очевидно, ионийцы, освоив эпические традиции соседних эолийцев и других греческих племен, создают уже тот язык (и стиль) греческой эпической поэзии, который вплоть до Аполлония Родосского и Арата остается почти неизменным¹². Следовательно, этап ионизации можно считать последним этапом формирования эпического языка. Но в чем причина того, что этот язык с такой быстротой распространился по всему греческому миру, что ионийская традиция вдруг приостановила развитие всех других локальных эпических традиций? Ведь очевидно, что и Гесиод, и авторы киклических поэм, и т. н. ранних гомеровских гимнов являются уже ионизированными поэтами, а не непосредственными продолжателями ахейской или эолийской традиции. Еще более знаменательно, что язык этих поэтов схож не только в диалектальном отношении, но и составом и структурой формул и стереотипных выражений. Конечно, немалая часть этих формул и выражений восходит к ионийскому, а не к более древним источникам. Следовательно, остается допустить, что основным источником формирования всего архаического греческого эпоса служил либо Гомер, либо какой-нибудь другой догомеровский ионийский источник (или источники). Этот процесс своего рода стилистической и языковой унификации эпоса должен бы восходить к концу IX в. до н. э., когда ионийцы начинают занимать ведущее место в греческой культуре и становятся своего рода связующим звеном между Грецией и восточными цивилизациями начала I тысячелетия до

¹¹ Ср. 198, стр. 66.

¹² Ср. 3196.

н. э. Хотя к VIII в. до н. э. Греция имела довольно интенсивные взаимоотношения со многими регионами Средиземного моря, основным источником культурного влияния для нее, помимо сильной микенской традиции, все же являлись именно высокоразвитые восточные страны¹³. Так как импульсы с Востока в основном шли через ионийцев, то постепенно все ионизированное приобретало значение и форму своего рода нормы для всего греческого мира. Именно поэтому ионизированный эпос самое позднее с конца VIII в. до н. э. становится основным источником формирования греческого эпоса и вообще греческой архаической поэзии. Отсюда это поразительное языковое и стилистическое единство всей греческой поэтической продукции ранней архаики. Ионизированный наддиалект греческого эпоса со временем вытесняет все другие локальные традиции и становится общегреческой нормой. Однако, если все это так, то еще в VIII в., до окончательного завершения этого процесса, в греческой поэтической традиции должны были быть факты существенных отклонений от так называемой гомеровской нормы, восходящие к другим источникам. С этой точки зрения интересно изучение языка рассмотренного выше сосуда Нестора из Питекусы. В надписи, несмотря на ее небольшой объем, можно выделить несколько слов и словосочетаний, не находящихся подтверждения в древнегреческом эпосе. Так, форма *εὔποτ[ος]* «удобный (приятный) для питья» не подтверждается в архаическом греческом эпосе. То же самое можно сказать и о *ποτήριον* «сосуд». Также формула *καλλιότ[ε]ρ[α]ν Ἀφροδίτης*, несмотря на обилие эпитетов Афродиты в древнегреческом эпосе не имеет параллелей в гомеровской традиции. Эпитет *καλλιότ[ε]φανος* употребляется лишь в гомеровском гимне к Деметре в отношении богини земледелия *καλλιότ[ε]φανος Δήμητρ* (251, 295). Немало отклонений от «гомеровской» нормы и в незначительных фрагментах древнейших греческих эпиков, датируемых приблизительно гомеровской эпохой. Ю расхождений между Гомером и современной ему традицией в употреблении эпических формул речь шла выше.

Все это, по нашему мнению, делает очевидным, что процесс языковой унификации греческого эпоса, выраженный обилием языковых и стилистических встреч в древнейших памятниках, был связан, в первую очередь, с распространением ионийского культурного влияния на весь греческий мир

¹³ Ср. 103а.

VIII в. до н. э. и, естественно, с началом процесса письменной фиксации поэтической информации¹⁴.

Сказанное относительно языка Гомера более или менее справедливо и применительно к его стилю. Как видно, греческие эпические поэты владели многими традиционными деталями, которые использовались ими в разных вариациях. Однако общий стиль их поэм, по всей видимости, в основном определяли все же художественные и стилистические принципы, характерные современной им эпохе. В данном случае эпические поэты, сознательно или подсознательно, следовали за развитием эпохи, а не за установленными традицией эпическими нормами. Их стиль, выявленный в отдельных структурах поэм, изменялся с развитием общего стиля эпохи. Мы выше уже говорили о том, что гомеровский эпос должен быть создан в VIII в. до н. э. Именно к этому периоду относится совершенствование характерного для греческого искусства геометрического стиля, а затем и его деградация. Если гомеровский эпос действительно является продуктом творчества индивидуального поэта, жившего в VIII в. до н. э., то в нем, в первую очередь, должен преобладать дух, характерный для греческого искусства той эпохи. Проследим, в какой мере стиль гомеровского эпоса соответствует стилю его же эпохи, в какой мере изменения, имевшие место в геометрическом искусстве VIII в. до н. э., аналогичны принципам, наблюдаемым в различных структурах гомеровского эпоса. С этой целью рассмотрим кратко основные стилистические черты, характерные для геометрического искусства.

После упадка микенской культуры (XII в. до н. э.) в греческом искусстве заметнее остальных начинает проявляться геометрический стиль. Истоки этого стиля, естественно, следует искать в среде самой микенской цивилизации, однако окончательное его формирование начинается лишь с эпохи так называемых «темных веков» (XI—X вв. до н. э.). Характерной чертой данного стиля была замена стилизованного орнамента с изображениями простым, но строгим геометрическим орнаментом. Если проследить за развитием этого стиля с протогеометрического периода (XI—X вв. до н. э.) вплоть до позднегеометрического (750—700), станет очевидным, что в нем выражено то, характерное именно для греческого мышления, стремление к систематизации, лаконизму и завершенности, на основе которого впоследствии возникла

¹⁴ Что же касается аттицизмов в гомеровском языке, то их наличие можно объяснить в некоторых случаях инициативой более поздних переписчиков, влиянием так называемой аттической редакции гомеровского текста. В последнее время в гомерологии были попытки выявления в тексте «Одиссеи» дорийского окончания родительного падежа (176a).

классическая культура V в. до н. э. В отличие от протогеометрического стиля, которому свойственно механическое приращивание друг к другу геометрических орнаментов, в геометрическом искусстве происходит уже согласование (координация) друг с другом или подчинение (субординация) друг другу орнаментов и мотивов. Следовательно, в геометрическом искусстве мы имеем дело не со случайной, а с логической последовательностью элементов. Можно сказать, что мастер данного стиля в определенной мере использует метод логического анализа. Своего наивысшего развития геометрическое искусство достигло в Аттике VIII в. до н. э. Его наилучшим образцом можно считать так называемую дипилонскую керамику. Хотя на дипилонских сосудах изображены и люди, и животные, очертания столь схематичны, что их следует рассматривать в рамках геометрического орнамента. Естественно, в результате длительного процесса развития геометрическое искусство достигло полного совершенства: поразительной утонченности формы и орнамента. Это искусство вызывает ощущение удивительной завершенности, которое достигается посредством распределения орнаментов в строгой последовательности по принципу круговой композиции. Вся поверхность геометрической керамики покрыта вертикальными или горизонтальными поясами, заполненными, в свою очередь, расположенным по цепочке геометрическим орнаментом. Геометрические орнаменты одних поясов могут повторяться в других поясах, в различном объеме, возможно в несколько измененном виде. Вертикальные и горизонтальные поясы, как правило, не пересекают друг друга. Однако имеются случаи рассечения поясами друг друга, когда структура одного пояса нарушает структуру другого. Чем более развито геометрическое искусство, тем сложнее комбинации поясов. Но во всех случаях комбинации и чередования отмечены строгой симметрией. В этом специфика геометрического стиля в искусстве¹⁵. В гомерологии есть попытки сопоставить принципы прямолинейного построения действия, прямолинейного движения войск в различных сценах, расположения ахейского и троянского лагерей с плоскостными и линейными изобразительными принципами геометрического искусства¹⁶. Однако такие попытки нередко производят впечатление искусственного увязывания гомеровского эпоса с геометрическим искусством. Полностью увязать дух гомеровских поэм с геометрическим искусством—дело весьма трудное, ибо последнее своими геометрическими человечками, животными и предметами создает полный контраст с полнокровными героями Гомера, с необычайной живописностью его сцен. По наше-

¹⁵ О геометрическом стиле см. 374; 396; 392, стр. 187...

¹⁶ К обзору 396, стр. 87...; 294.

му мнению, вообще невозможно механическое перенесение принципов, засвидетельствованных в искусстве, на поэзию и литературу. И все же нельзя не отметить, что в композиции и структуре гомеровского эпоса есть много моментов, в основе которых лежат принципы, не свойственные в такой мере известным литературным и народным эпическим произведениям — необычайная симметричность, единство строгих и четких композиционных приемов. Именно в этом проявляются значительные связи Гомера с геометрическим искусством. Это и неудивительно. Ведь вся сущность геометрического искусства заключается не в использовании отдельных геометрических орнаментов, а в их распределении согласно вполне определенным композиционным принципам. Следовательно, его своеобразие, в первую очередь, определяется единством специфических композиционных принципов, своеобразным синтаксисом. На керамической продукции VIII в. до н. э. можно выявить одновременно наличие комбинаций следующих композиционных принципов:

1) круговая композиция, имеющая в виду повторение поясов, содержащих схожие орнаменты, или орнаментов одного какого-нибудь пояса по принципу $a\ b\ c\ d\ c'\ b'\ a'$;

2) параллельное деление, т. е. чередование поясов или орнаментов в самом поясе по принципу $a\ b\ a'\ b'...$;

3) свободное чередование — $a\ b\ c...$;

4) структурное деление, означающее рассечение одного из перечисленных выше типов последовательности орнаментов или поясов новыми комбинациями, что вызывает образование новой последовательности. Здесь допустимо наличие бесконечного числа вариантов: $a\ b\ a'\ b': c\ c': d\ e\ d'\ e'$ или $a\ b\ c: d\ d': e\ f\ g$ и т. д.¹⁷. Мы не коснемся здесь других комбинаций распределения поясов вокруг центрального пояса с изображениями, элементарной последовательности ($a\ a\ a$) орнаментов между поясами и т. д.¹⁸. Чем заметнее процесс деградации геометрического искусства, тем интенсивнее проявляются следующие тенденции: а) усиливается удельный вес структурного деления, б) между геометрическими поясами нарушается четкое композиционное взаимоотношение, в) происходит проникновение элементов, свойственных другим стилям.

Обратившись теперь к гомеровскому эпосу, можно обнаружить в нем все эти композиционные принципы. При этом следует заметить, что, в отличие от «Илиады», для «Одиссеи» в малых структурах характерно стремление к разрушению четких композиционных принципов, хотя в ее общем по-

¹⁷ Ср. также 392, стр. 187...

¹⁸ Для обзора ср. 392, стр. 187...

строении это и не чувствуется. И в искусстве геометрической эпохи деградация стиля в первую очередь коснулась малых структур и выразилась в структурных аномалиях в отдельных поясах. Анализ структурной симметрии «Илиады» и «Одиссеи», проведенный нами выше, показал, что для гомеровского эпоса характерны как круговая композиция, параллельное деление и свободная последовательность, так и структурное деление. Естественно, каждый из этих принципов в отдельности можно встретить в искусстве и поэзии разных эпох, однако совокупность этих принципов наблюдается лишь в геометрическом искусстве VIII в. до н. э. и гомеровском эпосе, созданном также в VIII в. до н. э.

Верность композиционным принципам геометрического искусства у Гомера можно выявить не только в структурах отдельных сцен и речей, в последовательности сцен и т. д., но и при рассмотрении поэм с точки зрения развития центральных мотивов. Как было выявлено в последнее время, в «Илиаде» гнев Ахилла развивается в двух фазах и в каждой из них — схожая последовательность схожих мотивов¹⁹. Если рассмотреть вопрос взаимоотношения этих мотивов с точки зрения композиционных принципов геометрического искусства, то, по нашему мнению, можно обнаружить ту же закономерность, которая была выявлена в распределении сцен симметрично расположенных блоков. Первая фаза гнева Ахилла — гнев на ахейцев — начинается в I песни и заканчивается в XVI, в которой он посылает Патрокла и мирмидонцев для участия в боях. Ее можно представить как совокупность следующих мотивов:

I фаза	{	а. Причина гнева Ахилла — потеря любимого человека. б. Бои без Ахилла — бедствия ахейцев. в. Три тщетные просьбы к Ахиллу (Одиссей, Феникс, Аякс). г. Бои без Ахилла — поражение ахейцев будто бы неминуемо. д. Выполнение просьбы — Ахилл посылает Патрокла и мирмидонцев для участия в боях.

Вторая фаза — гнев на троянцев — начинается с момента смерти Патрокла и завершается возвращением Приаму тела Гектора:

¹⁹ 258, стр. 277...

II фаза	{	а. Причина гнева Ахилла — потеря любимого человека.
		б. Бои с участием Ахилла — бедствия троянцев.
		в. Три тщетные просьбы к Ахиллу (Трос, Ликаон, Гектор).
		г. Ахилл устраивает соревнования в честь Патрокла — победа ахейцев неминуема.
		д. Выполнение просьбы — Ахилл возвращает Приаму тело сына.

Анализ «Одиссеи» с этой точки зрения дает аналогичные результаты. Возвращение Одиссея осуществляется в трех фазах:

I фаза	{	а. Мысль о возвращении Одиссея — Телемах отправляется в путь на поиски вестей об отце.
		б. Гостеприимство друзей Одиссея — рассказ о странствиях и возвращениях ахейских героев (без Одиссея).
		в. Телемах мирно достигает Итаки (женихи не могут осуществить план убийства Телемаха).
II фаза	{	а. Мысль о возвращении Одиссея — Одиссей отправляется с острова Калипсо на Итаку.
		б. Гостеприимство феаков — рассказ о странствиях и возвращении Одиссея.
		в. Одиссей мирно достигает Итаки (Посейдон не осуществляет план возмездия).
III фаза	{	а. Вернувшийся Одиссей (и Телемах) отправляется в свой дворец.
		б. Негостеприимство женихов — убийство женихов.
		в. Одиссей (и Телемах) мирно достигает отеческого дома (родственники женихов не могут осуществить план возмездия).

Как в «Илиаде», так и в «Одиссее» имеются отдельные структурные аномалии. Например, во второй фазе гнева Ахилла мотив трех тщетных просьб не разграничен четко, с точки зрения развития действия, от мотива битв с участием Ахилла и бездействий троянцев. Три тщетные просьбы являются составными сценами эпизода бедствий троянцев в действии поэмы. Так же и в реальном действии «Одиссеи»: вторая фаза рассекает первую — мирное возвращение Телемаха непосредственно следует за возвращением Одиссея на Итаку. Однако как в одном, так и в другом случаях причиной аномалии является логика развития действия. Выделе-

ние трех тщетных просьб троянских героев к Ахиллу из эпизода, описывающего бедствия троянцев, было бы искусственным и неоправданным с точки зрения развития действия поэмы. Перемещением сцены мирного возвращения Телемаха перед эпизодом возвращения самого Одиссея действие «Одиссеи» потеряло бы свойственный ему драматизм и убедительность. Здесь, как и в других случаях, очевидно, что определяющей для Гомера является логика развития действия. Как показывает рассмотрение этого и связанных со структурной симметрией других моментов, установленные выше композиционные принципы для Гомера универсальны. При любом принципе выделения в поэмах отдельных структур, при любом подходе к общей структуре «Илиады» и «Одиссеи», во всех случаях — одинаковое композиционное видение, своеобразное и единое ощущение симметричности. Это же, как было уже отмечено, указывает на то, что гомеровские поэмы связаны органично с одной личностью и с одной эпохой.

Думается, что во многих случаях именно этими композиционными принципами, а не «типичностью» обуславливается частота повторений, взаимоотражений в гомеровском эпосе. С этой точки зрения значительными представляются результаты исследования Ломанна. Выявив в построении отдельных речей и сцен «Илиады» единство композиционных принципов, исследователь делает заключение, что соответственно тому или иному аспекту в поэме можно выделить «общий знаменатель», указывающий на поэтические принципы «Илиады». Среди них самым значительным является повторение принципа, вытекающий из техники связывания отдельных частей. Что же касается двух остальных — тематической экономии, которая опирается на аспект распределения информации, и техники строительных кубиков (Baustein-Technik), вытекающей из морфологическо-архитектонического аспекта, то они, по сравнению с первым, имеют второстепенное значение. Ломанн показывает, что «взаимосвязи» и «взаимоотражения» в «Илиаде», которые планомерно учитываются в поэтической концепции Гомера, выполняют определенную функцию. «Пример (первоисточник) и его отражение скомпонованы один за другим (aufeinander-zukomponiert), один является образцом, парадигмой другого»²⁰. Для данного композиционного принципа Ломанн применяет термин «парадигматическое взаимоотражение». Однако два взаимоотражающих момента одновременно являются и взаимообусловленными; следовательно, между ними двусторонняя связь. После этого, из рассмотрения отдельных частей гомеровского эпоса явствует, что многие стилистические осо-

²⁰ 258, стр. 187.

бенности, которые считают спецификой языка формул, имеют вполне определенную поэтическую нагрузку²¹. Наличие этих композиционных принципов в поэмах Гомера было подтверждено и нашим анализом распределения информации, структурной симметрии поэм, проведенным выше.

Среди многочисленных стилистических особенностей гомеровского эпоса специально следует выделить сравнения. Можно с уверенностью сказать, что обилием и многообразием высокохудожественных сравнений гомеровский эпос занимает совершенно особое место в греческой литературе. Что только не привлекается для характеристики сравниваемого предмета или героя: мир животных и растений, огонь и стихии природы, звездное небо и широкое море, сцены охоты и мирного труда и т. д. Мир гомеровских сравнений настолько многообразен и сложен в структурном отношении, что до последнего времени нет окончательного ответа даже на один из основных вопросов: по принципам устной или письменной поэзии строятся гомеровские сравнения, традиционны они или индивидуальны? За последние годы вышло несколько специальных работ, авторы которых стараются доказать, что гомеровские сравнения должны рассматриваться в рамках устного эпического творчества²². Что же является основным доказательством устного характера сравнений? По мнению Скотта, «при исследовании можно выделить два момента, которые помогут найти в сравнениях изолированно неизменяемые единицы устной поэзии: 1) повторяющиеся сравнения, 2) метод распространения сравнения»²³. Автор указывает на довольно частые случаи повторения в гомеровском эпосе кратких сравнений в одной и той же метрической позиции. (Так, например, между буколическим диакрисисом и концом строки в — — — — метрической позиции $\dot{\eta}\delta\tau\epsilon\ \nu\epsilon\beta\rho\acute{o}\iota$ употребляется 3 раза, $\delta\alpha\acute{\iota}\mu\omicron\nu\cdot\ \dot{\iota}\sigma\sigma\omicron\varsigma$ — 8 и т. д.). Однако особое значение придает он повторению т. н. больших сравнений. В гомеровском эпосе восемь таких случаев:

1. «Ил.» V 782 = «Ил.» VIII 256. Люди вокруг Диомеда, Аякс и Гектор сравниваются со львами плотоядными.

2. «Ил.» V 860-61 = «Ил.» XIV 148-49. Рев Ароя и Посейдона сравнивается с криком девяти или десяти тысяч мужей.

3. «Ил.» VI 506-11 = «Ил.» XV 263-68. Парис и Гектор, устремляющиеся в бой, сравниваются с конем.

²¹ 258, стр. 183.

²² 241; 364а; 299.

²³ 364а, стр. 127.

4. «Ил.» XI 548-555=XVII 657-664. Аякс и Менелай, уходящие в бой, сравниваются с гонимым львом псами.

5. «Ил.» XIII 389-93=XVI 482-86. Асий и Сарпедон, павшие на поле битвы, сравниваются с дубом, тополем и сосной.

6. «Од.» IV 335-50=«Од.» XVII 126-41. Здесь повторение объясняется тем, что Телемах повторяет слова Менелая в XVII.

7. «Од.» VI 232-35=«Од.» XXIII 159-62. Одиссей, после принятия ванны, сравнивается с серебряным предметом, обрамленным золотом.

8. «Ил.» IX 14-15=XVI 3-4. Агамемнон и Патрокл, льющие слезы, сравниваются с горным потоком, проливающим воды (низвергающимся) с утеса.

По мнению автора, даже если допустить, что повторение некоторых сравнений вызвано желанием поэта подчеркнуть сходство между отдельными сценами, все же остается ряд случаев, в которых повторение сравнений трудно объяснить поэтическими условностями. То, что одно и то же распространенное сравнение может встречаться в двух разных сценах, является доказательством независимого происхождения этих сравнений. Следовательно, они не связаны органично с какими-то конкретными эпизодами или моментами и не созданы специально для них, а являются заранее сформировавшимися поэтическими единицами, которыми может пользоваться поэт в процессе устного слагания отдельных сцен. Эти сравнения, используемые в типичных ситуациях, аэд так же хранит в памяти, как и различные эпические формулы. Еще одним доказательством устного характера гомеровских сравнений Скотт считает метод их конструирования, распространения маленьких групп уподобляемых слов, связанных с определенной метрической позицией, в большие завершенные картины. В этих случаях механизм конструирования сравнений, несмотря на множество вариаций, не меняется у Гомера. Все это, вместе с фактом тесной связи определенных групп сравнений с определенным типом сцен, дает исследователю возможность говорить об устной природе гомеровских сравнений²⁴.

Проблема гомеровских сравнений требует специального исследования. Поэтому мы постараемся изложить здесь нашу точку зрения лишь на вопрос происхождения этих сравнений.

С самого же начала следует заметить, что почти все исходные положения сторонников устного происхождения срав-

²⁴ 364а, стр. 96..

нений Гомера, на наш взгляд, грешат неправильной с методологической точки зрения постановкой вопроса. Устное происхождение сравнений нельзя доказать ни одним из выдвинутых сторонниками oral poetry аргументов. Так, относительно повторения гомеровских сравнений (чаще сравнений, образованных из небольших групп слов-формул, реже передающих законченные картины) можно сказать следующее: то, что сравнения типа «подобно птице», «подобно богу» и т. д. могут повторяться бесконечное число раз, ибо они являются сравнениями-формулами, которые отражали т. н. стандартные ассоциации, не вызывает особых возражений и у сторонников «устного Гомера». Следовательно, их использование в эпосе еще ничего не может доказать. Что же касается т. н. больших сравнений, то факты повторения вовсе не указывают на их формирование устным путем, а напротив, они, думается, говорят именно о существовании фиксированного текста. Лишь этим можно объяснить дословное, без малейших текстуальных изменений, повторение обширных сравнений. То, что поэт мог заранее продумать фиксированные варианты сравнений для определенного типа сцен, вовсе не означает, что он — обязательно устный поэт. Подобная предварительная работа над образом является характерной чертой, в первую очередь, для письменной литературы. Не должны вызывать удивления и факты повторения этих сравнений у Гомера, ибо, как было выше отмечено, поэт не избегает вообще повторений. Хотя следует отметить, что во всем гомеровском эпосе лишь три-четыре случая повторения больших сравнений без какой-либо осознанной поэтической функции²⁵.

То же самое можно сказать и о принципе конструирования и распространения сравнений у Гомера. Выше мы отмечали, что в самой структуре гексаметра заложена необходимость конструирования словосочетаний, формульных выражений. Наряду с этим следует учесть, что каждое конкретное сравнение является фактически реализацией универсальной логической модели сравнения. Эта модель может быть реализована на совершенно различных уровнях, начиная от несложного уподобления и кончая комплексными сравнениями. Так как в сравнениях обычно участвует определенный круг единиц, наделенных функцией сходства, будь это *ὥς*, *ὡς*, *ὡς*, *ὡς*, *ὡς*, *ὡς* или др., которые можно назвать элементами сходства, эти сравнения в структурном отношении не отличаются большим разнообразием. Следовательно, сам механизм конструирования этих сравнений мог заставить поэта,

²⁵ Этого не отрицает и сам Скотт.

употребляющего не совсем естественный для греческого языка стихотворный размер, пользоваться несколько однообразными методами при формировании и распространении сравнений. Однако в данном случае следует отличать друг от друга сравнение-формулу (или языковой штамп), дающую стандартный образ, и сравнение, рисующее нестандартный образ. Так, Скотт в качестве примера распространения сравнения приводит следующие места из «Илиады»:

„τοὺς ἐξῆγε θύραζε τεθνηπότας ἥδτε νεβροὺς,
δῆσε δ' ὀπίσσω χεῖρας ἐντιμήτοισιν ἱμάσι“.

«Вывел из волн, обезумленных страхом, как юных оленей;
Руки им сзади связал разрезными, крутыми ремнями».

(XXI 29 — 30)

„ὥς οἱ μὲν κατὰ ἄστυ πεφυζότες ἥδτε νεβροὶ
ἰδρῶ ἀλεψύχοντο πλὺν τ' ἀέοντό τε δάσαν“.

«С ужасом в город вбежав, как олени молодые, трояне
Пот прохладжали, пили и жажду свою утоляли».

(XXII 1 — 2)

Здесь ἥδτε νεβροὺς (οἱ) («как молодые олени») формы используются в качестве уподобляемого (Б) в двух разных сценах. Ассоциацию молодых оленей в первом случае вызывает страх троянцев перед Ахиллом, во втором — образ более сложный, здесь к страху присоединяется бег, утоление жажды и т. д. Но как в одном, так и в другом случае Б образует формульное выражение, которое принимает участие и в формировании других сравнений гомеровского эпоса. И вот в IV 240 — 249 на базе этого формульного выражения заметно расширяется Б, делая тем самым более комплексными взаимоотношения с А (уподобленным):

„Ἀργεῖοι ἰώωροι, ἐλεγχέες, οὐ νῦν σέβετε:
τίφθ' οὕτως ἔστητε τεθνηπότες ἥδτε νεβροί,
αἶ τ' ἐπεὶ οὐκ ἔκαμον πολέος πεδίοιο θέουσαι,
ἑστᾶσ' οὐδ' ἄρα τίς σφι μετὰ φρεσὶ γίγνεται ἀλκή·
ὥς ἡμεῖς ἔστητε τεθνηπότες, οὐδὲ μάχεσθε“.

«Арґгоса вои, стрельцы презренные, нет ли стыда вам?
Что пораженные страхом, как робкие лани, стоите?
Лани, когда утомятся, по чистому бегая полю,
Купой стоят, и нет в их персях ни духа, ни силы, —
Так, пораженные, вы здесь стоите и медлите к бою».

(IV 242...)

В данном случае сравнение, как отдельный художественный образ, приобретает полную независимость и индивидуальность. Хотя в его основе А (воины) и Б (молодые олени) уподобляются друг другу по тому же традиционному признаку — страху, но расширение Б делает эти линии уподобления более сложными и разнообразными. Именно поэтому, данное сравнение, как художественный образ, в отличие от простой формулы ἦϊτε νεῖρός(σῑ), больше не повторяется в гомеровском эпосе.

Думается, уже тот факт, что Гомер может расширить традиционную формулу в Б до совершенно индивидуального образа уподобляемого, говорит о том, что здесь мы не имеем дело с устной техникой. В конечном счете в основе каждого сравнения мы можем найти простое существительное, которое является своего рода формулой. Ибо неожиданность ассоциации возникает не путем введения в сферу сравнения какого-то неизвестного и фантастического предмета, а посредством выявления в обычных предметах и явлениях совершенно новых, незамеченных точек соприкосновения. Именно поэтому, говоря о технике расширения сравнений Гомером, следует обратить внимание не столько на механизм построения сравнений, частоту повторения в них отдельных формул и выражений, а на степень самобытности самого художественного образа — сравнения с семантической и эстетической точек зрения.

По нашему мнению, при суждении о сравнениях, как и в других случаях, к Гомеру следует подходить как к поэту, который искусно, мастерски соединил, слил воедино традиционное и индивидуальное. Нельзя отрицать того, что в его поэмах много традиционных, бытовавших в устном творчестве сравнений; однако при этом много и совершенно оригинальных, сугубо индивидуальных, поражающих глубиной поэтического видения и неисчерпаемостью ассоциаций. Именно в них, а не в стандартных и обычных уподоблениях, раскрывается в полной мере поэтическая сила индивидуального творца. Это т. н. комплексные сравнения. В них процесс сравнения не ограничивается характерным для обычной схемы уподоблением А и Б по какому-то одному, легко доступному для ассоциации признаку, подобно древневосточной литературе, или малым сравнениям-формулам самого гомеровского эпоса. Так называемые большие сравнения Гомера являются продуктом индивидуального поэтического ассоциативного мышления. «То, что лежит на ассоциативной поверхности психики, уже амортизировано и лишено эффекта неожиданности. Однако поэтическая фантазия позволяет обнаружить новые черты, свойства предметов. Для этого объект должен находиться в движении, в котором раскрываются

его завуалированные признаки. Эти черты — мгновенно возникающие при определенной ситуации — становятся сферой уподобления»²⁶. Такие сравнения исследователь категории сравнения Т. В. Квачантирадзе называет ситуационными: «Ситуационным» мы называем именно такое сравнение, когда основные члены уподобляются друг другу в сфере признака только с помощью вспомогательных слов. При таком сравнении каркас — основные члены схемы — эстетически может быть невыразительным, но заполненный определяющими и вспомогательными словами, он уже принимает вид мощного поэтического образа»²⁷. И, действительно, возьмем к примеру хотя бы уже рассмотренное выше сравнение в сцене всеобщего оплакивания Гектора из «Илиады» (XXII 408...).

«Кругом же граждане
Подняли плач; раздавались вопли по целому граду.
Было подобно, как будто, от края до края, высокий
Весь Илион от своих оснований в огне рассыпался».

Здесь трудно выделить просто уподобленное (А) и уподобляемое (Б), ибо вся картина оплакивания Гектора и горя троянцев сравнивается с Илионом, охваченным огнем. Как было указано выше, здесь смысл сравнения более глубок — поэт явно имеет в виду, что смерть Гектора фактически означает гибель Илиона. Возьмем другое сравнение («Ил.» XIII 240...):

«Идомей же, поспешно пришел к благосозданной куше,
Пышным доспехом покрылся и, взявши два крепкие дрота,
Он устремился, перуну подобный, который Кроннион
Махом всесильной руки с лучезарного мечет Олимпа,
В знаменье смертным: горит он, летя, ослепительным блеском, —
Так у него, у бегущего, медь вокруг персей блистала».

И в данном случае то же самое. Здесь главное не в том, что вступление героя в битву сравнивается традиционно с огнем и блеском, а в том, что сравнение своим ситуационным характером передает цельный поэтический образ, далекий от схематизма и поверхностности устной техники. Вполне возможно, что подобное сравнение поэт мог использовать и в другом случае, когда дело касалось вступления в бой другого героя. Но примечательно, что Гомер проявляет стремление к индивидуализации каждой отдельной сцены. Несмотря

²⁶ 46а, стр. 26...

²⁷ 46а, стр. 27. Из данной работы мы пользуемся в основном терминологией: уподобленный (А) и уподобляемый (Б), ситуационное сравнение и т. д.

на то, что в «Илиаде» — большое количество эпизодов вступления героев в битву, данное сравнение больше не повторяется. То же самое можно сказать и о других сравнениях, казалось бы используемых в типичных случаях и содержащих традиционные объекты уподобления: огонь, блеск, лев и т. д. Эти сравнения могут быть схожи составом компонентов, но они никогда не повторяются (за исключением указанных выше нескольких случаев). Следовательно, говоря об индивидуальности или традиционности гомеровских сравнений, мы, в первую очередь, должны рассматривать их как художественные образы, а не как сумму традиционных элементов.

Подлинным художественным образом можно считать именно ситуационное сравнение, которое, как правило, существует лишь в письменной литературе. Устному поэту не требуются подобные сравнения, ибо он не думает об индивидуализации каждой отдельной сцены, его больше интересует общая линия повествования. Использование же ситуационного сравнения можно объяснить лишь стремлением поэта к индивидуализации отдельных эпизодов, сцен, образов, к размещению их в соответствующем контексте визуальных, акустических или психологических ассоциаций. Вспомним сравнение, приведенное в сцене поглощения Скиллой спутников Одиссея:

«Как рыболов с каменистого берега длинносогбенной
Удой кидающий в воду коварную рыбам приманку,
Рогом быка лугового их ловит, потом, из воды их
Выхватив, на берег жалко трепещущих быстро бросает.
Так трепетали они в высоте, унесенные жадною Скиллой.
Там перед входом пещеры она сожрала их, кричащих
Громко и руки ко мне простирающих в лютном терзаньи».

(«Од.» XII 251)

Или комплекс сравнений в сцене выжигания глаза у Циклопа:

«Кол обхватили они и его острым раскаленным
Втиснули спящему в глаз, и, с конца приподнявши, его я
Начал вертеть, как вертит буравом корабельный строитель,
Толстую доску пронзая; другие ж ему помогают, ремнями
Острый бурав обращая, и, в доску вгрызаясь, визжит он.
Так мы его с двух боков обхвативши руками, проворно
Кол свой вертели в пронзенном глазу: облился он горячей
Кровью; истлели ресницы, шершавые вспыхнули брови;
Яблоко лопнуло; выбрызгнув глаз на огне зашипевши.
Так расторопный ковач, изготовив топор иль секиру,
В воду металл (на огне раскаливши его, чтоб двойную

Крепость имел) погружает, и звонко шипит он в холодной Влаге; так глаз зашипел, острием раскаленным пронзенный».

(IX 382...)

Безусловно, эти сравнения могли возникнуть лишь в поэзии индивидуального творца, тщательно чеканившего свои художественные образы и фиксирующего их письменным путем.

На то, что гомеровские сравнения не являются элементами традиционного стиля, указывает и языковой анализ сравнений. В частности Шипп²⁸ и Ли²⁹ на основе анализа гомеровских сравнений пришли к выводу, что язык сравнений сравнительно поздний. Это они, особенно Ли, объясняют тем, что часть гомеровских сравнений является более поздним добавлением к тексту. Однако в данном случае, более реальным кажется объяснение Хойбека: «Совершенно естественно, что в повествовании о героической жизни, и в первую очередь о битвах, Гомер довольно широко использует языковой материал, который уже до него был сформирован и использовался при описании подобных событий, в то же время, сравнения, рисуящие картины современного ему мира, раскрывали перед ним возможность и даже необходимость говорить собственным языком; не следует удивляться тому, что именно в сравнениях более часты употребления поздних форм, неологизмов, выражений из негероической области»³⁰. Так или иначе, ясно одно, что сравнения и с языковой точки зрения не могли принадлежать к так называемому формальному, традиционному фонду языка эпоса.

У нас нет возможности остановиться здесь и на других стилистических особенностях гомеровского эпоса³¹. Они детально и глубоко рассматриваются в монографии А. Ф. Лосева³². Многие стороны гомеровского стиля исследованы также в книгах Н. Сахарного³³, И. Шталь³⁴.

²⁸ 368.

²⁹ 247a.

³⁰ 194a, стр. 209. Интересно анализируются гомеровские сравнения в 57a, стр. 139... Автор умело показывает индивидуальное в гомеровских сравнениях.

³¹ В последнее время в гомерологии были сделаны серьезные попытки критики «Закона хронологической несовместимости» Зелинского. Ср. 241.

³² 48.

³³ 57a.

³⁴ 72a.

К ПРИНЦИПУ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ГЕРОЕВ В ГОМЕРОВСКОМ ЭПОСЕ

Одним из спорных вопросов гомеровского эпоса является проблема характеров героев. На данном этапе исследования в единодушное мнение античных писателей и большинства современных гомерологов о том, что Гомер — мастер обрисовки характеров и его герои вполне индивидуальны, внесли определенные изменения работы Б. Снелла и его сторонников, с одной стороны, и исследования представителей устной поэзии, с другой.

Б. Снелл¹ в основном исходит из анализа гомеровской терминологии и делает вывод: у Гомера нет обозначения человеческого тела, как целого, термин *σῶμα* «тело» у него обозначает лишь труп, мертвое тело. Следовательно, человеческое тело Гомер воспринимает через отдельные его части. Так же следует рассматривать и гомеровское восприятие внутреннего мира человека. Душа, как замкнутая сфера, заключающая в себе думы и ощущения, глубинные переживания человека, Гомеру еще не известна, ему известны лишь отдельные органы человеческой души. *ψυχή* у Гомера обозначает лишь тень умершего, которая отделяется при смерти от тела человека, или основу каждого жизненного побуждения, но не единый организующий духовный центр. Следовательно, невозможно говорить о внутренней жизни гомеровского героя, об его ответственности, самоопределении.

Теорию Снелла и его сторонников можно резюмировать словами Ф. Кодино: «Гомеровский эпос не мог иметь представление о глубине человеческой сущности, так как ему недостают элементы, которые для нас образуют личность»². Именно поэтому Снелл считает, что «человеческие действия у Гомера не имеют подлинного и самостоятельного начала; то, что запланировано и свершается — это план и дело бо-

¹ 371, стр. 14.

² 128, стр. 147.

гов»³, ...«у Гомера есть персональные судьбы, но нет персональных свершений»⁴.

В последние годы тезисы Снелла не раз подвергались критике. Ставился вполне закономерный вопрос, достаточен ли в действительности словарь Гомера для того, чтобы можно было говорить о сущности его героев (людей)⁵. Вместе с тем Фрэнкель указывал на то обстоятельство, что для обозначения личности, персоны у Гомера используется термин *κεφαλή* «голова», а тело обозначается термином *δέμας*⁶. А. Лески считает более значительным то обстоятельство, «что во всех тех случаях, когда обращаются к своим *θυμός* или *κράδιη*, говорящий представляется как целое, которому принадлежит указанный «орган души»⁷. В связи с этим интересно рассмотреть одно из тех мест «Илиады», в котором дается попытка выделить в личности, в данном случае в женщине, самые важные для ее общей характеристики черты. Агамемнон в I, 115 говорит, что Хризенда не хуже Клитемнестры, *οὐ δέμας οὐδὲ φύην, οὐτ' ἄρ φρένας οὔτε τι ἔργα*. В данном случае, следует полагать, Атрид перечисляет те качества, которые он больше всего ценит в женщине. Ни в одном из приведенных терминов нельзя видеть обозначения отдельных органов тела и души, в каждом случае термины имеют вполне абстрактные значения: *δέμας* здесь, безусловно, обозначает «построение тела», *φύην* — «внешность», *φρένας* — «ум», *ἔργα* — «практические женские дела»; за всеми этими чертами же поэт, безусловно, видит единый образ женщины. В каждом отдельном случае эти термины обобщают конкретные физические или душевные данные личности в такой мере, что они становятся самыми оптимальными абстрактными чертами, составляющими личность вообще. Нельзя не согласиться с Г. Фрэнкелем, который пишет: «Гомеровский человек есть не сумма тела и души, а нечто целое. Но из этого целого могут, по мере надобности, особенно выделяться отдельные части или точнее органы. Все отдельные органы подчинены личности»⁸.

Однако выяснение вопроса о том, действительно ли известны Гомеру термины, обозначающие человеческое тело или душу вообще, еще ничего не говорит о том, сколь инди-

³ 371, стр. 35.

⁴ 371, стр. 72.

⁵ Gündert, *Gnomon*, XXVII, 1955, стр. 467.

⁶ 1636, стр. 85, примеч. 3.

⁷ 254, стр. 51.

⁸ 1636, стр. 85.

видуальны гомеровские герои, как художественные образы, сколь индивидуальны их характеры.

Большинство представителей теории «устной поэзии» в данном случае придерживаются такой позиции: гомеровский эпос традиционен, следовательно, традиционны и гомеровские герои, индивидуальность которых обычно не может выйти за рамки тех представлений, которые сложились о том или ином герое в процессе длительного развития устного эпического творчества греков⁹. Наглядным примером этого, по их мнению, могут служить гомеровские эпитеты — самые явные примеры эпической характеристики. Взять хотя бы эпитеты, характеризующие Агамемнона: *ἀναξ ἀνδρῶν* «повелитель мужей», *Ἀτρεΐδης—κρείων* «Атрид властитель», *(ἥρωες) εὐρὺ κρείων* «(герой) широковластный», *ποιμὴν λαῶν* «пастырь народов» и т. д. Они, безусловно, соответствуют личности Агамемнона, однако, они соответствуют традиционному образу Агамемнона, а не его конкретному характеру, выявленному в гомеровском эпосе. Правда, Валлон считает¹⁰, что поскольку *ἀναξ ἀνδρῶν*, *κρείων* чаще всего употребляются относительно Агамемнона, то эти эпитеты внесены в эпос именно для обрисовки его образа. То же самое можно сказать, по его мнению, и о других эпитетах, связанных с известными ахейскими или троянскими героями. И все же, нам кажется, никто не может отрицать того, что все эти эпитеты имеют весьма общее содержание и, следовательно, схематичны. Вполне возможно, что и в догомеровской эпической традиции герои наделялись теми же эпитетами. И вообще, как нам представляется, гомеровские эпитеты вытекают именно из традиционного определения характера или свойств героя, независимо от того, создаются ли формулы-эпитеты самим Гомером или он заимствует их у традиции. Действительно, эти эпитеты в абсолютном большинстве случаев указывают на те общие свойства героя, которые связывают его не только с действием «Илиады» и «Одиссеи», но и с сюжетами сказаний троянского цикла вообще. Естественно, среди этих эпитетов некоторые могут быть более конкретными, более точно передающими свойства героя, другие же более универсальными, подходящими ко многим героям. Так, например, если *ἀναξ ἀνδρῶν*, *κρείων* только бог или властелин, то *δῖος* «блестящий, божественный» можно приписать любому герою. Поскольку гомеровские эпитеты в большинстве случаев не

⁹ Подобного взгляда придерживаются все основные представители теории «устной поэзии».

¹⁰ 395, стр. 2...

связаны твердо лишь с одним образом или характером, следует думать, что для поэта они и не являлись решающим элементом в процессе обрисовки образа. И действительно, в поэмах Гомера почти ни один герой не вмещается в очерченные тем или иным эпитетом схемы. Напротив, подчас они своими действиями явно зачеркивают приписанные им эпитетами качества. Все это дает основание сторонникам «устной поэзии» утверждать, что в гомеровском эпосе невозможно говорить о каком-то едином, собственно гомеровском, отличном от традиционных представлений характере героев.

Своеобразно исследует проблему гомеровской характеристики героев И. В. Шталь¹¹. Исходя из той отправной точки, что гомеровские поэмы являются образцами эпического синкретизма, исследователь доказывает, что гомеровский характер — это прежде всего «эпический характер». Поэтому здесь единичное и всеобщее слиты друг с другом неразрывно. Исходя из этого, можно говорить, что все гомеровские характеры едины, так как они не различаются друг от друга своей качественной структурой, то есть, по мнению И. В. Шталь, все гомеровские герои сводятся к одной общей модели, соответствующей понятиям идеального героя — *ἀνὴρ ἀγαθός*, *ἀνὴρ ἄριστος*. Общими чертами этого героя являются непорочность, благородство, мощь и т. д. Что же касается индивидуализации отдельных героев, то это, по мнению исследователя, достигается уже посредством количественного отклонения от данной модели в сторону усиления или уменьшения каждой отдельной черты. Ступени градации здесь могут быть разными: один герой может быть «много лучше», другой «самым лучшим». Именно совокупность этих количественных отклонений у каждого героя определяет и индивидуальность его эпического характера. Несмотря на то, что суждение И. В. Шталь, безусловно, доказывает необходимость исследования данной проблемы и с указанного ей аспекта, данный принцип все же не может в полной мере выявить сущность гомеровской характеристики. Сведение индивидуальных черт характера гомеровского героя лишь к степени количественных отклонений от предполагаемой модели идеального героя фактически не может вывести гомеровского героя за рамки схем традиционных представлений. Следовательно, в данном случае можно говорить лишь о формальных, внешних показателях характера героя, то есть об эпических характерах вообще, но не о гомеровских. Вместе с этим, и в самом понятии гомеровского синкретизма многое требует уточнения. Во-первых, следует установить, является

¹¹ 72; 72a.

ли синкретизм действительно «единственной и всеохватывающей формой художественного сознания гомеровского эпоса» и, следовательно, проявляется во всех структурах поэм, или же можно говорить лишь об отдельных проявлениях синкретизма в гомеровском эпосе¹². Далее, даже приняв точку зрения И. В. Шталь об универсальности гомеровского синкретизма, встает вопрос — если «гомеровский герой» (ἥρωας) ориентирован на идеал «хорошего мужа», то на что же ориентированы все остальные — бессмертные или смертные, которые также должны обладать эпическим характером: боги, женщины, нищие и т. д. И наконец, приняв данный принцип характеристики героев за универсальный и основной, нам придется признать, что большинство гомеровских героев не обладают сколько-нибудь заметной индивидуальностью, так как возможности градации той или иной общей черты «хорошего мужа» в эпосе ограничены и явно недостаточны для характеристики многочисленных героев гомеровского эпоса.

Учитывая роль традиции эпического восприятия в процессе формирования гомеровских образов, нельзя все же отрицать, что любой гомеровский герой имеет что-то свое, и при том существенное, что позволяет ему стать характером, особенности которого невозможно измерить лишь эпитетами-формулами или количественными отклонениями от качественной модели. В данном случае, как нам кажется, реальнее всех подходит к проблеме Аристотель. Он совершенно определенно считает Гомера мастером изображения характеров; по словам Аристотеля, Гомер «после небольшого вступления сразу же вводит мужчину или женщину или какой-нибудь другой характер и никого без характера, а лишь обладающего характером»¹³. При определении сущности характера Аристотель отмечает: «характером будет обладать (человек), когда, как было сказано, его речь или поступок делают какой-нибудь очевидный выбор»¹⁴. Следовательно, по Аристотелю, действительный характер героя произведения проявляется не в эпитетах или приписываемых ему свойствах (качественных или количественных), а в умении выбора. Говоря о том, что все герои Гомера обладают характером, Аристотель, безусловно, имеет в виду то обстоятельство, что в словах и поступках гомеровских героев очевиден выбор. Из этого же можно сделать вывод, что индивидуальность гомеровских характеров заключается, в первую очередь, в

¹² Как нам кажется, у Шталь вообще нет четкой дефиниции понятия «гомеровский синкретизм», что, естественно, затрудняет понимание ряда ключевых положений исследователя.

¹³ Поэт. 1460а (XXIV).

¹⁴ Поэт. 1454а (XV).

индивидуальности выбора. Рассматривая с этой точки зрения гомеровский эпос, в нем можно выявить ряд весьма интересных принципов индивидуализации героев.

Исследователи не раз указывали на то, что характеры гомеровских героев проявляются, в первую очередь, в их речах, однако, вопрос — каким образом Гомеру удается сохранить единство характера того или иного героя в совершенно разных речах — до последнего времени вызывает споры. С этой точки зрения значительным шагом вперед можно считать работы А. Парри, являющегося в противовес своему отцу М. Парри противником теории устного Гомера. На основе анализа речей гомеровских героев, в первую очередь Ахилла, А. Парри¹⁵ показывает, что герои «Илиады», говорящие одним и тем же эпическим языком, языком т. н. формул, в действительности выявляют полную индивидуальность структуры построения своих речей: традиционные формулы, стереотипные слова и выражения в речах различных героев сочетаются по-разному, сохраняя при этом удивительное структурное единство в речах одного и того же героя на протяжении всей поэмы.

Не менее интересны замечания Д. Ломанна, который предполагает, что в речах отдельных героев мы имеем дело не только со структурным единством, но в некоторой степени и с психологическим, что дает нам право говорить об индивидуальных чертах характера ряда героев «Илиады»¹⁶.

Мы считаем, что данный путь является самым реальным в выявлении принципов индивидуальной характеристики героев в гомеровском эпосе. По нашему мнению, гомеровских героев, как и отдельные эпизоды поэм, следует рассматривать с двух точек зрения. С одной стороны, мы имеем дело с героями традиционных сказаний, наделенными традиционными эпитетами и свойствами, всеми теми чертами, которыми, согласно сказаниям, обладали они, но, с другой стороны, с совершенно индивидуальными, далекими от схематизма гомеровскими характерами, связанными с конкретным действием, «Илиады» и «Одиссеи» и во многом определенными самим контекстом поэм. Если т. н. традиционные черты героя, традиционные представления об эпическом характере в полной мере раскрываются в эпитетах, количественных приемах характеристики, то основные, сугубо индивидуальные штрихи характера героев с удивительным мастерством сконцентрированы в речах героев. В данном случае мы имеем в виду те речи, в которых проявляется способность героя делать анализ, выбор или вывод. Забегая несколько вперед, отметим,

¹⁵ 307.

¹⁶ 258.

что анализ речей героев гомеровского эпоса приводит нас к следующему выводу: несмотря на множество приемов, используемых в эпосе для характеристики героев, единство и индивидуальность характера достигается главным образом интенсификацией какого-то одного, особенно характерного для мышления того или иного гомеровского героя штриха (способности выбора) во всех более или менее принципиальных речах, произнесенных им. Ниже мы постараемся показать это на примере ряда героев.

К Агамемнону, который наделен самыми почетными эпитетами, как не раз указывалось в литературе, читатель питает, пожалуй, самое большое недоверие. Это вызвано не только тем, что он наносит обиду Ахиллу, проявляет недостаточную стойкость в критический момент, но, в первую очередь, его неумением правильно ориентироваться в ситуации. Как отмечал еще Вестер в своей диссертации, «для Агамемнона характерно именно то, что он никогда не может разобраться в ситуации»¹⁷. Ломанн, развивая эту мысль, отмечает, что исходить из фальшивых предпосылок — характерно для многих речей Агамемнона¹⁸.

По нашему мнению данную черту характера Агамемнона можно сформулировать следующим образом: после анализа любой более или менее значительной ситуации Атрид в гомеровском эпосе делает неправильный вывод, или, говоря словами Аристотеля, выбор. Можно определенно сказать, что данный штрих проявляется во всех речах Агамемнона, имеющих принципиальное значение или для развития действия, или для оценки происшедшего. Уже в первой речи, произнесенной Агамемноном в «Илиаде», его выбор обречен на провал. Несмотря на то, что полным мольбы словам Хриза вняли все ахейцы, Агамемнон в создавшейся ситуации делает неправильный выбор — прогнать жреца, не освободить Хризиду, увести ее в Аргос, далеко от родины. Именно из-за неумения делать правильный выбор, проявленного в данном эпизоде, он вынужден затем отказаться от осуществления своего решения. Далее Агамемнон предстает перед нами уже в сцене спора с Ахиллом; делает выбор — самому пойти к Ахиллу, отнять у Пелида Брисеиду и добытое богатство. Впоследствии он вынужден отказаться сначала от первой части своего решения — самому идти к Ахиллу за Брисеидой и добычей, а под конец — вместе с возвращенной Брисеидой преподносит Пелиду весьма солидный дар.

В начале II песни Зевс посылает Агамемнону обманчивый сон. В создавшейся ситуации Атрид решает собрать

¹⁷ Приводим по 258, стр. 44, примеч. 72.

¹⁸ 258.

войско и испытать его призывом к возвращению домой. То, что и этот выбор Атрида был неоправданным в сложившейся ситуации, подтверждает полный провал его плана и необходимость божественного вмешательства.

В IV песни Агамемнон, видя своего брата Менелая раненым, явно неправильно оценивает ситуацию и, считая его сраженным насмерть, рисует предполагаемую картину своих страданий после смерти брата. Однако и здесь читатель, уже знающий, что рана Менелая не опасна, не может сочувствовать горю Атрида.

В той же IV песни Агамемнон, обходя войска, подбадривает героев, одних хвалит, других упрекает, и в конце подходит к Сфенеллу и Диомеду. Увидев Диомеда, он делает явно неправильный вывод: Тидей-де родил сына «Доблестью бранною низшего, высшего только витийством» (400). Этот вывод опровергается сначала ответом Сфенелла, а затем делами Диомеда в «Илиаде», в первую очередь, его мужеством, проявленным в эпизоде, непосредственно следующем за данной сценой.

В IX песни, испуганный ходом событий, Агамемнон собирает старейшин и вновь делает несоответствующий созданной ситуацией вывод:

«Должно бежать; возвратимся в драгое отечество наше.
Нам не разрушить Трои, с широкими стогами града!»

(27 — 28)

На необоснованность вывода указывает прежде всего пылкое слово Диомеда. В той же песни Агамемнон, обещав Ахиллу возратить Брисеиду и богато одарить его, делает вывод:

«Пусть мне уступит, как следует: я и владычеством высшим,
Я и годов старшинством перед ним справедливо горжуся».

(160 — 161)

Как известно, и в данном случае посольство к Ахиллу имело противоположный результат.

В XIV песни Агамемнон, увидев Нестора и впад в отчаяние, анализирует причину бедствий ахейцев и вновь делает неправильный выбор: требует постепенно выйти кораблям в море и ночью, когда троянцы прекратят атаку, спустить последние корабли и таким образом спастись от гибели (XIV, 65...). Как видно из ответа Одиссея, решение Агамемнона и в данном случае не соответствует создавшейся ситуации.

В XIX песни Атрид, вспомнив ссору с Ахиллом, винит в этом не себя, а Зевса, Судьбу и Эринис, которые отняли у

него рассудок. Как известно, и этот вывод Агамемнона не соответствует истине, ибо в «Илиаде» нигде не говорится, что боги подстрекали его на ссору.

Обратившись далее к «Одиссее», в которой душа Агамемнона фактически появляется два раза и в обоих случаях произносит довольно пространные речи, увидим, что для Атрида и здесь характерен тот же штрих, что и в «Илиаде». Так, в «Царстве теней» XI песни, рассказав Одиссею историю его коварного убийства, душа Агамемнона делает вывод:

«Злое, напротив, замысля, кровавым убийством злодейка
(Клитемнестра)
Стыд на себя навлекла и на все времена посрамила
Пол свой и даже всех жен поведением своим беспорочных».
(XI, 432-34)

Поэтому душа Агамемнона предупреждает Одиссея не доверять своей жене. Как известно, и этот вывод не соответствует действительному положению вещей. Поступок Клитемнестры не бросает тень на благородную, любящую супруга Пенелопу, а Одиссей не имеет никакого основания с недоверием относиться к своей беспредельно верной жене.

В этом отношении интерес представляет также и подытоживающее события слово души Агамемнона в XXIV песни. Узнав о возвращении Одиссея, душа Агамемнона делает вывод: Пенелопа обеспечила себе вечную славу, Клитемнестра же, убившая своего мужа:

«...она (Клитемнестра) навсегда посрамила
Пол свой и даже всех жен поведением своим беспорочных».
(XXIV, 201 — 202)

И здесь вывод Агамемнона противоречит его мнению о Пенелопе. То, что в будущем, рассуждая даже о добродетельных женах, будут исходить обязательно из примера неблагоприятного коварства Клитемнестры, а не благородной верности Пенелопы, не вытекает из морали гомеровского эпоса.

Итак, все основные речи Агамемнона в «Илиаде» и «Одиссее» совершенно ясно подчеркивают особенность мышления Атрида — делать несоответствующий сложившейся ситуации вывод. Естественно исключается, что эта черта могла быть характерной и определяющей для Агамемнона и в догомеровской поэтической традиции, что каждое слово Агамемнона завершалось неправильным выводом и в других произведениях. Данный штрих характера Агамемнона непосредственно опирается на концепцию поэта — Агамемнон до-

пустил ошибку, когда обидел Ахилла. Следовательно, вынесение неправильного решения, вывода стало в гомеровском эпосе определяющим фактором характера, структуры мышления Агамемнона. Именно этим можно объяснить то, что читатель внутренне никогда не соглашается с выводами Атрида. С этой точки зрения весьма примечательно, что в «Долонии», которая, согласно нашему анализу, не является органичной частью «Илиады», не подтверждается характерный для мышления Агамемнона данный штрих.

Если рассматривать Гектора, также одного из центральных образов «Илиады», с точки зрения связанных с ним эпитетов, то и он мало чем будет отличаться от традиционного героя эпоса. Поэт характеризует его эпитетами: *κορυθαίολος* «шлемоблещущий», *μέγας κορυθαίολος* «великий, шлемоблещущий». *εἰρμός* «мощный», *φαίδιμος* «блестящий» и мн. др. Несмотря на то, является образ Гектора традиционным или нет, ясно, что эти эпитеты связаны не только с Гектором. Почти каждый из них может быть использован и в отношении других героев. Следовательно, удивительное единство характера Гектора в «Илиаде», о чем неоднократно указывалось, вовсе не опирается на связанные с ним эпитеты или формулы. И здесь, как и в случае Агамемнона, поэт на протяжении всей поэмы заставляет говорить Гектора одним языком.

В VI песни «Илиады» Елена, сетуя на свою судьбу, обращается к Гектору:

«Но, как такие беды божества предназначили сами,
Пусть даровали бы мне благороднее сердцем супруга,
Мужа, который бы чувствовал стыд и укоры людские».

(349 — 351)

В словах Елены к Гектору дана косвенная характеристика самого Гектора. По мнению Елены, у Париса нет чувства укора и стыда перед людьми. Здесь без слов подразумевается, что зато этим чувством обладает Гектор, которому Елена жалуется. Ее слова: «Пусть даровали бы мне благороднее сердцем (у Гомера — «лучшего») супруга» также должны подразумевать самого Гектора. И действительно, основной мотивацией всех дел Гектора в «Илиаде» является чувство стыда перед согражданами и вытекающее отсюда чувство ответственности перед троянцами, постоянная забота об их благополучии и безопасности. Тот факт, что образ Гектора, которому, по словам В. Шадевальда, принадлежит особая любовь поэта¹⁹, является, пожалуй, самым симпатич-

¹⁹ 349, стр. 177.

ным и благородным в гомеровском эпосе, следует объяснить в первую очередь подчеркиванием в его характере чувства стыда и вытекающей отсюда ответственности. И действительно, можно сказать, что ни в одном герое гомеровского эпоса это высокое чувство не вырисовывается столь отчетливо, как в Гекторе²⁰. Его мужество, готовность к самопожертвованию, к единоборству с самим Ахиллом опираются именно на это чувство. Ему не свойственны ни дикая ярость, ни беспощадность, ни сверхчеловеческая сила. Стыд и ответственность определяют все его действия. Данная черта характера Гектора выявляется в каждой его речи, имеющей принципиальное значение и говорящей об его умении анализа и выбора. Уже в III песни, произнося свое первое слово в «Илиаде», он так обращается к Парису:

«Видом лишь храбрый, несчастный Парис, женолюбец,
прельститель!

Лучше бы ты не родился, или безбрачен погибнул!
Лучше б сего я желал и тебе б то отраднее было,
Чем поношеньем служить и позорищем целому свету!»

(39-42)

Затем он упрекает его за трусость, за то, что стал посмешищем среди ахейцев, за то, что у него нет «ни силы в душе, ни отважности в сердце» (45). Больше всего же он бранит брата за то, что тот принес большое горе отцу, городу и всему народу (50). Следовательно, по мнению Гектора, его брат заслуживает осуждения за осрамление перед народом и отсутствие чувства ответственности.

Заботой о родном городе, чувством стыда за трусость брата и ответственностью перед согражданами исполнена его речь (VI, 264...), обращенная к матери. Цель Гектора, чтобы Афина помиловала:

«Город, троянских жен и младенцев».

И вновь упрек в адрес Париса, который принес несчастье троянцам, Приаму и его детям. Пристыдив своего брата (VI 326...), Гектор отказывается от приглашения Елены по той причине, что:

«Сильно меня увлекает душа на защиту сограждан,
Кои на ратных полях моего возвращения жаждут».

(361-62)

²⁰ Естественно, мы не стремимся доказывать, что данное чувство не присуще другим героям. Как известно, понятие *aidōs* «стыд» играет значительную роль в поведении героев гомеровского эпоса, как и понятия чести и славы. Ср. 57а, стр. 50...

В этой же песни Гектор, выслушивая советы Андромахи укрепиться в городе, объясняет, что его удерживает на поле битвы:

«...страшный

Стыд мне пред каждым троянцем и длинноодежной троянкой,
Если, как робкий, останусь я здесь удаляясь от боя,
Сердце мне то запретит; научился быть я бесстрашным,
Храбро всегда, меж троянами первыми, биться на битвах,
Доброй славы отцу и себе самому добывая!»

(441 — 446)

И далее, в этой же песни, он вновь напоминает Парису:

«...а я непрестанно

Сердцем терзаюсь, когда на тебя поношение слышу
Трои мужей».

(523 — 525)

С чувством стыда органично связано и чувство достоинства героя. Именно поэтому в VII 67... он предлагает ахейцам, пред вызовом на единоборство, отдать труп побежденного его лагерю для почетного погребения, в VII 234... он не желает украдкой нападать на Аякса. После единоборства он призывает Теламонида разойтись, чтобы Аякс мог обрадовать своих, и добавляет:

«Я же в Приамовом граде великом обрадую, в Трое,
Сердце троян и длинные ризы влачащих троянок,
Кои молиться о мне соберутся в божественном храме».

(VII 296 — 298)

Как выше было отмечено, с VIII песни начинается активизация Зевсова плана. Если до сих пор в Гекторе боролись два чувства — вера в победу и предчувствие неминуемой гибели, то явная помощь Зевса заставила его фактически забыть последнее и переоценить собственные силы. И все же почти в каждой речи самоуверенного Гектора чувствуется все та же забота о согражданах, ответственность перед ними — будь это краткие обращения к противнику (например, VIII 161) или его речь перед троянцами (VIII 497... и др.). Особенно следует отметить обращение Гектора к умирающему Патроклу:

«Верно, Патрокл, уповал ты, что Трою нашу разрушишь,
Наших супруг запленишь и, лишив их священной свободы,
Всех повлечешь на судах в отдаленную землю родную!

Нет, безрассудный! За них-то могучие Гектора кони,
К битве летя, расстилаются по полю; сам копием я
Между героев троянских блистаю, и я-то надеюсь
Рабство от них отразить!»

(XVI 830 — 836)

С VIII по XXII песнь мужество Гектора предопределено фактически планом Зевса — временной и, следовательно, кажущейся поддержкой бога. Именно поэтому его мужество в указанных песнях подобно героизму любезных богов — «сверхчеловеков». Но в XXII песни Гектор вдруг почувствует, как лишается он божественной поддержки и остается наедине с собственной судьбою. И когда грозный Ахилл поспешно приближается к нему, когда мать и отец умоляют его войти в город и спастись от неминуемой гибели, Гектора вновь удерживает на поле битвы стыд; стыд определяет его решение встретить достойно Ахилла:

«Как троянский народ погубил я своим безрассудством.
О! стыжуся троян и троянок длинноодежных.
Гражданин самый последний может сказать в Илионе:
Гектор народ погубил, на свою надеявшись силу!
Так илионяне скажут. Стократ благороднее будет
Противостоять и, Пелеева сына убив, возвратиться,
Или в сражении с ним перед Троею славно погибнуть!»

(XXII 104 — 110)

В «Илиаде» говорится о человеческих слабостях Гектора: честолюбию, страхе перед Ахиллом и т. д., из этого явствует, что в данном случае мы имеем дело с героем, сила и мужество которого — не дар божественного происхождения, а черта, характеризующая внутреннюю волю героя, которую он проявляет тем интенсивнее, чем большую ответственность чувствует перед согражданами, чем сильнее в нем чувство стыда. Следует отметить, что Гектор является единственным героем «Илиады», который употребляет форму *αἰδέομαι* «мне стыдно» в своих речах, как средство мотивации своих поступков. Естественно, и в данном случае дело касается характера героя, вытекающего из внутренней логики самой поэмы, а не традиционного осмысления образа Гектора.

Для характера Ахилла штрихом, интенсифицированным во многих его речах, можно считать то, что Пелид часто принимает решения, высказывает суждения, которые обычно превосходят своей радикальностью создавшееся положение и от которых впоследствии частично или совсем отказывается сам Ахилл делом или словом. С этой точки зрения весьма интересно проследить градацию данного штриха в его речах в

I песни: Ахилл, анализируя факт гибели ахейцев от язвы, сначала выдвигает соображение: не лучше ли возвратиться домой (59), но сам зачеркивает эту возможность предложением спросить гадателя о гневe бога, затем, поссорившись с Агамемноном, он категорически заявляет, что немедленно отплывает в Фтию (169), однако под конец ограничивается лишь удалением к своим кораблям. Так и в IX песни (356...): категорически заявляя Одиссею, что собирается отплыть на другой день в Фтию и аргументируя свое решение, он частично меняет его тут же, в ответе Фениксу, обещая ему на-завтра помыслить о том, отплыть или остаться (618). И на-конец, обращаясь к третьему представителю посольства, Аяксу, Ахилл, совершенно забыв о своем обещании Одиссею, угрожает ахейцам, что не вступит в бой, пока Гектор не достигнет мирмидонских судов и не зажжет корабли ахейцев (650...). С этой же точки зрения можно было бы рассмотреть и категорический отказ Ахилла Гектору вернуть его тело троянцам в XXII песни (22...). По нашему мнению, печать данного штриха носят и слова, сказанные душой Ахилла Лаэртиду в «Царстве теней» «Одиссеи» (особенно, если учесть его происхождение) — он более желал бы служить батраком у бедного человека на земле, чем царствовать над всеми умершими (XI 489...). Вспыльчивость характера Пелида определяется главным мотивом «Илиады» — гневом Ахилла. Следовательно, и здесь мы имеем дело с чисто гомеровской интерпретацией образа центрального героя поэмы. Однако Ахилл ни в одном случае не остается до конца на стадии гнева, в конце концов он идет на примирение, т. е., выражаясь словами Д. Ломанна, он переходит от *ἀφροσύνη* к *σωφροσύνη*²¹; поэтому в его образе столько благородства и мягкости. Такое понимание образа Ахилла освобождает нас от необходимости оправдывать логические несоответствия между отдельными его высказываниями, что, как известно, служило для ряда аналитиков доказательством участия нескольких авторов в процессе формирования гомеровского эпоса.

Если рассмотреть с этой точки зрения характер Одиссея, то в его речах на передний план выступает умение мотивации выбора рациональным аргументом, который, несмотря на то, оправдан он или нет с этической точки зрения, почти всегда достигает цели. В большинстве речей Одиссея вся логика строится на оценке, анализе ситуации с учетом ожидаемого (в зависимости от выбора) результата. Поэтому для его речей, как ни одного другого героя, характерно сопоставление различных альтернатив, возможностей развития собы-

²¹ 258, стр. 279, примеч. 118.

тий. Уже в одной из своих первых речей в «Илиаде», которой он удерживает ахейцев, Лаэртид старается найти самый рациональный мотив для успокоения войска: страх перед ожидаемым гневом царя (II 190...); чуть ниже (II 284...) он, с одной стороны, оправдывает желание ахейцев возвратиться домой, а с другой, — противопоставляет этому желанию аргумент, который должен заставить их остаться: проверить на десятом году войны, сколь правильно было в свое время предсказание Калханта, что Троя погибнет именно на десятом году. Умение рационально анализировать мысль собеседника великолепно выявляется в его ответе Агамемнону (XIV 83...), в котором доводы Атрида отвергаются не потому, что в них отсутствует героическая гордость или доблесть, а потому, что их реализация погубит ахейцев. В XIX песни перед вступлением Ахилла в битву, в самый драматический момент, Одиссей советует Пелиду устроить завтрак, принять клятву и дары Агамемнона, надлежащим образом аргументируя каждое, казалось бы совершенно неподходящее для данной ситуации требование. Завтрак — средство подкрепить войско, немедленное выполнение своего обещания Агамемноном — гарантия окончательного примирения. Указанная черта характера Одиссея еще более полно проявляется в его речах в «Одиссее». Следовательно, можно сказать, что в гомеровском эпосе характер «многоумного» Одиссея раскрывается в первую очередь в структуре его мышления, в манере построения суждения. Так как его вывод — результат выбора среди различных возможностей самого рационального, а процесс этого выбора с привлечением соответствующей аргументации происходит на глазах читателя или слушателя, то он обычно верит Одиссею, не может возразить ему, ибо все возможные возражения уже отклонены в самом суждении Лаэртида.

Сравнивая образ Одиссея с образом Нестора, можно видеть, что умение давать мудрые советы у Нелида имеет совершенно другую основу — это возраст и жизненный опыт. Поэтому его аргументация, его совет почти всегда строятся на парадигмах, на примерах минувших событий, опыта жизни предков. В абсолютном большинстве речей Нестора совет вытекает из примера минувших времен; следовательно, характерной чертой его мышления следует считать стремление увязать настоящее с прошлым, придать своему суждению, своим советам и наставлениям убедительность силой примера, а не актуальной аргументацией. Начиная с первой речи в I песни «Илиады», в которой Нестор аргументирует необходимость принятия его советов тем, что даже герои минувших времен, намного превосходившие героев троянской вой-

ны, внимали его словам, на протяжении всей поэмы принципы построения суждения Нестора не меняются²².

Особый интерес вызывает, с этой точки зрения, рассмотрение женских образов Гомера, в первую очередь Пенелопы, Андромахи и Елены. По нашему мнению, определяющим характер каждой из этих женщин можно считать степень их верности мужьям, выраженной довольно оригинально в их речах. Пенелопа, если можно так выразиться, является золотой серединой между Андромахой и Еленой. В ней мастерски слиты воедино, с одной стороны, образ верной, бесконечно любящей жсны, готовой всю жизнь ожидать супруга, а с другой, — женщины, явно осознающей свою красоту и привлекательность и всегда готовой в случае крайней необходимости выйти замуж. В ее речах умело чередуются эти два мотива: тоска по мужу и мысль о новом замужестве. Интересно, что в речах Пенелопы, произнесенных в первой части поэмы, превалирует мотив тоски по мужу. Так, уже в первой своей речи в «Одиссее» (I 337...) она предстает как жена, безмерно тоскующая по Одиссею:

«Мужа такого лишилась, я всечасно скорблю о погибшем».

Воспоминаниями об Одиссее проникнуты речи Пенелопы и в IV (681...; 722... и т. д.), и речь в XVI (418...), полная заботы о Телемахе, все еще связана с воспоминаниями об Одиссее. И слова Пенелопы, обращенные к Телемаху (101...) и Феоклимену (163...) в XVII, дышат надеждой, что Одиссей может возвратиться. То же самое можно сказать и о XVII 508...; XVII 529 ...; XVII 544... Затем наступает перелом. Вмешательство Афины (XVIII 158...) раздваивает Пенелопу: в ее речах все интенсивнее начинает выступать и второй мотив — мысль о замужестве, который постепенно становится преобладающим: в XVIII 164... она уже желает показаться женихам, хотя питает к ним антипатию. В XVIII 184 ей стыдно выйти перед женихами одной. А в знаменитой речи (XVIII 251...) Пенелопы сочетаются уже оба мотива: воспоминание об Одиссее, как невозвратимом прошлом, и неизбежность выхода замуж — как реальность. Эти же два мотива сочетаются в пространном диалоге Пенелопы с Одиссеем в XIX. Несмотря на то, что у Пенелопы, казалось бы, появились самые реальные надежды на возвращение Одиссея, она все же склоняется к мысли о новом браке. Так продолжается до того самого момента, пока Пенелопа наконец не опознает своего возвратившегося мужа. Именно эта игра настроений, постоянная борьба между вдовой Одиссея и кра-

²² Ср. также 258.

савицей-невестой придает образу Пенелопы необыкновенную прелесть. Ее характер, как было уже отмечено выше, занимает среднее место между двумя крайностями — Андромахой и Еленой.

Андромаха в «Илиаде» предстает женщиной, жизнь которой без супруга — Гектора непредставима. В своей первой речи (VI 407...) Андромаха так обращается к мужу:

«Лучше мне в землю сойти: никакой мне не будет отрады,
Если, постигнутый роком, меня ты оставишь: удел мой
Горести! Нет у меня ни отца, ни матери нежной».

«Гектор, ты все мне теперь — и отец, и любезная мать.
Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой прекрасный».

Этот мотив интенсифицирован и в двух остальных ее речах-оплакиваниях (XXII 477... и XXIV 725...), поражающих читателя своим трагическим духом. В Андромахе нет и капельки той игровости и кокетливости, которые столь характерны для Пенелопы.

С другой стороны, Елена предстает женщиной-красавицей, всегда недовольной своим мужем. Интересно, что в своей первой речи в «Илиаде» (III 172...) она явно негодует, что последовала за Парисом, но в то же время не называет Менелая в числе тех, оставшихся на родине, о которых она сожалеет. Подобное же отношение к Парису и в III 428... В VI 344... мотив недовольства Парисом более усиливается. Елена явно намекает, что она была бы не прочь иметь мужа, подобного Гектору (350). И, наконец, оплакивая в XXIV 762... Гектора, она, явно игнорируя Париса, считает себя совершенно одинокой и ненавистной в Илионе.

Резюмируя вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что в гомеровском эпосе используются принципы индивидуализации героев, необыкновенно тонко интенсифицирующие какой-то один, координирующий и организующий все действия того или иного героя, штрих его характера, структуру его мышления. Совершенно иной вопрос, насколько соответствуют эти принципы современным понятиям индивидуализации литературного героя, но одно можно отметить: индивидуальность выбора в речи или поступках в современном литературоведении считается главным критерием оценки особенности характера персонажа. Следовательно, в заимствованных из эпической традиции совершенно традиционных по внешним признакам гомеровских героях можно выявить тот принцип раскрытия внутренней направленности психологии героя, который даст нам право говорить об индивидуальности гомеровских героев, в подлинном понимании этого слова.

Естественно, мы этим вовсе не желаем сказать, что образ героя, его характер исчерпываются данными штрихами. Гомер пользуется довольно разнообразными красками, средствами для обрисовки образа своих персонажей²³. Но среди множества свойственных характеру данных героев черт особо выделяется, по нашему мнению, один штрих, который можно считать основным признаком индивидуальности героя, его отличия от других. Этот штрих, подобно многочисленным дополнительным чертам характера героя, проявляется не в какой-нибудь одной сцене или речи, а во всех речах, во всем действии героя.

²³ Ср. для характеристики героев 48, стр. 237...; также 57а, стр. 109...

О гомеровских богах написано много, однако все еще нет единого взгляда даже на основной вопрос: истинна ли вера Гомера в существование греческих богов? Причиной противоречий и обилия различных допущений является то, что боги у Гомера, с одной стороны, представлены с позиции верующего человека — люди боятся богов, беспрекословно покоряются их воле, воздвигают им храмы и алтари, чувствуют их постоянное и активное вмешательство в свою судьбу; с другой же стороны, боги часто совершают дела, которые могут вызвать в людях смех, осуждение и даже недоверие. Достаточно вспомнить сцены пререканий богов, обольщения Герой Зевса в «Илиаде», чтобы признать: по нашим понятиям, их автор не мог быть верующим человеком. Скептицизм еще более усиливает песнь о неверности и измене Афродиты, которую в «Одиссее» исполняет Демодок (VIII, 266 — 366). Слушателей Демодока развлекают хитрость, коварство богов, все то, что считается непристойным даже для простых смертных, и при этом никому из них не ставится в укор, что они, смертные, смеют осмеивать слабости богов. Такое раздвоение эпического поэта в отношении богов создает определенные трудности при суждении о гомеровском пантеоне.

Часть исследователей полагает, что Гомер — предшественник первых ионийских философов не верит традиционным представлениям об олимпийских богах и, демонстрируя их в комическом плане, тем самым выражает свое критическое к ним отношение; в то же время, предлагая более развитые, систематизированные и уточненные представления о богах, «поэт», говоря словами Кульманна, «внес религиозные представления своей эпохи и свои собственные в древний миф»¹. Другие думают, что Гомер верит в существование божественных абстракций, но не в их антропоморфный характер². Некоторые заходят слишком далеко и считают

¹ 243, стр. 148.

² Такие рассуждения встречаются уже у Плутарха. Ср. 250.

Гомера «убийцей богов»³ или переносят весь гомеровский пантеон в сферу чистой поэтической фантазии⁴.

По А. Лески, гомеровская религия имеет антиномный характер и выявляет свойственные ей три пары противоположностей: близость и дистанцию, благосклонность и жестокость, произвол и закон⁵.

Часть исследователей рассматривает религию Гомера лишь в свете фольклорной или эпической традиции и причины противоречий усматривает в многообразии самого традиционного мифологического материала, традиционных представлений⁶.

По мнению А. Ф. Лосева, «у Гомера можно найти бесконечно разнообразные оттенки религиозного сознания, начиная от грубой магии и фетишизма и кончая тонкими и красивыми формами художественной мифологии. Но, конечно, все древнее и стародавнее изображается у него на втором и на третьем плане, не играет существенной роли в повествовании, а если и играет, то уже в виде развлекательного рассказа, далекого от примитивной и буквальной веры первобытного человека, а иной раз находит для себя даже критику и является предметом скептических настроений»⁷.

Исходя из данной, как нам представляется, реальной точки зрения, мы полагаем, что в гомеровском эпосе, являющем собой ту ступень развития мышления, которая создает предпосылки для возникновения греческой философии, слиты воедино религиозно-мифологическое, рациональное и художественно-мифологическое.

а) Первый из этих компонентов находит свое выражение в истинной вере существования всемогущих богов. Под термином бог Гомер объединяет большое множество бессмертных: это и олимпийские боги, и боги, предшествовавшие олимпийцам, и боги, олицетворяющие силы и стихии природы и являющиеся их синонимами, и нимфы и т. д.⁸. Очевидно, что гомеровский пантеон включает и совершенно различных богов и божеств, которые проникли в греческие представления из разных религиозных и мифологических систем. В доказательство этого достаточно указать, что этимология имен абсолютного большинства богов негреческая⁹.

³ 288a.

⁴ Для обзора ср. 194a, стр. 177...

⁵ 250.

⁶ В основном это касается представителей теории «устной поэзии».

⁷ 48, стр. 270.

⁸ Для обзора ср. 48, стр. 270...

⁹ Ср. новейшие этимологические словари Фриска и Шантрена, а также 118a.

Хотя многие из греческих богов проявляют явное сходство с древневосточными богами, все же не представляется возможным допущение их проникновения в Грецию непосредственно с Востока. Более реальным кажется предположение того, что основным источником влияния были догреческие племена, имевшие в бронзовую эпоху тесные взаимосвязи с цивилизациями Средиземноморья. Эта мысль подкрепляется, с одной стороны, тем обстоятельством, что имена греческих богов встречаются уже в микенских документах¹⁰, с другой же стороны, тем, что большинство имен греческих богов имеет догреческую, эгейскую этимологию. Следует думать, что ко времени Гомера культы этих богов были рассеяны по всей Эгее, ими дышали греческие мифы и сказания. Гомер верит, что эти божества могут внимать мольбам смертных и принимать их жертвы. В «Одиссее» (III, 48) прямо указывается: πάντες δὲ θεῶν χαιρέουσ' ἀνθρώποι («все люди нуждаются в богах») и, действительно, когда требуется помощь, когда приходит нужда, люди взывают к богам, ибо:

«...умолимы и самые боги,

Столько превышшие нас и величьем, и славой, и силой».

(«Илиада» IX, 497-8)

Однако богов можно не только умиловить, но и разгневать. Так, в гомеровском эпосе боги нередко гnevаются на людей за их поступки¹¹. К счастью, боги нередко посылают людям знамения, чтобы они могли угадать их желания. Порой знамения эти столь очевидны, что не нуждаются в специальных интерпретаторах. Так, в «Одиссее» (XX 241 — 246), когда женихи намеревались убить Тселемаха, слева пролетел орел, держащий в когтях голубку. Этого было достаточно, чтобы женихи отказались от своего намерения. Но, как правило, чтобы постигнуть смысл этих знамений, люди обращаются к гадалеям. Боги вмешиваются в жизнь людей, дают им разум, либо лишают разума, делают их более смелыми, либо вселяют в них страх, дают импульсы их действиям. Они знают все. Эти боги действительно существуют, им люди строят храмы и алтари, приносят жертвы, и Гомер, как и другие, верит в этих богов.

б) Наряду с этой верой, у Гомера замечается стремление объяснить ряд моментов, связанных с религией и богами. Он старается рационально осмыслить взаимосвязь между смертными и бессмертными, привести в какую-то систему по-

¹⁰ 389; 51.

¹¹ Подробно ср. 213.

лученный им от традиции хаотичный мир богов, установить определенную иерархию, вникнуть в иррациональную божественную область. Чувствуется, что перед поэтом, в процессе обработки традиционных представлений, нередко возникал вопрос — почему? И Гомер старался дать ответ. В большинстве случаев эти ответы основывались на тех же самых традиционных представлениях, однако поэт пытался выбрать среди множества версий происхождения богов, их сущности и влияния на ход событий в населенном смертными мире и т. д., наиболее реальные на его взгляд варианты. В выборе нередко проявляется рационализм Гомера, его критическое отношение к традиционным представлениям. Так, относительно происхождения богов и мира в гомеровскую эпоху, как думается, существовало несколько версий мифов. По традиционной, так называемой, гесиодовской схеме, первоначально был Хаос, затем — Земля-Гейя, Тартар и Эрос. Именно от них берут начало известные поколения богов («Теогония», 116 и 118—120). У Гомера (хотя и фрагментарно) представлена другая версия происхождения мира. Пассажи в XIV песни «Илиады» предлагают следующий вариант:

Ὠκεανόν, τὸν θεῶν γένεσιν καὶ μητέρα Τηθύον

«Океан, отец (создатель) богов, и мать Тетиса»

(201)

... .. ποταμοὶ ῥέεθρα

Ὠκεανὸς, ὃς περ γένεσις πάντεσσι τέτυκται¹²

«...волны реки

Океана, который является отцом (создателем) всех вещей».

(245 — 246)

Следовательно, у Гомера, в отличие от Гесиода, процесс происхождения богов и мира начинается с Океана¹². Можно ли в данном случае сказать, что версия Гомера нарушает традиционную схему греческой космогонии? Думаем, что можно. Дело в том, что в гомеровском эпосе явно чувствуется тенденция к определенному игнорированию доолимпийских божеств; Гомер как бы нарочно умалчивает о доолимпийских поколениях богов, хотя ему, как свидетельствуют поэмы, они хорошо известны. Так, в поэмах вообще не встречается термин Хаос. Гейя-Земля представлена весьма бледно и фактически никакой роли не играет в космогонии. Единственным ее потомком назван Титий («Одиссея» VII, 324; XI, 576), не имеющий в мифологии особого значения. Хотя в

¹² Ср. 209, стр. 19...

поэмах и упоминается Тартар, но, говоря словами А. Ф. Лосева, «ни космогонического, ни антропоморфного значения он не имеет»¹³. Термин «Эрос» употребляется у Гомера также только в нарицательном значении. Что касается первого поколения богов — Геи, Урана и их потомков, то о них Гомер ничего конкретного не сообщает. Естественно, ему известен Уран («Илиада» XV, 36; «Одиссея» V, 184), но он, как бы нарочно, фактически отстраняет его от всякого участия в космогонии. Мы лишь из намеков можем догадаться, что Уран — муж Геи и отец титанов. Разгневанный Зевс так обращается к Арею:

«Если б от бога другого родился ты столько злоторный,
Был бы уже ты давно преисподнее всех Ураниндов».

(«Ил.» V, 897-8)

В Уранидах здесь, безусловно, подразумеваются титаны, и ясно, что Гомеру известно и о родителях титанов. То, что он знает и о низвержении титанов в Тартар, свидетельствует «Ил.» XIV, 279. Гомер не перечисляет титанов и титанид, он не называет титанами конкретно ни Кроноса и Рею, ни Атланта, и естественно, ни Океана и Тетису, хотя они не раз упоминаются в эпосе. Многие из титанидов, в том числе и Прометей, вообще не упомянуты. Гомеру известно о Бриарее или Эгеоне («Ил.» 403-4), явившемся на Олимпе из Тартара на помощь Зевсу, но не указывается, что он — сын Урана и Геи. Поэт умалчивает и о традиционной версии происхождения Афродиты, считая ее дочерью Зевса и Дионы («Ил.» V, 348), однако ему довольно хорошо известен эпитет Афродиты: *Κυδέρεια*, связанный именно с традиционной версией.

Все это говорит о том, что Гомер умышленно отмежевывается от традиционной версии космогонии. В связи с этим следует отметить, что в эпосе Океан и Тетиса, от которых пошли все боги, имеют довольно абстрактные роли в процессе созидания. И, действительно, из гомеровских поэм невозможно установить, кто из бессмертных богов родился непосредственно от Океана. Среди его детей, помимо рек и источников, Гомер называет лишь Фетиду, Евриному и Персу («Ил.» XVIII, 398; «Од.» X, 139). Ни один из древнейших богов, участвовавших активно в космогонии, ни у Гомера, ни вообще в греческой традиции, не считается сыном или дочерью Океана. После этого, безусловно, встает вопрос, что же хотел сказать Гомер столь смелой модификацией традиционной версии происхождения богов и мира? С этой точки зрения интерес вызывает рассмотрение того, что представляет

¹³ 48, стр. 286.

собой Океан для Гомера. В гомеровском эпосе Океан — это мировая река (всемирный поток), огромная и широкая, обтекающая всю землю. Его следует отличить и от моря, и от обычной реки. Гомер его называет рекой *ποταμός* («Ил.» XVIII, 607; XX, 7), «потоком Океана» («Ил.» XVI, 151). То, что он обтекает всю землю, можно заключить из «Ил.» XVIII, 607...

«Там и ужасную силу представил реки Океана.

Коним под верхним он ободом щит окружил велеlepный».

На это же указывает и эпитет Океана *ᾠφύρροος* «вливающийся в самого себя, обтекающий земной круг» («Илиада» XVIII, 399; «Одиссея» XX, 65). Он разделяет мир потусторонний от мира, населенного смертными («Од.» X, 508...). Следовательно, Океан — фактически огромная масса воды, находящаяся в постоянном движении, не имеющая ни четких очертаний, ни определенных функций, и именно эта вода — бог является, согласно Гомеру, прародителем всего. То, что в данном случае Гомер вводит в традиционную версию греческой космогонии элементы новой трактовки, как было выше отмечено, не вызывает сомнений, ибо Океан в греческой схеме происхождения богов, известной самому Гомеру, никак не может занимать изначальную позицию. Здесь, как представляется, находит свое, хотя довольно смутное, отражение древневосточная версия мифа о происхождении мира, засвидетельствованная в вавилонском эпосе — Энума Элиш, который обрабатывает древнейший мифологический материал. Согласно этой версии, вначале были Апсу — пресная вода и Тиамат — соленая вода, олицетворяющие мужское и женское начала, «которые воедино свои воды мешали». Именно от них происходят поколения всех остальных богов¹⁴. Не исключено, что помещение Океана и Тетисы в начале процесса созидания мира у Гомера является отражением именно этой древневосточной версии космогонии, но думаем, что Гомер в данном случае сделал шаг вперед в область философского объяснения происхождения богов и мира и что в его варианте мы находим некоторое отклонение от чисто мифологической трактовки космогонии к рационалистической. Дело в том, что Океан как бог у Гомера вовсе не осмысливается абстрактно, это одновременно и вода, которая реально существует, которая обтекает землю, и по которой плывут корабли. Следовательно, Океан, творец всего, не уступил место другим богам и не прекратил свою деятельность в отличие от Урана или Кроноса. При этом в отличие от невидимых для людей богов, которые могут принять любой облик и которые

¹⁴ Вопрос детально исследуется в 26.

в основном осмысливаются как антропоморфные, Океан, как масса воды, имеет вполне конкретную форму существования. Итак, по Гомеру, сознательно или подсознательно от божества-воды берет начало все. Далее, в отличие от вавилонской версии поэт, как нам кажется, умышленно не указывает, кого первым произвели на свет Океан и Тетиса. В «Энума Элише» Апсу и Тиамат произвели следующее поколение богов — Лахму и Лахаму. У Гесиода также соблюдается последовательность — от одних богов происходят другие. Что же касается гомеровского Океана, в его потомстве невозможно установить какую-либо последовательность. Гомер отмечает, что Океан является «творцом всех вещей». Здесь привлекает внимание следующее обстоятельство: *γένεσις* («создатель», «начало») у Гомера употребляется лишь в связи с определением функции Океана в процессе созидания мира. В других случаях этот термин в гомеровском эпосе не встречается. Ни один другой бог, даже сам Зевс, не является *γένεσις*. Следовательно, данный термин у Гомера имеет, в некоторой степени, значение абсолютного начала, но начала не только богов, но и *πάντεσσι* («всех вещей»). Именно формула, которую можно вывести из вышерассмотренных гомеровских пассажей — «Океан (т. е. вода) есть начало всех вещей», является примером своего рода рационализма Гомера, который, в некоторой степени, приближает поэта к первому ионийскому философу Фалесу, объявившему спустя век после Гомера, что все существующее возникло из «воды»¹⁵.

Форма существования и функция богов также имеет у Гомера своеобразное осмысление. Как уже отмечено в науке, от примитивных представлений о бесформенном божестве Гомера отдаляет довольно сложный период формирования греческой мифологии. В некоторой степени, пройденным этапом можно считать для него и антропоморфизм богов, носящий в поэмах в основном поэтическую или художественную нагрузку. Гомер знает, что любой смертный, даже Ахилл, устрашится бога, представшего в своем настоящем облике, ибо «опасны (ужасны) боги, явившиеся в своем виде» (XX, 131). Следовательно, можно заключить, что настоящий облик — вид бога неизвестен людям. Именно поэтому боги, не желая скрыть от героя свое присутствие, как правило, являются в образе простого смертного¹⁶. Боги невидимы для людей, если первые не желают войти в контакт с последними.

¹⁵ О возможности такого сопоставления взглядов Гомера и Фалеса указывал еще Аристотель (Метафиз. 983b—984a).

¹⁶ Хотя иногда боги являются к своим детям или любимцам и в своем настоящем облике. Об этом подробно ср. 243, стр. 83.

Для них «невозможного нет» («Од.» X, 306), но они не могут защитить смертных от предначертаний Мойры¹⁷, которая мыслится Гомером как некая фатальная необходимость, участь. Естественно, перед поэтом возникал вопрос вообще о функции богов, о пределах их возможностей. Именно этим можно объяснить наличие у Гомера тенденций к морализации греческого пантеона, увязывания деятельности богов с мировой справедливостью. В данном случае явно чувствуется стремление поэта найти конкретную связь между иррациональным миром богов и миром смертных людей. В «Илиаде» (XVI, 384...) в одном из гомеровских сравнений мы находим такой пассаж:

«Словно земля, отягченная бурями, черная стонет
В мрачную осень, как быстрые воды с небес проливает
Зевс раздраженный, когда на преступных людей негодует,
Кои на сонмах насильственно суд совершают неправый,
Правду гонят и божией кары отнюдь не страшатся».

Здесь, явно в гесиодовском духе, Зевс представляется как страж справедливости¹⁸. Также и в «Одиссее» Лаерт (XXIV, 351)...), узнавший об истреблении женихов, так оценивает происшедшее:

«Отец Зевс, боги, вы живете еще на высоком Олимпе,
Если действительно женихи поплатились за преступную наглость».

Мы уже имели выше возможность рассмотреть вопрос о том, как смертные караются за их *ἀτασθαλίαι* («преступности»), как Зевс покровительствует молящим, нищим и гостям¹⁹. Все это указывает на то, что в традиционных богах Гомера интересуют новые аспекты, а именно — выявление их функции в поддержании мировой справедливости. Это указывает уже на тенденцию роста степени абстрагирования в осмыслении божественной деятельности, что предвещает постепенный переход от мифологического к философскому мышлению, указывает на элементы рационализма у Гомера²⁰.

в) Сколь значительным ни представлялись бы элементы

¹⁷ Для обзора литературы о Мойре ср. 194а, стр. 185...

¹⁸ Ср. 128, стр. 182...

¹⁹ Ср. выше, стр. 143...

²⁰ Ср. 466, стр. 94... В связи с этим интересны замечания Кранца, который, отмечая, что «для Аристотеля первым философом был Гомер, он цитирует его вместе с другими философами, какими являлись Парменид и Анаксагор», действительно допускает наличие в гомеровском эпосе элементов философского мышления (239а, стр. 14...).

архаической религии или рационализма у Гомера, основным механизмом, управляющим действиями богов, в поэмах следует считать все же игру поэтической фантазии и непрерывный процесс мифотворения. И действительно, возможности Гомера вникать в иррациональную божественную сферу имеют свои границы, после чего начинается игра фантазии. Естественно, и эллин, и Гомер прекрасно знали, что песнь Демодока об Афродите и Гефесте была лишь приятным мифом (ибо никто из богов не мог спуститься к людям, чтобы рассказать эту историю), что сцена обольщения Герой Зевса, картины ссоры и споров, происходящих на Олимпе, и т. д. были плодами чистейшей поэтической фантазии, ибо Гомеру никто не мог сообщить, о чем говорили боги друг с другом во время Троянской войны²¹. Однако поскольку процесс мифотворения связан именно с переходом в сферу условности и фантастики, то ни читатель, ни слушатель не задавался вопросом, откуда поэту известна та или иная история интимной жизни богов, диалоги бессмертных, ибо они вполне сознавали, что в данном случае следуют за игрой фантазии поэта и не могут требовать от него доводов для подтверждения сказанного. Следовательно, эти истории о богах не имеют никакого принципиального отношения к истинной вере; они относятся к сфере художественного творчества поэта (или народа), к мифотворению, а не к сфере религии. Поэтому в них мы должны видеть не критику богов, а желание очеловечения далекого и таинственного мира богов, его перенесение в сферу художественного творчества. В результате этого боги, подобно людям, могли быть и мудрыми, и наивными, и сентиментальными, и веселыми, и страшными, и смешными. В этом случае не имеет смысла искать какую-то закономерность в мировоззрении поэта. Антропоморфные божества, участвующие в гомеровском эпосе, — это обыкновенные персонажи художественного произведения, все действие которых в поэмах строится по тому же механизму, что и действия простых смертных. Естественно, это не вызывает

²¹ В данном случае может возникнуть возражение. Ведь эпический поэт для вдохновения всегда обращается к Музам, которые, по представлению эллинов, могли сообщать ему все о богах, ведь в поэмах боги действуют лишь в рассказе самого Гомера (или певцов — персонажей поэм), а не обычных действующих лиц или героев (ср. 256, стр. 88). Однако напомним, что поэт обращается к Музам исключительно в тех случаях, когда он собирается рассказать что-то важное именно о делах смертных. Ни в одном случае, рассказывая о событиях на Олимпе, сценах с участием богов, поэт не обращается к Музам за помощью. О том, что сказители, инспирированные музами, могут лгать, говорит уже Гесиод (Теог. 27).

смещения божественной сферы со сферой человеческой, так как религиозные и рациональные элементы, о которых речь шла выше, всегда поддерживают дистанцию, существующую между бессмертными и смертными. Мы не утверждаем, что все, относящееся к сфере художественной мифологии в поэмах, является фантазией самого Гомера. Он, безусловно, использовал и более ранний материал, и мотивы мифов и сказаний других племен и народов²², однако в его эпосе они принимали другую окраску, ибо связывались с совершенно новым художественным контекстом, использовались согласно определенным, характерным лишь гомеровскому эпосу, поэтическим принципам. Говоря словами Кульманна, «пересмотр догомеровской поэзии, в том объеме, в каком нам позволяют источники, показывает, что до Гомера было уже кое-что рассказано и сложено стихами о богах и что боги имели многосторонние взаимоотношения с людьми, но постоянное вмешательство богов, все новое прерывание ими хода событий должно быть чем-то типично гомеровским»²³.

Если к гомеровскому пантеону, к участию богов в поэмах подойти с учетом сказанного, большинство противоречий и недоразумений, о которых мы говорили выше, фактически будут сняты²⁴.

²² Об этом подробно в следующей главе.

²³ 243, стр. 147.

²⁴ О гомеровских богах см. также 179а; 361а; 389б и др. Во время последней корректуры нашей книги мы получили работу: W. Bröcker, *Theologie der Ilias*, Frankfurt am Main, 1975. Исследователь, выдвигая точку зрения, близкую нашей, считает что в гомеровском эпосе следует различить три аспекта: ахейскую религию, историю богов, как продукт трансцендентальной фантастики, и мифологию.

Выше уже шла речь о том, сколь значительны связи гомеровского эпоса с историческими событиями второй половины II тысячелетия до н. э.; мы постарались показать также, что эпохой деятельности Гомера следует считать VIII в. до н. э. После этого, естественно, возникает вопрос об источниках гомеровского эпоса, о тех путях, посредством которых информация о микенском мире достигла Греции гомеровской эпохи. Мы не станем рассматривать здесь существующие по данному вопросу теории, постараемся лишь, опираясь на гомеровский эпос, показать, какими основными источниками должен был бы пользоваться поэт.

Для рассмотрения этого вопроса следует, в первую очередь, коснуться принципа аэда, которым, согласно Гомеру, он пользовался при передаче событий минувших времен. Мы уже говорили о том, что достоинством аэда, судя по VIII, 487—291 «Одиссее», считалась максимальная точность при повествовании о делах героев¹. Следует полагать, что данным принципом руководствовался и Гомер в своих поэмах, хотя, безусловно, его возможности были ограничены, ибо от событий времен Троянской войны его отделяло несколько веков. Следовательно, он должен был бы воспользоваться всеми теми источниками, которые помогли бы поэту VIII в. до н. э. воспроизвести события микенской эпохи. Источники гомеровского эпоса, как показывает анализ поэм, могли быть совершенно разного характера. Можно с уверенностью сказать, что в распоряжении Гомера были:

1) Устная поэтическая традиция. Во многих сказаниях и мифах, слагаемых в разное время устным поэтическим путем и передающихся из поколения в поколение, описывались события и деяния героев микенской эпохи. Естественно, в течение веков эти источники меняли свой облик, но в них все же можно было найти немало реальных сведений, связанных с историческими явлениями. То, что Гомер довольно хорошо знает о возможностях устной передачи поэ-

¹ См. выше, стр. 167.

тической информации, показывает анализ ряда мест его поэм. Во II песни «Илиады» рассказывается следующее о догомеровском поэте Тамирисе:

«...Дорион, место, где некогда Музы,
Встретив Фамира Фракийского, песнями славного мужа,
Дара лишили: идя от Эврита, царя эхалиян,
Гордый, хвалиться дерзал, что победу похитит он в песнях,
Если и Музы при нем воспоют, эгиоховы дщери.
Гневные Музы его ослепили, похитили сладкий
К песням божественный дар и искусство бряцать на кифаре».

(594...)

Если при этом учесть и сообщения «Одиссеи» о Фемии, Демодокe, аздах героической эпохи, то можно сказать, что Гомеру были известны не только факты деятельности отдельных аэдов, но и существовавшие в Греции героической эпохи традиции поэтических состязаний.

Следовательно, согласно Гомеру, греки уже в микенскую эпоху имели своих поэтов.

В том, что у эллинов еще задолго до Гомера была поэтическая традиция, сегодня никто не сомневается. Зато одна часть исследователей исключает факт существования микенской поэзии, во всяком случае, возможность того, что она могла хоть в какой-то форме достигнуть эпохи Гомера². По нашему мнению, подобное утверждение не имеет под собой реальной основы, ибо а) греческая традиция знает имена поэтов героической эпохи: Олен, Памф, Орфей, Тамирис, Мусей, Лин³; б) формирование гексаметра представляется более реальным на микенской основе; в) ряд эпитетов и форм, использованных у Гомера, имеет явно микенский облик (*χαλχοχίτωνες*, *ἐὶς κνήμιδες*)⁴; г) множество деталей, характерных для микенской культуры, о которых в VIII в. до н. э. не могли иметь конкретного представления, у Гомера описывается довольно точно⁵. Во всяком случае то, что поэтическая традиция (восходящая к микенской эпохе или к темным векам) являлась значительным источником для гомеровского эпоса, подтверждает множество фактов, начиная с анализа гомеровского языка⁶ и кончая исследованием отдельных ми-

² По этому вопросу ср. 229; 230; 231; 171.

³ Сведения об этих поэтах см. в RE и RML. Ср. также 1036.

⁴ Для обзора ср. 205, стр. 8...

⁵ 205, стр. 1; 221; 262; 254.

⁶ Ср. 329а; 195а и др.

фологических деталей⁷. С этой точки зрения заслуживает внимания VI, 357... «Илиады», где Елена говорит следующее:

«Злую нам участь назначил Кроннион, что даже по смерти
Мы оставаться должны на бесславные песни потомкам».

В данном предсказании явно чувствуется, что поэт этих строк знал песни как об Елене, так и о других, передававшиеся из поколения в поколение. То же самое можно сказать и о некоторых других пассажах гомеровских поэм.

Так же реальным представляется и то, что Гомер использовал мифы о богах, отдельные поэтические произведения, разрабатывающие многочисленные эпизоды сказаний, бытовавшие и создающиеся в гомеровскую эпоху в устном поэтическом творчестве. На это указывает наличие множества фрагментарных сведений об отдельных эпизодах различных циклов сказаний и мифов⁸. Естественно, когда мы говорим об использовании Гомером устной поэтической традиции, вовсе не подразумеваем, что Гомер непосредственно вставлял отдельные поэтические произведения в свои поэмы. В данном случае мы полагаем, что догомеровская поэзия для автора «Илиады» и «Одиссеи» была источником в основном с информационной точки зрения, а не с точки зрения перенесения отдельных эпических частей в собственные произведения. Это подтверждает анализ тех частей гомеровских поэм, в которых повествуется о тех или иных эпизодах из других циклов сказаний. Как выяснилось, эти части построены по тем же композиционным принципам, по которым строятся «истинно гомеровские» пассажи поэм.

II. Устная прозаическая традиция также могла сохранить информацию о микенской эпохе. Гомеровскому эпосу довольно хорошо известны факты передачи информации путем обыкновенного рассказа. С этой точки зрения особый интерес представляют рассказы Нестора, Феникса, Одиссея, Менелая и др. В «Илиаде» (XX, 203—204) Эней говорит Ахиллу:

«Знаем взаимно мы род, и наших родителей знаем,
Сами сказания давние слыша из уст человеков».

И еще, когда поэт взывает к Музам о помощи в прооимоне «каталога кораблей», он отмечает:

«...молву мы единую слышим»

(II, 486)

⁷ Ср. 292; 293; 389а и др.

⁸ Ср. 209.

Нет никакой необходимости выявлять в этом направлении и другие факты, ибо существование догомеровских преданий, переходящих из поколения в поколение путем прозаического повествования, совершенно логично и несомненно.

III. Династическая традиция также являлась источником сохранения потомству истории той или иной фамилии. Множество передававшихся в течение веков таких генеалогий, историй также хорошо должны были быть известны Гомеру. Ярким примером этого являются речи ликийца Главка («Илиада» VI, 145—211) и Энея («Илиада» XX, 200—258), в которых детально передаются генеалогии потомков Беллерионта и Дардана.

IV. Традиция, существовавшая в соседних с греками народах. Как показывает изучение гомеровского эпоса, поэт опирался не только на данные греческих сказаний, но и тех соседних народов, с которыми грекам приходилось иметь взаимоотношения. С этой точки зрения можно назвать много интересных фактов из гомеровского эпоса. Однако их перечисление завело бы нас слишком далеко. Приведем лишь несколько примеров: в III песни «Илиады» Приам вспоминает о том, как он в молодости воевал среди союзников фригийцев против амазонок (182—190). Здесь мы имеем дело с использованием информации троянского, азиатского сказания. Главк в своей вышеназванной речи (VI, 145...) рассказывает о делах Беллерионта, в том числе и о его борьбе с амазонками, солимами и др. Следует думать, что источником данной информации были ликийские сказания. В основу сведений о генеалогии Энея и троянских правителей в «Илиаде» (XX 200...) должны лежать троянские сказания и т. д.

V. Памятники материальной культуры, сооружения микенского мира, достигшие классической Греции в виде развалин, частично восстановленные или, в некоторых случаях, полностью сохранившие свой первоначальный облик. Внимание ученых давно привлекает тот факт, что Гомер часто довольно детально описывает те города и поселения, дворцы царей и правителей, которые должны были прекратить свое существование вместе с упадком микенской культуры, разные вещи и предметы, производство которых было допустимо лишь в микенскую эпоху⁹. Трудно полагать, что информация о них опиралась лишь на данные традиционной поэзии или сказаний. Вполне естественно допустить, что многие города и дворцы, описанные столь великолепно в «Илиаде» и «Одиссее», действительно достигли в более или менее сохранном виде эпохи Гомера. Невозможно поверить,

⁹ Для обзора. Ср. 205; также 25 и 221.

что в течение всего лишь пяти-шести столетий после Троянской войны все города и сооружения героической эпохи исчезли с лица земли, не оставив никаких следов своего существования. Напротив, было бы более реально допустить, что греки гомеровской эпохи собственными глазами видели развалины сооружений и крепостей минувших веков, что их представления об Эгеиде времен Троянской войны формировались на основе сопоставления данных традиции с теми остатками материальной культуры, которые в каком-то виде сохранились до VIII в. до н. э. С этой точки зрения особый интерес представляет описанная Гомером Троя. Трудно усомниться в том, что еще в гомеровскую эпоху развалины Трои довольно наглядно сохраняли контуры древнего города¹⁰. Интересны с этой точки зрения и сведения Гомера о других микенских поселениях Эгеиды, прекративших существование после падения эгейской культуры бронзовой эпохи¹¹. В гомеровском эпосе довольно часто встречаются намеки на то, как сохраняли информацию о событиях минувших времен строения различных типов, древние предметы, переходящие из поколения в поколение и т. д. В «Илиаде» (VII, 67...) Гектор, вызывая ахейских героев на единоборство, заявляет, что воздвигнутая убитому им ахейскому герою могила напоминает прошлое кому-нибудь из «людей, родившихся позже» (ὄψιόνων ἀνδράσιν). В «Одиссее» (XXIV 36...) душа Агамемнона, описывая картину погребения Ахилла, заключает, что его «большую и славленную» могилу будет легко заметить «и тем, которые живут ныне, и тем, которые появятся в будущем» (84). Герои Троянской войны у Гомера часто обладают предметами своих предков. В «Илиаде» (XVI, 142...) говорится о том, что Хирон подарил «пелионское копье» Пелею, которое ко времени Троянской войны находится уже у Ахилла. Здесь же (II, 101...) сообщается о том, скольким поколениям царей служила скиптра Агамемнона — изделие Гефеста, прежде чем Фиест передал ее Атриду «вместе с властью над многими островами и Аргосом» (108). Эти и подобные сведения гомеровского эпоса явно указывают на то, что подчас сам поэт мог иметь возможность посетить могилы далеких героев, видеть древние предметы, хранившие память о предках. В этом нет ничего удивительного. Как известно, поиски древних предметов и погребений, интерес к ним были характерны для античного мира¹².

VI. Хроникально-документальная традиция. Наряду с другими формами сохранения информации, могла

¹⁰ 102; 103; 303.

¹¹ 205; 25.

¹² Для обзора ср. 188.

существовать также и эта традиция в виде схематичных исторических хроник и документов. Такие документы хранились во дворцах, храмах, среди жрецов и оракулов. Как было выше отмечено, традицию письма греки имели уже с микенской эпохи (сначала линейное, а затем фонетическое письмо). Возможно, что отдельные письменные документы как периода «темных веков», так и самой микенской эпохи могли дойти до времен Гомера. Даже в более поздние времена эллинам было известно о том, что в некоторых храмах сохранены древние, исполненные в ряде случаев неизвестными письменами, надписи. О сообщении Геродота касательно надписи в храме Аполлона в Беотии (V 58—60) речь шла выше. В диалоге Плутарха «О гении Сократа» мы находим сведение о том, что во времена Агесилая в Беотии нашли бронзовую табличку с многочисленными надписями, исполненными неизвестными грекам, похожими больше на египетские иероглифы письменами. Эту надпись Агесилай послал самому египетскому фараону для прочтения¹³.

Часть исследователей исключает возможность использования Гомером письменных источников. По их мнению, с упадком микенской культуры в Греции на несколько веков заглохла традиция письма и в гомеровскую эпоху не могла существовать никакая информация о микенской письменности¹⁴. На наш взгляд, подобные утверждения весьма односторонни. Если нам до сих пор не удалось обнаружить надписей с линейным-Б, которые можно было бы датировать периодом «темных веков», то из этого вовсе не следует, что мы имеем право вообще отрицать существование таких надписей. С другой стороны, как было отмечено выше, наличие в греческом фонетическом письме принципа пунктирования делает возможным допустить, что линейное и фонетическое письмо в течение определенного времени сосуществовали в Эгейском мире. Мы думаем, что до гомеровской эпохи вполне могли сохраниться отдельные надписи микенского времени или древнейшие документы, выполненные фонетическим письмом. То, что письменность микенской эпохи не прекратила своего существования в пределах расселения греческом фонетическом письме принципа пунктирования де-убедительно доказывается изучением кипрского слогового письма. Кипрские документы, выполненные линейным-С письмом, датируются позднебронзовой эпохой и считаются современными линейному-Б письму¹⁵. Эта система письма на Кипре, как представляется, имела непрерывную традицию

¹³ Ср. 188; 161.

¹⁴ Для обзора ср. 231а, стр. 21...; 142, стр. 26; 303, стр. 218...

¹⁵ Для обзора 142, стр. 26.

развития, так как в I тысячелетии до н. э. слоговое письмо используют как автохтонные племена Кипра для документов на еще нерасшифрованном этеокипрском языке, так и древнейшие греческие переселенцы. Представляет особый интерес то обстоятельство, что слоговое письмо в греческих надписях использовалось на Кипре вплоть до классической эпохи¹⁶. Следовательно, можно полагать, что здесь традиция использования слогового письма восходила к микенской эпохе и не была прервана ни автохтонными, ни греческими племенами даже тогда, когда фонетическое письмо широко распространилось во всем греческом мире. Если это так, то существует реальная возможность того, что на Кипре в гомеровскую эпоху могли быть сохранены догомеровские письменные документы разных эпох на этеокипрском или греческом языках, прочитать которые мог каждый грамотный житель острова. Следовательно, поэт времен Гомера в случае надобности мог получить интересующую его информацию и из кипрских письменных источников, сохранившихся в течение веков в храмах и дворцах острова. Так как на Кипре идея формирования мысли письменным путем существовала начиная с микенской и вплоть до гомеровской эпохи, а переселение греческих племен на Кипр должно было бы начаться самое позднее с начала I тысячелетия до н. э., то вполне естественно предположить, что письменные документы на греческом языке, выполненные кипрским письмом, должны были бы существовать уже задолго до времен Гомера. Кипр не был изолирован в гомеровскую эпоху от всей Греции. Это, не говоря уже об археологических раскопках, довольно четко показывает сам гомеровский эпос. Так, в «Илиаде» (XI, 20...) описывается, как подарил правитель Кипра Кинирес находившемуся у него в гостях Агамемнону латы:

«Ибо до Кипра достигла великая весть, что ахейцы
Ратью на землю троянскую плыть кораблями решились;
В оные дни подарил он Атриду, царю угодная».

В «Одиссее» (IV, 83) Менелай упоминает Кипр в числе мест, где ему довелось побывать во время путешествия. Здесь же (VIII, 362...) говорится об алтаре Афродиты в Пафосе на Кипре, а в XVII, 443... Одиссей в одной из своих вымышленных историй рассказывает, как его продали Дметору, Иясиду, царствующему на Кипре, и как он вернулся оттуда на Итаку. Эти пассажи делают несомненным, что для грека гомеровской эпохи Кипр был совершенно определенным географическим пунктом, с которым эллины, начиная с микен-

¹⁶ 218, стр. 130...

ской эпохи, имели довольно тесные взаимосвязи. Естественно, в этой ситуации факт использования кипрскими греками письма для информации не мог остаться неизвестным для греков VIII в. до н. э. Однако в наши дни трудно отрицать возможность того, что традиция использования слогового письма могла ко времени Гомера сохраняться и в других областях распространения грекоязычных племен. Если в Греции II тысячелетия до н. э. линейным письмом пользовались обитатели дворцов Кноса, Феста, Микен, Пилоса, то следует думать, что оно было известно и жителям других островов Эгейского бассейна, находящихся в сфере микенской цивилизации. Согласно «каталогу кораблей» «Илиады», ко времени Троянской войны ахейскими должны были быть многие острова Эгеиды¹⁷. Часть исследователей полагает, что распространение письменности в микенскую эпоху имело довольно ограниченный характер, она была доступна лишь сравнительно узкому кругу переписчиков, в основном негреческого происхождения. По нашему мнению, в микенской Греции письменность использовалась приблизительно в тех же масштабах, в каких ею пользовались в других пределах Средиземного моря. С этой точки зрения особый интерес представляет рассмотренный выше документ о взаимоотношениях Аххиявы и хеттов, так называемое «письмо Тавагалаваса». О том, что Аххияву хеттов и ахейцев Гомера мы не должны отделять друг от друга, речь шла выше¹⁸. Следовательно, можно сказать, что информация хеттов об Аххияве фактически является информацией о греках ахейской эпохи. Из так называемого «письма Тавагалаваса» можно сделать вывод, что в ахейской Греции письменность использовалась довольно широко, во всяком случае, правители Аххиявы имели интенсивную переписку с царем хеттов. Из вышеупомянутого письма мы узнаем, что правитель Аххиявы неоднократно посылал письма как царю хеттов, так и правителям других стран. Интересно, что царь хеттов просит правителя Аххиявы написать Пиямарадусу письмо и даже подсказывает ему текст письма. Естественно, все это было бы оправдано лишь в том случае, если бы в Аххияве XIV—XIII вв. до н. э. письменность использовалась не только в некоторых центрах Крита и континентальной Греции, но и во всем ареале распространения ахейцев, если бы письменность там выполняла ту же функцию, что и в странах древнего Востока. Следовательно, таблички с линейным-Б письмом, имеющие, как правило, характер канцелярских записей, мы должны рассматривать как часть микенской письменной продукции. Естественно, она

¹⁷ Ср. 25; 205.

¹⁸ Ср. выше. стр. 176..

могла использоваться в ахейской Греции для фиксации информации совершенно разного характера. Как показывают хеттские документы, для правителей Аххиявы одной из значительных сфер использования письма служила официальная переписка. После этого ничто не мешает допустить, что письменность использовалась и с целью фиксации хроникальной, художественной и др. информации. Если это так, то следует полагать, что упадок микенской цивилизации не мог вызвать мгновенного исчезновения самой идеи письма вообще, полной ликвидации письменных документов. Более реально допустить, что надписи того или иного характера еще долгое время сохранялись в отдельных храмах или дворцах, на камнях или керамике. Возможно, что в гомеровскую эпоху их уже не могли читать, однако прежде чем они полностью были забыты, очевидно, часть информации, записанной слоговыми знаками, могла перейти и в новые документы, выполненные уже фонетическим письмом. По нашему мнению, следы использования подобных письменных источников можно выявить и в самом гомеровском эпосе:

а) Выше мы говорили о речи Гектора в «Илиаде» VII, 76—91, обращенной к ахейским героям, в которой он вызывает их на единоборство. В данном случае мы заострим внимание на финальной части речи. Гектор обещает, что в случае, если в единоборстве победит он, то возвратит труп ахейского героя грекам:

«Пусть похоронят его кудреглавые мужи ахейцы
И на берегу Геллеспонта широкого холм да насыплют
Некогда, видя его, кто-нибудь и от поздних потомков
Скажет, плывя в корабле многovesлом по черному понту:
Вот ратоборца могила, умершего в древние веки:
В бранях его знаменитого свергнул божественный Гектор!
Так нерожденные скажут, и слава моя не погибнет».

(85 — 91)

В науке уже отмечалось, что с этим местом много общего имеют отдельные архаические надгробные надписи¹⁹. Интересно рассмотреть это место и с другой точки зрения. По мнению Гектора, в будущем, увидев могилу ахейского героя, люди смогут узнать не только об убитом, но и об убившем его герое, а это сделает славу Гектора бессмертной. В данном пассаже поэт, безусловно, имеет в виду, что могила (σῆμα) в течение веков сохранит имя героя, и даст возможность всякому, даже случайному прохожему, узнать о нем. По нашему мнению, в данном случае перед глазами поэта могилы

¹⁹ Для обзора ср. 319.

с краткими надписями, дававшие прохожему информацию о погибшем. Возможно, что это были не очень древние могилы, но сама идея существования подобных могил с надписями не должна была бы быть чуждой Гомеру. Следует полагать, что в некоторых случаях именно эти надписи являлись для поэта источником той или иной информации.

б) На использование письменного источника, по нашему мнению, могло бы указать и то обстоятельство, что данные «каталога кораблей» «Илиады» о незначительном числе кораблей ряда популярных героев греческих сказаний находятся в противоречии с данными «Илиады» и всей греческой традиции о силе, мужестве, роли и общегреческой славе этих героев. Так, например, известные герои Аякс и Одиссей ведут по 12 кораблей, Филоктет — 7, в то время как менее известные Элленор и Мегес ведут по 40, Гуней 20 кораблей и т. д. Если считать каталог устно составленным документом микенской эпохи, который передавался в устной же традиции вплоть до гомеровских времен, то трудно допустить, что в то время, как греческие сказания и мифы претерпели столь большие изменения, поэтам в течение столетий и в голову не приходило заменить простые числа, которые находились в таком противоречии с общепринятыми и традиционными представлениями об Одиссее, Аяксе и др.²⁰

С другой стороны, если допустить, что каталог является лишь фантазией поэта гомеровской эпохи, то трудно угадать, на чем основывалась его информация о числе кораблей отдельных героев. Думаем, что в данном случае мы имеем дело с фактом использования списка участников Троянской войны, который давал сведения о составе ахейского войска перед отплытием в Трою. Как известно, документы подобного рода действительно составлялись перед военными экспедициями в Греции позднеэлладской эпохи. В документах линейного-В письма были выявлены списки разных характеров. Из них некоторые дают перечень гребцов или военных труп. Так, например, один из документов представляет каталог «гребцов, идущих в Плеврон»²¹. Нам трудно сегодня судить, какого характера была эта «морская экспедиция» (военного или мирного), но одно ясно — документ добросовестно перечисляет всех, кто принял участие в экспедиции. Подобные списки указывают на то, что «морские экспедиции» не были чуждыми микенскому миру и — это главное — о таких экспедициях микенцы сохраняли точную информацию. Еще более интересны так называемые боевые таблички, точнее списки

²⁰ Ср. также 344а.

²¹ Ср. 306, стр. 129...; 389, стр. 172...

тех героев, которые собирались во время войны. В подобных каталогах наше внимание привлекает принцип перечисления.

В этих списках перечисляются участники боевой экспедиции по отдельным округам. Перечисление обычно начинается с имени предводителя или начальника, за этим часто следует указание местонахождения его области, затем — имена его главных офицеров, после — названия разных трупп, составляющих общее войско области и число воинов в каждой из этих трупп вместе с названиями тех мест, откуда они пришли и, наконец, приводится имя (и, как правило, патроним) комиссара или начальника, который сопровождает общее войско²².

Подобные списки дают основание некоторым исследователям для утверждения того, что они, т. е. эти списки «не только не противоречат каталогу кораблей, но являются своего рода дополнениями к нему»²³. Эта группа надписей, которая в науке называется группой ока, указывает на то, что традиция каталогизации восходит уже к микенской эпохе. Не исключается, что и в ахейской Греции жители отдельных областей, потомки того или иного героя, сохраняли подобные списки, и они в разрозненном или полном виде достигли эпохи самого Гомера.

Как известно, в странах древнего Востока существовали довольно богатые традиции создания и сохранения списков участников войн. С этой точки зрения особый интерес представляют египетские, хеттские, ассирийские, угаритские и др. источники²⁴.

VII. Литературно-мифологическая традиция — письменные литературные источники — также оказывала, очевидно, влияние на поэта «Илиады» и «Одиссеи». Здесь, в первую очередь, следует указать на отношение Гомера к древневосточной литературе. В последнее время было выявлено множество интересных параллелей между Гомером и эпосом о Гильгамеше, хеттскими и угаритскими литературными и мифологическими текстами, египетскими приключенческими историями и даже Библией²⁵. Эти встречи во многих случаях можно объяснить заимствованием ходячих сюжетов народами Средиземноморья друг у друга, типологией мифологического и эпического мышления, но в ряде случаев, очевидно, можно говорить и о прямом влиянии древневосточной литературы на греческую литературу, в частности

²² Ср. 278; 116.

²³ 226a, стр. 53.

²⁴ Эти списки можно найти в многочисленных изданиях древневосточных документов.

²⁵ Ср. 301b; 391b; 177a; 374a; 279a и др.

на Гомера²⁶. Такое влияние вполне реально, если учесть, что в гомеровскую эпоху греки имели довольно тесные взаимосвязи с культурными центрами Востока, многие достижения которых они органически восприняли. Однако самое большое влияние на Гомера могли оказать эпические произведения, существовавшие и фиксированные письменно, очевидно, еще до него.

Так, в гомерологии высказано предположение, что источником основной темы «Илиады» — гнева Ахилла для поэта послужил мотив гнева Мелеагра из предполагаемого догомеровского эпоса «Мелеагриса»²⁷. В сцене посольства «Илиады» (IX, 529...) Феникс ставит Ахиллу в пример историю гнева Мелеагра: шла война между куретами и этолийцами. Пока среди этолийцев бился Мелеагр, сын Инея, дела куретов шли плохо, они не осмеливались выходить из своего укрепления. Но разгневавшись на свою мать Алфею, Мелеагр отрекся от битвы и «праздный лежал у супруги своей, Клеопатры прекрасной», куреты начали атаковать противника и бои переместились к башням Калидона. Этолийские старцы умоляли Мелеагра вернуться на поле битвы, они направили к нему избранных жрецов с дарами и обещаниями, упрашивали его отец Иней, сестры, мать, наконец его лучшие друзья, но Мелеагр был неумолим. И только когда его жена, Клеопатра, проливая слезы, рассказала ему, в какое бедственное положение поставили враги их родной город, Мелеагр взволновался. Он надел доспехи и с оружием в руках отразил «погибельный день от этолян». Приведенный в «Илиздс» рассказ о гневе Мелеагра действительно показывает значительные встречи с историей гнева Ахилла: в одном случае дела этолян шли хорошо, пока с ними был Мелеагр, во втором — дела ахейцев, пока Ахилл сражался среди них. Гнев заставит покинуть поле битвы и Мелеагра и Ахилла. Первый праздно лежит со своей женой Клеопатрой, второй же находится в своем лагере, вместе с другом, Патроклом (здесь обращает на себя внимание замеченное в гомерологии сходство между именами — Клеопатра и Патрокл²⁸). После этого как в одном, так и в другом случае враг переходит в наступление. Оказавшиеся в бедственном положении этоляне посылают Мелеагру: а) жрецов со специальными официальными дарами и обещаниями старейшин, б) родителей и сестер, в) друзей, однако это не возымело успеха. Старейшины ахейцев также посылают Ахиллу посольство: а) Одиссея, который передает ему сообщение о дарах и обе-

²⁶ Ср. 392; 315 и др.

²⁷ Для обзора ср. 254, стр. 71...

²⁸ 205а.

шаниях Агамемнона, б) Феникса, который в данной сцене играет роль отца Ахилла, в) Аякса — хорошего друга Ахилла²⁹. В одном случае Мелеагр возвращается на поле боя лишь после того, как Клеопатра рассказывает ему о положении сограждан, в другом же Ахилл — после того, как узнает от Патрокла о бедствиях ахейцев, посылает друга в бой, а после его гибели вступает в битву сам. То, что в данном случае мы действительно имеем дело с явными параллелями, не вызывает никаких сомнений. Однако сложность заключается в определении того, которая из этих историй является исходной — гнев Ахилла для Мелеагра или же, напротив, гнев Мелеагра для Ахилла. По нашему мнению, в данном случае невозможно прямолинейное решение вопроса. Следует полагать, что в поэме эти истории являются взаимообуславливающими. Феникс приводит историю Мелеагра потому, чтобы провести параллель с ситуацией, вызванной отречением Ахилла от битвы. Безусловно, приведение истории о гневе Мелеагра имело бы смысл лишь в том случае, если бы она была действительно схожа с историей гнева Ахилла. С другой стороны, Феникс не рассказывает всю историю о Мелеагре, он ограничивается лишь заострением внимания на тех моментах, которые могут вызвать ассоциации описанных в «Илиаде» событий. Именно поэтому Феникс в своем рассказе обращается к приему интенсификации мотивов. Повесть о Мелеагре он уподобляет эпизоду гнева Ахилла посредством усиления в ней отдельных мотивов, их приравнивая ходу действия «Илиады». На это должны указывать те отдельные стилистические соответствия, которые имеет эпизод Мелеагра с историей о гневе Ахилла. Так, Ахилл говорит Одиссею:

«...Пока меж аргавцами я подвизался.

Боя далеко от стен начинать не отважился Гектор».

(IX, 352-53)

А Феникс чуть ниже говорит следующее Ахиллу:

«Долго, пока Мелеагр за этолян, могучий, сражался.

Худо было куретам: уже не могли они сами

В поле, вне стен, оставаться, хотя и сильнейшие были».

(IX, 550-52)

Здесь Феникс явно перифразирует слова Одиссея и этим уподобляет друг другу последствия, с одной стороны,

²⁹ Ср. 258, стр. 259.

отречения Ахилла от битвы, а с другой — отказа Мелеагра защищать свой город. После удаления в свой лагерь:

«В стане, при черных судах, возлежал Ахиллес Быстроногий,
Гневный за дочь Бризею, пышноволосяную деву».

(II, 688-89)

так же и Мелеагр:

«...На любезную мать Алфею озлобленный сердцем,
Праздный лежал у супруги своей, Клеопатры прекрасной».

(IX, 555—56)

В этом направлении можно было бы выявить и другие факты, которые показывают, что в рассказе Феникса о Мелеагре мастерски используется вся история гнева Ахилла. Следовательно, не отрицая возможности влияния повести о Мелеагре на «Илиаду», все же надо отметить, что приведенный в «Илиаде» эпизод о Мелеагре сам является примером мастерского подчинения догомеровского мотива главной теме поэмы. Такое тонкое видоизменение традиционных мотивов указывает на то, что Гомер нередко имел дело уже с литературным, а не фольклорным источником. На это же указывает и изучение «Одиссеи», для которой одним из литературных источников, как полагал Мойли³⁰, послужил догомеровский эпос об аргонавтах, нашедший свое отражение в маршруте Одиссея.

Как видим, источники Гомера должны быть совершенно различного характера и происхождения. Именно поэтому в гомеровском эпосе мы можем обнаружить детали, которые датируются микенской эпохой, либо отражают ситуацию темных веков, либо же органично связаны с эпохой самого Гомера³¹. Как мы уже отметили, целью Гомера было максимально точно передать информацию о героической эпохе. Но оживление этих древних легенд, героев и городов происходило согласно тем реальным представлениям, которыми обладал грек I тысячелетия до н. э. об одеянии воинов, о величии города, предметах обихода и т. д. К гомеровскому эпосу мы должны подходить именно с этой точки зрения. В нем микенская культура, древние легенды и явления, далекие герои помещены в той реальной среде, в которой жил сам поэт, переданы соответственно тем знаниям и представлениям, которые имел поэт о мире, вещах, описанных им. Здесь же не

³⁰ 275. Ср. также 209. стр. 60... Информация сказаний об аргонавтах, засвидетельствованная у Гомера, собрана и проанализирована в 27.

³¹ Ср. 262; 231; 254; 343 и др.

следует забывать и о том, что целью Гомера не была лишь фиксация минувших явлений. «Величие (его поэм) всегда опирается (помимо поэтического гения) на силу духа современности. Взрыв новых сил, новой мысли, охватывающей народ, был достаточен для некоего Гомера, чтобы древние, широко начертанные картины прошлого пережить по-новому, более глубоко...» «...Микены для Гомера являются не столько реальной величиной XIV века, сколько идеальной величиной VIII в.»³².

Гомеровский эпос, как было отмечено выше, создан в VIII в. до н. э.

Насколько логичным можно считать возникновение столь высокой поэзии в ту отдаленную эпоху, как вписывается Гомер в контекст общего культурного развития народов Средиземноморья VIII в., и наконец, сколь реально возможность сохранения первоначального текста поэм, без особых изменений, на протяжении веков до широкого распространения книжного дела в античной Греции? Вот вопросы, которые хотелось бы нам затронуть в заключительной главе нашей книги.

До последнего времени мы располагали весьма скудными материалами о культуре Греции VIII в. до н. э. Да и сейчас, несмотря на определенный прогресс в археологии гомеровской эпохи¹, нам трудно воссоздать более или менее полную картину политической и культурной жизни греческого мира в VIII в. Ясно одно, что после падения микенской цивилизации, приблизительно с XII в. до н. э., Греция переживает резкий культурный и политический упадок. Центры большой эгейской цивилизации бронзовой эпохи прекращают свое существование. Замирает жизнь в роскошных дворцах микенских правителей. Последующие т. н. «темные века» по сути дела были эпохой перераспределения сил между отдельными греческими племенами². Начинается процесс переселения отдельных греческих племен сначала на восток — в Анатолию, а затем на запад — в Италию³. В результате этого возникают новые поселения. Истинной технической революцией явилось резкое увеличение добычи дешевого металла — железа, что «оказало сильное «демократизирующее» воздействие на само греческое общество»⁴. Можно сказать, что были разрушены почти все политические институты ахейской Греции, куль-

¹ Обзор новейшей литературы в 306а. Ср. также 32а.

² Ср. 374; 135.

³ Ср. 103а, там же литература по данному вопросу.

⁴ 32-а, стр. 112.

тура стала примитивней, структура общества упрощенной и однородней по сравнению с микенской эпохой, но уже в «темные века» начали проявляться отдельные черты новой культуры, отличающейся от эгейской и создавшей основу для возникновения греческой классики. Одним из значительнейших и, пожалуй, самых своеобразных результатов этого процесса можно считать появление архаического греческого полиса, ставшего уже в гомеровское время новым типом поселения, отличающимся от микенских поселений как «архитектурной организацией пространства», так и структурой социальных и политических образований. Хотя в этом полисе все еще силен «родовой партикуляризм», «политическое господство родовой знати», но «выработанные политической практикой варварского общества органы общинного самоуправления постепенно трансформируются в основные элементы административной системы демократического полиса»⁵. В этом полисе удивительным образом сосуществовали традиция великого прошлого — в основном на уровне сохранения информации, примитивное настоящее и черты, потенция еще более великого будущего.

Дух именно такого сосуществования совершенно различных компонентов можно обнаружить и в гомеровской картине ахейского общества. С одной стороны, это попытка изображения микенского прошлого, как идеальной высоты: информация о походе объединенного, многочисленного греческого войска на Трои, о богатстве и великолепии дворцов правителей эпохи Троянской войны, о мощи и влиянии отдельных владык. Все это могло иметь место в государстве и довольно развитом классовом обществе, при определенной централизации всей Греции с политической точки зрения⁶. С другой стороны, желая узнать из поэм Гомера, как же функционировал весь этот государственный механизм, обнаружим, что гомеровская примитивная структура политической и общественной жизни находится в резком противоречии с его же информацией о мощи ахейской Греции. И, действительно, хотя Гомер рисует Агамемнона самым могущественным царем ахейцев, из его эпоса все же трудно понять, на что опирается сила Агамемнона — среди ахейских басилеев он не выделяется ни обширностью владений, ни мудростью и ни храб-

⁵ 32а, стр. 115. Здесь и выше при характеристике архаического греческого полиса мы опираемся на книгу Ю. В. Андреева, которая, по нашему мнению, является одной из значительных новейших работ, освещающих с марксистской точки зрения сложные проблемы возникновения греческого полиса.

⁶ О довольно развитой структуре микенского классового общества см. 33а.

ростью. Гомеровская Греция представляет собой фактически раздробленную на многочисленные суверенные царства страну, в которой Агамемнону принадлежит лишь один регион. И все же Агамемнон *πομπὴν λαῶν, ἀναξ ἀνδρῶν*, он властвует над всеми⁷. Здесь, как видно, слиты воедино традиционная информация о силе микенского правителя, который, согласно хеттским источникам, в XIII в. до н. э. был наравне с правителями Египта, Ассирии и Хатти⁸, и реальное представление Гомера о владыках Греции, власть которых в его время действительно распространялась лишь на один полис или регион. По Гомеру, наряду с царской властью существуют совет старцев⁹ и народное собрание¹⁰. Хотя функции последнего не совсем определены, но при обсуждении особо важного вопроса правители, как правило, считают нужным собрать народ¹¹. Обычно на народных собраниях сталкиваются противоположные мнения и побеждает то, которое поддерживается абсолютным большинством¹². Но народное собрание можно распустить и не приняв какого-либо особого решения¹³. В случае расхождений в народном собрании может произойти раскол¹⁴. Иногда, правда весьма редко, народ может восстать против правителя, если тот своим поступком вызовет его гнев¹⁵. Между правителем и народным собранием стоит совет старейшин, который активно участвует в принятии почти всех более или менее важных решений. Таким советом может быть и совет царей, как например, в стране

⁷ Представление об Агамемноне как о самом могущественном владыке сохранилось не только в гомеровском эпосе, но и во всей греческой мифологической традиции.

⁸ Об этом подробно см. выше, стр. 181.

⁹ Старцами фактически считаются все известные, влиятельные и многоопытные герои, которых обычно собирает царь. О собраниях *βουλὴ γεραιῶν* мы находим сведения в «Илиаде»: I, 258; II, 194; II, 53; IV, 344.

¹⁰ *δῆμος* («народное собрание») у Гомера уже вполне сформировавшийся термин.

¹¹ Как это делает Телемах в «Одиссее».

¹² Иногда может победить мнение, которое является лишь выражением честолюбия царя или вождя, как, например, в XVIII «Илиады», в которой народ отдает предпочтение безумному предложению Гектора перед рациональным советом Пулидамаса.

¹³ Как это случилось в «Одиссее» после выступления Телемаха перед народом с жалобами на женихов.

¹⁴ Так, после спора на народном собрании в XXIV песни (463...) часть ахейцев последует за Эвпейтом, другая же останется.

¹⁵ В «Одиссее» (XVI, 424...) рассказывается, как спасло Эвпейта заступничество Одиссея от гнева народа.

феаков¹⁶. Совет старейшин является как бы необходимым элементом системы управления у Гомера. Он, очевидно, никем не избирается и, следовательно, не имеет прочного состава. Его созывает царь при необходимости, и он же определяет состав совета. Члены совета имеют большие права и могут противопоставить свое решение воле царя. Эта модель: правитель — совет старцев — народное собрание, очевидно, являлась универсальной моделью управления у Гомера, и может встретиться в поэмах в разных вариациях как в мирной ситуации, так и в военное время¹⁷. Следовательно, хотя цари и имеют божественное происхождение, но их слово вовсе не является законом для всех. Царь может ошибаться, а его мнение можно раскритиковать и не принять. Контрольную функцию осуществляет совет старейшин, для окончательного же принятия решения, в особо важных случаях, необходима поддержка народного собрания. Можно сказать, что эта система правления отличается от древневосточных и, очевидно, микенской системы и, как видно, является обобщением практики примитивного полисного правления гомеровской эпохи. Во всяком случае механизм управления микенской Греции был, очевидно, куда более сложным¹⁸.

В гомеровском эпосе общество сильно дифференцировано. Гомеру известно о существовании, с одной стороны, властителей, с другой — просто народа *δῆμος*, который управляется первыми, жителей города (*πολιταί* или *ἄσποί*) как основной части населения, и жителей деревни (*ἀγροῖται*), слуг (*θεράποντες*), труд которых, соответственно их обязанностям, четко распределен, и рабов (*δμῶες*), функция и роль которых в гомеровском эпосе не совсем ясна¹⁹. Особую категорию образуют жрецы (*ἄρητῆρες*) и т. н. демиурги²⁰. Особый интерес представляет гомеровская информация о греческом войске. Здесь, как кажется, со всей четкостью нашло свое выражение несоответствие между данными микенской эпохи, донесенными традицией, и реальными представлениями грека гомеровского века. Как было уже замечено в науке, в гомеровском эпосе нет сведений о существовании объединений профессиональных воинов, которые бы постоянно находились в распоряжении какого-нибудь владыки. Постоянно содержать бо-

¹⁶ Об этом см. подробно в 32а.

¹⁷ Детально ср. 32а. Там же подробный критический анализ теорий о «военной демократии», стр. 92...

¹⁸ Ср. 33а; 51.

¹⁹ По данному вопросу ср. 47.

²⁰ О демиургах подробно ниже.

лее или менее значительное количество вооруженного войска для гомеровских басилеев, даже самых богатых, было бы делом весьма трудным с материальной точки зрения. Судя по данным гомеровского эпоса, в случае необходимости, владыки собирали войско (или дружину), которое расходовалось сразу же по окончании военной экспедиции²¹. Однако, если учесть данные «каталога кораблей» «Илиады», содержащего, по всей видимости, информацию, восходящую к микенской эпохе, легко заметить, что при столь примитивной военной организации было бы невозможно осуществление экспедиции масштаба Троянской войны.

И, действительно, согласно каталогу, ахейцы должны были переправить в Анатолию на кораблях, число которых далеко превышало 1000, около 100000 воинов и соответствующее военное снаряжение. Естественно, наличие такого флота и осуществление столь грандиозной по тому времени морской экспедиции без определенного числа профессиональных воинов и четкого военного механизма было бы непредставимым.

В данном случае, как было уже отмечено, противоречие вызвано попыткой поэта согласовать друг с другом информацию о микенских военных экспедициях с представлениями грека VIII в. до н. э. об организации военного дела в архаическом греческом полисе.

Как же вписывается в структуру общества VIII в. до н. э. сам Гомер, насколько закономерно возникновение столь высокого искусства в ту отдаленную эпоху? Ведь вполне ясно, что несмотря на некоторую архаичность и народность гомеровского эпоса, в нем во всей силе проявляется удивительное мастерство поэта-профессионала, владеющего и тайной композиционного построения поэм, и собственными методами обрисовки характеров, и поражающим нас принципом драматического единства, и умением использовать многочисленные, своеобразные стилистические средства. Как показывают греческие источники и современные археологические раскопки, Гомер вовсе не стоял особняком в VIII в., поэзия в то время была столь развита и популярна, что гексаметрическими стихами украшались и керамические изделия в совершенно разных частях греческого мира²².

Закономерен ли такой взрыв в культуре VIII в.? Если рассматривать греческую культуру гомеровской эпохи как изолированную систему, то, очевидно, придется признать, что высокий уровень гомеровской поэзии, с одной стороны, и реальная археологическая картина довольно примитивной Греции гомеровской эпохи, с другой, явно не соответствуют

²¹ Ср. 32а, стр. 89...

²² Об этом подробно речь шла выше, стр. 230...

друг другу. Но это противоречие лишается всякой основы, если гомеровский эпос рассматривать в контексте развития средиземноморских культур VIII в. вообще. И, действительно, VIII век можно назвать веком великого культурного взрыва в бассейне Средиземноморья. В IX—VIII вв. до н. э. происходит большой культурный перелом как на востоке, так и на западе. В Ассирии, которая становится не только центром политической, но и культурной жизни Востока, быстро развивается интерес к литературе и искусству, возникают богатые книгохранилища²³. Активно выходит на историческую арену и другая мощная держава Востока — Урарту со своим оригинальным искусством²⁴. В центральной и западной Анатолии возникает сильное Фригийское царство, так называемая мидасовская Фригия со своей письменностью и довольно интересной культурой²⁵. На западе, в Италии начинается развиваться самобытная этрусская культура²⁶. Этот дух своего рода культурного возрождения застал Грецию в стадии образования нового типа государственного строя — архаических полисов-государств. Быстрое развитие фонетической письменности, довольно сильные импульсы от минувшей микенской культуры, в результате интенсивного процесса переселений и постоянного соприкосновения со странами востока и запада накопление обширной информации о других цивилизациях VIII в. и, наконец, все более усиливающиеся тенденции демократизации общественной и политической жизни, вытекающие из специфики и структуры архаического полиса, создали в греческом мире благоприятные условия для возникновения профессиональной литературы и профессионального искусства, предназначенных не только для узкого круга аристократии, но и для широких слоев населения полисов. В этом процессе формирования греческой литературы особенно начали выделяться эпические певцы — аэды, которые не только доставляли слушателям удовольствие своей поэзией, но до возникновения собственно исторической литературы были хранителями информации о великом прошлом греков, о важнейших событиях минувших времен. Как видно, комплексные требования к аэду — быть истинным поэтом, отличным знатоком прошлого и настоящего своего народа, понравиться представителям как высших слоев населения, так и простому народу, постоянно конкурировать с другими поэтами, быстро выдвинули фигуру певца в обще-

²³ Ср. 328а.

²⁴ Ср. 55а.

²⁵ Ср. 88.

²⁶ Ср. 304а.

стве. С этой точки зрения хорошим источником является для нас сам гомеровский эпос.

Согласно Гомеру, аэд — певец-профессионал занимает в обществе одно из самых почетных мест. Об этом говорит не только то уважение, которым пользуется Демодок в стране феаков, но и содержание тех эпитетов, которыми наделяются аэды в поэмах: ἑρίφρος «милый», «дорогой», θεῖος «божественный», θεσπις «божественный», περικλυτός «повсюду славный». Помимо этого, применительно к Демодоку употребляются еще два своеобразных эпитета ἥρως «герой» и λαοῖσι τετιμένος «почитаемый народом»²⁷. Аэды считаются своего рода посредниками между божественной сферой и простыми смертными²⁸. Согласно гомеровским представлениям, они, как и ясновидцы, врачи, зодчие, строители, вестники, относятся к категории т. н. демиургов (δημιουργός), людей, работающих для народа, т. н. «мастеров в народе» («Meister im Volke») ²⁹. В них народ нуждается и их, в случае необходимости, приглашают из других стран или городов.

Певцы различаются соответственно степени их мастерства. Гомер различает самое меньшее три основных типа певцов: 1) певец-любитель, который в основном поет лишь в свое удовольствие. Их Гомер не называет певцами, ибо петь в свое удовольствие может каждый, даже самый грозный и сильный из ахейцев — Ахилл. В «Илиаде» Пелид «наслаждающий душу» (φρένα τερπόμενος) поет (ᾄδει) под аккомпанемент лиры (φόρμιγγι) о великих делах мужей (κλέα ἄνδρῶν)³⁰. 2) Певец-самоучка (αὐτοδίδακτος), который награжден божественным даром пения и владеет также техникой импровизации, стихосложения. Он является уже певцом-профессионалом, ибо занимается только пением, доставляя людям наслаждение, но все еще не достиг уровня всеобщего уважения и почитания. К этой категории относится Фемий, пение которого развлекает женихов Пенелопы³¹. 3) Певец-профессионал, получивший соответствующую подготовку, превосходно владеющий как секретом поэтической техники, так и информацией совершенно различного характера. Он достиг совершенства в своем деле и пользуется всеобщим уважением и почетом, он не только божественный, но и по-

²⁷ Подробный анализ этих терминов представлен в 330.

²⁸ Об этом подробно ниже.

²⁹ Ср. 349, стр. 69.

³⁰ «Ил.» IX, 186.

³¹ Он сам называет себя αὐτοδίδακτος («Од.» XXII, 347).

читаемый всем народом³². Его приглашают на званые пиры, к нему относятся с особым благоговением. К этой категории можно отнести Демодока, слепого певца феакийцев.

Чем известнее аэд, тем шире его аудитория, география его странствий. Аэда приглашают из других стран, аэд едет из одного города в другой для участия в поэтических соревнованиях, аэд должен много разъезжать, чтобы накопить информацию для своих песен. Следовательно, аэд находится в постоянном движении, общении с народом.

Поэтические произведения могут исполняться сольно и хором, или в сочтании сольного и хорового пения. Следовательно, песни могут быть разного характера. Гомеру известны хоры девушек в честь Артемиды³³, пэаны в честь Аполлона³⁴, звучные свадебные гименаии³⁵, грустные трены³⁶, трудовые лины³⁷, веселые песни о богах, краткие или длинные эпические песни о деяниях героев³⁸ и т. д.³⁹. Стихи, как правило, исполняются под аккомпанемент музыкального инструмента пением. Гомеровский аэд был великолепным импровизатором. В «Одиссее» аэды легко переходят от одной темы к другой, угождая настроениям и желаниям слушателей. Так, Демодок по просьбе Одиссея мгновенно меняет тему и начинает петь о деревянном коне⁴⁰. Но, наряду с этим, в репертуаре гомеровских аэдов, очевидно, были и уже сформированные стихотворения, которые ими исполнялись неоднократно. К таким песням, очевидно, относилась, как правильно заметил В. Шадевальдт, песнь об Ахилле и Одиссее⁴¹ в репертуаре Демодока, слава о которой возносилась до небес (οὐρανὸν ἐὶρὺν ἵκανε «Од.» VIII, 74).

Разнообразна и тематика песен гомеровского аэда. Он оперирует мифологическим, историческим материалом, наблюдениями над современной ему жизнью. Аэд воспевает в основном дела людей и богов (ἔργ' ἀνδρῶν τε θεῶν τε)⁴². Особый интерес представляет тематика т. н. эпических песен гомеровских аэдов, воспевающих героев, и вопрос продолжи-

³² Λαοῖσι τετιμένος.

³³ «Ил.» XVI, 180; ср. «Од.» VI, 102...

³⁴ «Ил.» I, 473.

³⁵ «Ил.» XVIII, 493.

³⁶ «Ил.» XXIV, 721.

³⁷ «Ил.» XVIII, 570.

³⁸ Ср. песни Фемия и Демодока.

³⁹ Детально ср. 64; 349, стр. 62...

⁴⁰ «Од.», VIII, 499...

⁴¹ 349, стр. 74.

⁴² «Од.» I, 338.

тельности каждой отдельной песни в среднем. В «Одиссее» Фемий поет о печальном возвращении ахейцев ('Αχαιῶν νόστον λυγρόν), которое приготовила им Афина⁴³, Демодок поет о ссоре Одиссея и Ахилла⁴⁴, об эпизодах о деревянном коне и падении Трои⁴⁵. И каждое такое произведение, называющееся песней «ἀοιδή» или «οἶμη», является замкнутым сюжетным целым, в нем и начало и конец воспеваемой аэдом темы. Продолжительность каждой такой песни, следует думать, не превосходила в среднем размеры отдельных песен гомеровских поэм. Во всяком случае Демодок за сравнительно короткий промежуток времени исполнил несколько самостоятельных песен на пире у Алкиноя.

Как же представляется Гомеру механизм поэтического творчества? Для эпического певца умение слагать стихи и петь — это дар божий. Музы, дочери Зевса, или Аполлон учат аэдов⁴⁶, со своей стороны аэд дает себе отчет в том, что полностью зависит от них. Музы могут даже лишить аэда умения петь, если он разгневает их, как это случилось с Тамирисом Фракийским⁴⁷. Следовательно, обращение к музам как в начале поэмы, так и перед описанием имеющего особое значение эпизода является для Гомера совершенно естественным. В чем же заключается божественный характер самого процесса стихосложения и какое место отводится в этом процессе личным заслугам аэда — является ли он просто механическим переводчиком языка муз на язык смертных? В данном случае, как думается, следует различать два момента в деятельности аэда: с одной стороны, способность хранить в памяти большую информацию исторического, мифологического или языково-стилистического характера, а с другой стороны, умение оживить эту информацию, дать ей силу эмоционального воздействия и превратить ее в источник наслаждения. Казалось бы, ни один из этих моментов не является чуждым для творчества и мышления обыкновенных людей. Героям гомеровских поэм известно очень многое и их слушают с неменьшим интересом, чем аэдов. Некоторые из них не уступают аэдам и в умении рассказывать увлекательно. Так, Одиссею, рассказавшему феакам о своих приключениях, Алкиной говорит: «Рассказываешь искусно, как аэд»⁴⁸. Но от

⁴³ «Од.» I, 326.

⁴⁴ «Од.» VIII, 76...

⁴⁵ «Од.» VIII, 500...

⁴⁶ Ср. «Од.» VIII, 488: ἡ σέ γε Μοῦσα' ἐδίδαξες, Διὸς παῖς, ἡ σέ γ' 'Ἀπόλλων.

⁴⁷ «Ил.» II, 595...

⁴⁸ «Од.» XI, 368.

певцов и Одиссей, и другие отличаются в принципиальном отношении: их рассказ является или документальным воспроизведением случившегося или же вымышленной историей, которая строится по принципу обыкновенной передачи информации. В данном случае герой может удивить собеседника или слушателя и обширностью своих знаний, и привлекательной манерой рассказывать, но он не может стать источником их наслаждений. Его рассказ — в лучшем случае передача увлекательной информации, которую один и тот же слушатель может выслушать лишь один раз, а не художественная информация, доставляющая эстетическое наслаждение, слушать которую можно не один и не два раза. Именно умение дать традиционной информации художественную форму, развить и обобщить ее, придать жизнь схемам и персонажам простых рассказов и преданий является даром муз. С этой точки зрения интересно, что в «каталоге кораблей» разгневанные музы лишили Тамириса не памяти или дара речи, а похитили у него божественную песню (*ἀοιδὴν θεοπλοίην*) и заставили забыть играть на кифаре⁴⁹. То, что умение петь — это божий дар, неоднократно отмечается в гомеровском эпосе. Но этот дар, со своей стороны, развивает в аэде удивительную способность держать в уме обширную информацию, воссоздавать картины отдельных явлений или эпизодов с поразительной точностью. Единство музыки и текста производило особое воздействие на слушателей. Хотя у Гомера мы не находим детальных рассуждений о воздействии песни на аудиторию, но можно сказать, что главным он считает услаждение (*τέρπειν*) слушателя⁵⁰, стремление же человека к услаждению столь велико, что без песни не обходятся ни пиры и ни празднества, ни работа и ни погребения. Пением и игрой на форминге человек может услаждать свою душу, как это делает Ахилл, отрекшийся от битвы⁵¹. Песней в честь богов люди услаждают самих бессмертных⁵², как это делают ахейцы у Хриза, исполняющие пеан. Именно это стремление смертных усладить душу музыкой и пением определяет место аэда в гомеровском обществе. Однако, как было уже сказано, пение аэда имеет для смертных не только развлекательную функцию, оно сохраняется в памяти народа его прошлое, важнейшие события его жизни, славные, а иногда и бесславные деяния героев. Аэда слушают с большим интересом, его песня может очаровывать

⁴⁹ «Ил.» II, 595...

⁵⁰ Ср. 349, стр. 83.

⁵¹ «Ил.» IX, 186.

⁵² «Ил.» I, 472...

(θῆλυαι)⁵³, вызывать слезы и сострадание⁵⁴, проникнуть в душу⁵⁵, звучать сладко⁵⁶, заставить замереть⁵⁷ и т. д.⁵⁸.

Именно поэтому гомеровского аэда можно встретить всюду, он демиург в самом буквальном понимании этого слова. В гомеровском эпосе фактически нет такой формы мирного собрания людей, за исключением деловых и политических собраний, на которых не присутствовал бы аэд со своей песней. Популярность того или иного аэда во многом определяют его выступления на поэтических состязаниях. Упомянутое выше место («Ил.» II, 594...) о Тамирисе Фракийском, очевидно, следует рассматривать как доказательство наличия практики именно таких поэтических соревнований в гомеровском обществе⁵⁹.

По всей видимости, сам Гомер имел много общего с созданными им же образами аэдов, но и отличался от них. Между героической или микенской и гомеровской эпохами существовала довольно значительная дистанция во времени. Древние сказания и явления постепенно перешли из сферы реальной в сферу легендарную, идеализированную. В период «темных веков» (прибл. 1100—800 гг.), когда Греция переживает культурный упадок, очевидно, создается основная часть тех сказаний в виде эпических произведений, хвалебных и культовых песен или прозаических повествований, которые затем легли в основу всей греческой литературы⁶⁰. Вполне возможно, что в гомеровскую эпоху существовало множество источников о фиванских и троянских событиях, об экспедиции аргонавтов, которые в течение веков, в процессе передачи из поколения в поколение, соответственно своей форме и характеру претерпевали определенные изменения, что способствовало возникновению многочисленных вариантов одних и тех же сказаний. Естественно, в этом процессе должно было возникнуть и стремление к своего рода систематизации микенских преданий. В частности поэт, который поставил бы себе целью передать древние сказания, был бы вынужден выбрать и восстановить из дошедших многочисленных вариантов один, который, по его мнению, боль-

⁵³ «Од.» XII, 40, 44; XVII, 514, 521.

⁵⁴ «Од.» VIII, 521...

⁵⁵ «Од.» XII, 44, 183; XXIV, 62.

⁵⁶ «Од.» XII, 187.

⁵⁷ «Ил.» IX, 190; «Од.» I, 325; XI, 333...

⁵⁸ Ср. 349, стр. 84.

⁵⁹ В связи с этим представляет значительный интерес также одна из античных биографий Гомера, восходящая, очевидно, к древнейшим источникам, которая сохранила нам сведения о состязании Гомера с Гесиодом.

⁶⁰ Ср. 229.

ше соответствовал действительности. В том случае, если подобная попытка имела успех, представленный или восстановленный им вариант сказания о минувших событиях быстро распространялся в народе и нередко принимал канонический характер. Процесс создания канонов сказаний героической эпохи мог, очевидно, принять систематический характер после возникновения средств фиксации литературных текстов. Поэт, который мог создать письменный текст, сам становился источником фиксированного варианта того или иного сказания — спор с ним или принятие его версии со стороны других поэтов в подобном случае имели уже совершенно конкретный характер.

Ко времени гомеровской эпохи, следует полагать, существовало множество таких канонов греческих сказаний. Вполне реально допустить, что существовал канонизированный вариант и троянских сказаний. Именно поэтому автор «Илиады» и «Одиссеи» при представлении информации о ходе Троянской войны, возвращении героев и т. д. ограничивается нередко лишь общим указанием на имевшие место события, что дает основание полагать — для аудитории Гомера эти факты были уже известны⁶¹. Зато, как видно, Гомер противостоит предшествующей традиции как художник, мастер композиции. В его поэмах основное внимание уделяется не хронологической последовательности в передаче событий Троянской войны, а их художественному обобщению. Но та информация о событиях героического века, частично традиционная, частично же своеобразно переосмысленная поэтом, которую мы встречаем в гомеровских поэмах, из-за широкой популярности «Илиады» и «Одиссеи», сама становится каноном, исходным пунктом для поэтов и историков последующих веков.

Эпоха Гомера — это эпоха формирования монументального эпоса, цели и задачи создателей которого уже не ограничиваются улаждением слуха слушателей или сохранением информации потомкам. Творцы монументального эпоса стремятся к систематизации всех тех знаний, которые донесла традиция до них, к созданию больших художественных форм, способных объединить в себе информацию совершенно разного характера, к формированию общеэллинских представлений о богах и героях, о великом прошлом. Все это требовало другой техники и других условий исполнения поэтических произведений. Именно поэтому в творчестве Гомера уже должны были проявиться те новые черты, которые отличали автора «Илиады» и «Одиссеи» от созданных им же образов

⁶¹ Сколь значительно количество таких указаний или намеков у Гомера в последнее время довольно убедительно показал Хаксли (209).

аэдов. Можно сказать, что от Демодока или Фемия Гомер принципиально отличается: а) в выборе темы и композиционном построении произведения, б) в технике исполнения произведений. Выше мы уже отметили, что тема каждой отдельной так называемой эпической песни Демодока и Фемия вполне конкретна и соответствует определенному, замкнутому сюжету. Следовательно, когда Гомер сообщает, что Фемий пел о печальном возвращении ахейцев, мы можем определить, какие сюжеты могли быть объединены в этой теме, с какого приблизительно эпизода Фемий мог начать свой рассказ о том или ином герое и каким закончить. Так же и песня Демодока о ссоре Одиссея с Ахиллом могла иметь вполне конкретный сюжет, начало и конец которого были известны каждому. То же самое можно сказать и о песне о деревянном коне и падении Трои, которую поет Демодок по просьбе Одиссея. Каждая из этих песен передает конкретное событие или совокупность событий, имевших место в определенном отрезке времени и образующих сюжетно-композиционное единство, предназначенное для одновременного исполнения перед аудиторией. Нетрудно заметить, что гомеровские поэмы представляют собой величины совершенно иного характера. Во-первых, они не могли быть предназначены для одновременного исполнения. Исполнение только «Илиады» при ежедневной девятичасовой непрерывной рецитации потребовало бы самое меньшее три дня⁶². Допущение того, что поэтом с самого начала исполнялись лишь отдельные части поэм, сталкивается с трудностями. Как «Илиада», так и «Одиссея» являются цельными произведениями, части которых органично связаны друг с другом; взятые отдельно, эти части не могли иметь замкнутой сюжетно-композиционной формы, подобно песням, предназначенным для одновременного исполнения. Исполнение отдельных частей гомеровских поэм, следует полагать, могло иметь место лишь тогда, когда аудитория эпических поэтов имела уже представление или хотя бы информацию о существовании цельных поэм «Илиады» и «Одиссеи». Принципы построения поэм Гомера отличаются от принципов аэдов, подобных Фемию и Демодок. В отличие от их песен тема каждой из гомеровских поэм условна. Ни объявление темы гнева Ахилла, которой посвящается «Илиада», ни темы «мужа многоопытного», которой посвящается «Одиссея», в прооймионах поэм, не может нас конкретно ориентировать на то, какой именно отрезок сюжета троянских сказаний будет включен в фабулу каждой из поэм, какими должны быть приблизительно начало или конец поэм. Это дает Гомеру возможность маневрировать,

⁶² Об этом см. выше, стр. 247.

представить в своих поэмах обширную информацию о событиях Троянской войны, с одной стороны, а с другой — своеобразно развить действие и оригинально построить композицию поэм. Именно это определяет и своеобразие техники исполнения. Исследователи уже не раз отмечали, что гомеровские поэмы с самого начала должны были исполняться речитацией, а не пением⁶³. В связи с этим нам представляется весьма интересным анализ значения тех глаголов, которыми в гомеровском эпосе изображается процесс исполнения поэтических произведений. В гомеровском эпосе явно можно выделить два семантических класса глаголов: первый, имеющий значение «петь»; второй, имеющий значение «говорить», «рассказывать» и т. д. Первый класс связан с изображением действия аэдов — Фемия, Демодока и др., фигурирующих в гомеровском эпосе. Во всех случаях, когда поэт хочет передать процесс исполнения ими своих произведений или песен, он пользуется глаголом *αἰδέειν* «петь» (Ср. «Од.» I, 154, I, 337..., I, 346..., VIII, 489, VIII, 492 и т. д.). Второй класс глаголов связан с изображением действия самого Гомера. С этой точки зрения особый интерес вызывает прооимон «каталога кораблей» «Илиады» (II, 484 — 493). Здесь Гомер, обращаясь к музам, признает, что он не может сообщить (*μυθήσομαι*) о всех (большом числе) участниках Троянской войны, ни назвать (*ὀνομήω*) (488...) их, поэтому рассказывает (*ἔρω*) лишь о предводителях кораблей и всех кораблях (493). Следовательно, для изображения своего потенциального или реального действия Гомер использует глаголы: *μυθήσομαι*, *ὀνομήω* и *ἔρω*. Из них первые два встречаются как отдельно друг от друга, так и вместе в формульном выражении *οὐκ ἄν ἐγὼ μυθήσομαι οὐδ' ὀνομήω*, повторяющимся, кроме указанного места прооимона, и в «Од.» IV, 240. Как явствует из последнего, эта формула употребляется при обычном рассказе о чем-то, и ее можно перевести так: «Мне ни сообщить (рассказать), ни назвать (перечислить)». Во всех случаях глаголы *μυθεομαι* («рассказывать», «сообщать» и т. д.) и *ὀνομαίνω* («называть», «перечислять» и т. д.) в гомеровском эпосе изображают процесс передачи информации посредством разговора, а не пения. Так же и употребляемый весьма часто в гомеровском эпосе глагол *εἶρω* органично связан со значением «говорить». Итак, ни в одном из указанных случаев Гомер не использует для обозначения своего действия глагол *αἰδέειν* «петь». Это может послужить лиш-

⁶³ Подробно см. 349, стр. 60...

ним доказательством того, что гомеровские поэмы уже самим автором были предназначены для декламации, а не музыкального исполнения⁶⁴. Однако это вовсе не исключает того, что в гомеровскую эпоху довольно широко была распространена и практика исполнения поэтических произведений пением под аккомпанемент музыкального инструмента, хотя, очевидно, это касалось малых поэтических форм, а не монументальных поэм.

То, что «Илиада» и «Одиссея» не являются поэмами, созданными на едином дыхании, совершенно ясно. Вполне допустимо, что поэт создавал их по частям. В данном процессе не исключается, что отдельные части «Одиссеи» могли быть созданы раньше некоторых частей «Илиады». Возможно, что отдельные части поэм создавались хронологически не в той последовательности, которую они имеют ныне⁶⁵, однако можно определенно сказать, что в поэмах видны следы окончательной доработки автора. Это показывают не только примеры структурной симметрии, о которых речь шла выше, но и закономерность экспонирования героев. С этой точки зрения весьма примечательно, что в гомеровском эпосе экспонирование героев подчиняется определенным законам. Герой, уже представленный однажды, в дальнейшем, при упоминании, может не экспонироваться в поэме. При первом же упоминании герой, как правило, представляется поэтом слушателю или читателю⁶⁶. Наличие такой закономерности в поэме можно объяснить лишь тем, что поэт сам произвел редакцию окончательного текста своих поэм. Результатом именно этой редакции является и удивительное взаимосочетание в информации «Илиады» и «Одиссеи», о котором речь шла выше⁶⁷.

Итак, несомненно, что уже в VIII в. до н. э. существовал авторский текст «Илиады» и «Одиссеи», принципиально не отличающийся от текста, дошедшего до нас. Усомниться в том, что греки с самого начала признали величие поэм, трудно. Античные биографы Гомера, дающие во многих вопросах противоречащую друг другу информацию, единогласно при-

⁶⁴ Переход от пения к декламации часть исследователей связывает с заменой в исполнительской практике музыкального инструмента посохом. Ср. 349, стр. 61. О том, что посох — дар музы, с определенного момента становится необходимым элементом для аэдов или рапсодов, рассказывает Гесиод («Теог.» 30...).

⁶⁵ Ср. 258; Ломани предполагает, что взаимоотражающие сцены «Илиады» и «Одиссеи», возможно, создавались параллельно друг другу.

⁶⁶ Об этом см. выше, стр.

⁶⁷ Стр.

знают популярность Гомера еще при его жизни⁶⁸. Нам трудно с уверенностью говорить о том, где были впервые исполнены гомеровские поэмы, или в какой части греческого мира жил и творил Гомер. Деятельность Гомера, очевидно, была связана, в первую очередь, с Ионией, а затем с островом Хиос, хотя должны соответствовать истине и сообщения, рисующие Гомера странствующим по всему греческому миру певцом⁶⁹. Трудно говорить сейчас и о том, кто были родители Гомера, правильно ли сообщение о дочерях поэта. Несомненно лишь то, что уже со времен самого Гомера в Греции существовала довольно прочная традиция исполнения его поэм. Сообщения греческих источников о т. н. гомеридах, как видно, имеют реальную основу. Гомериды, считающие себя потомками Гомера, очевидно, в течение веков были лучшими исполнителями и интерпретаторами гомеровских поэм⁷⁰. Естественно, это вовсе не означает, что круг популяризаторов Гомера ограничивался лишь гомеридами. Напротив, в процессе исполнения гомеровских поэм принимало участие немало рапсодов, не принадлежащих к кружку гомеридов⁷¹. Текст гомеровских поэм, очевидно, в течение времени неоднократно переписывался. Но основным источником распространения поэм Гомера все же оставалось её устное исполнение. Именно поэтому вполне допустимо, что уже спустя несколько десятилетий после гомеровской эпохи, в тексте (в письменном или устном) «Илиады» и «Одиссеи» в разных областях могли появиться определенные различия, но, очевидно, они не выходили за пределы изменений, ожидаемых при неоднократной переписке фиксированного текста⁷². Можно сказать, что распространение гомеровского эпоса не имело одинаково интенсивного характера во всех районах Греции. Так, например, в Аттике полный текст гомеровских поэм, как полагают, распространился сравнительно позже, после того, как Афины становятся во главе культурной жизни Греции, т. е. с начала VI в. до н. э. Как известно, до этого времени Аттика заметно отставала от общего развития греческой литературы. Первые общеизвестные афинские поэты выходят на поприще именно с конца VII и начала VI в. до н. э. С этого времени в Аттике начинает резко повышаться интерес к литературе и искус-

⁶⁸ Античные биографии Гомера собраны в 1

⁶⁹ Для обзора ср. 349, стр. 54...; 391; 254. Имя **Ομηρος* как полагает Шадевальдт (355а, стр. 21...), образовано от *ομηρος* «залог» и имеет значение «поручитель», «заложник», и его следует считать прозвищем. Собственное же имя поэта, согласно античным источникам, — Мелесиген.

⁷⁰ Вопрос детально исследуется в 331.

⁷¹ Ср. «Ион» Платона.

⁷² Ср. 67, стр. 109...; 366; 254, ксл. 145...; 194а, стр. 288...

ству. Совершенно реальным кажется сведение античных источников о том, что Солон был первым из афинских деятелей, который учредил систематическое исполнение поэм Гомера в Афинах, на Панафинейских празднествах⁷³. В этом направлении, очевидно, определенные меры были приняты и при Писистрате. Ему сравнительно поздние источники приписывают объединение разрозненных гомеровских песен⁷⁴. Сейчас трудно спорить о том, сколь значительной была деятельность Писистрата или его т. н. комиссии редакторов. Можно отметить лишь то, что знакомство с гомеровским эпосом в Аттике приняло широкий и основательный характер лишь после Солона и Писистрата, что именно после них появляются в аттическом искусстве чисто гомеровские мотивы и сюжеты. Также совершенно реальными кажутся и те античные сведения, согласно которым гомеровские поэмы были распространены в других частях Греции сравнительно раньше. Так, например, Плутарх рассказывает о том, что Ликург во время своего пребывания в Азии «впервые познакомился с поэмами Гомера, вероятно, сохранившимися у потомков Креофила, и найдя, что в них, кроме рассказов, доставляющих удовольствие и развлечение, заключено много чрезвычайно ценного для воспитателя и государственного мужа, тщательно их переписал и собрал, чтобы увезти с собою. Какая-то смутная молва об этих произведениях уже распространилась среди греков, а немногие даже владели разрозненными их частями, занесенными в Грецию случайно, но полное знакомство с ними впервые произошло благодаря Ликургу»⁷⁵.

По сведениям Геродота, гомеровские поэмы исполнялись в Аргосе еще в предклисфеновское время, т. е. в VII в. до н. э.⁷⁶ Следовательно, согласно античным источникам, гомеровские поэмы, которые при жизни автора не были широко известны в континентальной Греции, уже с VII в. до н. э. должны были получить распространение в отдельных ее районах. С VI в. до н. э., после учреждения исполнения гомеровских поэм на Панафинейских празднествах, они окончательно

⁷³ Диог. Лаэрт. I, 57.

⁷⁴ Для обзора ср. 48, стр. 67; 67, стр. 109...; 254, стр. 145...; 316, стр. 21... и мн. др. Для правильной интерпретации всех этих сведений, мы думаем, следует рассмотреть их в контексте других сообщений тех же авторов о Гомере. Можно сказать, что ни Цицерон, ни Элиан, ни другие авторы, дающие подобные сведения, в других сообщениях о Гомере, ничуть не сомневаются в том, что Гомер является автором «Илиады» и «Одиссеи», что поэмы — результат именно его творчества, а не деятельности поздних редакторов.

⁷⁵ Плут. Ликург, IV.

⁷⁶ V, 67.

были признаны достоянием общегреческой культуры. Этим сведениям полностью соответствуют результаты изучения закономерности распространения гомеровских мотивов в греческом искусстве. Анализ использования тем «Илиады» в греческом искусстве выявил весьма значительную деталь. Мотивы «Илиады» довольно редко встречаются в архаическом аттическом искусстве. Об учете художниками полного текста «Илиады» в данном случае можно говорить лишь с конца VI в. до н. э., в то время как художники ряда других регионов Греции (напр. Коринфа и Аргоса) пользовались мотивами «Илиады» уже в VII в. до н. э. С этой точки зрения следует отметить рельеф треножника из Олимпии (до 620 г. до н. э.), изображающего сцену посольства из IX песни «Илиады». Интересно, что и здесь посольство состоит из трех героев: Одиссея, Аякса, Феникса. Можно также назвать бронзовый рельеф из Додоны (приблиз. 600 г. до н. э.), на котором изображается Долон и т. д.⁷⁷

Текст гомеровских поэм со времен Писистрата до эллинистической эпохи, безусловно, претерпел бы определенные изменения. Филологи эллинистической эпохи, очевидно, помимо афинского варианта гомеровского текста, учитывали и другие варианты, восходящие в ряде случаев к довольно древним версиям.

В результате всей этой работы в эллинистическую эпоху были подготовлены издания, ставшие основой для переписчиков и издателей последующих времен⁷⁸. Это вовсе не означает, что гомеровский текст дошел до нас в своем первоначальном, оригинальном виде. Целью каждого издания было максимально приблизиться к оригиналу, однако достичь абсолютной идентичности не смог бы ни один редактор или издатель. С другой стороны, это не означает и того, что поэмы в течение веков создавались всем греческим народом и свой окончательный вид получили лишь в критических изданиях александрийских филологов. Правда, каждое издание несколько отличалось от своих предшественников и от первоначального оригинала, однако, в то же время, оно, по существу, являлось тем же, что и оригинал. И если бы была возможность ознакомиться как с критическими изданиями разных времен, так и с оригиналами гомеровских поэм, то в каждом из них читатель, в первую очередь, найдет то, чем в его представлении являются «Илиада» и «Одиссея». Что же касается тех изменений, которые претерпел гомеровский эпос в течение веков, их он сможет обнаружить лишь после тщательного анализа и изучения разных изданий поэм.

⁷⁷ Ср. 114. Подробно ср. 165а; 165б. Для обзора ср. 194а, стр. 224.

⁷⁸ Для обзора 31б; 67, стр. 109...; 194а, стр. 288.

1. К. Маркс, Ф. Энгельс. Об античном мире. Сборник под ред. и с предисл. С. И. Ковалева, Ленинград, 1952.
- 1а. К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. I—II, соот. М. Лифшиц. М., 1958.

Издания гомеровского текста, комментарии, словари

2. Homeri Opera. T. I—II. Iiadis Libr. I—XII; XII—XXIV; Ed. D. B. Monro. Th. W. Allen, (SCBO), Oxford, 1920³.
3. Homeri Opera. T. III—IV, Odysseae Libr. I—XII; XIII—XXIV; Ed Th. W. Allen, (SCBO), Oxford, 1917².
- ✓ 4. Homeri Opera. T. V. Hymnos Cyclum Fragmenta Margiten Batrachomyomachiam Vitas Continens. Ed. Th. W. Allen, (SCBO), Oxford, 1946 (исправленное повторение издания 1912 г.).
5. Th. W. Allen, Homeri Ilias, Oxford, 1931.
6. W. Leaf, Homer. The Iliad, London. 1902.
7. P. Mazon, P. Chantraine, P. Collart, R. Langumier, Homère. L'Iliade, 1946—1947.
8. P. Von der Mühl, Homeri Odyssea, Basileae, 1946.
9. V. Bérard, L'Odyssee „Poésie homérique“, (CUF), 1947.
10. H. Ebeling, Lexicon Homericum, Lipsiae, I, 1885; II, 1880.
11. G. L. Prendergast, A Complete Concordance to the Iliad of Homer. New Ed. Completely Revised and Enlarged by Benedetto Marzullo, Hildesheim, 1960.
12. H. Dunbar, A Complete Concordance to the Odyssey and the Hymns of Homer. New Edition Completely Revised and Enlarged by Benedetto Marzullo, Hildesheim, 1960.
13. C. E. Schmidt, Parallel—Homer, Göttingen, 1885.
14. A. Gehring, Index Homericus, Leipzig, 1891.
15. Br. Snell..., Lexikon des frühgriechischen Epos, 1955.
16. G. Dindorf, Scholia Graeca in Homeri Iliadem, voll. IV, Oxonii, 1875—1877.
17. H. Erbse, Scholia Graeca in Homeri Iliadem (Scholia vetera), vol. primum, praefationem et Scholia ad libros A—D continens, Berlin, 1968.
18. G. Dindorf, Scholia Graeca in Homeri Odysseam, Oxonii, 1855 (повторное изд. Amsterdam, 1962).
19. G. Stallbaum, Eustathius. Commentarii ad Homeri Il. et Od., Leipzig, 1826—1830 (повторное изд. Hildesheim, 1960).

20. К. F. Ameis, C. Hentze, Anhang zu Homers Oias, 8 Hft. (после 1875 г. издано неоднократно).

21. К. F. Ameis, C. Hentze, P. Ocher, Homers Odyssee., 13. Auf. Lpz. Berl. 1920.

Научная литература

а) на грузинском языке

22. П. Барадзе, Вопросы греческого и грузинского стихосложения, Тб., 1969.
23. А. Гацерелия, Некоторые вопросы поэтики „Вепхистгаосани“, Тб., 1974.
24. Р. Гордезиани, Эгейская культура в бронзовой эпохе, „Миномхилвели“, 4—5. 1988, 18...
25. Р. Гордезиани, „Илиада“ и вопросы истории и этногенеза древнейшего населения Эгеиды, Тб., 1970.
- 25а. Р. Гордезиани, К этимологии термина „Фазис“, Труды ТГУ, В 2(140), 1971, 181...
26. З. Кикнадзе, Мифология Двуречья, Тб., 1976.
- 26а. О. Лордкипанидзе, Античный мир и древняя Колхида, Тб., 1966.
- 26б. Т. Микеладзе, Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и юго-восточного Черноморья, Тб., 1974.
27. А. Урушадзе, Древняя Колхида в сказании об аргонавтах, Тб., 1964.
- 27а. А. Глonti, Картвельские собственные имена, Тб., 1967.
28. С. Каухчишвили, История греческой литературы, т. 1, Тб., 1950.
- 28а. Т. С. Каухчишвили, Древнегреческие источники истории Грузии, Тб. 1976.
- 23б. М. Чиковани, Вопросы греческой и грузинской мифологии, Тб., 1971,
29. А. Церетели, Древняя Греция, т. 1, Тб., 1966.
30. Г. Церетели, Метр и рифма в „Вепхистгаосани“, Тб., 1973.
31. Гр. Церетели, История греческой литературы, т. 1, Тб., 1927.
32. Н. Хазарадзе, Некоторые вопросы истории древнейшей Фригии, „Кавказско-ближневосточный сборник“, II, Тб., 1962, 45...

б) на русском языке

- 32а. Ю. В. Андреев, Раннегреческий полис, Ленинград, 1976.
33. Т. В. Блаватская, Ахейская Греция, Москва, 1966.
- 33а. Т. В. Блаватская, Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура, М., 1976.
- 33б. В. Г. Борухович, Ахейцы в Малой Азии, ВДИ, 3, 1964, 91...
34. Л. А. Гиндин, Гом. КНТЕО1. Античная Балканистика 3, Языковые данные и этнокультурный контекст Средиземноморья, М., 1978, 11...
35. Л. А. Гиндин, Лингвистический комментарий к упоминанию двух групп фракийских племен в „Илиаде“, Москва, 1974.
36. Р. В. Гордезиани, Принципы изложения преесторических событий у Геродота в свете современных исследований, Acta Conventus XI, „Eirene“, 435...

37. М. Грабарь-Пассек, Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе, Москва, 1966.
38. Н. С. Гринбаум, Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар), Кишинев, 1973.
39. П. А. Гринцер, Эпос древнего мира, в сборнике: Типология и взаимосвязи литератур древнего мира, Москва, 1971, 134...
- ✓ 40. П. А. Гринцер, Две эпохи литературных связей, в сборнике: Типология и взаимосвязи литератур древнего мира, Москва, 1971, 7...
- 40а. Ш. В. Дзидзигури, Грузинский язык, Тб., 1968.
41. А. В. Десницкая, Наддиалектальные формы устной речи и их роль в истории языка, Ленинград, 1970.
- 41а. Древнегреческая литературная критика, Москва, 1975.
- 41б. И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968.
42. В. М. Жирмунский, Народный героический эпос. М., Л., 1962.
- 42а. В. М. Жирмунский, Теория стиха, Л., 1975.
43. Ф. Ф. Зелинский, Закон хронологической несовместимости и композиция Илиады, *χαριστήρια* (сб. ст. по филологии и лингвистике в честь Ф. Е. Корша, Москва, 1896), 101...
44. Ф. Ф. Зелинский, Гомеровская психология. Петроград, 1920 (Из трудов разряда изящной словесности Росс. Акад. наук).
45. История греческой литературы, под. ред. С. Н. Соболевского, Б. В. Горнунга, Э. Г. Гринберга, Ф. А. Петровского, С. И. Радцига, т. 1, М., 1946.
46. Б. В. Казанский, Новейшее состояние гомеровского вопроса. Классическая филология, Ленинград, 1959.
- 46а. Т. К. Квачантирадзе, Категории сравнения по сходству в новогрузинском языке (авт. дисс.), Тбилиси, 1975.
- 46б. Ф. Х. Кессиди, От мифа к логосу (становление греческой философии), М., 1972.
47. Я. А. Ледзям, Рабство в микенской и гомеровской Греции, Москва, 1963.
48. А. Ф. Лосев, Гомер, Москва, 1960.
49. А. Ф. Лосев, История античной эстетики (ранняя классика), Москва, 1963.
50. А. Ф. Лосев, История античной эстетики (Софисты, Сократ, Платон), Москва, 1969.
- 50а. А. Ф. Лосев, История античной эстетики (высокая классика), Москва, 1974.
- 50б. А. Ф. Лосев, История античной эстетики (Аристотель и поздняя классика), Москва, 1975.
51. С. Я. Лурье, Язык и культура микенской Греции, М. — Л., 1957.
52. С. П. Маркиш, Гомер и его поэмы, Москва, 1962.
- ✓ 53. Е. М. Мелетинский, Мифы древнего мира в сравнительном освещении, в сборнике: Типология и взаимосвязи литератур древнего мира, Москва, 1971, 68...
54. Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959.

- 54а. Р. С. Миминошвили, Истоки греческой поэзии (следы догреческого населения в греческом эпосе) (Автореф. дисс.) Тбилиси, 1955.
- 54б. А. Ониани, З. Сарджвеладзе, Против извращения вопросов грузинской топонимики, „Мацне“, 2, 1971.
55. Очерки истории римской литературной критики, Москва, 1963.
- 55а. Б. Б. Пиотровский, Искусство Урарту (VIII—VI вв. до н. э.), Ленинград, 1932.
56. К. П. Полонская, Поэмы Гомера. Москва, 1961.
57. Н. Л. Сахарный, „Илиада“. Разыскания в области смысла и стиля гомеровской поэмы, Архангельск, 1957.
- 57а. Н. Л. Сахарный, Гомеровский эпос, М., 1976.
58. В. С. Сергеев, История Древней Греции, Москва, 1963.
- 58а. Н. А. Сидорова, Искусство Эгейского мира, 1972.
59. Ф. Ф. Соколов, Гомеровский вопрос (Ф. Ф. Соколов. Труды. 1910), 1...
60. А. П. Смирнов, Скифы, Москва, 1966.
- 60а. Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976.
61. А. А. Тахо-Годи, Структура поэтических тропов в „Илиаде“ Гомера, Вопросы античной литературы и классической филологии, „Наука“, 1966), 45...
62. А. А. Тахо-Годи, Мифологическое происхождение поэтического языка „Илиады“ Гомера. Античность и современность, Москва, 1972, 196 ...
63. Текстологическое изучение эпоса, Москва, 1971.
64. И. И. Толстой, Аэды. Античные творцы и носители древнего эпоса, Москва, 1958.
65. И. Тренчени-Зальдапфель, Гомер и Гесиод. Авторизованный перевод с венгерского. Москва, 1956.
66. И. М. Тронский, Древнегреческое ударение. М. — Л., 1962.
67. И. М. Тронский, Вопросы языкового развития в античном обществе, Ленинград, 1973.
68. И. М. Тронский, К вопросу о „формульном стиле“ гомеровского эпоса, Philologica (исследования по языку и литературе. К памяти В. М. Жирмунского), „Наука“, Ленинград, 1973. 48...
- 68а. А. В. Урушадзе, Упоминания о Гомере и передача дактилического гексаметра в древнегрузинской литературе, Труды ИГУ, 162, серия: археология, классическая филология, византистика, Тбилиси, 1975, 79...
- 68б. Хрестоматия по истории древнего мира, М., 1963.
69. С. С. Черников, Загадка Золотого кургана. 1965.
- 69а. Н. А. Чистякова, Греческая эпиграмматическая поэзия VIII—III вв. Опыт анализа происхождения и основных этапов развития. (Автореферат). Ленинград, 1974.
70. В. В. Шеворошкин, Исследования по дешифровке карийских надписей. Москва, 1965.

71. Н. В. Шебалин, О „гомеровской“ формуле в архаических греческих эпитафиях, Вопросы античной литературы и классической филологии, „Наука“, 1953, 6) ...
72. И. В. Шталь, Синкретизм эпического мышления и принципы эпической характеристики предметов и явлений (на материале „Илиады“ Гомера), Античность и современность, Москва, 1972, 215 ...
- 72а. И. В. Шталь, Гомеровский эпос, М., 1975.
73. Эпос сербского народа. Изд. подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов, Москва, 1962.
74. В. Н. Ярхо, Вина и ответственность в гомеровском эпосе, ВДИ, 2, 1962.
75. В. Н. Ярхо, Проблема ответственности и внутренний мир гомеровского человека, ВДИ, 2, 1963. 46..
76. В. Н. Ярхо, О некоторых так называемых гомеризмах в древнегреческой литературе, ВДИ, 8, 1973, 27...

в) на иностранных языках

77. A. W. H. Adkins, Popular Ethics in Ancient Greece. Stanford, 1962.
78. A. W. H. Adkins, Homeric Values and Homeric Society (JHS, XCI, 1971), 1—14.
79. E. Akurgal, Phrygische Kunst, Ankara, 1955.
- 79а. W. F. Albright, Some Oriental Glosses on the Homeric Problem, AJA 54 (1950), 162...
80. A. Alföldi, Die Trojanische Urahnen der Römer, Programm, Basel 1957.
81. Per Ålin, Das Ende der mykenischen Fundstätten auf dem griechischen Festland, Lund, 1962.
82. Th. W. Allen, Homer. The Origins and Transmission, Oxford, 1924.
- 82а. Th. W. Allen, The Homeric Catalogue of Ships, Oxford, 1921.
83. L. Allione, Telemaco e Penelope nell' Odissea, Torino, 1963.
84. W. Arend, Die typischen Szenen bei Homer, Problemata 7, Berlin, 1933.
85. Aristotle, Poetics. Introduction, Commentary and Appendix by P. W. Lucas. Oxford, 1968.
86. M. C. Astour, Hellenosemitica, Leiden, 1967.2]1
87. I. Baar, Index zu den Ilias-Scholien, Baden-Baden, 1961.
88. R. D. Barnett, Phrygia and the Peoples of Anatolia in the Iron Age, CAH, vol. II, ch. XXV, Cambridge, 1967.
- 88а. R. D. Barnett, The Sea Peoples, CAH Vol. II, ch XXVIII, 1969.
89. A. Bartonek, Zur Frage der Äolismen und Achäismen in der homerischen Sprache, Minoica und Homer, Berlin, 1961, 1...
90. G. Beck, Die Stellung des 24. Buches der Ilias in der alten Epentradition. (Diss. Tübingen, 1964).
91. H. Becker, Aineias in der Ilias, Belgrad, 1963.

92. A. Beil, *ΑΙΔΩΣ bei Homer* (Der altsprachliche Unterricht 5/1, Stuttgart, 1961), 51—64.
- 92a. H. Bengtson, *Griechische Geschichte. Von Anfängen bis in die römische Kaiserzeit*, Hand. d. Altert., München, 1969⁴.
93. S. Benardete, *Achilles in the Iliad*, *Hermes* 91, 1963, 1...
94. S. Bertman, *The Telemachy and the Structural Symmetry*, *TAPA*, v. 97, 1966, 15...
95. S. Bertman, *Structural Symmetry at the End of the Odyssey*, *GRBS*, v. 9, 1968, 115...
96. S. Besslich, *Schweigen-Verschweigen-Übergehen. Die Darstellung des Unausgesprochenen in der Odyssee*, Heidelberg, 1966.
97. E. Bethe, *Die Gedichte Homers*, Lpz. 1922.
93. E. Bethe-Homer, *Dichtung und Sage. I, Ilias*, Lpz.-Berlin, 1914.
99. E. Bethe, *Odyssee-Probleme*, *Hermes* 63, 1928, 81...
100. E. Bethe, *Homer und das Papier*, *Forsch. u. Fortschr.* XV, 1929, 163...
101. Ch. R. Beye, *The Iliad, the Odyssey and the Epic Tradition*, New-York, 1966.
- 101a. E. Bickel, *Homer, Die Lösung der Homerischen Frage*, Bonn, 1949.
102. C. W. Blegen, *Troy and the Trojans*, New-York, 1963.
103. C. W. Blegen, *Troy*, v. I—IV, Princeton, 1950—54.
- 103a. J. Boardman, *The Greeks Overseas*, Penguin Books, 1973².
- 103b. R. Böhme, *Orpheus*, München, 1970.
104. F. Bömer, *Rom und Troja. Untersuchungen zur Frühgeschichte Roms*, Baden-Baden, 1951.
105. G. Bona, *Studi sull' Odissea*, Torino (G. Giappichelli), 1966. Università di Torino. Fac. di Lett. e Fil., *Filologia Classica e Glottologia*, I.
106. I. Bouzek, *Homerisches Griechenland im Lichte der archäologischen Quellen*, Praha, 1969.
107. C. M. Bowra, *Tradition and Design in the Iliad*, Oxford, 1930.
108. C. M. Bowra, *Heroic Poetry*, London, 1952.
109. C. M. Bowra, *Homer and his Forerunners*, 1955.
110. C. M. Bowra, *Homer*, *Durchworth*, 1972.
111. W. Brandenstein, *Griechische Sprachwissenschaft*, I. Sammlung Götschen, Bd. 117, Berlin, 1954; II, Bd. 118/118a, 1959; III, Bd. 924/924 a, 1966.
112. G. Broccia, *Struttura e spirito del libro VI dell' Iliade*, Contributo allo studio del problema omerico. I, Sapri, 1962.
113. G. Broccia, *Homeric. La chiusa di Z secondo la "critica" e secondo l'esegesi* (*Riv. filol.* 92, 1964), 385...
- 113a. H. G. Buchholz, *V. Karageorghis, Altägäis und Altkypros*, Leipzig, 1972.
- 113b. G. Büchner, C. F. Russo, *La coppa di Nestore e un'iscrizione metrica di Pitecussa dell' VIII secolo av. Cr.*, (*Rend. dall' Acad. Naz. dei Lincei* 8. Serie 10 (1955) 215...

- 113a. F. Buffière, *Les mythes d' Homère et la pensée grecque*, Paris, 1956.
114. K. Bulas, *Les Illustrations Antiques de l' Iliade*, Lwow, 1929.
115. V. Burr, *Neon Katalogos. Untersuchungen zum homerischen Schiffskatalog*, Leipzig, 1944.
116. V. Burr, *Die Tontafeln von Pylos und der homerische Schiffskatalog. Festschrift zur Feier des 300 jährigen Bestehens des Peutinger Gymnasiums in Ellwangen, Jagst—Ellwangen*, 1958, 71..
- 116a, J. B. Bury, *The Homeric and the Historic Kimmerians*, *Klio*. Bd. VI, Hft. 1, 1906, 79..
117. R. Cantarella, *Omero tra formula e poesia. La poesia epica e la sua formazione*, Roma, 1970.
118. R. Cantarella. G. Scarpato, *Breve introduzione ad Omero*, Milano, 1970⁷,
- 118a. A. Carnoy, *Dictionnaire étymologique de la mythologie greco-romaine*, Louvain, 1957.
119. G. P. Carratelli, *Dalle Odyssei ai Apoikiai*, *PP CXL*, 1971. : 92..
120. R. Carpenter, *Folk Tale, Fiction and Saga in the Homeric Epics*, California, 1956.²
121. J. L. Caskey, *Archaeology and the Trojan War*, *JHS*, LXXXIV, 1964, 9..
122. P. Cauer, *Grundfragen der Homerkritik*, Leipzig, 1921—1923.
123. J. Chadwick, *The Prehistory of the Greek Language*, *CAH*, vol. II, ch. XXXIX, Cambridge, 1964.
124. M. Chambers, *Aristotle's Homer: Poetics 145/a 24—27*, *CPh*, 1966, vol. LXI, N 3, 185—187.
125. P. Chantraine, *Grammaire homérique*, I, Paris, 1958³; II, 1963².
126. H. W. Clarke, *The Humor of Homer*, *CJ* 64 (1968—69). 246..
127. H. W. Clarke, *The Art of the Odyssey*, Prentice-Hall, 1967.
128. F. Codino, *Einführung in Homer. Vom Verfasser autorisierte Übersetzung von R. Enking*, Berlin, 1970.
129. *A Companion to Homer*. Ed. by Alan J. B. Wace and Frank H. Stubbings, London, 1912.
130. J. M. Cook, *Greek Settlement in the Eastern Aegean and Asia Minor*, Cambridge. 1964.
131. R. A. Crossland, *Immigrants from the North*, *CAH*, vol. I, ch. XXVII, Cambridge, 1967.
132. J. Crossett, *The Art of Homer's Catalogue of Ships*, *CJ* 64 (1968—69), 241..
- 132a. J. A. Davison, *Thucydides, Homer and the Achaean Wall*, *GRBS* 6, 1965, 5..
133. K. Deichgäber, *Der letzte Gesang der Ilias*, *Abh. Mainz*. 1972, N 5, 123..
134. E. Delebecque, *Télémaque et la structure de l'Odyssée*, Aix-en-Provence, 1958.
135. V. R. d'A. Desborough, *The Last Mycenaeans and their Successors*, Oxford, 1964.

- 135a. B. C. Dietrich, *The Origins of Greek Religion*, Berlin-New York 1974.
136. A. Dihle, *Homer-Probleme*, Opladen, 1970.
137. H. Diller, *Hera und Athena im achten Buch der Ilias*, *Hermes* 93, 1965, 137...
138. Fr. Dirlmeier, *Das serbokroatische Heldenlied und Homer*, Heidelberg, 1971.
139. E. R. Dodds, *The Greeks and the Irrational*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, 1951.
140. E. Dönt, *Der Forschungsbericht, Homer. 5. Fortsetzung. I. Teil AfA, XXI, Hft. 3. 1968. 5. Forts. 2. Teil, XXII, 3/4, 1970.*
141. W. Dörpfeld, *Troja und Ilion*, Bd. I, II. Athen, 1902.
142. S. Dow, J. Chadwick, *The Linear Scripts and the Tablets as Historical Documents*, *CAH. v. II, ch. XIII*, Cambridge, 1971.
143. E. Drerup, *Das Homerproblem in der Gegenwart. Prinzipien und Methoden der Homererklärung*, Würzburg, 1921.
144. E. Drerup, *Das 5. Buch der Ilias*, Paderborn, 1913.
- 144a. H. Drerup, *Griechische Baukunst in geometrischen Zeit*, *AH II O* 1969.
145. I. J. Dunbabin, *The Greeks and their Eastern Neighbours*, London 1957.
146. I. J. Dunbabin, *The Western Greeks: The History of Sicily and South Italy from the Foundation of Greek Colonies to 480 B. C.*, Oxford, 1948.
147. M. Dyson, *The Second Assembly of the Gods in the Odyssey*, *Antichthon*, 4(1970), 1...
148. F. Eichhorn, *Homers Odyssee. Ein Führer durch die Dichtung*, Göttingen, 1965.
- 148a. H. Eisenberger, *Studien zur Odyssee*, Wiesbaden, 1973.
- 148b. G. Else, *Aristotle's Poetics, The Argument*, Leiden, 1957.
149. G. F. Else, *Homer and the Homeric Problem*, *The Univ. of Cincinnati*, 1965.
150. H. Erbse, *Beiträge zur Überlieferung der Iliasscholien, Zetemata* 24, München, 1960.
151. H. Erbse, *Betrachtungen über das 5. Buch der Ilias*, *Rhein. Mus* 104, 1961, 156...
152. H. Erbse, *Über sogenannte Aeneis im XX. Buch der Ilias*, *Rhein. Mus.* 110, 1967, 1...
153. H. Erbse, *Beiträge zum Verständnis der Odyssee*, Walter de Gruyter, Berlin, New York, 1972.
154. *Essays on the Odyssey (Selected Modern Criticism)*, ed. by Ch. H. Taylor J., Bloomington, 1963.
155. D. Fehling, *Die Wiederholungsfiguren und ihr Gebrauch bei den Griechen vor Gorgias*, Berlin, 1969.
156. B. Fenik, *Typical Battle Scenes in the Iliad. Studies in the Nar-*

- rative Techniques of Homeric Battle Description. *Hermes Einzel-schriften*, Hft. 21, Wiesbaden, 1968.
- 156a. B. Fenik. *Studies in the Odyssey*, Wiesbaden, 1974.
157. M. I. Finley, *The World of Odysseus*, London, 1965².
158. M. I. Finley, *The Trojan War*, JHS, 1964, 1...
159. M. I. Finley, *Lost: The Trojan War (Aspects of Antiquity. Discoveries and Controversies. London, 1968)*, 24...
- 159a. G. Finsler, *Homer I: Der Dichter und seine Welt*. 1—2, 1924³.
160. F. Focke, *Die Odyssee*. Tüb. Beitr. 37, Stuttgart, 1943.
161. I. Forsdyke, *Greece before Homer*, London, 1956.
162. K. Forstel, Sprachliche Kriterien für eine innerhomerische Chronologie? *Glotta*, XLVIII, 1970, Hft. 3—4.
163. H. Fränkel, Der kallimachische und der homerische Hexameter, *GGN*, 1926, 1...
- 163a. H. Fränkel, *Wege und Formen des frühgriechischen Denkens*, München, 1960².
- 163b. H. Fränkel, *Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums*, München, 1962².
164. R. M. Frazer jr., Some Notes on the Athenian Entry, *Iliad*, B 546—55, *Hermes* 97 (1969), 262...
165. W. H. Friedrich, *Verwundung und Tod in der Ilias*. Göttingen 1956.
- 165a. K. Friis Johansen, Ajas und Hektor. Ein vorhomerisches Heldenlied? (*Hist. Filos. Medd. Dan. Vid. Selsk.* 39/4, 1961), Munksgaard, Kopenhagen.
- 165b. K. Friis Johansen, *The Iliad in the Early Greek Art*, Kopenhagen, 1967.
- 165a. H. Frisk, *Griechisches etymologisches Wörterbuch*, 1—2, Heidelberg, 1954—70.
166. K. A. Garbrach, A Linguistic Analysis of Selected Portions of the Homeric Odyssey, *Glotta* 47 (1969), 144...
167. J. H. Gaisser, A Structural Analysis of the Digressions in the Iliad and the Odyssey. *HSCP*, 73, 1969, 1...
168. J. H. Gaisser, Adaptation of Traditional Material in the Glaucus Diomedes Episode, *TAPA* 100 (1969), 165...
169. G. K. Galinsky, *Aeneas, Sicily and Rome*, Princeton, New Jersey, 1969.
170. C. Gallavotti, A. Ronconi, *La lingua omerica*, Bari, 1948.
171. C. Gallavotti, Tradizione micenea e poesia greca arcaica. Atti e memorie del Primo Congresso Internazionale di Micenologia, 158...
172. A. Gardiner, *The Kadesh Inscriptions of Ramesses II*, Oxford, 1960.
173. J. Garstang, O. R. Gurney, *The Geography of the Hittite Empire*, London, 1939.

174. S. M. Gaunt, The Change of Plan in the Doloneia. GR 18 (1971), 191 ..
- 174a. H. Geiß, Die homerische Welt und ihre „Wiederentdeckung“ durch Heinrich Schliemann. Das Altertum, 20, 1974, 146...
- 174b. H. Geiß, Troja-Streit ohne Ende, Klio, 57, 1975, 260...
175. V. Georgiev, Homerische Sprache und kretisch-mykenische Texte, Minoica und Homer, Berlin, 1961, 10...
- 175a. V. Georgiev, Hellespontos und Bosporus, LB III, 2, 1961, 25...
- 175b. V. Georgiev, Drei griechische Etymologien. Philologus. Bd. 118, Hft. 2, 1974, 272...
176. V. Georgiev, L'importance des toponymes mycéniens pour les problèmes de l'histoire de la langue grecque et l'ethnogenèse des Grecs, LB. IX, 1, 1964, 5...
- 176a. G. Giangrande, Dorische Genetive bei Homer, Glotta 51, 1973, 1...
177. A. Goetze, Kulturgeschichte des Alten Orients, Kleinasien, München, 1957.
- 177a. G. K. Gresseth, The Gilgamesh Epic and Homer, CJ 70, 1975, 1...
178. D. M. Gunn, Narrative Inconsistency and the Oral Dictated Text in the Homeric Epic. AJPh. 91, 1970, 294...
- 178a. O. R. Gurney, Die Hethiter, Übersetz. aus dem Engl., Dresden, 1969.
179. H. C. Güterbock, Song of Ullikumi, Journal of Cuneif. Stud. 5, 1951, 135... 6, 1952, 8...
- 179a. W. K. C. Guthrie, The Greeks and their Gods, Boston, 1955.
180. O. Haas, Die phrygischen Sprachdenkmäler, Sofia, 1966.
181. O. Haas, Das Problem der Herkunft der Phryger und ihrer Beziehungen zu den Balkanvölkern, AA, LXVIII, Fasc. 1—2. 1970, 31...
182. J. B. Hainsworth, The Flexibility of the Homeric Formula, Oxford, 1968.
183. J. B. Hainsworth, Homer, Greece and Rome. New Surveys in the Classics, N 3., Oxford, 1969.
184. J. B. Hainsworth, The Criticism of an Oral Homer, JHS. 90 (1970), 90 ...
185. R. Hampe, Die homerische Welt im Lichte der neuesten Ausgrabungen, Gymnasium 63, 1956, 1...
186. Fr. Hampl, Die Ilias ist kein Geschichtsbuch (Serta philologica Aenipontanea), Innsbruck, 1962, 37...
187. G. A. Hanfmann, Archaeology in Homeric Asia Minor, AJA, 1948, v. LII, N 1, 135...
188. G. Ch. Hansen, Ausgrabungen im Altertum, Das Altertum, Bd. XIII, Hft. I, 1967, 44...
189. J. Harmatta, Zur Ahhiyawā-Frage, Studia Mycenaea (Proceedings of the Mycenaean Symposium, Brno April (1966), Brno, 1968, 117 ...
190. E. Heitsch, Aphrodithymnus, Aeneas und Homer. Sprachliche Unter-

- suchungen zum Homerproblem, Hypomnemata, 15, Göttingen, 1965.
191. E. Heitsch, Epische Kunstsprache und homerische Chronologie, Heidelberg, 1969.
 - 191a. W. Helck, Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr., Wiesbaden, 1962.
 192. A. Heubeck, Der Odyssee-Dichter und die Ilias, Erlangen, 1954.
 - 192a. A. Heubeck, Nochmals zur innerhomerischen Chronologie. Glotta, 50, 1972, 129...
 193. A. Heubeck, Zur inneren Form der Ilias, Gymnasium 65 (1958), 37..
 194. A. Heubeck, Betrachtungen zur Genesis des homerischen Epos (Gilgamesh et sa légende), Paris, 1960, 185...
 - 194a. A. Heubeck, Die homerische Frage, Darmstadt, 1974.
 195. A. Heubeck, Fachberichte zur neueren Homerforschung: 1: Gymnasium 58 (1951) 363—380; 2: Gymn. 62(1955) 112—143; 3: Gymn. 63 (1956) 87—91; 4: Gymn. 66(1959) 380—408; 5: Gymn. 71 (1964) 41—72; 6: Gymn. 78(1971) 98—135.
 - 195a. R. Hirsche, Die Sprache Homers im Lichte neuerer Forschungen, Innsbruck, 1972 (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Vorträge 7).
 196. A. Hoekstra, Homeric Modifications of Formulaic Prototypes. Studies in the Development of Greek Epik Diction, Amsterdam, 1965.
 197. A. Hoekstra, The Sub-epic Stage of the Formulaic Tradition, Amsterdam 1969.
 198. O. Hoffman, A. Scherer. Geschichte der griechischen Sprache, 1: Sammlung Göschen, Bd. 111/111a, Berlin, 1969⁴.
 199. U. Hölscher, Penelope vor den Freiern (Lebende Antike, Symposium für R. Sühnel, Berlin, 1967), 27...
 200. U. Hölscher, Die Atridensage in der Odyssee (Festschrift für R. Alewyn, Köln, 1967), 1...
 201. U. Hölscher, Untersuchungen zur Form der Odyssee (Szenenwechsel und gleichzeitige Handlungen), Hermes-Einzelschriften 6, Berlin. 1939.
 202. Homer's History: Mycenaean or Dark Age? Edited by C. C. Thomas... New-York, 1970.
 203. H. Hommel, Aigisthos und die Freier. Zum poetischen Plan und zum geschichtlichen Ort der Odyssee, SG 8 (1955), Hft. 4, 237...
 204. J. T. Hooker, Homer und Late Minoan Crete, JHS 89, 1969, 60...
 205. R. Hope Simpson, J. F. Lazenby, The Catalogue of the Ships in Homer's Iliad, Oxford, 1970.
 - 205a. E. Howald, Meleager und Achill, Ru.M. 73, 1924, 402...
 - 205b. E. Howald, Der Dichter der Ilias, Zürich, 1946.
 206. G. Hunger, Die Odysseusgestalt in Odyssee und Ilias (Diss.), Kiel, 1962.
 207. G. Huxley, Numbers in the Homeric Catalogue of Ships, GRBS (1966) 313...

- 207a. G. Huxley, *Achaeans and Hittites*. Oxford, 1960.
208. G. Huxley, *Crete and the Luwians*. Oxford, 1961.
209. G. Huxley, *Greek Epic Poetry from Eumelos to Panyassis*. London, 1969.
210. W. B. Ingalls, *The Structure of the Homeric Hexameter*. Phoenix, 24 (1970). 1...
211. International Homeric Symposium 1969, *The Communications*, Athens. 1970.
212. *Introducción a Homero. Testos Universitarios 5*. R. Adrados, M. F. Galiano, L. Gil, I. S. Lasso de la Vega. Madrid, 1963.
213. I. Irmscher, *Götterzorn bei Homer*, Leipzig, 1950.
214. G. Jachmann, *Der homerische Schiffskatalog und die Ilias*, Westfalen, 1958.
- 214a. G. Jachmann, *Homerische Einzellieder*, 1949 Darmstadt, (Sonderausgabe, 1968).
215. F. Jacoby, *Homerisches*, *Herm.* LXVIII (1932) '... Kl. Philol. Schr. 1, Berlin, 1961, 1...
216. V. N. Jarcho, *Zum Menschenbild der nachhomerischen Dichtung*, *Philologus*, Bd. 112, 1968, 147...
217. Lillian H. Jefferey, *The Local Scripts of Archaic Greece*, Oxford 1961.
218. H. Jensen, *Die Schrift im Vergangenenheit und Gegenwart*. Berlin 1969³.
219. W. Jens, *Die Dolonie und ihre Dichter*, *SG* 8 (1955). 616...
220. P. Joos, *Studien zur Thematik frühgriechischer Lebensbetrachtung*, Diss. Zürich, 1955.
221. G. Kahl-Furthmann, *Wann lebte Homer? Eine verschollene Menschheit tritt ans Licht*. Meisenheim am Glan, 1967.
222. J. Th. Kakridis, *Homeric Researches*, London, 1949.
223. J. Th. Kakridis *Τὸ θέμα τῆς διπλῆς ἐπανάληψης στὸν Ὅμηρο*, *Ἑλληνικά*, 15, 1957, 172.
224. J. Th. Kakridis, *Double Homeric Repetitions*, *Fulbright Review* 3, 1966, 1...
225. P. G. Katzung, *Die Diapira in der Iliashandlung. Der Gesang von der Umstimmung des Griechenheeres*, Diss. Frankfurt a. M. 1960.
226. K. Kerényi, *Hermes der Seelenführer. Das Mythologem vom männlichen Lebensursprung*. Rhein. Verlag, Zürich, 1944.
- 226a. J. Kerschensteiner, *Die Pylostafeln und der homerische Schiffskatalog*, *MSS*, Hft. 9, 1956, 34...
227. A. Kirchhoff, *Die homerische Odyssee*, Berlin, 1879².
228. G. S. Kirk, *Objective Dating Criteria in Homer* (*Mus. Helv.* 17, 1960), 189...
229. G. S. Kirk, *The Songs of Homer*, Cambridge, 1962.
230. G. S. Kirk, *Homer and the Epic*, Cambridge, 1965.
231. G. S. Kirk, *The Homeric Poems as History*, *CAH*, II, ch. 39 b, Cambridge, 1966.

232. G. S. Kirk, The Character of the Tradition, JHS, LXXXIV, 1964, 12.
233. G. S. Kirk, Formular Language and Oral Quality, YCS. XX, 1966 155...
234. G. S. Kirk, Studies in Some Technical Aspects of Homeric Style. YCS, XX, 1966, 76...
235. G. S. Kirk, Homer's Iliad and Ours, Proc. Cambr. Phil. Soc. 196 (1970), 48...
236. E. und H. Klengel, Die Hethiter und ihre Nachbarn, Leipzig, 1970.
- 236a. A. Köhnken, Die Rolle des Phoenix und die Duale im I der Ilias, Glotta 53, 1975. 25...
237. O. Komninos-Kakridis. Σχέδιο καὶ τεχνική τῆς Ὀδυσσεύς, Thessaloniki, 1969.
238. D. Korzeniewski, Griechische Metrik, Darmstadt, 1968.
239. F. Krafft, Vergleichende Untersuchungen zu Hesiod und Homer Hypomnemata 6, Göttingen, 1964.
- 239a. W. Kranz, Die griechische Philosophie, DTV, München, 1971.
240. P. Krarup, Homer and the Art of Writing, Eranos 54, 1956, 28...
241. T. Krischer, Formale Konventionen der Homerischen Epik, Zetemata, Hft. 56, München, 1971.
242. W. Kullmann, Vergangenheit und Zukunft in der Ilias. Poetica 2, 1964, 15...
243. W. Kullmann, Das Wirken der Götter in der Ilias. Untersuchungen zur Frage der Entstehung des homerischen Götterapparats, Berlin, 1956.
244. W. Kullmann, Die Quellen der Ilias, Wiesbaden, 1960.
245. J. Labarbe, L'Homère de Platon. Liège, 1949.
246. O. Landau, Mykenisch-griechische Personennamen. Göteborg, 1958.
247. M. L. Lang, Homer and Oral Techniques, Hesperia 38 (1969), 159—168.
- 247a. D. J. N. Lee, The Similes of the Iliad and the Odyssee Compared Melbourn, 1964.
248. K. Lehrs, De Aristarchi studiis Homericis, Lipsiae, 1882.
249. A. Lesky, Die Homerforschung in der Gegenwart. Wien, 1952.
250. A. Lesky. Göttliche und menschliche Motivation im homerischen Epos, (Sitzb. Ak. Heidelberg, Phil. hist. Kl. 1961, 4).
- 250a. A. Lesky, Aia, (Gesammelte Schriften. München, 1966, 26...)
251. A. Lesky, Mündlichkeit und Schriftlichkeit im homerischen Epos Ges. Schrift., München, 1966, 63...
252. A. Lesky, Bildwerk und Dichtung bei Philostrat und Homer, Ges. Schrift., München, 1966. 11...
253. A. Lesky. Zur Eingangsszene der Patroklië. Ges. Schrift., München 1966. 72...
254. A. Lesky. Homeros, Stuttgart, 1977 (Sonderabdruck —RE Suppl. 11
255. A. Lesky, Homer, Der Forschungsbericht, Anzeiger f. d. Altertumswiss. 4, 1951, 65—8) 4. 195—211; 5; 1952, 1—24; 6, 1953, 129—150 8, 1955, 129—156; 12, 1959, 129—146; 13, 1960, 1—22; 17, 1964 129—154; 18. 1965, 1—30.

- 256 A. Leskv, Geschichte der griechischen Literatur, München, 1971³
257. M. Leumann, Homerische Wörter, Basel, 1920.
- 257a. J. Levillian, Étude sur la localisation d'Illion d'après l' Iliade d' Homère, Paris, 1962.
258. D. Lohmann, Die Komposition der Reden in der Ilias, Berlin, 1970.
259. G. Lohse, Untersuchungen über Homerzitate bei Platon, Hamburg, 1961.
260. A. B. Lord, The Singer of Tales, Cambridge, 1964³.
261. A. B. Lord, Homer as Oral Poet, Harv. Stud. 72, 1968. 1...
262. H. L. Lorimer, Homer and the Monuments, London, 1950.
263. W. Marg, Homer über Dichtung, Münster i. W., 1957.
264. K. Marot, Die Anfänge der griechischen Literatur, Vorrfragen, Budapest, 1960.
- 264a. M. Maróth, Epischer Still im Ugaritischen und im Griechischen, AA, T. XXIII, Fasc. 1—2, 1975. 65...
265. B. Marzullo, Il problema omerico. Firenze, 1970².
266. Fr. Matz, Krēta-Mykene-Troja. Die minoische und homerische Welt, Stuttgart, 1956.
267. P. Mazon..., Introduction à l'Iliade, Paris, 1948².
268. A. Meillet, L'origine indo-européenne des mètres grecs, Paris, 1923.
269. K. Meister, Die homerische Kunstsprache, Leipzig, 1921.
270. A. Mentz, Die Urgeschichte des Alphabets, Rh. M. 1936.
271. R. Merkelbach, Untersuchungen zur Odyssee, Zetemata, 2, München, 1968².
272. H. J. Mette, Der Pfeilschuß des Pandaros. Neue Untersuchungen zur homerischen Ilias, Halle, 1951.
273. H. J. Mette, Die Struktur des ältesten daktylischen Hexameters, Glotta 35, 1956. 1...
274. H. J. Mette, Homer (Literaturbericht), Lustrum, 1, 1956 (1957), 7—96. 2 (1957/58), 291—297; 4 (1959/60), 309—316; 5 (1960/61), 649—656; 11 (1966/67), 33—69; 15 (1970/72), 99—122.
275. K. Meuli, Odyssee und Argonautica, Berlin, 1921.
- 275a. E. Meyer, Gab es ein Troja? Grazer Beiträge 4, 1975, 154...
276. D. Motzkus, Untersuchungen zum 9. Buch der Ilias unter besonderer Berücksichtigung der Phoinixgestalt, (Diss. Hamburg, 1964).
277. H. Mühlestein, Redende Personennamen bei Homer. St. Mic. Egeo-Anat. 1959, N 9, 67... (Incunabula Graeca, 39).
278. H. Mühlestein, Die Oka-Tafeln von Pylos, 1956.
279. H. Mühlestein, Le nom des deux Ajax, SMEA 2 (1967), 41...
- 279a. H. Mühlestein, Jung Nestor, Jung David, Antike und Abendland, 17, 1971, 173...
280. D. Müller, Die Reiseerlebnisse des Telemach, Hermes 65 (1930), 38...
- 280a. D. Müller, Die Ilias und ihre Quellen, Berlin, 1910.
281. Fr. Müller, Darstellung und poetische Funktion der Gegenstände in der Odyssee, Marburg, 1968 (Diss).
282. M. Müller, Athene als göttliche Helferin in der Odyssee, Untersuchungen zur Form der epischen Aristie. Heidelberg, 1966.

283. G. Murray, *The Rise of the Greek Epic*, Oxford, 1934⁴.
284. G. E. Mylonas, Priam's Troy and the Date of its Fall. *Hesperia*, v. XXXIII, N 4, 1964, 252...
285. L. Myres, *Homer and his Critics*. London, 1958.
286. L. Myres, The Structure of the Iliad Illustrated by the Speeches, *JHS*, 74, 1954, 122...
287. Die mythologischen und kultischen Texte aus Ras Scharma, übersetzt von J. Aistleitner, Budapest, 1959.
288. M. N. Nagler, Towards a Generative View of the Oral Formula, *TAPA*, 98, 1967, 269...
- 288a. G. Nebel, *Homer*, 1959.
289. G. Neumann, Beiträge zum Lykischen. *Sprache*, VII, 1961, 70...
290. K. Nickau, Epeisodion und Episode. Zu einem Begriff der aristotelischen Poetic, *Mus. Helv.* 23, 1966.
- 290a. W. Nicolai, Kleine und große Darstellungseinheiten in der Ilias Heidelberg, 1973.
291. I. Niemirska—Phiszczynska, Analyse structurale du chant XXII de l'Iliade, *Eos* 58 (1969—70), 145...
292. M. P. Nilsson, *Homer and Mycenae*, London, 1933.
293. M. P. Nilsson, *The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion*, Lund, 1950².
294. J. A. Notopoulos, *Homer and Geometric Art*. *Athena* 61, 1957, 65.
295. J. A. Notopoulos, *Studies in Early Greek Oral Poetry*, *HSCP* 68, 1964, 1...
- ✓ 296. J. A. Notopoulos, *The Homeric Hymns as Oral Poetry. A Study of the Post-Homeric Oral Tradition* (*AJPh.* 83, 1962, 337...)
297. J. A. Notopoulos, *Homer, Hesiod and the Achaean Heritage of Oral Poetry*, *Hesperia* 29, 1960, 177...
298. J. A. Notopoulos, *Modern Greek Heroic Oral Poetry*, New-York 1959.
- ✓ 299. J. A. Notopoulos, *Homeric Similes in the Light of Oral Poetry*. *CJ*, 52, 1957, 312...
- 299a. C. Nylander, *The Fall of Troy*, *Antiquity*, 37, 1963, 6...
300. W. A. A. van Otterlo, Untersuchungen über Begriff, Anwendung und Entstehung der griechischen Ringkomposition, *Meded. d. Ned. Ak. W., Afd. Letterkunde*, N. R. 7. Nr. 3, 1944.
301. W. A. A. van Otterlo, De ringkompositie als opbouwprincipe in de epische Gedichten van Homerus, *Verh. d. kon. Ak. v. W. Afd. Letterkunde* LI/1, 1948.
302. D. L. Page, *The Homeric Odyssey*, Oxford, 1955.
303. D. L. Page, *History and the Homeric Iliad*, Berkeley-Los-Angeles, 1959.
304. D. L. Page, *Homer and the Trojan War*, *JHS* [LXXXIV, 1964, 17...
- 304a. M. Pallottino, *Etruscologia*, Milano, 1973 (уполненный выпуск шестого издания).
305. L. R. Palmer, *Mycenaeans and Minoans*, London, 1961.

306. L. R. Palmer, *The Interpretation of Mycenaean Greek Texts*, Oxford, 1963.
- 306a. O. Panagl, S. Hiller, *Homer, Forschungsbericht 7. AfA*, 1976 Hft. 1/2.
307. A. Parry, *Have we Homer's Iliad?* YCS v. 20, 1966, 17...
308. A. Parry, *Language and Characterization in Homer*, Harw StClPhil 76 (1972), 1...
309. A. Parry, *Homer as Artist*, ClQ, 66, 1971, 1...
310. M. Parry, *L'épithète traditionnelle dans Homère*, Paris, 1928.
311. M. Parry, *The Making of Homeric Verse* (—The Collected Papers of M. P.), Oxford, 1971.
312. H. Patzer, *Dichterische Kunst und poetisches Handwerk im homerischen Epos*, Wiesbaden, Steiner, 1972.
313. E. Peruzzi, *Origini di Roma*, Firenze v. I. 1970, v. II, 1973.
314. H. Pestalozzi, *Die Achilleis als Quelle der Ilias*, 1945.
315. H. Petriconi, *Das Gilgamesch-Epos als Vorbild der Ilias* (Der Tod des Helden I), *Linguistic and Literary Studies in Honor of H. A. Hatzfeld*, Washington 1964, 29...
316. R. Pfeiffer, *Geschichte der klassischen Philologie. Von den Anfängen bis zum Ende des Hellenismus*. Aus dem Englischen übersetzt von M. Arnold, Hamburg, 1970.
317. A. J. Pfiffig, *Die etruskische Sprache*, Graz, 1969.
318. G. Pfohl, *Griechische Inschriften als Zeugnisse des privaten und öffentlichen Lebens*. Tusculum—Bücherei, München, 1966.
319. G. Pfohl, *Die ältesten Inschriften der Griechen* (Quaderni Urbinati di cultura classica № 7, 1969), 7...
- 319a. G. Pillot, *Le code secret de l'Odyssée. Les Grecs dans l'Atlantique*, Paris, 1969.
- 319b. V. Pisani, *Manuale storico della lingua greca*, Firenze, 1973².
320. H. Podbielski, *La structure de l'hymne homérique à Aphrodite à la lumière de la tradition littéraire*, *Archiwum Filologiczne*, Wrocław., 1971.
- 320a. R. Popham, *The Last Days of the Palace at Knossos*, *Stud. in Medit. Archaeol.*, V, 1964.
321. H. N. Porter, *The Early Greek Hexameter*, YCS, XII, 1951, 1...
322. J. B. Pritchard, *Ancient Near Eastern Texts*, Princeton, 1955.
323. L. Quaglia, *La figura di Ettore e l'etica dell' Iliade* (Atti Accad. Torino 94, 1959/60), 1...
324. L. Quaglia, *La figura di Achille e l'etica dell' Iliade* (Atti Accad. Torino, 95, 1960/61), 1...
325. K. Reinhardt, *Tradition und Geist im homerischen Epos*, SG 4, (1951), 334...
326. K. Reinhardt, *Homer und die Telemachie* (Von Werken und Formen, Godesberg, 1948), 37...
327. K. Reinhardt, *Die Abenteuer des Odysseus* (Von Werken und Formen Godesberg, 1948, 52...).

328. K. Reinhardt, *Die Ilias und ihr Dichter*, Göttingen, 1951.
- 328a. M. Riemschneider, *Von Olympia bis Ninive im Zeitalter Homers*. Leipzig, 1963.
- 328b. M. Riemschneider, *Homer. Entwicklung und Stil*, Leipzig, 1952.
329. E. Risch, *Die Gliederung der griechischen Dialekte in neuerer Sicht*, Mus. Helv. XII, 1955, 61...
- 329a. E. Risch, *Wortbildung der homerischen Sprache*, Berlin-New York, 1974².
330. Zs. Ritoók, *The Epithets for Minstrels in the Odyssey*, AA, t. XVI, Fasc. 1—4, 1968, 89...
331. Zs. Ritoók, *Die Homeriden*, AA, t. XVIII, Fasc. 1—2, 1970, 1...
332. Zs. Ritoók, *Dichterweihen*, AC, VI, 1970, 17...
333. Zs. Ritoók, *Anmerkungen zu Homer*, AA, T. XIX, Fasc. 3—4, 1971, 201...
- 333a. Zs. Ritoók, *Stages of the Development of Greek Epic*, AA, t. XXIII, Fasc. 1—2, 1975, 127...
334. F. L. Rossi, *Estensione e valore del colon nell' esametro Omerico*, Studi Urbinati XXXIX, 1965, 239...
335. J. A. Russo, *The Structural Formula in Homeric Verse*, YCS, XX, 1966, 219...
336. J. A. Russo, *Homer against his Tradition*, Arion 7 (1968), 275...
337. J. A. Russo, B. Simon, *Homeric Psychology and Oral Epic Tradition*, Journ. Hist. Ideas 29, 1968, 453...
338. H. Rüter, *Zeit und Heimat der homerischen Epen*, Berlin, 1937.
339. K. Rüter, *Odysseeinterpretationen. Untersuchungen zum ersten Buch und zur Phaiakia, Hypomnemata 19*, Göttingen, 1969.
340. A. Sacconi, *Il mito nel mondo Miceneo*, PP, LXXII, 1960, 161.
341. A. Sacconi, *Gli Achei in età Micenea ed in Omero*, ZA, XIX, 1969, 13 ...
342. A. Sacconi, *A proposito dell' epiteto omerico ΑΙΝΟΘΩΡΗΞ*, ZA XXI, 1971, 49...
343. A. Sacconi, *Problemi omerici alla luce dei ritrovamenti archeologici*, Roma, 1971.
344. G. Sandulescu, *Recherches sur la valeur littéraire du catalogue des Vaisseaux avec des observations sur le problème chronologique*, AA, 17 (1969), 125...
- 344a. J. Sarkady, *Über die Zahlenangaben im homerischen Schiffskatalog*, Wiss. Ztschr. Univ. Rostock, Gesellsch. und Sprachwiss. Reihe, 23, 1971, 25 ...
345. F. Schachermeyr, *Poseidon und die Entstehung des griechischen Götterglaubens*, Salzburg, 1950.
346. F. Schachermeyr, *Hethiter und Achaer*, MAG, 9, 1935.
347. F. Schachermeyr, *Die minoische Kultur des alten Kreta*, Stuttgart, 1964.
348. W. Schadewaldt, *Iliasstudien*, Leipzig, 1938.

349. W. Schadewaldt, *Von Homers Welt und Werk*, Stuttgart, 1965⁴.
350. W. Schadewaldt, *Der Prolog der Odyssee*. HSCP 63, 1958, 15...
351. W. Schadewaldt, *Neue Kriterien zur Odyssee-Analyse. Die Wiedererkennung des Odysseus und der Penelope*, Heidelberg, 1959.
352. W. Schadewaldt, *Kleiderdinge. Zur Analyse der Odyssee*, *Hermes* 87 1959, 13...
353. W. Schadewaldt, *Der Helios-Zorn im 12. Buch der Odyssee*, *Studi in onore di L. Gastiglioni*, Firenze, 1960, 8...
354. W. Schadewaldt, *Введение и комментарии (в Homer, Odyssee, Artemis. Zürich-Stuttgart, 1966²)*.
355. W. Schadewaldt, *Homer und das Dichterische. Überlebte oder, bleibende Antike?* Bremen, 1971.
- 355a. W. Schadewaldt, *Der Aufbau der Ilias*, Frankfurt am Main, 1975.
356. Scheibner, *Ein Versuch, Entstehungszeit und -ort der Endform der Odyssee zu bestimmen*, *Wiss. Ztsch. der-Fr.-Schiller-Univ. Jena (Gesellsch. -u. Sprachwiss. Reihe)*, 14 (1965), 93...
357. Renata von Scheliha, *Patroclus. Gedanken über Homers Dichtung und Gestalten*, Basel, 1943.
358. W. Schmid, O. Stählin, *Geschichte der griechischen Literatur* München, 1929; Bd. I.
359. H. Schmökel, *Kulturgeschichte des Alten Orient*, Stuttgart, 1961.
360. G. Schoeck, *Zur Struktur des ersten Iliasdrittels*. *AuA* 15, (1969), 9...
361. G. Schoeck, *Ilias und Aithiopis. Kyklische Motive in Homerischer Brechung*, Zürich, 1961.
- 361a. H. Schrader, *Götter und Menschen Homers*, 1952.
- 361b. C. Schuchardt, *Wer hat Troja I gegründet?* Berlin, 1940.
362. E. Schwartz, *Zur Entstehung der Ilias*, *Schr. d. Wiss. Ges. Straßburg*, 34, 1918.
363. E. Schwartz, *Die Odyssee*. München, 1924.
364. E. Schwyzer, *Griechische Grammatik*, München. Bd. I. 1939; Bd. II (bearbeitet von A. Debrunner), 1950; Bd. III (Register von D. J. Georgacas), 1953.
- 364a. W. C. Scott, *The Oral Nature of the Homeric Simile*, Brill, Leiden, 1974.
365. Ch. Segal, *The Embassy and the Duals of Iliad 9, 182—198*, *GRBS* 9, 1968, 101...
366. A. Severyns, *Homère*. Bruxelles, I, 1944; II, 1946; III, 1948.
367. A. Severyns, *Grèce et Proche-Orient avant Homère*, Bruxelles, 1960.
368. G. P. Shipp, *Studies in the Language of Homer*, Cambridge, 1972².
369. A. Sideras, *Aeschylus Homericus. Untersuchungen zu den Homerismen der aischyleischen Sprache. Hypomnemata. Hft. 31*, Göttingen, 1971.
370. D. Skiadas, *Homer im griechischen Epigramm*, Athen, 1965, VIII. 203 ...
- 370a. H. W. Smyth, *Greek Grammar*, Cambridge, 1956.
371. B. Snell, *Die Entdeckung des Geistes*, Göttingen, 1975⁴.

- 371a. B. Snell, Die menschliche Gesellschaft bei Homer, Ant. Gr. — Rom., 1968, 36...
372. B. Snell, Tyrtaios und die Sprache des Epos, Göttingen, 1969.
- 372a. W. B. Stanford, The Odyssey of Homer I/II, ed. W. B. S., 1948/1950.
373. W. B. Stanford, The Ending of the Odyssey. An Ethical Approach, Hermathena, 100, 1965, 5...
374. C. G. Starr, The Origins of Greek Civilization, London, 1961.
- 374a. G. Steiner, Die Unterweltsbeschwörungen des Odysseus im Lichte hethitischer Texte, Ugarit-Forschungen 3, 1971, 265...
375. L. A. Stella, Il poema di Ulisse, Firenze, 1955.
376. B. Stockem, Die Gestalt der Penelope in der Odyssee (Diss. Köln, 1955).
- 376a. G. Strasburger, Die kleinen Kämpfer der Ilias, Diss. Frankfurt a/M, 1952.
377. H. Strasburger, Homer und die Geschichtsschreibung. Heidelberg 1972.
- 377a. F. H. Stubbings, The Rise of Mycenaean Civilization, CAH, v. I&II.
378. W. Suerbaum, Die Ich Erzählungen des Odysseus, Poetica 2, 1968, 150...
379. S. J. Suys-Reitsma, Het homerisch epos als orale Schepping van een dichter-hetairie, Paris-Amsterdam, 1955.
380. W. Theiler, Vermutungen zur Odyssee, Mus. Helv. 7, 1950, 102...
381. W. Theiler, Ilias und Odyssee in der Verflechtung ihres Entstehens, Mus. Helv. 19, 1962, 1...
382. A. Thornton, People and Themes in Homer's Odyssey, London, 1970.
383. I. Trencsenyi-Waldapfel, Von Homer bis Vergil. Gestalten und Gedanken der Antike. Aus dem Ungarischen übersetzt von M. Schüchting, Berlin und Weimar, 1969.
384. O. Tsagarakis, The Achaean Wall and the Homeric Question, Hermes 97, 1969, 129...
385. D. Tsagarakis, The Achaean Embassy and the Wrath of Achilles, Hermes (1971), 257...
386. A. G. Tsopanakis, Problems in the Homeric Hexameter, EETHess 8• 1966, 337...
387. H. van der Valk, Researches on the Text and Scholia of the Iliad, I, (1963), II (1964).
388. H. van der Valk, The Formulaic Character of the Homeric Poetry and the Relation between the Iliad and the Odyssey, L'Antiqu. Class. 15, 1966, 5...
389. M. Ventris..., Documents in Mycenaean Greek, Cambridge, 1956.
- 389a. W. J. Verdenius, Homer — the Educator of the Greeks, Amsterdam—London, 1970.
- 389b. E. T. Vermeule, Götterkult. AH, Bd. III, Kap. V, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1974.

- 389в. G. C. Vlachos, Les sociétés politiques homériques, Paris, 1974.
- 389г. P. Von der Mühl, Kritisches Hypomnema zur Ilias, Basel, 1953.
- 398д. P. Von der Mühl, Odyssee, RE Suppl. 7, 1949, 696—768.
- 389е. P. Von der Mühl, Die Kimmerier der Odyssee und Theopomp. Mus. Helv. 16, 1959, 145...
390. J. Wackernagel, Sprachliche Untersuchungen zu Homer, Göttingen, 1916.
391. H. T. Wade-Gery, The Poet of the Iliad, Cambridge, 1952.
- 391а. P. Wathélet, Les Traits éoliens dans la langue de l'épopée grecque, Roma, 1970.
- 391б. P. Wathélet, Les noms des Grecs et de la Grèce dans les formules de l'épopée homérique, Actes du XIe Congrès International des Sciences Onomastiques, II, Sofia, 1975, 329—441;
- 391в. P. Wathélet, L'origine du nom des Hellènes et son développement dans la tradition homérique, Les Etudes Classiques 43:2, 1975, 119—128.
392. T. B. L. Webster, From Mycene to Homer, New York, 1959.
393. W. L. West, The Achæan Wall, CR 19 (1969), 255...
394. St. R. West, The Ptolemaic Papyri of Homer. Köln, 1967.
395. W. Whallon, Formula, Character, and Context. Studies in Homeric, Old English and Old Testament Poetry, Cambridge, Massachusetts, 1969.
396. C. H. Whitman, Homer and the Heroic Tradition, Cambridge, 1958.
397. U. v. Wilamowitz-Moellendorff, Homerische Untersuchungen, Berlin, 1884.
398. U. v. Wilamowitz-Moellendorff, Die Ilias und Homer, Berlin, 1920².
399. U. v. Wilamowitz-Moellendorff, Die Heimkehr des Odysseus, 1927.
400. H. Willenbrock, Die poetische Bedeutung der Gegenstände in Homers Ilias, Marburg Lahn, 1944 (1969), (Diss).
401. J. Wöhrmann, Die homerische Frage in ihrer Bedeutung für die Homerinterpretation, dargestellt am 9. Gesang der Ilias (Der Altsprachl. Unterricht VIII 3, 1965) 5...
- 401а. H. H. und A. Wolf, Der Weg des Odysseus, 1968.
402. A. G. Woodhead, The Greeks in the West. London, 1962.
403. Zopito Di Tallio, Confronti formualri e lessicali tra le iscrizioni esametriche ed elegiache dal VII al V sec. a. C. e l'epos arcaico i iscrizioni sepolcrali (Quaderni Urbinati di cultura classica № 7, 1969), 45...

Соответствующие статьи в RE и RML

ВДИ	Вестник древней истории
ВЯ	Вопросы языкознания
AA	Acta Antiqua
AC	Acta Classica
AfA	Anzeiger für die Altertumswissenschaft
АН	Archaeologia Homerica
AJPh	American Journal of Philology
AJA	American Journal of Archaeology
Ant. Gr. Rom.	Antiquitas Graeco—Romana ac Tempora Nostra
AuA	Antike und Abendland
CAH	Cambridge Ancient History
CJ	The Classical Journal
CIQ	Classical Quarterly
CIPh	Classical Philology
CUF	Collection des Universités de France
DTV	Deutscher Taschenbuch Verlag
EET hess	Ἐπιστημονικὴ Ἑπετηρὶς τῆς Φιλοσοφικῆς Σχολῆς τοῦ Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης
GGN	Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Phil.-Hist. Kl.
GR	Greece and Rome
GRBS	Greek, Roman and Byzantin Studies
HSCP	Harvard Studies of Classical Philology
JCS	Journal of Classical Studies
JHS	Journal of Hellenic Studies
LB	Linguistique Balkanique
MAG	Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft 9, 1935
MSS	Münchener Studien zur Sprachwissenschaft
Mus. Hely.	Museum Helveticum
PP	La Parola del Passato
RE	Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
RhM	Rheinisches Museum
RML	Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie
SCBO	Scriptorum Classicorum Bibliotheca Oxoniensis
SG	Studium Generale
SMEA	Studi Micenei ed Egeo-Anatolici
TAPA	Transactions and Proceedings of the American Philological Association
ZA	Ziva Antica
YCS	Yale Classical Studies

- Абав... 178
 Аваяна 179
 Авлида 35
 Агамемнон 28, 31, 34, 35, 41, 42, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 56, 68, 60, 63, 64, 65, 66, 67, 71, 72, 74, 75, 76, 79, 89, 92, 93, 94, 96, 97, 107, 108, 110, 123, 124, 129, 136, 142, 143, 144, 146, 147, 151, 170, 183, 186, 216, 225, 251, 252, 253, 256, 259, 284, 292, 293, 297, 298, 299, 300, 304, 305, 323, 325, 331, 335, 336;
 Агапенор 251
 Агесилай 324
 Адмет 206
 Адраст 55, 56, 150
 адрастийцы 186
 Азия 225, 350
 Анд 33, 34, 122, 124, 136
 Айххорн, Ф. 87
 Айя 208
 Акайваша 194, 195
 Алаксандус 187
 Алашня 182
 Александр 35, 90, 150, 155
 александрийские филологи 16, 135
 Алибэ 189, 201
 Алкиной 104, 148, 150, 342
 Алкмена 123
 Аллен, Т. В. 18
 алтарь Афродиты 325
 алфавит 260, 261, 267
 алфавит греческий 263
 алфавитное письмо 264
 алфавит финикийский 262
 Алфея 330, 332
 амазонки 222, 224, 322
 Амурру 181
 Амфимедон 107, 108, 129, 132, 131
 Анаксагор 316
 аналитики 18, 19, 70, 71, 72, 96
 аналитическое направление 22
 анатолийская культура 162
 анатолийская Ларисса 186
 анатолийские союзники 187
 анатолийские племена 225
 анатолийские темы 225
 анатолийский культ 234
 анатолийское троянское население 220
 Анатолия 173, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 190, 191, 194, 203, 209, 210, 220, 223, 224, 225, 226, 227, 232, 234, 338, 339
 Андреев, Ю. В. 335
 Андромаха 23, 25, 55, 56, 57, 62, 63, 73, 91, 156, 302, 306, 307;
 Антилох 26, 27, 29, 92, 95, 96, 155;
 Антиной 112, 117, 119, 128;
 Антиопа 123
 Анхиз 196
 Аполлон 26, 27, 36, 42, 53, 54, 58, 61, 62, 67, 90, 127, 146, 152, 155, 157, 197, 219, 231, 232, 234, 341, 242, 247;

* Указатель составлен сотрудниками «греческо-латинской библиотеки» Тбилисского госуниверситета, за что выражаю им сердечную благодарность.

Аполлоний Родосский 202, 209, 275
 Аппу 314, 315
 Арат 275
 Арга 234
 аргивяне 95, 170, 173, 174
 Арго 204, 205
 Арголида 125
 аргонавты 169, 183, 201, 203, 205,
 206, 332
 Аргос 59, 94, 173, 223, 224, 297,
 323, 350
 Аргусоубийца 107, 120
 Арей 70, 313
 Аренд, В. 248
 Арес 58, 61
 Арета 148
 Ариадна 123
 Аристарх 16, 18, 135, 214
 Аристотель 10, 11, 12, 14, 15, 30,
 89, 90, 130, 135, 158, 214, 295, 297,
 315, 316
 Аристофан 135
 Арнувандас III 182
 Артемиды 341
 архаический греческий полис 335
 Арцава 181, 187, 188
 Асий 284
 Ассарак 196
 ассирийские источники 329
 Ассирия 181, 194, 265, 266, 267, 336,
 339;
 Астнанакс 91, 156, 243
 Астур, М. 207
 Атлант 313
 Атлантический океан 199, 200
 Атлас 178, 179
 Атрей 182, 183
 Атрид 56, 64, 71, 74, 79, 93, 94, 97,
 110, 123, 146, 147
 Атриды 96, 170, 292, 297, 298, 299,
 300, 305, 323, 325
 «Атрид властитель» 293
 Атрия 178
 Атариссияс 182
 Атарима 177
 Атика 22, 278, 349, 350
 атический диалект 271

Афамантида 206
 Афиней 10
 Афина 41, 49, 51, 53, 55, 57, 58, 59,
 60, 61, 62, 73, 91, 93, 106, 108, 109,
 110, 111, 112, 113, 115, 116, 117,
 118, 119, 121, 127, 128, 129—133,
 142, 146, 152, 153, 155—157, 211,
 217, 301, 306, 342
 Афины 231, 265
 Афродита 58, 60, 61, 62, 63, 72, 220,
 221, 230, 254, 276, 309, 313, 317
 Ахайя 175, 176, 173
 ахейская Греция 326, 327, 329, 334,
 335
 ахейская стена 52, 53
 ахейские базилики 335
 ахейские герои 35, 53, 54, 62, 64, 72,
 76, 77, 90, 91, 94, 95, 323, 327
 ахейские города 60
 ахейские корабли 51, 52, 92
 ахейские племена 182
 ахейские старейшины 46, 47
 ахейский герой 219, 327
 ахейский мир 171
 ахейское войско 170, 197, 328
 ахейское нашествие 194
 ахейское общество 335
 ахейское объединение 169, 185
 ахейцы 26, 32, 33, 34, 35, 36, 46, 48,
 49, 50, 51, 52, 53, 54, 59, 60,
 61, 63, 64, 65, 66, 71, 74, 78, 83, 84,
 90, 91, 92, 93, 94, 95, 153, 157, 160,
 163, 164, 166, 167, 170, 172, 173,
 174, 175, 176, 183, 185, 186, 191,
 194, 195, 215, 259, 280, 297, 298,
 301, 302, 304, 305, 325, 326, 327,
 330, 331, 335, 336, 338, 340, 342
 Ахилл 18, 19, 23, 25, 27, 28, 29, 30,
 31, 32, 33, 34, 35, 36, 40, 41, 42, 43,
 44, 46, 47, 49, 51, 52, 53, 54, 55,
 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64,
 65, 66, 67, 71, 72, 74, 75, 76, 77, 78,
 79, 80, 83, 89, 90, 91, 92, 94, 95,
 96, 97, 121, 122, 123, 136, 137, 141,
 142, 145, 150, 151, 152, 153, 155,
 156, 157, 168, 170, 174, 196, 249,
 251, 281, 282, 286, 296, 297, 298,

300, 301, 303, 304, 315, 321, 323,
330, 331, 332, 340, 341, 342, 343
«Ахилленда» 18
Аххиява 176, 177, 179, 180, 181, 182,
183, 184, 185, 190, 194, 326
Ашшува 188, 189, 190, 194
азд(ы) 167, 267, 284, 319, 320, 339,
340
Аякс 26, 27, 41, 52, 53, 54, 55, 74, 76,
77, 78, 83, 92, 94, 95, 96, 123, 155,
156, 216, 251, 283, 284, 302, 304,
328, 331, 351

Балканы 233
балканские племена 226
Беллерофонт 226, 267, 322
Беотия 231, 324
беотийцы 261
Берадзе, П. А. 241
Бертмен, С. 111, 241
Бете, Э. 214, 215
«библейская археология» 166
«Библиотека» Фотия 26
Библия 166, 329
Бикел, Э. 23
Блеген, К. 162, 191, 192
Бойо 234
Болгария 226
Бона, Г. 87
Боссерт 229
Боура С. М. 20, 24, 233
Бриарей или Эгеон 313
бриги 225
Брисенда 33, 35, 43, 47, 58, 60, 65,
66, 75, 146, 297, 298
бронзовая эпоха 216, 261, 265
буколический диакрисис 283
бургундийцы 164

Вавилония 181
Валиванда 178
Валлон 253, 293
Ван Оттерло, В. А. А. 40, 151
Вебстер, Х. 297
Вейд-Гери 214
Вилуса 180, 187
Византия 16

Випламовиц-Мёллендорф, У. 19, 20,
21, 85
«Витязь в тигровой шкуре» 209
«Возвращение» 91, 93
Вольф, Ф. А. 17, 18
Восток 265, 311, 339
Восточное Средиземноморье 164
восточная цивилизация 275
«Возвращение Одиссея» 120

Гайсер 151
гализоны 186, 189, 201
Галитерс 98, 101, 105, 126
Галис 222
Ганимед 196, 197
Гегель, Фр. 18
Гектор 33, 35, 36, 39, 41, 42, 43, 46,
47, 48, 49, 51, 52, 53, 54, 55, 56,
57, 58, 61, 62, 63, 65, 66, 68, 71,
73, 83, 89, 90, 91, 95, 146, 148, 150,
155—158, 186, 196, 216, 221, 249,
251, 253, 280, 281, 283, 288, 300,
301, 302, 303, 304, 307, 323, 327,
331, 336
Гекуба 55, 53
Гелен 53, 55, 56, 155
Гелиос 92, 104, 105, 202, 203, 209,
223
Гелла 205, 206
Геллада 174
Гелланик 16, 206, 213, 221
Гелле 207
Геллеспонт 205, 327
«Географика» 209
геометрический век (эпоха) 199, 213
геометрический стиль 231, 277
геометрическое искусство 153, 277,
278, 280
Георгиев, В. 205
Гера 43, 49, 50, 51, 53, 58, 59, 60,
123, 152, 309, 317
Геракл 12, 123, 183, 197
Геракленда 12, 15, 89
Герман, Г. 18
Гермес 106, 107, 108, 110, 111, 115,
116, 119, 120, 121, 135, 136, 142,
254

- Геродот 10, 161, 166, 176, 183, 195, 196, 207, 208, 209, 214, 221, 225, 226, 231, 232, 234, 260, 261, 262, 267, 324, 350
- герон «Валгаллы» 21
- героническая эпоха 332
- Геснод 23, 106, 122, 202, 206, 214, 216, 225, 230, 254, 275, 312, 313
- Гесперия 221
- Гефест 26, 55, 59, 60, 61, 317, 323
- Гейя 313
- Гёте 18, 21
- Гильгамеш 329
- «Гимн к Афродите» 220
- Гиперенор 259
- гиперборейские женщины 234
- Гиппарх 161
- Гипсипила 204, 205, 206
- Гиссарлык 163
- Гиссарлыкский холм 191, 192
- Главк 38, 41, 54, 55, 56, 57, 72, 266, 322
- Говальд, Э. 23
- Годий 74
- Горг 225
- Горгона 217
- Горднон 225
- греки 172, 175, 176, 194, 197, 214, 215, 217, 220, 222, 223, 231, 262, 293, 320, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 330, 332, 338, 339
- грекоязычный мир 324
- грекоязычные племена 326
- Греция 10, 162, 163, 164, 169, 170, 171, 173, 176, 183, 187, 216, 217, 218, 219, 230, 257, 260, 261, 262, 263, 268, 272, 273, 274, 275, 311, 319, 320, 324, 325, 326, 328, 334, 335, 336, 338, 339, 344, 349, 350
- греческая классика 335
- греческая культура 216
- греческая лирика 10
- греческая литература 329
- греческая мифологическая традиция 336
- греческая традиция 328
- греческие пастухники 194
- греческие лирики 215
- греческие надписи 325
- греческие сказания 322, 328
- греческие племена 190, 220, 325, 334
- греческий алфавит 264
- греческий мир 325, 334
- греческий язык 210, 216, 325
- греческое войско 335
- греческое общество 334
- греческое философское мышление VI—V вв. 11
- Грот, Дж. 18
- грузинский язык 208
- грузино-засанский язык 210
- Грузия 210
- группа ока 329
- Гуней 328
- Дабала-Даттас 179
- «дабали шаири» 241
- Данай 173
- данайцы 79, 170, 173, 174
- Дардан 196, 197, 322
- Дарданид 220
- дарданиды 197
- дарданийцы 56, 186, 197
- Двуречье 165, 201
- Деифоб 155, 156
- Дерпфельд, В. 162, 191, 218
- Делос 234
- Деметра 254
- Демодок 95, 167, 309, 317, 320, 340, 341, 342, 346, 347
- демократический полис 335
- деревянный конь 95, 96, 97
- Джамбатист Вико 17
- Джеффри, А. 260, 266
- Дий 167
- Диле, А. 23, 29, 30, 81, 82, 83, 143, 147
- Диомед 27, 38, 46, 47, 48, 55, 57, 59, 60, 61, 72, 81, 92, 94, 96, 155, 156, 259, 266, 298
- Диона 313
- Дионисий 221
- Дипилон 231

дипилонская керамика 278
 дипилонский кувшин 265
 Дметор 325
 Д'Обиньяк 16, 17
 Додона 351
 Долон 351
 «Долония» (х) 19, 20, 22, 41, 42, 43, 46, 81
 Дор 173
 дорийская фила 217
 дорийское поселение 217
 дорийцы 171, 175, 216, 217
 Дорион 320
 древневосточные документы 320
 древневосточная литература 329
 древний Восток 326, 329
 Дреруп, Э. 18, 20, 38, 214
 Дриант 39

 Евгенева, А. П. 274
 Еврибат 76, 77
 Еврикля 98, 101
 Еврином 313
 Европа 16, 17, 18
 Египет 181, 192, 194, 195, 214, 336
 египетские источники 329
 египетские приключенческие истории 329
 египетский папирус 261
 египетский фараон 324
 египтяне 149, 184, 195
 Елена 25, 35, 41, 53, 58, 60, 62, 63, 94, 95, 155, 156, 195, 300, 301, 306, 307, 321

 замкнутые круговые композиции 44
 Западная Анатолия 177, 181, 182, 187, 188, 189, 190, 194, 215, 266
 западноанатолийские страны 194
 Зевс 26, 27, 29, 33, 34, 41—44, 46, 47, 49—55, 58—60, 62—66, 73, 81, 82, 83, 91, 102, 106, 108, 109, 110—113, 115, 116, 119, 120, 121, 125, 142—157, 170, 196, 197, 223, 297, 298, 302, 309, 313, 315, 316
 Зевс-гостелюбец 149, 150, 151
 Зелинский, Ф. Ф. 120

Земля 186
 Земля, Гея 312
 золотое руно 210
 Зоммер 176

 иберийско-кавказские племена 240
 Ида 156, 188, 189
 Идоменей 92, 94, 96
 Илион 32, 36, 39, 96, 157, 189, 191, 197, 288, 307
 Илионская война 34
 Илос 206
 Иммерия 187, 189, 190
 Ингури 210
 Иней 330
 Иolk 205
 Ион 173
 ионийцы 187, 260
 Ионийское море 200
 ионийские знаки 262
 ионийский диалект 271
 ионийские племена 275
 ионизированный эпос 276
 Ир 87
 Ирида 27, 56
 Исхия 217, 264, 265
 Итака 86, 103, 104, 109, 115, 116, 129, 199, 325
 итакийцы 87, 105, 109, 110, 111, 113
 Италия 200, 221, 222, 257, 332, 334, 339
 Ификл 125
 Ифимедя 123
 Ияланда 178
 Ияснд 325

 Кавказ 201, 204
 кавконы 186
 Кадеш 184
 Кадешская битва 165, 184, 187
 Кам 231, 261
 Какридис, И. Т. 26
 Калидон 330
 Калипсо 105, 106, 107, 115, 119, 120, 121, 199
 Каль-Фурхтманн Г. 218
 Калхант 305

- Каппадокия 222
Капаней 147
Капис 196
карийцы 186, 223
Кария 189
Карл 164
Карнак 196
Карнуа, А. 207
картвельский язык 208, 209, 210
карфагеняне 13
Каркия 179, 180
Каски, Дж. Л. 163, 164
Кассандра 94, 126, 156
Каталог кораблей 13, 23, 25, 35, 40, 72, 98, 169, 170, 171, 172, 326, 328, 329, 338, 343
каталог «гребцов, идущих в Плев-
роп» 328
каталог мирмидонцев 53
Катцунг, П. Г. 71
Квачантирадзе, Т. К. 288
Кебрион 28
кетейцы 95, 190
кефаленийцы 104, 112
Кефтиу 229
кидонцы 175
киклические поэмы 26, 28, 155, 275
Киклоп 149, 150
киклопы 199, 203
киконы 97, 186, 199
Киликия 176, 186
киммерийское вторжение 215
киммерийцы 203, 204, 214, 215, 222, 223, 226, 227
Киммерия 199, 204
Кинирес 183, 325
Кипр 182, 183, 264, 266, 324, 325
Киприи 10, 14, 15, 28, 30, 34, 89, 91
кипрские документы 324
кипрские письменные источники 325
кипрское слоговое письмо 324
кипрское письмо 225
Кирк, Дж. С. 163, 165, 238, 256
Кирка 85, 97, 124, 199, 200, 202, 203, 206, 209
Кирхгоф, А. 18, 19, 85
Кларке, Х. Б. 87
классическая Греция 322
классическая эпоха 325
Клеопатра 330, 331, 332
Климена 123
Клитемнестра 94, 110, 146, 292, 299
Клитий 196
Клоний 72
Кносс 174, 196, 326
Кодино, Ф. 291
койнэ 270, 274
Колхида 201, 202, 207, 208, 209, 210
колхидское золото 210
колхский мир 209
колхское племя 189
Комиссия Писистрата 17
Компенос-Какридис 87
компилятивно-аналитический метод 85
континентальная Греция 183, 326
коринфский эпос 215
Корфу 200
Краиц, В. 316
Креофил 350
Крит 94, 162, 169, 170, 175, 176, 182, 183, 187, 195, 196, 216, 217, 229, 261, 326
критский топоним 174
критяне 175
Кришер, Т. 83, 248, 249, 255, 256
Кронид 59
Кронийон 91, 321
Кронос 313, 314
круговая замкнутая композиция 38, 43
круговая композиция 38, 40, 43, 68, 279, 280
круговая композиция речи 39
Ксанф 11, 59, 61, 225
Ксенон 16
Ксуф 173
Кук, Дж. М. 214
Кукуллис 188
Кульманн, В. 24, 36, 37, 90, 91, 148, 243, 309, 318
Кулла 201
культурные центры Востока 330
куреты 330, 331

- Лабарна 187
 Лабдак 231
 Лаий 231, 261
 Ламм 196
 Лаодамант 232
 Лаокоон 156
 Лаомедон 196, 197
 латинны 221
 Лахаму 315
 Лахман, К. 18
 Лахму 315
 Лахурцис 178
 Лацпас 177
 Лаэрт 78, 101, 109, 316
 Лаэртид 48, 91, 100, 107, 116, 118,
 122, 126, 127, 128, 131, 133, 304,
 305
 Левкада 26
 Леда 123
 Ван Лееувен 80
 Лейт 72
 лелеги 173, 186
 Лемнос 90, 155, 157, 204, 205
 Лесбос 177
 Лески, А. 24, 122, 125, 135, 256, 292,
 310
 лестригоны 199
 Ли, Д. Дж. Н. 290
 ливийцы 194, 195, 196
 Ливия 194, 195
 лидийцы 222
 Лидия 222
 Ликаон 150, 281
 ликийские сказания 322
 ликийцы 56, 186, 194, 223
 Ликия 27, 187, 189, 194, 200, 234, 266
 Ликург 17, 39, 350
 Лин 320
 линейное-Б письмо 169, 172, 174,
 262, 270, 271, 324, 328
 линейное письмо 263, 264, 324, 326
 линейное-С письмо 324
 литературно-мифологическая тради-
 ция 329
 Лиф 18
 Ломанн, Д. 24, 38, 40, 48, 152, 196,
 296, 297, 304
 Лорд 243
 Лоример 216
 Лосев А. Ф. 38, 290, 310, 313
 лотофаги 199
 Лукка 177, 188, 194
 Маддуваттас 182
 Мазон 23
 Майра 123
 Малацитис 188
 Малая Азия 162, 176, 181, 183, 184,
 185, 187, 199, 200, 205, 215, 220,
 221, 223, 224, 225, 226, 234, 257,
 265, 274
 «Малая Илиада» 14, 15, 28, 30, 89,
 91, 155, 225, 226
 Марот, К. 230, 232
 Марри 18, 20
 Маса 179
 Мегара 123
 Мегес 328
 мегрельский 209
 Медея 209
 Медон 98, 100, 112
 Мейе, А. 228
 Мелампод 126
 Мелеагр 253, 330, 331, 330, 332
 «Мелеагриса» 330
 Мемнон 26, 27, 28, 29, 35, 36, 95,
 155—157
 Мемфис 195
 Менелай 25, 35, 41, 55, 56, 58, 60,
 63, 92—94, 96, 97, 103, 116, 150,
 155, 156, 195, 259, 284, 289, 307,
 321, 325
 Менойтид 33, 54, 55, 78
 Ментес 116, 117, 118, 119
 Ментор 98, 100, 105, 113
 меонийцы 186
 Мермер 206
 Меркельбах, Р. 86
 Мернептах 196
 Мероп 259
 Мигдон 224, 225, 226

мигдонцы 224, 226
 Мидас 222, 225
 мидасовская Фригия 339
 Мидасовский союз 225
 мизийцы 186
 микенская Греция 171, 174, 185, 186,
 223, 326, 337
 микенская культура 215, 218, 277,
 320, 322, 324, 332, 339
 микенская письменная продукция 326
 микенская письменность 324
 микенская система 337
 микенская традиция 276
 микенская цивилизация 326, 327, 334
 микенская эпоха 162, 168, 171, 217,
 218, 233, 320, 321, 322, 324, 325,
 326, 328, 329, 332, 335, 337
 микенские документы 172, 311
 микенские источники гомеровского
 эпоса 272
 микенские поселения 323, 335
 микенский век 211
 микенский диалект 232
 микенский мир 197, 266, 319, 322,
 328
 микенский словарь 272
 микенское поэтическое койнэ 274
 микенцы 328
 Микены 59, 162, 163, 169, 170, 185,
 216, 224, 254, 326, 333
 Милет 177, 185
 Миллаванда 177, 178, 179, 181, 184,
 185
 Миннерм 202, 206
 Минос 123, 137
 мирлияне 226
 мирмидонская дружина 33
 мирмидонцы 35, 36, 46, 53, 95, 174,
 280, 304
 Мита 222
 мифологическое и эническое мышле-
 ние 329
 Мойли, К. 332
 мойра 316
 «морские народы» 164, 173, 194,
 195, 196

Мортон 158
 Мотцкус, Д. 75
 Муваталлис 177, 187
 музы 26, 27, 167, 317, 320, 321, 342
 Мурсилис II 177
 Мусей 234, 320
 Мушку 266
 П. Фон дер Мюль 22, 23, 86, 213
 Мюллер, М. 87
 Мюльдер, Д. 213

надписи на треножниках 262
 народы Средиземноморья 329, 334
 Наса 180
 Нелей 125, 126
 Нелид 27
 неоаналитики 25, 27, 28, 30
 неолит 169
 Неоптолем 95, 96, 156, 157
 нерейды 27, 30
 Нестор 27, 29, 46, 47, 48, 52, 53, 74,
 76, 77, 78, 92, 93, 94, 95, 96, 103,
 116, 216, 230, 251, 253, 265, 276,
 298, 305, 306, 321
 Никея 226
 нимфы 120, 310
 Ницш, В. 18
 Нотопулос, Дж. А. 247

общекартвельский язык 210
 Огигия 103, 106, 107, 115, 120
 Одий 76, 78
 Одиссей 14, 27, 41, 47, 48, 74, 76,
 78, 79, 81, 86, 87, 92, 93, 94, 95,
 97, 100—111, 113, 115, 116, 118—
 135, 137, 144, 147, 148, 149, 150,
 153, 155, 156, 167, 168, 199, 200,
 203, 244, 251, 280, 284, 298, 299,
 304, 321, 328, 330—332, 336, 343
 Ойлид 94
 Ойней 253
 Олен 234, 320
 Олимп 42, 43, 58, 59, 60, 64, 65, 108,
 313, 316, 317
 Опис 234
 Орест 94, 110
 Орион 123, 137

- Орфей 234, 320
 Орхомен 163
 Отрей 224—226
 Оттерло, В. А. А. 40, 151
- Павсаний 234
 «Падение Илиона» 93, 155
 Паладий 156
 Памф 320, 234
 Пандар 35, 58, 60, 61
 парадигматическое взаимоотражение 282
 Парис 25, 26, 27, 35, 36, 41, 55, 57, 61, 62, 63, 90, 150, 155, 157, 283, 300, 301, 302, 307
 Парменд 316
 Парнас 12, 14
 Парри, М. 243—244, 256, 296
 Парри, А. 259, 296
 Патрокл 26, 27, 28, 33, 34, 36, 42, 46, 47, 49, 51—58, 63—65, 78—80, 89, 95, 170, 189, 249, 280, 284, 302, 330, 331
 Патроклия 55, 145
 Пафлагония 87, 222
 пафлагонцы 70, 186
 Пафос 325
 Пейдж, Д. 23, 85, 115, 117, 119, 125, 140, 163, 165, 171
 пеласги 173, 186, 189
 пеласгический Аргос 169
 Пелид 39, 51, 52, 61, 63, 65, 71, 75, 77, 79, 97, 121, 297, 303, 304, 305, 340
 Пелий 33, 253, 323
 пелионское копье 323
 Пелопонес 170
 Пенелей 72
 Пенелопа 87, 97, 100, 101, 104, 106, 107, 110, 112, 117—119, 126—129, 131, 132, 135, 147, 299, 306, 307, 340
 Пентесилея 155
 перекликающаяся композиция 67
 Пер-Ир 194, 195, 196
 Пер-Ирская битва 194
 период «темных веков» 324
- Перкота 186
 Перо 125, 126
 Перса 206, 313
 Персей 183
 персы 222
 Перуци, Э. 35
 «Песнь о Нибелунгах» 164
 «Песнь о Роланде» 164
 Песталотци, Г. 26
 Пилемен 70, 71
 Пилос 115, 117, 120, 169, 326
 Пилло 200
 Пиндар 20
 Пиритой 123
 Писистрат 16, 17, 215, 350
 «письмо Тавагалаваса» 184, 326
 Питекуса 230, 265, 276
 Паямарадус 178, 179, 185, 187, 326
 Пияма-Инарас 188
 Платон 10, 11
 Плеврон 328
 Плутарх 309, 324, 350
 позднебронзовая эпоха 324
 Полинник 148
 Полипойт 72
 Посейдон 50, 52, 58, 59, 61, 94, 142, 152, 157, 197, 200, 219, 231, 252
 «Посольство Агамемнона к Ахиллу» 19
 постмикенская эпоха 217
 «поток Океана» 314
 пра-Одиссея 18, 85
 пра-Илиада 18, 19
 правители Аххиявы 327
 предорийский мир 172
 Приам 35, 42, 43, 62, 65, 66, 67, 91, 93, 150, 151, 153, 156, 186, 192, 196, 197, 204, 209, 220, 222, 224, 280, 281, 301, 322
 Приамид 49, 51
 принцип круговой композиции 151, 153
 прооймион «каталога кораблей» 321
 Прокл 26
 Прокрида 123
 Прометей 313
 Протагор 11

Протесилай 71, 72, 259
Протей 93
протогеометрический период 277
протогеометрический стиль 278
Прэт 266
Псевдо-Плутарх 213
Пулидамас 39, 40, 45, 46, 56, 57, 58,
. 126, 146, 260, 336

Райнхардт, К. 24, 87
Рамзес II 165, 194
раннегреческая лирика 217
рапсодическая традиция 258
рапсоды 257
Рея 313
Рим 16, 221
Риндак 226
«родовой партикуляризм» 335
Родос 170, 215
Ромул 263
Ронсевальская битва 164
Руставели 209, 241
Рютер, Г. 121

Салапа 177
Сарды 186
Сарпедон 27, 29, 36, 51, 54, 55, 157,
284, 249
Саламин 13
Сахарный, Н. Л. 290
сванский язык 208
Сизиф 123
Симплегады 204
Сирия 181, 182, 266
Сицилия 13
Скамандрская долина 35
Скилла 199, 289
Скир 95
Скейские ворота 90
Скотт 283, 284, 286
слоговое письмо 325, 326
слоговые знаки 327
Смирна 186
Снелл, Б. 291, 292
Соколов, Ф. Ф. 18
Солимские горы 200
солимы 322

Солон 215, 350, 349
солоновский век 213
Софокл 126
союз Ашшува 189
союз троянцев 190
Спарта 59, 94, 115, 117, 120, 223,
224
Средиземное море 183, 200, 276
Средиземноморье 165, 199, 219, 221,
224, 263, 311, 339
средиземноморские цивилизации 200
Старр, Ч. Г. 163, 225
Стелла, Л. А. 87
стена ахейцев 23
Стенел 147
Стенфорд, У. Б. 113, 136
Стесихор 221
Стикс 100
«стоградный Крит» 162
Страбон 161, 173, 207, 210, 226
Стратановский, Г. А. 231
структурное деление 279
субординация 278
Суппилиумас I 177
Схерия 200

Тавагалавас 177
Тайлер, В. 23, 85, 138, 139
Тамирис Тракийский 320, 342, 343,
344
Тантал 123
Тартар 312, 313
Тезей 123
Тенхоскопия 41
Теламонид 54, 74, 78, 94, 302
Телемах 86, 87, 89, 94, 96, 97, 99,
100, 101, 103, 104, 105, 106, 108,
109, 110, 112, 113, 115, 116, 117,
118, 119, 120, 121, 125, 128, 132,
133, 134, 282, 306, 311, 336
Телемахия 85, 86, 96, 97, 100, 101,
114, 115, 116, 117, 120, 121, 122,
139
Телефид 95
«темные века» 275, 277, 332, 334,
335

- «Теогония» 206, 254
 теория многослойности 85
 «теория песен» 18
 «теория распространения» 18
 Терсит 155
 «Тесеида» 12, 15, 89
 Теспротида 85
 Тейфиса 313, 314, 315
 Тиамат 314, 315
 Тидей 253, 254, 298
 Тидид 94
 Тиресий 122, 123, 124, 126
 Тиринф 224
 Тиро 123, 206
 Тирсенийская земля 202
 Тита 210
 титанический 209
 титаны 313
 титаниды 313
 Титенос 209
 Титий 123, 312
 Тифон 196
 Тлеподем 34
 Торнтон, А. 92, 107, 125, 126
 Тренчени-Вальдафель, И. 38
 Троада 36, 52, 91, 94, 95, 162, 186,
 197, 219, 220, 221, 222, 224
 Тронский, И. М. 82, 236, 256, 264,
 Трос 196, 197, 281
 Троя 25, 28, 29, 33, 34, 35, 44, 51, 52,
 53, 55, 57, 59, 62, 63, 68, 73, 76,
 91, 93, 94, 95, 96, 97, 108, 112,
 122, 145, 155, 156, 157, 162, 163,
 164, 166, 167, 170, 183, 186, 189,
 191, 192, 195, 196, 197, 199, 203,
 215, 218, 219, 220, 221, 223, 224,
 225, 305, 323, 328, 335, 342, 346
 Троя I—V 191
 Троя II 191
 Троя VI 191, 192, 197
 Троя VIIa 164, 192, 196, 197
 Троя VII б¹ и б² 192
 Троянская война 14, 29, 30, 31, 32,
 33, 34, 35, 36, 37, 44, 52, 63, 65,
 90, 91, 97, 107, 121, 122, 141, 145,
 146, 158, 161, 162, 163, 164, 165,
 167, 169, 170, 176, 183, 187, 190,
 191, 192, 194, 195, 196, 197, 217,
 214, 216, 218, 220, 224, 253, 268,
 305, 317, 319, 323, 326, 328, 345,
 347
 троянское войско 61, 63
 троянские ворота 62
 троянские герои 32, 54, 56, 222
 троянская земля 36, 325
 троянское население 220, 221
 троянские правители 322
 троянские стены 197
 троянские сказания 31, 197, 322
 троянский союз 186, 187
 троянский цикл 35, 92, 93, 122, 166
 троянская эпоха 198
 троянцы 32, 36, 49, 50, 51, 52, 53,
 54, 56, 57, 59, 65, 66, 72, 83, 91,
 95, 126, 144, 148, 150, 157, 186, 190,
 219, 223, 280, 281, 298, 300, 301,
 304
 Тудхалиас IV 181, 182, 188, 190, 194,
 196, 223
 Угарит 196
 угаритский стих 229
 угаритская культура 162
 угаритская поэзия 165
 Уитман, Ч. 24, 40, 42, 43, 44, 63, 66,
 103
 унитаристы, унитаризм 18, 20, 22
 Уран 313, 314
 ураниды 313
 Урарту 339
 «устная поэзия» 293, 294
 Урушадзе, А. В. 206, 207
 Фалес 315
 Фасис 208
 феаки (феакийцы) 104, 122, 124, 148,
 150, 199, 203, 337, 341
 Феакия 87, 104, 105, 107
 Феано 212
 Феб 90, 167
 Федра 123
 Фемий 92, 97—100, 320, 341, 342, 346,
 347
 Феник, Б. 248

- Феникс 74—79, 251, 253, 280, 304, 321, 330, 332, 351
- Феоклимен 125, 126, 306
- Фессалия 170, 174, 207
- Фест 326
- Фетида 26, 27, 29, 30, 36, 43, 51, 55, 58, 60, 64—66, 94, 95, 313
- «Фиваида» 19
- фиванский цикл 122
- фиванцы 169
- Фивы 147, 148, 203, 261
- Фиест 323
- Фик 18
- филистимляне 189
- Филоктет 90, 92, 95, 96, 155, 157, 328
- Филотий 129
- финикийский алфавит 260, 262, 263
- финикийское письмо 264
- финикийцы 216, 217, 231, 262
- Финикия 261, 263
- Финли, М. И. 163, 164
- Фоант 206
- фонетическое письмо 324, 325, 327
- Форрер, Е. 176
- Фотий 304
- фракийские племена 221
- Фракийский Херсонес 205, 207
- Фракийское море 205
- фракийцы 186, 224
- фрако-фригийские племена 220, 223, 224
- Френкель, Г. 237, 292
- фригийские вожди 224
- фригийский союз 222
- фригийское царство 339
- фригийцы 186, 187, 222, 225, 226, 263, 322
- Фригия 225, 266
- Фридрих, В. Г.
- Фрикс 205, 207, 209
- Фринакия 199
- Фриск, Г. 310
- Фукидид 161, 166, 213
- Фуртхманн, Г. 218
- Фтия 174
- Хаитч, Е. 23, 82
- Хаксли, Дж. 189
- халибы 189
- хаос 312
- Харибда 199
- Хатти 194, 196, 336
- Хаттусас 188
- Хаттусилис III 181
- Хеттская империя 189, 190, 223, 224, 226
- хеттская культура 162
- хеттские документы 176, 215, 327
- хеттские источники 192, 194, 329, 336
- хетты 165, 177, 181, 182, 184, 189, 190, 191, 196, 223, 326
- Хиос 247
- Хирон 323
- Хлорида 123, 125
- Хойбек, А. 24, 37, 43, 124, 290
- Хриз 42, 44, 66, 67, 146, 151, 259, 297, 343
- Хрисеида 66, 292, 297
- хурритские племена 190
- «Царство теней» 85, 86, 87, 96, 97, 103, 107, 114, 122, 123, 124, 125
- Церетели, Г. 241
- Циклоп 289
- Циппасла 182
- Цицерон 16
- Черное море 201, 202, 204, 205, 207, 210
- черный понт 327
- Шадевальдт, В. 20, 21, 26, 28, 42, 60, 75, 86, 101, 113, 115, 121, 122, 135, 138, 300, 341
- Шантрен, П. 205, 310
- Шиллер, Фр. 18
- Шипп 290
- «широкоулицая Троя» 162
- Шлиманн, Г. 162, 191
- Шмидт, К. Е. 243
- Шталь, И. В. 290, 293, 294
- Эа 201, 202, 203, 207, 208, 209, 210
- Эвмей 87, 99, 149
- Эвней 206

- Эвмел 201, 215
 Эвпейт 336
 Эвпиф 105, 112
 Эвриал 104
 Эврит 320
 Эврибат 74
 Эвриклея 128, 129, 133
 Эвримах 87, 117, 127, 128, 133
 Эвримедон 136
 Эврином 135
 Эврипил 95, 96, 156, 157
 Эвстафий 135
 Эвфорб 55, 56, 259
 Эгенда 161, 162, 169, 174, 185, 190,
 197, 199, 209, 210, 274, 311, 323
 эгейская культура 323, 335
 эгейские племена 190
 Эгейский бассейн 169, 183, 233, 261
 эгейский стих 239
 эгейско-анатолийское племя 234
 Эгейское море 162, 170, 185, 196,
 204, 215
 эгноховы дочери 320
 Эгист 93, 94, 110, 111, 144, 146, 147
 Эдип 231, 232, 261
 Эйзенбергер, Г. 115, 218
 Эккерманн 21
 Эллада 171, 173, 174, 182
 Эллин 173, 183
 эллинистическая эпоха 15
 эллинские племена 183
 эллины 173, 174, 183, 197, 317, 320,
 324, 325
 Элленор 123, 124, 328
 Энеида 81
 Эней 55, 56, 57, 58, 61, 81, 82, 83,
 91, 156, 157, 158, 196, 219, 220,
 221, 222, 224, 249, 321, 322
 Энума Элиш 314, 315
 Эол 92, 173, 199
 эолийский диалект 271
 Эос 27, 95, 116, 155
 Эпикаста 123
 «эпический характер» 294, 296
 Эратосфен 209, 211
 Эрбзе, Г. 73, 125, 126, 130, 133, 135,
 162
 Эрннис 298
 Эрифила 123
 Эрихтоний 196
 Эрос 312, 313
 Эсхил 10, 126, 206
 Этеокл 232
 этеокипрский язык 325
 этеокритяне 175
 этолицы 330
 этоляне 330, 331
 этруски 263
 этрусская культура 339
 «Эфиопида» 27, 28, 29, 30, 155, 214
 Эфиопия 200
 Эфир 266
 Эхеней 148
 Эза 200, 203, 204
 Ээт 201, 202, 204, 205, 206, 207, 208,
 209
 ямбическая проза 230
 Ясон 204, 206
 Яхманн, Г. 23, 73

УКАЗАТЕЛЬ ПЕСЕН И СТРОК

«ИЛИАДА»

I песнь	стр.	404—409	92
		484—877	72
	19, 42, 43, 44, 48, 304,	484—493	347
	305	494	170
		530	172
строка:	стр.	594	320
1—5	33	595	342, 349
8	146	609	136, 251
17	259	683	174
17—32	67	684	174
104	256	688—689	332
115	292	698	259
242—243	33	721—725	90
258	336	830	259
278—279	170		
306—307	33	III песнь	стр.
458—468	67		41, 44, 62, 63, 301
478	341, 343		
594	344	строка	стр.
		172	307
II песнь	стр.	178	225
	42, 43, 44, 48, 51, 63,	182	186
	64	182—190	322
		186	224
строка	стр.	187	222
53	336	354	150
101	323	428	307
108	323		
130—131	186	IV песнь	стр.
155	144		58, 60, 223
190	305		
194	336	строка	стр.
284	305	25	60
377—380	72	60	60—61

163—164	91
240—249	286
242	286
344	336
378	253
400	298
408	147

V песнь	стр.
	58, 60, 61

строка	стр.

130—132	73
148—149	283
269	197
310	97
348	313
436—439	61
576—577	70
640	197
648	197
782	283
860—861	283
897—898	313

VI песнь	стр.
	41, 55, 57

строка	стр.

46	150
50	56
54	246
77	56
110—113	56
111	186
116	57
123—126	38
123—143	38
127	38
128	39
129	39, 72
130—131	39
132—139	39
139—140	39
141	39
142	39
143	39

145	322
145—211	322
168—169	266
184	200
264	301
326—331	57
326	301
344	307
349—351	300
357	321
361—362	301
407	57, 307
408	91
454	91
466—474	253
506—511	283
523—525	302

VII песнь	стр.
	19, 44, 51, 53, 54, 55,
	214

строка	стр.

67	302, 323
76—91	327
85—91	327
113—114	54
186	254
234	302
282	42
290—298	302
338	52
421—433	42
434—482	42
338	52
461	52
468	204

VIII песнь	стр.
	29, 41, 42, 44, 49, 50,
	51, 63, 97, 152

строка	стр.

5—27	50
78	246
80	27
161	302

256	283
335—349	50
343—345	50, 51
348	53
350—380	50
352—380	152
497	51
IX песнь	стр.
	41, 44, 47, 48, 49
строка	стр.
14—15	284
26	48
26—28	47
27—28	298
32	48
55—56	332
160—161	47, 298
168—170	74
182—198	73, 74
182—184	77
186	340, 343
190	344
192—193	77
193—198	78
202—204	78
223	78
263	97
352—353	331
356	304
395	174
447	174
477—478	311
529	330
550—552	331
581	253
650—655	49
669	74
673	79
X песнь	стр.
	41, 43, 46
XI песнь	стр.
	19, 20, 42, 44, 46, 48

строка	стр.
20	183, 325
46	254
329	259
432—434	299
548—555	284
632	216

XII песнь

строка	стр.
15	52, 220—221
61—79	45, 260
211—229	45, 260

XIII песнь	стр.
	46

строка	стр.
240	288
348	197
383—385	97
389—393	284
624—625	150
658	71
681	259
726—747	45, 260

XIV песнь	стр.
	47, 48, 49, 50, 51, 97

строка	стр.
33—76	152
56	52
65	298
68	52
74	48
83	48, 305
104—108	48
201	312
231	231
245—246	312
279	313
292—353	152
403—404	313
516	259

XV песнь	стр.	строка	стр.
	43, 44, 49, 51	5	90
строка	стр.	24	259
1—3	51	26	28, 30
14—77	152	35	27
49—77	51	52—64	56
57	156	95—96	56
63—64	71	96	27, 90
70—71	91	242	42
263—268	283	254	57, 146
704	71	254—283	45, 260
705	259	266	39
XVI песнь	стр.	266—283	39
	44, 47, 49, 54	267—268	39
строка	стр.	267—272	39
3—4	284	268—270	39
112	49	270—272	39
126—129	49	273	39
151	314	274—276	39
168	53	274—283	39
180	341	277—279	40
286	259	280—283	40
384	316	321	144
482—486	284	361	60
666—683	27	365—366	60
707	90	398	313
776	28	399	314
830—836	303	493	341
844	54	569	341
XVII песнь	стр.	607	314
	19, 44, 55, 57	XIX песнь	стр.
строка	стр.		42, 60, 298, 305
142	56, 323	строка	стр.
183—186	56	86—88	142, 146
188	57	263	97
275	246	XX песнь	стр.
384	80		60, 61
406	90	строка	стр.
657—664	284	7	314
XVIII песнь	стр.	30	145
	31, 39, 44, 55, 57, 58, 59, 60, 336		

131	315	411	256
200	196, 322	417	246
200—258	322	465	246
203—204	321	477	307
215	221		
302	220	XXIII песнь	стр.
306	91		19, 42, 43, 44, 63, 64
307—308	91		
445—448	61	строка	стр.
		58	42
XXI песнь	стр.	71—74	135
	19, 58, 59	104—110	303
строка	стр.	109—225	42
29—30	286	156—157	170
64	150	226—896	42
75	150	747	204
436—464	152	XXIV песнь	стр.
441	197		19, 42, 43, 44, 150
XXII песнь	стр.	строка	стр.
	44, 51, 62, 63	201—202	299
строка	стр.	205	216
1—2	286	463	336
22	304	521	216
41	204	553—570	67
66	213	553	209
104	146—148	643	139
356—360	90	675—676	67
378	28	720	341
408	288	725	91, 307
408—411	36	762	307
		790—803	67

«ОДИССЕЯ»

1 песнь	стр.	48	112
	18, 94, 99, 109, 153	81	106
		84	112
строка	стр.	84—86	120
7	105, 110, 121	85	112
21	121	86—87	116
27	115	95	119
32	144	147	105
32—34	143	153—155	99
42—48	101	253—305	116

277—278	117	V песнь	стр.
326	92, 117		18, 103, 105, 106, 108,
336—371	99		112, 116, 120, 153
337	306	строка	стр.
338	341	23—24	121
II песнь	стр.	30—31	116
	109, 117, 119	41—42	106
строка	стр.	47—49	107, 108
11	222	184	313
85	119	219—220	107
130	117, 119	220	92
139	117	232—235	284
157	101	282	200
196	117	VI песнь	стр.
196—197	117		18, 104
III песнь	стр.	строка	стр.
	94, 95, 304	102	341
строка	стр.	VII песнь	
48	311	строка	стр.
112	95	164—165	148, 149
141	96	324	312
188	95	VIII песнь	стр.
190	95		347
IV песнь	стр.	строка	стр.
	94, 95, 100, 101	74	341
строка	стр.	76	342
83	325	266—366	309
85	195	362...	325
129	101	487...	167
185	95	488	342
187	95	492	95
240	347	499	95, 341
241	95	500	342
266	95	521	344
294	139	IX песнь	стр.
296	139		18
335—350	284	строка	стр.
529—537	93	13	138
681..., 722...	306		

268	150	XIV песнь	
269—271	149	строка	стр.
X песнь		2—4	107
стрска	стр.	56—57	149
139	313	56—58	149
304—306	208	246	195
306	316	283—284	149
508...	314	XV песнь	стр.
XI песнь	стр.		19, 125, 126
	18, 93, 94, 108, 122, 126, 312, 344	XVI песнь	стр.
строка	стр.		104, 134
14—19	215	строка	стр.
147—149	136	252	100
225—330	122	281	133
254—259	206	286—294	133
281	125	296	18
329—384	123	412	100
368	342	418	306
409	93	424	336
488—491	137	XVII песнь	стр.
505	95		99, 105
519	95	строка	стр.
568—627	122		
576	312	31	101
582—593	81	68	101
XII песнь	стр.	101	306
	104	126—141	284
строка	стр.	163	306
40	44	433	325
44	344	508	306
59	202	514	344
183	344	521	344
		529	306
		544	306
XIII песнь	стр.	XVIII песнь	стр.
	18, 104, 130, 132, 133		254
строка	стр.	строка	стр.
397	129	67	129
430	129	158	126, 306

164	306	строка	стр.
184	306	306—334	103
251	306	317	110
254—283	126	330	99
271—274	127	347	340
275	131	350—353	99
281—283	127	357	100
354—355	133	367	100
XIX песнь	стр.	XXIII песнь	стр.
	127, 131, 133, 134, 306		19, 101, 103, 108, 109, 112, 114, 129, 132, 139
строка	стр.	строка	стр.
5—13	133	2—4	108
15	101	36	95
34	217	36...	323
37	127	40...	28
172	175	62	344
226	217	84	323
307	127	351...	316
353	101	425...	105, 112
379	129	426	112
XX песнь	стр.	XXIV песнь	
	126	строка	стр.
строка	стр.	443	112, 112—113
65	314	451	101
194	129	458	105
241—246	311	473...	113
276—278	127	473—478	113
XXI песнь	стр.	478	113
	128	481	113
строка	стр.	486	113
258	127	531	113
288—310	128	539	113
334	129	546—548	113
XXII песнь	стр.	635	139
	100, 101, 105		

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Единство гомеровского эпоса	7
Введение (9—21); Современное состояние исследования вопроса об единстве «Илиады» (22—24); «Илиада» и информация сказаний троянского цикла (25—37); Структурная симметрия «Илиады» (38—69); К интерпретации т. н. сомнительных частей «Илиады» (70—84); Новейшее состояние исследования вопроса об единстве «Одиссеи» (85—88); «Одиссея» и информация о Postiliaca (89—97); Закономерность экспонирования героев в «Одиссее» (98—101); Структурная симметрия «Одиссеи» и роль божественной воли в композиции поэмы (102—114); К интерпретации т. н. сомнительных частей «Одиссеи» (115—137); К взаимоотношению «Илиады» и «Одиссеи» (138—158).	
Гомеровский эпос и история	159
К постановке вопроса (161—168); Проблема ахейского объединения (169—185); Проблема троянского союза (186—190); Гомеровская Троя и датировка Троянской войны (191—198); География «Одиссеи» и проблема легендарной Эи (199—210);	
Формирование гомеровского эпоса	211
К вопросу о датировке гомеровских поэм (213—227); К структуре и генезису дактилического гексаметра (228—242); Теория устной поэзии (oral poetry) и гомеровский эпос (243—256); Гомеровский эпос и письменность (257—269); Заметки о языке и стиле гомеровского эпоса (270—290); К принципу индивидуализации героев в гомеровском эпосе (291—308); О богах в гомеровском эпосе (309—318); Источники гомеровского эпоса (319—333).	
Заключение	334
Литература	352
Список сокращений отдельных изданий	372
Указатель	373
Указатель песен и строк	386

Редактор издательства Б. А. Микадзе
Художник А. О. Бუაძე
Художественный редактор И. К. Чиквинидзе
Технический редактор И. В. Хуцишвили
Корректор Е. С. Сулханишвили

ИБ 48

Сдано в производство 14.06.77

Подписано в печать 14.09.78

УЭ 06756 Бумага № 1 60×90¹/₁₆

Усл. печ. л. 24,75

Учетно-издат. л. 25,22

Тираж 2000

Заказ 1222

Цена 2 р. 93 коп.

Издательство Тбилисского университета,
380028, Тбилиси, пр. И. Чавчавадзе, 14.
თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა,
380028, თბილისი, ი. ჭავჭავაძის პროსპექტი, 14.

Типография Тбилисского университета,
380028, Тбилиси, пр. И. Чавчавадзе, 1.
თბილისის უნივერსიტეტის სტამბა,
380028, თბილისი, ი. ჭავჭავაძის პროსპექტი, 1.